

ISSN 1563-0358; eISSN 2617-7161

Индекс 75881; 25881

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ҚазҰУ ХАБАРШЫСЫ

Экономика сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК КазНУ

Серия экономическая

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

THE JOURNAL

of Economic Research & Business Administration

№3 (129)

Алматы
«Қазақ университеті»
2019

ХАБАРШЫ

ЭКОНОМИКА СЕРИЯСЫ №3 (129) қыркүйек

04.05.2017 ж. Қазақстан Республикасының Ақпарат және коммуникация министрлігінде тіркелген

Куәлік № 165000-Ж

*Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады
(наурыз, маусым, қыркүйек, желтоқсан)*

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ

Темербулатова Ж.С., оқытушы (Қазақстан)
E-mail: t.zhansaya.s@mail.ru

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Сағиева Р.К., э.ғ.д., профессор – ғылыми редактор
(Қазақстан)

Тургинбаева А.Н., э.ғ.д., профессор – ғылыми
редактордың орынбасары (Қазақстан)

Мухамедиев Б.М., э.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Джумамбаев С.К., э.ғ.к., доцент (Қазақстан)

Жидебекқызы А., PhD (Қазақстан)

Зиядин С.Т., э.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Хитахунов А.А., PhD (Қазақстан)

Челетти Д., PhD (Италия)

Толуев Ю., т.ғ.д., профессор (Латвия, Германия)

Трифилова А., PhD (Ұлыбритания)

Яковлева Т., PhD (Норвегия)

Билан Ю., PhD (Чехия)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ

Ғалымқызы Г., оқытушы (Қазақстан)

Журналдың негізгі тақырыптары – экономика, халықаралық қатынастар, қоғамның дамуының қаржылық, экономикалық, әлеуметтік-экономикалық және іскерлік аспектілері.

Ғылыми басылымдар бөлімінің басшысы

Гульмира Шаққозова

Телефон: +7 747 125 6790

E-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

Редакторлары:

Гульмира Бекбердиева

Агила Хасанқызы

Компьютерде беттеген

Айгүл Алдашева

ИБ № 13127

Пішімі 60x84 1/8. Көлемі 19.3 б.т. Тапсырыс № 7028.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
«Қазақ университеті» баспа үйі.

050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.

«Қазақ университеті» баспа үйінің баспаханасында басылды.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2019

"За несоблюдение принципов научной этики статья "Нормативно-правовое регулирование энергосбережения и энергоэффективности: зарубежный опыт и казахстанская практика" авторов Товма Н.А., Глеппаева А.М., Зейнолла С. изъята из №5(117) 2016 года".

1-бөлім
**ЭКОНОМИКА САЛАЛАРЫНДА
ИННОВАЦИЯЛЫҚ ОРТА МЕН
ЦИФРАНДЫРУДЫ ҚАЛЫПТАСТЫРУ**

Section 1
**FORMATION OF AN INNOVATIVE
ENVIRONMENT AND DIGITALIZATION
IN ECONOMIC SECTORS**

Раздел 1
**ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ
СРЕДЫ И ЦИФРОВИЗАЦИИ
В СЕКТОРАХ ЭКОНОМИКИ**

Сансызбаева Г.Н.¹, Калыбекова Д.Б.²

¹д.э.н., профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: gns1981@mail.ru, ORCID 0000-0001-8081-5151

²докторант, Университет международного бизнеса, Казахстан, г. Алматы, e-mail: kaldiba77@mail.ru, ORCID 0000-0002-1422-9098

**АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА
НА ПРИМЕРЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

В данной статье рассматриваются и анализируются особенности применения экономических моделей цифровизации стран Евразийского Экономического Союза. Современное состояние экономики невозможно представить без информационных технологий и цифрового пространства. Особенно это влияние ощущается с появлением интернета, мобильной связи, социальных сетей, которые постоянно пополняются новыми инструментами. Страны СНГ объединены не только геополитически, но и имеют мирохозяйственные связи, наиболее значительным из которых стал ЕврАзЭС (Евразийское экономическое сообщество), который преобразован в ЕАЭС (Евразийский экономический союз). Евразийское пространство включает с своем составе наибольшую часть территории бывшего СССР, в котором сосредоточены минеральные ресурсы, представленные в таблице Менделеева. ЕАЭС объединяет страны, имеющие одинаковый уровень развития экономики, общую транспортно-логистическую систему и общие границы. Помимо этого, они находятся на «Великом Шелковом пути», что определяет единство их экономических и политических целей, а также имеет целью создание единого цифрового пространства.

В соответствии с вышесказанным, целью исследования является аналитическая оценка модели развития цифрового пространства ЕАЭС для развития экономики и науки.

Научная значимость исследования заключается в анализе деятельности стран, объединенных в единый экономический союз в эпоху цифровизации и информатизации.

Ключевые слова: анализ, модель, оценка, союз, цифровое пространство, интернет.

Sansyzbayeva G.N.¹, Kalybekova D.B.²

¹Doctor of Economic Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: gns1981@mail.ru, ORCID 0000-0001-8081-5151

²doctoral student, University of International Business, Kazakhstan, Almaty, e-mail: kaldiba77@mail.ru, ORCID 0000-0002-1422-9098

**Analysis and evaluation of economic models of use and development
of digital space on the example of the Eurasian Economic Union (EAEU)**

This article discusses and analyzes the features of the application of economic models of digitalization of the countries of the Eurasian Economic Union. The current state of economies cannot be imagined without information technology and digital space. Especially this influence is felt with the advent of the Internet, mobile communications, social networks, which are constantly updated with new tools. The CIS countries are united not only geopolitically, but also have world economic relations, the most significant of which was the EurAsEC (Eurasian Economic Community), which was transformed into the EEU (Eurasian Economic Union). The Eurasian space includes, with its composition, the largest part of the territory of the former USSR, in which the mineral resources presented in the Periodic Table are concentrated. The EAEU brings together countries with the same level of economic development, a common transport and logistics system and common borders. In addition, they are on the "Great Silk Road", which determines the unity of their economic and political goals, and also aims to create a single digital space.

In accordance with the foregoing, the purpose of the study is an analytical assessment of the development model of the digital space of the EAEU for the development of the economy and science.

The scientific significance of the study lies in the analysis of the activities of countries united in a single economic union in the era of digitalization and informatization.

Key words: analysis, model, evaluation, union, digital space, internet.

JEL Classification: O14

Сансызбаева Г.Н.¹, Калыбекова Д.Б.²

¹э.ғ.д., профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: gns1981@mail.ru, ORCID 0000-0001-8081-5151

²докторант, Халықаралық бизнес университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: kaldiba77@mail.ru, ORCID 0000-0002-1422-9098

Еуразиялық экономикалық одақ (ЕАЭО) мысалында цифрлық кеңістікті пайдаланудың және дамытудың экономикалық модельдерін талдау және бағалау

Бұл мақалада Еуразиялық Экономикалық Одақ елдерінде цифрландырудың экономикалық үлгілерін қолдану ерекшеліктері қарастырылып, талқыланады. Экономиканың қазіргі жай-күйі ақпараттық технология мен цифрлық кеңістіксіз елестету мүмкін емес. Бұл әсіресе жаңа құралдармен үнемі жаңарып келе жатқан интернет, ұялы байланыс, әлеуметтік желілер пайда болуымен сезіледі. ТМД елдері геосаяси жағынана ғана емес, сондай-ақ әлемдік экономикалық қатынастар арқылы да байланыста, олардың ішіндегі ең маңыздысы Еуразиялық экономикалық одақ (ЕАЭО) болып өзгертілді. Еуразиялық кеңістік, оның құрамымен, бұрынғы КСРО аумағының ең үлкен бөлігі, онда Менделеев кестесімен ұсынылған минералдық ресурстар шоғырланған. ЕАЭО экономикалық дамуы, ортақ көліктік-логистикалық жүйесі және жалпы шекаралары бар елдерді біріктіреді. Бұдан басқа, олар «Ұлы Жібек жолы», олардың экономикалық және саяси мақсаттарының бірлігін анықтайды, сондай-ақ бірыңғай сандық кеңістік құруды көздейді.

Жоғарыда айтылғандарға сәйкес, зерттеудің мақсаты – экономика мен ғылымды дамыту үшін ЕАЭО цифрлық кеңістігінің даму моделін талдамалық бағалауды қамтамасыз ету.

Зерттеудің ғылыми маңыздылығы цифрлау мен ақпараттандыру дәуірінде бірыңғай экономикалық одақта біріккен елдердің қызметін талдаудан тұрады.

Түйін сөздер: талдау, модель, бағалау, бірлік, сандық кеңістік, интернет.

Введение

Тема исследования определена вследствие недостаточного освещения данных анализа и оценки моделей развития цифрового пространства Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Проблема состоит в том, что процесс цифровизации и информатизации начался сравнительно недавно и все еще в стадии внедрения. Это связано с разным уровнем цифровизации стран-участниц ЕАЭС, вызванным неодинаковыми финансовыми и техническими возможностями государств.

Модели цифрового пространства других союзов государств, среди которых можно выделить Европейский Союз (ЕС) как наиболее развитый, не представлены в официальной литературе, так как данные вопросы находятся в компетенции Европарламента и решаются в штатном режиме. Страны ЕС имеют, в основном, одинаковый уровень развития, при этом наиболее подвинутые страны, такие как Германия, Франция и Италия, являются локомотивами для всех остальных. Проблема цифровизации по определению считается обязательной для стран ЕС в связи с тем, что Евросоюз функционирует более 60 лет и многие вопросы унифицированы.

Актуальность темы исследования обусловлена недостаточной освещенностью данных ана-

лиза и оценки цифровизации и информатизации евразийского экономического пространства и его влияния на динамичное развитие экономики региона.

Продвинутую экономику невозможно представить без цифровых и информационных технологий и техники, которые используются не только государственными органами и компаниями, но и населением. Возможности цифровизации облегчают обслуживание и информирование, в том числе с помощью интернета, мобильной связи, социальных сетей, которые постоянно совершенствуются и обновляются.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что экономическая модель цифровизации и информатизации может стать фактором социально-экономического развития ЕАЭС и стран, входящих в состав участников этого союза.

Обзор литературы

Основоположники макроэкономики, в числе которых наиболее значительными по праву считаются Адам Смит, Давид Рикардо, ученые-экономисты XX века Дж.М. Кейнс, лауреаты Нобелевской премии Фридрих Хайек, Людвиг Мизес, а также теоретики-экономисты, конца XX и начала XXI веков Й.Шумпетер, Дж.Е.Стиглиц, Пол Кольер, Пол Кругман и другие, отмечали

нестабильный характер развития рыночной экономики или капитализма (Шумпетер, 2011: 355-400).

Подтверждением этих утверждений являются кризисы, наиболее значительной из которых в XX веке считается «Великая депрессия», продолжавшаяся примерно 10 лет между двумя мировыми войнами с 1929 года по 1939 год. С 1927 года Хайек и Мизес основали Австрийский институт экономических исследований, в ходе деятельности которого при изучении колебания уровня деловой активности они предсказали наступление «Великой депрессии» за месяц до её начала (Хайек, 2019). Влияние великой депрессии затронуло практически весь мир и только начавшаяся Вторая мировая война положила конец этому кризису, так как началась гонка вооружения, обеспечившая занятость и возрождение экономики многих стран.

Еще до Второй мировой войны в 1936 г. Дж.М. Кейнс в своей работе «Общая теория занятости, процента и денег» выдвигал идею Объединенной Европы с единой валютой, так как считал объединение государств спасением рыночной экономики. В послевоенный период идеи Дж. М. Кейнса развились далее в области теории экономического роста и циклического развития экономики, а также в создании Бреттон-Вудской системы, Международного валютного фонда в 1944-1946 годы.

Одним из первых объединений стран стал созданный в 1949 году в Москве Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), объединивший 10 стран социалистического блока, хотя его деятельность активизировалась в 1960 году и продолжалась до 1991 года (Dragomir, 2015: 355-379).

Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), в которое входили практически все европейские государства, и функционировавшее с 1957 по 1993 год. В это же время был создан «Общий рынок», объединивший в 1957 году 6 ведущих государств Европы, в том числе Германию, Францию, Италию и страны Бенилюкс), явился продолжением «Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), в который входили эти же страны (Baldwin, 2004: 313-326).

После 1993 года ЕЭС был преобразован в Европейский союз (ЕС), который в 2002 году перешел на единую валюту Евро, обрел новых членов из числа бывших социалистических стран и республик бывшего СССР, но испытал несколько кризисов за последние годы. Одним из таких кризисных явлений стал Брексит, объявленный Англией в 2016 году.

Помимо европейских объединений стран существует несколько региональных союзов, в числе которых:

- Андское сообщество (Comunidad Andina, CAN);

- Европейская экономическая зона (European Economic Area, ЕЕА), объединяющая ЕС, Норвегию, Исландию и Лихтенштейн;

- Общий рынок Карибского сообщества (Caribbean Community single market, CARICOM);

- Центральноамериканский общий рынок как торгово-экономический союз стран Центральной Америки;

- Южноамериканский общий рынок как экономический союз стран Латинской Америки;

- Единое экономическое пространство Беларуси, Казахстана, России, Армении, Киргизии.

Таким образом, экономическая интеграция и объединение стран осуществляется, главным образом, по геополитическому признаку и имеющимся мирохозяйственным связям (Rietveld, 2012: 150-166).

Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) было создано как объединение независимых государств (Беларуса, Казахстана, России, Таджикистана, Киргизии) и действовало в период 2001–2014 годы. После упразднения ЕврАзЭС в 2014 году его правопреемником стал Евразийский экономический союз (ЕАЭС), членами которого с января 2015 года стали Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия. Приграничное сотрудничество государств дает возможность для развития стран-участниц, так как происходит обмен технологиями, экспорт-импорт без таможенных барьеров и возможность миграции и занятости населения (Спанов, 2018: 127-138.).

Единственным неудобством в ЕАЭС является обширная территория, так как, учитывая расстояния между основными экономическими центрами, транспортные расходы будут выше, что влияет на торговые потоки. Этот фактор может несколько затруднить положительный эффект устранения тарифных барьеров в торговле и повышения мобильности рабочей силы, и потребует усилий по упрощению трансграничной торговли и улучшению транспортной инфраструктуры (Blockmans, 2014: 4-5).

Страны, участвующие в ЕАЭС, имеют устойчивые мирохозяйственные страны, общее историческое прошлое и примерно одинаковый уровень развития (Mamlyuk, 2015: 137). Развитие информационных технологий и техники последних лет стало быстро использоваться странами

не только в макроэкономике, но и на микроуровне и населением. На государственном уровне решаются вопросы цифровизации и информатизации жизни для ускорения и развития многих процессов и видов деятельности.

Цифровизация и информатизация современной жизни начались в XX веке, главным образом, в конце XX и начале XXI веков (Shpak, 2017: 98-100). Появление интернета, компьютерной и мобильной техники, технологий и приложений для ноутбуков, андроидов и смартфонов дало толчок для развития новых видов услуг, в числе которых интернет-банкинг, государственный сервис и прочие услуги (Check Point, 2017).

Особенно заметно влияние цифровизации и информатизации на сферу услуг, финансовую и научную деятельность, а также космическую и производственную отрасли (Diaz-Rainey, 2012: 51–72).

Объединение стран в развитии цифровых и информационных технологий, развитии техники, науки и образования, имеющих целью развивать конкурентоспособность, занятость и повышение благосостояния, может принести положительный результат в случае соблюдения приоритетов и правильных целей (Ефременко, 2018: 160-176).

Методология

Так как целью исследования является анализ и оценка экономических моделей использования и развития цифрового пространства на примере Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС), соответственно, основными методами стали анализ и оценка в различных вариациях. То есть, при проведении исследования применялись анализ и синтез, статистика, методы оценки, на основе которых были сделаны выводы и предложены рекомендации.

Гипотеза исследования, предполагающая моделирование экономики на основе цифровизации и информатизации, дает возможность определить основные факторы социально-экономического развития ЕАЭС и стран-участниц.

Экономический союз или объединение стран уже состоялось и успешно развивается, вследствие чего осуществляются правительственные и межправительственные программы цифровизации и информатизации.

Наиболее приемлемыми для анализа и оценки моделей цифровизации являются рекомендации Всемирного банка, которые были пред-

ставлены в 2016 году и названы «Цифровые дивиденды», так как показывает социально-экономический эффект цифровизации (World Bank, 2016). К таким дивидендам относятся цифровые (информатизация) и аналоговые показатели (деловая среда, нормативы, человеческий капитал). Методика, таким образом, основана на анализе и оценке таких компонентов цифрового пространства, как базис развития цифрового пространства, степень развитости цифровизации в бизнесе и государственном секторе, а также влияние цифровизации на социальную сферу и экономику (благосостояние, занятость, качество, рост экономики).

Уровень цифровизации анализируется и оценивается в государственном и частном секторах, включая бизнес-структуры, в том числе внедрение новых моделей бизнес-процессов, доступность и качество новых методов и услуг.

Практическим результатом использования данной методики является анализ уровня цифровизации в России, проведенный в 2017 году Всемирным банком совместно с Институтом развития информационного общества (World Bank, 2018: 15-145).

Результаты и обсуждение

ЕАЭС включает в своем составе достаточно развитые страны в плане техники, науки, образования и экономики, поэтому переход от социализма к рыночной экономике прошел успешно в короткие сроки. Развитие информационных технологий, продолжающееся последние 15-20 лет, дало толчок созданию новых высокотехнологичных экономических моделей, о которых нельзя было подумать еще несколько лет назад.

Цифровая трансформация ЕАЭС включает в своем составе несколько площадок с применением цифровых и информатизационных технологий, в числе которых (Официальный интернет-ресурс Евразийского экономического союза):

– Площадка по инициативе «Интеграция В2В» торговых площадок стран ЕАЭС;

– Площадка по инициативе «Создание цифровой системы технологического развития ТЭК ЕАЭС» в целях обеспечения безопасности общего рынка нефти, газа и нефтепродуктов стран-членов;

– Разработка концепции экосистемы цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза;

– Разработка моделей регулирования трансграничного оборота данных;

– Разработка модели цифровой экосистемы для обеспечения трудоустройства и занятости граждан государств-членов Евразийского экономического союза;

– Система регулятивных «песочниц» Евразийского экономического союза;

– Создание экосистемы цифровой промышленной кооперации ЕАЭС;

– Функционирование и развитие системы прослеживаемости (в том числе идентификации).

Действующая при ЕАЭС Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) завершила разработку концепции создания экосистемы цифровых транспортных коридоров (ЭЦТК). Суть представленной концепции заключается в использовании открытой экосистемы транспортно-логистических информационных сервисов, которые должны обеспечить взаимовыгодное сотрудничество участников грузоперевозок, в том числе транзитных, на территории ЕАЭС и в третьих странах. При использовании данной системы предполагается сокращение административных издержек в моделях управления, основанных на цифровых технологиях и инновационных методах организации.

Определенные разработки рассматриваются ЕЭК по проблемам регулирования криптовалют и блокчейн в Евразийском экономическом союзе, так как они являются атрибутами новой экономики и имеют хождение на евразийском пространстве с декабря 2017 года.

Основные процессы в рамках Евразийского экономического союза также регулируются и сгруппированы по областям охвата. Они представляют собой комплексы информационных, научно-методических и правовых материалов, описывающих процессы межгосударственного информационного взаимодействия в рамках ЕАЭС. Область охвата представляет собой совокупность интеллектуальных, макроэкономических и технологических ресурсов государств-участников ЕАЭС, регулируемых действующим правом.

Перечень общих процессов в рамках Евразийского экономического союза утвержден решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 14 апреля 2015 г. № 29 и включает 75 процессов. Основные группы процессов объединены в следующем порядке, как представлено в таблице 1:

Таблица 1 – Основные модели общих процессов ЕАЭС

№	Основные группы процессов	Общие процессы:	Процессы
	Обеспечение электронного документооборота	Общих процессов: 1	1-10
	Промышленность и агропромышленный комплекс	Общих процессов: 1	1-10
	Экономика и финансовая политика	Общих процессов: 8 Утверждено: 3	21-23, 49-53
	Таможенное сотрудничество	Общих процессов: 22 Утверждено: 15	1-20, 25, 54
	Техническое регулирование	Общих процессов: 28 Утверждено: 13	26-48, 56-61
	Конкуренция и антимонопольное регулирование	Общих процессов: 2	62-63
	Торговля	Общих процессов: 15 Утверждено: 4	12, 24, 64-75
	Энергетика и инфраструктура	Общих процессов: 1 Утверждено: 1	46

Примечание – составлено авторами по источнику Официальный интернет-ресурс Евразийского экономического союза, <https://eomi.eaunion.org/ru>

Обеспечение электронного документооборота представляет собой обмен данными при регулировании внешней торговли и оборота между странами внутри ЕАЭС, в том числе при осуществлении таможенных процедур (Официальный интернет-ресурс Евразийского экономического союза). В данную модель входят разработка и использование единых или унифицированных информационных ресурсов для гар-

монизации деятельности таможенных органов стран, входящих в ЕАЭС, создание и использование информационно-справочных материалов и баз данных пунктов прохождения через внешние границы ЕАЭС и другие процессы.

Эти же процессы присутствуют в группах «Промышленность и агропромышленный комплекс» и «Таможенное сотрудничество», которые имеют общие базы данных в электронном

документообороте. Использование единых баз и унификация таможенных процедур осуществляется для снижения таможенного бремени на предприятия стран-участниц ЕАЭС и облегчения процесса прохождения таможенной границы.

Раздел «Экономика и финансовая политика» использует 15 процессов, в числе которых представлен общий таможенный реестр по объектам интеллектуальной собственности стран-членов Союза, процессы регистрации, правовой охраны и использования товарных знаков, мест происхождения товара в странах ЕАЭС и остальном мире. В части финансовой политики регламентированы базы данных по суммам зачисленных и распределенных ввозных таможенных пошлин, об объемах продаж-покупок валютных средств, поступающих на банковские счета, о лицензиях на ведение банковской, валютной, страховой и финансовой деятельности, а также баз данных и системы обмена данными о действующих биржах и эмитентах в странах-членах ЕАЭС.

Раздел «Таможенное сотрудничество» направлен на создание унифицированных классификаторов для заполнения таможенных деклараций и единого реестра уполномоченных экономических операторов, формирование системы обмена электронными версиями документов и сведений между органами таможенного контроля стран-членов и другим аналогичным вопросам.

В разделе «Энергетика и инфраструктура» используется только 46 процесс «Информационное обеспечение транспортного (автомобильного) контроля на внешней границе ЕАЭС».

Торговля имеет в своем составе несколько процессов, в число которых входят 12, 24 и 64-75 процессы, предусматривающие сертификацию товаров, использование в электронной версии Единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД) Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Единого таможенного тарифа (ЕТТ).

Особое внимание уделено перемещению и внутреннему транзиту гражданского и служебного оружия, осуществляемых на территории ЕАЭС, так как это касается вопросов безопасности и защиты интересов всех стран-участниц ЕАЭС. Такое же внимание уделяется вопросу формирования реестра высокочастотных устройств и радиоэлектронных средств, разрешенных для ввоза на территорию союза и стран-участниц ЕАЭС.

Процессы предусматривают создание в электронном виде перечня продуктов, к которым, при торговле с третьими странами, могут быть применены меры нетарифного регулирования. К мерам нетарифного регулирования относятся антидемпинговые и компенсационные пошлины, санитарные и фитосанитарные нормы, разрешенные ВТО (ГАТТ), ЮНКТАД, Всемирным банком (МБРР) и Международным валютным фондом (МВФ). Коллегией Евразийской экономической комиссии 21 апреля 2015 года было принято решение №30 «О Мерах нетарифного регулирования» в отношении третьих стран. В приложении к решению представлены товары, по отношению к которым применяются меры нетарифного регулирования на ввоз и вывоз, а также нотификации.

В рамках ЕАЭС разработан Единый реестр нотификаций о характеристиках шифровальных (криптографических) средств и товаров, их содержащих, который принят по вышеуказанному Решению Коллегии ЕЭК. В данную категорию товаров, подлежащих нотификации, входят также товары, содержащие озоноразрушающие вещества, опасные отходы, наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры.

Обмен информацией предполагает электронный документооборот по вопросам лицензирования, маркировке, реестре идентификационных знаков и их эмитентах. Обязательным для стран-участниц ЕАЭС является обмен данными по зачисленным и распределенным суммам специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, с формированием единой базы данных.

В разделе Конкуренция и антикоррупционное регулирование всего 2 общих процесса, в числе которых 62 и 63, в рамках которых рассматривается вопрос обмена документами и сведениями между ЕЭК и странами ЕАЭС по соблюдению правил о конкуренции, цифровой подписи и госзакупках.

Раздел «Техническое регулирование» предусматривает информационное обеспечение в сфере обращения лекарственных средств и медицинских изделий, представленных 9 процессами, и информационное обеспечение процессов регулирования и контроля производства и обращения сельскохозяйственной продукции. Данный раздел имеет в своем составе 26-39 процессы, основная суть которых заключается в создании и использовании общего реестра лекарственных, медицинских и фармацевтических продуктов для предотвращения их фальсифика-

ции и незаконного оборота внутри Союза. Также в этом разделе рассматриваются вопросы создания реестра организаций, изготавливающих транспортные средства, самоходные машины и другие виды техники, и осуществляющих их паспортизацию.

В этом же разделе «Техническое регулирование» отражается информационное обеспечение применения ветеринарно-санитарных мер в процессах 40-45, 48 и 56-57. Суть процессов состоит в создании баз данных по ветеринарным вопросам, заболеваниям животных, санитарным нормам, лекарственным формам для животных, сертификации животных или продуктов животного происхождения. Данный раздел предусмотрен для предотвращения эпидемий и их последствий для государств ЕАЭС, так как распространение эпидемий опасно для здоровья людей и животного мира.

Тема санитарно-эпидемиологического регулирования продуктов животного происхождения продолжается в разделе «Информационное обеспечение применения санитарных мер», отражаемое в процессах 58-59, и «Информационное обеспечение применения карантинных фитосанитарных мер» – в процессах 60-61. Указанные процессы предусматривают обмен информацией о принятых медико-санитарных мерах, карантинных объектах и фитосанитарных мерах, принятых на территории ЕАЭС. Также данные процессы регулируют вопросы фитосанитарной сертификации и принятых мерах по карантину и обезвреживанию продукции.

К списку общих процессов представляется Евразийская Открытая Модель Информационной Интеграции, которая является формализованным описанием общих процессов в рамках ЕАЭС, предоставляющим унифицированный подход к построению общих процессов и поддержанию их в актуальном состоянии.

Модель предусматривает комплексное описание общих процессов в рамках ЕАЭС для синхронизации деятельности среди стран-участниц этих процессов. Инструментами являются средства анализа модели, которые используются в соответствии с применяемыми методами, методическими рекомендациями и техническими требованиями к проектированию и описанию общих процессов.

ЕАЭС имеет репозиторий или Единое хранилище моделей и документов, а также интерактивная модель 3D для представления модели общих процессов. Помимо представленных

моделей в рамках ЕАЭС используется много инноваций, на основании которых определяется межстрановой анализ эффективности инновационной деятельности (Курманов, 2018: 35-51).

Глобальный инновационный индекс используется для определения потенциала роста на макроуровне для оценки и анализа слабых и сильных сторон ЕАЭС и стран-членов. Основной проблемой в ЕАЭС является недостаточный спрос на инновации и неадекватная оценка их стоимости. Многие отечественные разработчики мигрируют в развитые страны, где могут получить больший доход от продажи или внедрения и использования своих разработок.

В ЕАЭС на законодательном уровне решается вопрос внедрения системы «единого окна» во внешнеэкономической деятельности (ВЭД), которая уже работает в Армении, Казахстане и Кыргызстане. Недостатками действующих систем Единого окна являются слабая координация между участниками процесса, требования по сохранению документов на бумажных носителях вместе с электронными версиями. Препятствуют внедрению единого окна также различный уровень автоматизации в странах-участницах ЕАЭС, недостаточное межведомственное взаимодействие, отсутствие заинтересованности участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД) и другие недоработки (Секербаева, 2018). Однако, несмотря на имеющиеся недостатки, Россия и Беларусь также собираются внедрить систему Единого окна.

В современных условиях назрела необходимость в организации информационного взаимодействия в ЕАЭС, которое воплощено в Интегрированной информационной системе. Данная система предназначена для обеспечения межгосударственного и межведомственного обмена данными и электронными документами в рамках ЕАЭС, создания общих информационных ресурсов, реализации общих процессов и работы органов ЕАЭС.

Интегрированная информационная система (ИИС) по своей сути является платформой для создания цифрового пространства ЕАЭС, так как является интеграционным сегментом ЕЭК и национальных сегментов, действующих через защищенные каналы передачи данных. ИИС предполагает создание системы межведомственного взаимодействия между уполномоченными органами при участии доверенной третьей стороны посредством интеграционной платформы и интеграционных шлюзов (рису-

нок 1). Интеграционный шлюз подходит также к portalу Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) для координации и сохранения баз данных.

Коммуникационная и вычислительная инфраструктура, представленная на рисунке 1, объединяет четыре страны-участницы ЕАЭС в еди-

ную синхронизированную систему электронного документооборота с защитой и сохранением информации. Сохранение и безопасность информации, на сегодняшний момент, являются наиважнейшими задачами данной системы, так как потеря или уничтожение информации могут привести к сбою работы всех процессов.

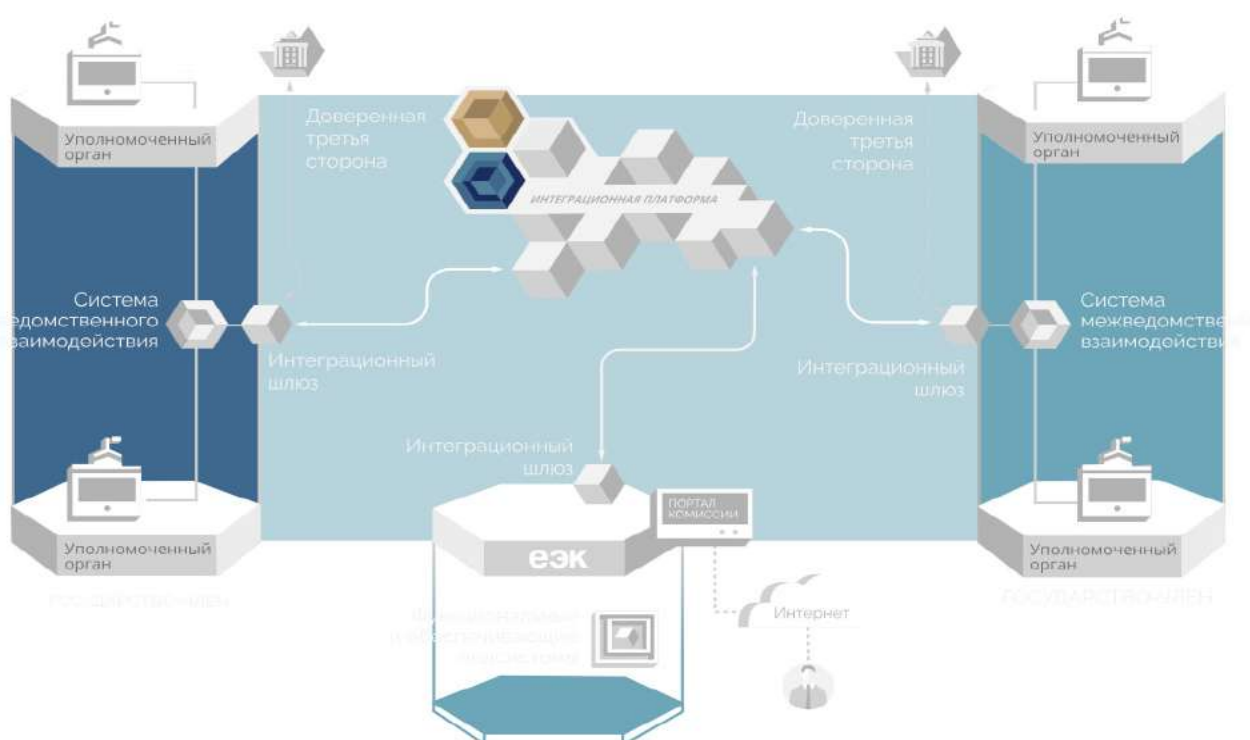

Рисунок 1 – Коммуникационная и вычислительная инфраструктура. Интегрированная информационная система
Источник – Официальный интернет-ресурс Евразийского экономического союза, <https://eomi.eaeunion.org/ru>

Общая архитектура цифрового пространства ЕАЭС, созданная на основе совокупности иерархической и сетевой моделей, реализует прикладные задачи централизованных подсистем, которые выполняют важные процедуры.

Математическое моделирование и прогнозирование также присутствуют в цифровых технологиях представления информации, которая принципиально отличается от ее представления в аналоговых устройствах (Козырев, 2018).

Понятия "цифровая экономика" и "цифровое пространство" подчеркивают цифровой способ передачи информации, который, в отличие от аналогового, передается с абсолютной точностью. Модели в цифровой экономике представляют собой модели межотраслевого баланса и общего равновесия, в которых переменные показывают «знания» или «информацию», отражающие существующую реальность. Эффек-

тивность цифровой экономики зависит от увеличения числа связей, определяемых по формуле (1):

$$v = \frac{n(n-1)}{2} \quad (1)$$

где, n – число участников сети.

Эффект возрастает в определенной прогрессии в зависимости от числа возможных связей, поэтому чем больше сеть, тем выше эффективность (Козырев, 2018). К тому же увеличение сети ведет к снижению соотношения разных видов транзакционных издержек, что приводит к изменениям в бизнес-моделях. Сокращение издержек при поиске информации и заключении контрактов приводит к трансформации бизнеса в медиапространство, увеличению производительности и снижению изменения транзакционных издержек.

В настоящее время увеличиваются возможности союза государств для использования различных инструментов, в том числе математические методы и модели для передачи и сбора информации.

Таким образом, создание единого цифрового пространства позволяет осуществлять мгновенный обмен данными с соответствующей системой защиты для предотвращения кибер-атак и несанкционированного проникновения извне.

Заключение

Цель исследования, определенная как проведение анализа и оценки моделей развития цифрового пространства в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), показывает достаточную развитость экономик стран-участниц в области цифровизации и моделировании процессов организации и управления.

Современные разработки в области цифровизации и информатизации широко используются не только в организации деятельности ЕАЭС, но и в странах, объединенных в этом союзе.

Создание цифрового пространства ЕАЭС является основной задачей современности, так как способствует цифровизации и информатизации в государствах-членах ЕАЭС.

Системы Единого окна могут стать базовыми элементами при создании цифровых торговых платформ для обеспечения непрерывного торгового процесса и «бесшовных» экономических процессов.

Для успешного внедрения и развития Интегрированной информационной системы как

цифровой платформы ЕАЭС следует довести уровень цифровизации и информатизации в государствах-членах ЕАЭС до одинакового уровня, для чего необходимо усовершенствовать систему Единого окна и объединить информационные ресурсы государств-членов ЕАЭС.

Действующие модели экономических процессов регламентированы и могут быть расширены при изменении техники и технологий, что требует скорейшего создания цифрового пространства ЕАЭС. Промедление при внедрении Интегрированной информационной системы повышает риск потери экономических выгод и снижает конкурентоспособности стран-участниц ЕАЭС.

Возможности цифровизации и информатизации облегчают работу и обслуживание стран, компаний и населения. Важным аспектом функционирования Интегрированной информационной системы ЕАЭС является обеспечение кибербезопасности и сохранности данных, так как от этого зависит работа всех участников процесса, как стран, так и компаний и индивидуальных предпринимателей.

Возможности использования результатов представленного исследования перспективны при изучении тенденций развития цифровизации и его влияния на экономику стран-участниц и органов ЕАЭС.

Гипотеза исследования ставит новые вопросы, которые могут быть исследованы в других аспектах развития цифрового пространства ЕАЭС и требуют продолжения рассмотрения поставленных вопросов.

Литература

- Baldwin R., Wyplosz C. The European Monetary System // *The Economics of European Integration*. – London, New York, Madrid, Milan: McGraw-Hill. – 2004, pp. 313-326.
- Blockmans S., Kostanyan H., Vorobiov I. Towards a Eurasian Economic Union: The challenge of integration and unity / CEPS Special Report. – CEPS. – 2012, pp. 4-5.
- Check Point <https://www.checkpoint.com/threatcloud-central/downloads/check-point-himan-malware-analysis.pdf>. – 2017
- Diaz-Rainey I., Ibikunle G. A taxonomy of the ‘dark side’ of financial innovation: the cases of high frequency trading and exchange traded funds // *Int J Entrep Innov Manag*. – 2012. – vol. 16(1–2), pp. 51-72.
- Dragomir E. The creation of the Council for Mutual Economic Assistance as seen from the Romanian archives // *Historical Research*. – 2015. – vol. 88, pp. 355-379, doi: 10.1111/1468-2281.12083
- Mamlyuk B.N. Russia and Regional Trade Integration in a Historical Perspective: A Response to William E. Butler // *Memphis Law Review*. – 2015. – vol. 36.
- Rietveld P. Barrier Effects of Borders: Implications for Border-Crossing Infrastructures // *EJTIR*. – 2012. – № 12(2), pp. 150–166.
- Shpak V. State Digital Economic Development System // *Electronics: Science, Technology, Business*. – 2017. – vol. 2 (162), pp. 98-100.
- World Bank. Russia Digital Economy Report: Competing in the Digital Age: Policy Implications for the Russian Federation. – 2018, 150 p.
- World Bank. World Development Report: Digital Dividends. – Washington, DC: World Bank. – 2016, 330 p. <http://doi:10.1596/978-1-4648-0671-1>

Ефременко Д.В., Подберезкина О.А., Шаронова В.Г. Плоды сопряжения. Шансы и риски гармонизации «Шелкового пути» и евразийской интеграции // *Международные процессы*. – 2018. – Т. 16. – № 1, С. 160-176.

Козырев А.Н. Математические модели и прогнозирование в цифровой экономике. – 2018, <https://medium.com/cemi-ras/8b4a25f4767a>.

Курманов Н.А., Токсанова А.Н., Мухамеджанова А.А., Сырлыбаева Н.Ш., Петрова М.М. Анализ эффективности инновационной деятельности в странах Евразийского экономического союза // *Вестник КазНУ*. – 2018. – №4 (126), С. 35-51.

Официальный интернет-ресурс Евразийского экономического союза, <https://eomi.eaeunion.org/ru/#/repository/processes/line-activities>.

Официальный интернет-ресурс Евразийской экономической комиссии. Правовой портал, <https://eomi.eaeunion.org/ru/#/>, 2019.

Секербаева Д. Результаты анализа текущего состояния развития механизма «единого окна» в государствах-членах ЕАЭС // *Международный семинар «Развитие взаимодействия механизмов “единого окна”»*, http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/edinoe_okno/ 2018.

Спанов М.У., Арбашиева А.Д. Қазақстанның ЕАЭО елдерімен шекаралық ынтымақтастығының шекара маңындағы аймақтардың экономикалық дамуындағы рөлі // *ҚазҰУ Хабаршысы. Экономика сериясы*. – 2018. – № 4 (126), Б. 127-138.

Хайек Ф.А. Глава четыре. Людвиг фон Мизес / *Собрание сочинений*. Т. 4. Судьбы либерализма, www.libertarium.ru/14168.

Шумпетер Й. Глава 10. Джон Мейнард Кейнс / *Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса*. – М.: Институт Гайдара, 2011, С. 355-400.

References

Baldwin R., Wyplosz C. (2004) *The European Monetary System. The Economics of European Integration*, London, New York, Madrid, Milan: McGraw-Hill, pp. 313-326.

Blockmans S., Kostanyan H., Vorobiov I. (2012) *Towards a Eurasian Economic Union: The challenge of integration and unity*. CEPS Special Report, CEPS, pp. 4-5.

Check Point (2017) <https://www.checkpoint.com/threatcloud-central/downloads/check-point-himan-malware-analysis.pdf>.

Diaz-Rainey I., Ibikunle G. (2012) A taxonomy of the ‘dark side’ of financial innovation: the cases of high frequency trading and exchange traded funds. *Int J Entrep Innov Manag*, vol. 16(1–2), pp. 51-72.

Dragomir E. (2015) The creation of the Council for Mutual Economic Assistance as seen from the Romanian archives. *Historical Research*, vol. 88, pp. 355-379, doi: 10.1111/1468-2281.12083

Efremenko D.V., Podberzina O.A., Sharonova V.G. (2018) Plody soprjzhenija. Shansy i riski garmonizacii «Shelkovogo puti» i evrazijskoj integracii [The fruits of pairing. Chances and risks of harmonization of the Silk Road and Eurasian integration]. *Mezhdunarodnye processy*, vol. 16, № 1, pp. 160-176.

Hajek F.A. (2019) Glava chetyre. Ljudvig fon Mizes [Chapter four. Ludwig von Mises]. *Sobranie sochinenij*, vol. 4. Sud’by liberalizma, www.libertarium.ru/14168

Kozyrev A.N. (2018) Matematicheskie modeli i prognozirovanie v cifrovoj jekonomike [Mathematical Models and Forecasting in the Digital Economy], <https://medium.com/cemi-ras/8b4a25f4767a>.

Kurmanov N.A., Toksanova A.N., Muhamedzhanova A.A., Syrlybaeva N.Sh., Petrova M.M. (2018) Analiz jeffektivnosti innovacionnoj dejatel’nosti v stranah Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza [Analysis of the effectiveness of innovation in the countries of the Eurasian Economic Union]. *The Journal of Economic Research & Business Administration*, № 4(126), pp. 35-51.

Mamlyuk B.N. (2015) *Russia and Regional Trade Integration in a Historical Perspective: A Response to William E. Butler*. *Memphis Law Review*, vol. 36.

Oficial’nyj internet-resurs Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza [The official Internet resource of the Eurasian Economic Union] (2019) <https://eomi.eaeunion.org/ru/#/repository/processes/line-activities>

Oficial’nyj internet-resurs Evrazijskoj jekonomicheskoy komissii. Pravovoj portal [Official Internet resource of the Eurasian Economic Commission. Legal Portal] (2019) <https://eomi.eaeunion.org>

Rietveld P. (2012) Barrier Effects of Borders: Implications for Border-Crossing Infrastructures. *EJTIR*, № 12(2), pp. 150-166.

Sekerbaeva D. (2018) Rezul’taty analiza tekushhego sostojanija razvitija mehanizma «edinogo okna» v gosudarstvach-chlenah EAES [The results of the analysis of the current state of the development of the Single Window mechanism in the EAEU Member States]. *Mezhdunarodnyj seminar «Razvitie vzaimodejstviya mehanizmov “edinogo okna”»*, http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/edinoe_okno/

Shpak V. (2017) *State Digital Economic Development System*. *Electronics: Science, Technology, Business*, No. 2(162), pp. 98-100.

Shumpeter J. (2011) Glava 10. Dzhon Mejnard Kejns [Chapter 10. John Maynard Keynes]. *Desjat’ velikih jekonomistov ot Marksa do Kejnса*. М.: Institut Gajdara, pp. 355-400.

Spanov M.U., Arbashieva A.D. (2018) Qazaqstanniñ EAÉO elderimen shekaralıq intımaqtastıgınıñ shekara mañındağı aymaqtardıñ ékonomikalıq damındağı rölі [Role of Kazakhstan’s frontier cooperation with the EAEU countries in the economic development of frontier zones]. *The Journal of Economic Research & Business Administration*, № 4(126), pp. 127-138.

World Bank (2016) *World Development Report: Digital Dividends*. Washington, DC: World Bank, 330 p. <http://doi:10.1596/978-1-4648-0671-1>

World Bank (2018) *Russia Digital Economy Report: Competing in the Digital Age: Policy Implications for the Russian Federation*, 158 p.

Sitenko D.A.¹, Yessengeldin B.S.²

¹PhD, professor, Buketov Karaganda State University, Kazakhstan, Karaganda, e-mail: daesha@list.ru

²doctor of economic sciences, professor, Kazakh University of Economics,
Finance and International Trade, Kazakhstan, Nur-Sultan, e-mail: yessen_baur@inbox.ru

**THE ESTIMATION OF EFFICIENCY
OF THE UNIVERSITY INNOVATION ACTIVITY:
SYSTEMS OF INDICATORS AND BIBLIOMETRIC APPROACH**

The development of new forms of science and innovation at universities, as well as the interaction of higher education institutions with regional participants of the innovation system raises the question of evaluating the effectiveness of innovation as an independent phenomenon. Correct assessment of innovation activity helps the university to determine its strategic advantages, which is necessary in today's conditions of tough competition, uncertainty of the external environment, the lack of all types of resources, globalization of education. The authors examined the differences in interpretations of the concepts of "effect" and "efficiency" in relation to the innovation activities of the university. The authors analyzed the methodological approaches to the integrated assessment of the innovation activities of the university, presented in modern studies on this topic. The authors paid attention to approaches based on the integral index of innovation activity, as well as measurements of various types of actions within the framework of innovation activity. Among the main groups of indicators, research productivity, research quality, academic results, etc. are highlighted. The authors also pay attention to alternative approaches to assessing innovation, including the bibliometric (scientometric) approach. This approach has been rapidly developing in recent decades and is actively used in the compilation of various university rankings. The authors have shown the main advantages of the bibliometric approach, as well as the possibilities of its use for evaluating the scientific activities of both the individual scientist and the university as a whole.

Key words: university, innovation, efficiency, assessment, bibliometric approach.

Ситенко Д.А.¹, Есенгельдин Б.С.²

¹PhD, профессор, Е.А. Бөкетов атындағы ҚарМУ,
Қазақстан, Қарағанды қ., e-mail: daesha@list.ru

²э.ғ.д., профессор, Қазақ экономика, қаржы және халықаралық сауда университеті,
Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ., e-mail: yessen_baur@inbox.ru

**Университеттің инновациялық қызметінің тиімділігін бағалау:
көрсеткіштер жүйесі және библиометриялық тәсіл**

Университеттерде ғылыми және инновациялық қызметтің жаңа нысандарын дамыту, сондай-ақ жоғары оқу орындарының инновациялық жүйесінің аймақтық қатысушыларымен өзара іс-қимылы инновациялық қызметтің тиімділігін дербес құбылыс ретінде бағалау туралы мәселе қояды. Инновациялық қызметті дұрыс бағалау жоғары оқу орнының өзінің стратегиялық артықшылықтарын анықтауына ықпал етеді, бұл қазіргі заманғы қатаң бәсекелестік, сыртқы ортаның белгісіздігі, ресурстардың барлық түрлерінің тапшылығы, білім берудің жаһандануы жағдайында қажетті болып табылады. Авторлар университеттің инновациялық қызметіне қатысты «әсер» және «тиімділік» ұғымдарының түсіндірмелеріндегі айырмашылықтарды қарастырған. Авторлар осы тақырып бойынша заманауи зерттеулерде ұсынылған жоғары оқу орындарының инновациялық қызметін кешенді бағалаудың әдіснамалық тәсілдерін талдады. Авторлар инновациялық қызметтің интегралдық индексі негізіндегі тәсілдерге, сондай-ақ инновациялық қызмет шеңберінде белсенділіктің бірқатар түрлерін өлшеуге назар аударды. Индикаторлардың негізгі топтарының арасында зерттеу қызметінің өнімділігі, зерттеу сапасы, академиялық нәтижелер және тағы басқалар анықталды. Сондай-ақ, авторлар инновациялық қызметті бағалаудың баламалы тәсілдеріне, олардың ішінде библиометриялық (саентометриялық) тәсілге назар аударады. Бұл тәсіл соңғы онжылдықта қарқынды дамыды және жоғары оқу орындарының әртүрлі рейтингтерін құрастыруда белсенді қолданылады. Авторлармен библиометриялық тәсілдің негізгі артықшылықтары, сондай-ақ оны жеке ғалымның да, жалпы университеттің де ғылыми қызметін бағалау үшін пайдалану мүмкіндіктері көрсетілген.

Түйін сөздер: университет, инновациялық қызмет, тиімділік, бағалау, библиометриялық тәсіл.

Ситенко Д.А.¹, Есенгельдин Б.С.²

¹PhD, профессор, КарГУ имени Е.А. Букетова,
Казахстан, г. Караганда, e-mail: daesha@list.ru

²д.э.н., профессор, Казахский университет экономики, финансов и
международной торговли, Казахстан, г. Нур-Султан, e-mail: yessen_baur@inbox.ru

Оценка эффективности инновационной деятельности университета: системы показателей и библиометрический подход

Развитие в университетах новых форм научной и инновационной деятельности, а также взаимодействие высших учебных заведений с региональными участниками инновационной системы ставят вопрос об оценке эффективности инновационной деятельности как самостоятельного явления. Правильная оценка инновационной деятельности способствует определению вузом своих стратегических преимуществ, что является необходимым в современных условиях жесткой конкуренции, неопределенности внешнего окружения, дефицита всех видов ресурсов, глобализации образования. Авторами рассмотрены различия в трактовках понятий «эффект» и «эффективность» применительно к инновационной деятельности университета. Авторами проанализированы методологические подходы к комплексной оценке инновационной деятельности вуза, представленные в современных исследованиях по данной тематике. Авторами уделено внимание подходам на основе интегрального индекса инновационной деятельности, а также измерений различных видов активности в рамках инновационной деятельности. Среди основных групп индикаторов выделены продуктивность исследовательской деятельности, качество исследований, академические результаты и др. Также авторы уделяют внимание альтернативным подходам оценки инновационной деятельности, среди которых библиометрический (саентометрический) подход. Данный подход получил стремительное развитие в последние десятилетия и активно применяется в составлении различных рейтингов вузов. Авторами показаны основные преимущества библиометрического подхода, а также возможности его использования для оценки научной деятельности как отдельного ученого, так и университета в целом.

Ключевые слова: университет, инновационная деятельность, эффективность, оценка, библиометрический подход.

Introduction

The course on the development of an innovative economy in the republic sets new challenges for higher education institutions. Among them, the most important are the development of research and innovation activities, involvement in the economic and social processes of the region, as well as the commercialization and implementation of scientific research (Turginbayeva, 2018).

The intensive development of science and technology in recent years has led to a tremendous increase in the investment of material and non-material resources for the development of innovative structures in various sectors of the economy. The universities that play a crucial role in the development of national and regional innovation systems and the creation of qualitatively new products and technologies did not remain aloof from this trend.

Along with the development of innovation, at present, universities have begun to pay significant attention to issues such as the effectiveness of innovation processes, the quality of the results and effects, as well as the problem of evaluating the effectiveness of any type of activity. The latter problem is of particular relevance at the present stage

of development of higher education in the face of fierce competition, the uncertainty of the external environment, the shortage of all types of resources, and the globalization of business. Therefore, higher education institutions are faced with the task of not only activating, but also increasing the effectiveness of research and innovation.

In this connection, the question of what is meant by the notions of “effect” and “effectiveness” of scientific innovation activity is a crucial one.

In the article, the object of the research is the approaches to the evaluation of research and innovation activities of the university. The aim of the study is to identify the features of various assessment approaches for their use in the practice of domestic universities. We used such research methods as analysis, synthesis, comparative approach, dialectical-logical approach, deduction, study and analysis of domestic and international experience.

Methodology

The works of scientists and economists of CIS and foreign countries on the issues of innovation activity efficiency became the theoretical and methodological basis of this article. As a methodological

base of the research methods of systemic, functional and statistical analysis were used. The information base of the study was domestic and foreign methodical reference materials, official information of the QS World University Rankings, Academic Ranking of World Universities, data published in the materials of the periodical press. To assess the effectiveness of innovative activity of the university a systematic approach was used.

The article uses the theory of the “triple helix”, created in England and Holland at the beginning of the XXI century by the professor of the University of Newcastle Henry Itzkowitz and the professor of the University of Amsterdam Loiet Leydesdorf. The triple helix symbolizes the union between government, business and university, which are key elements of the innovation system of any country. The “triple helix” model shows the inclusion of certain institutions in the interaction at each stage of creating an innovative product.

A bibliometric approach is also used, which is based on the application of mathematical and statistical methods to the study of books, periodicals and other publications. Within the framework of the approach, methods of quantitative analysis of bibliographic characteristics of documents that provide the basis for their qualitative assessment are used.

The article provides a comparative analysis of traditional systems of indicators and a bibliometric approach for assessing scientific activity. Authors used the methodological publications of the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD), the methodological notes for the Science and Engineering Indicators yearbook published by National Science Foundation (USA) as well as h-index measurement methodology.

Literature review

In the process of research, scientific works of foreign scientists on the problems of efficiency of higher education innovation activity were considered: Hirsch J. E., Chu Ng Y., & Li S.K., Johnes G. & Johnes J., Larionova F.F. et al, Kabakova Ye.A. and others.

In his work Hirsch (2005) offered the h-index for quantifying a scientist’s publication productivity based of several scholar indices. Johnes G. & Johnes J. (2009) examined the possibility of measuring efficiency in the context of higher education. Their works explored the advantages and drawbacks of the various methods for measuring efficiency in the

higher education context including innovation and research activity. On the example of English universities he showed opportunities of measuring technique known as data envelopment analysis (DEA). In their turn, Chu Ng Y., & Li S.K. examined the efficiency in research of higher education institutions in China using indicators of nonparametric estimation technique.

Russian scientists Larionova F.F. et al (2011), Kabakova Ye.A. (2014) tried to compose the combination of quantitative indicators which can fully characterize the research activity of the higher educational institution. In their research they compared different sets of indicators which can characterize both research inputs and outputs.

Various aspects of the problems of enhancing the university innovation activity were considered by Kazakh scientists: Sabden O.S., Dnishev F.M., Kenzheguzin M.B., Alzhanova F.G., etc. Sabden (2007) reviewed the main directions for assessing the country’s innovative development, including evaluations of the science and innovation complex. Dnishev (2001) substantiates the main strategies for the development of the country’s scientific potential in the transition to an innovative economy. Kenzheguzin *et al* (2005) considered the peculiarities of the development of higher educational institutions of the Republic of Kazakhstan in a market economy, their ability to integrate into the innovation processes of the economy. The role of higher educational institutions in regional innovations processes on the example of Kazakhstan universities is described in work by Sitenko & Yessengldina (2018).

Issues of effect and effectiveness are discussed in McMillan et al (2006); Gafforova et al (2014). In their works, they substantiated the application of the concept of effectiveness to the scientific work of higher educational institutions.

However, this topic has not found complete coverage in the context of modern realities and is at the stage of searching for conceptual solutions. Analysis of approaches to the assessment of university innovation is an important task for the development of a knowledge-based economy in the republic. A review of the literature revealed a lack of knowledge about the application of various approaches to the assessment of the innovation activity of universities, as well as its components. In this regard, the purpose of the article was to identify the features of various methods for assessing the results of innovation activity, including the relatively new bibliometric approach.

Results and discussion

Assessment of efficiency of innovation activity of the university is a necessary element of the whole system of management of innovation activity of the organization. Without a clear understanding of the results of scientific and innovative work of all departments of the university, it is impossible to adopt managerial decisions and implement the strategic and tactical planning. This issue is important now especially because of developing different types of universities like entrepreneurial university, engaged university and others (Tayauova & Bektas, 2018).

To assess the effectiveness of research and innovation activities of the university it is necessary to define what is meant by the terms “effect” and “efficiency” in relation to the innovation activity of the university.

According to scientists (McMillan et al, 2006; Gafforova et al, 2014) in the evaluation of innovation activities of the university two aspects can be distinguished:

- if we talk about the efficiency of management of scientific and innovation activity, then it is advisable to consider effectiveness as the degree of achievement of the objectives.
- if we talk about the efficiency of the results which, in particular, are products of innovation activities, it is advisable to consider efficiency from the standpoint of the relationship of the result (effect) to the cost.

In the traditional point of view, the meaning of “efficiency” is that the whole process of functioning of any entity shall be conducted with the least cost or greatest effectiveness (performance). Material, labor, information and other resources must be transformed into goods and services. The university, organizing its innovation activity, provides this transformation not only with benefit for the consumer, but also for itself.

The economic effect refers to the difference between the results of economic activity and their costs. It is obvious that to change the value of effect it is necessary to influence the factors determining it. However, various results of activities do not always provide the economic effect. Traditionally, management practices distinguish between these types of effect as economic, social and socio-economic. In relation to research and innovation activities in the modern research along with the traditional, there are also additional types of the effects. First and foremost, this is a commercial effect obtained by the participants in the innovation

process when using the results of research and innovation activities. Also of great importance scientific and technical effect, which is expressed in possibility of use of results of performed studies in other research and development activities and obtaining information needed to create new products. Innovations may also have environmental effect – the impact of the result (product of activities) on the environment (noise, electromagnetic field, lighting (visual comfort), vibration, etc).

Regarding innovation activity of the university, it can be noted that its results are products that are created during certain processes of university activity and necessary for certain stakeholders (the state, educational activity of the university, etc.). During the use of innovative products stakeholders receive different types of effects mentioned above.

In practice the university faces with the challenge of improving the efficiency of research and innovation activity. Thus, according to popular belief, efficiency, in contrast to the effect, defined as the relative value is equal to the ratio of the result, purpose or result (effect) to inputs that lead to this result (Glass et al, 1995). In turn, the effectiveness of innovation activity of the university can be considered within a single concept of “efficiency”, implying a degree of achievement of objectives in the field of science and innovation. This should be taken into account as the obtained results characterize the achievement of the goals and the spent resources.

Based on this, efficiency of innovation activity of the university can be considered as the ratio between of the results of scientific innovation that characterizes the degree of achievement of the goal of creating of scientific and innovation products to meet the requirements of stakeholders and cumulative resources used for that (Gafforova et al, 2014).

Definition of the terms of effect and effectiveness of IA is the basis for the analysis and choice of methodology for assessing the effectiveness of IA as a key component in the management of IA of the university.

Currently, the literature presents different methods of complex estimation of innovation activity of the university. So, researchers (Grebeniuk et al, 2012; Sychev, 2012) developed the methodology, which includes 4 interrelated stages:

Stage I – definition, classification and grouping of indicators to assess the innovation activity of the university;

Stage II – comparative analysis of innovation activity of the university;

Stage III – definition of tendencies of development of innovation activity of the university;

Stage IV- a comprehensive assessment of the innovation activity of the university.

The first stage of evaluation of the university IA includes the grouping of evaluation indicators of innovation activity in three areas: statistical study of innovation activity, learning innovation and educational activity, stimulating the development of innovation. The second stage includes use of the method of T. L. Saaty (Saaty, 2013) and scale of desirability by E. Harrington (Harrington, 1965) for the comparative analysis of indicators of innovation activity of universities. The analytic hierarchy process by T. L. Saaty allows to make the ranking of indicators of innovation activity of universities, and along with the Harrington’s scales of desirability establishes the correspondence between the physical and the psychological parameters of innovation activity of the university. For ranking indicators in selected areas of research a pass grade is provided (in the range from 0 to 1) on the rating scales presented for each indicator of innovation activity (table 1).

Table 1 – The standard mark on the scale of desirability by E. Harrington

Desirability	Mark on the scale of desirability
Very good	1.00-0.80
Good	0.80-0.63
Satisfactory	0.63-0.37
Poor	0.37-0.20
Very poor	0.20-0.00

The indicators of innovation activity are evaluated in the third stage according to the formula:

$$K_i = a_i * A_i \quad (1)$$

where

K_i – evaluation of the i-th measure of innovation activities of the university;

a_i – the priority of the i-th index by T. L. Saaty;

A_i – scoring of the i-th indicator on the scale of desirability by E. Harrington.

The developed method simplifies the process of evaluation of innovation activities of the university and provides an objective view of the situation, as this assessment provides for the identification

of a sufficiently large number of quantitative and qualitative indicators.

Then, the integral index of innovation activity of the university is calculated, taking into account the importance of each direction according to the formula:

$$I = \sum_{j=1}^n K_i \times a_j \quad (2)$$

where

I – integral index of innovation activity of the University;

K_i – evaluation of the i-th measure of innovation activity of the university in the framework of the innovation project;

a_j – the priority of the j-th directions of innovation activity of the university.

The resulting value of the integrated assessment allows you to judge the condition of innovation activities of the university. For the criteria of integral evaluation a scale of table 9 can be used. State of innovation is determined absolutely from very poor to very good.

The poor state of innovation activity of the university (0-0,37) is characterized by the following indicators: low performance in the creation of innovations determine the inability of the university to participate in the innovation cycle; training for innovation activities is at a low level, educational activity does not promote innovation. Strategy of development of innovation of that university should pay attention to the educational component of its work, which includes: training, retraining and skills upgrading of scientific-pedagogical staff; creation of centres for postgraduate education, research labs, sessions on innovation activities of the science sector on the basis of innovative enterprises; increasing qualification of the university teaching staff.

To improve the performance of innovation, it is necessary to plan a new cycle of improving in other indicators. It is necessary to consider that the university must set goals that can be realistically achieved, i.e. in the beginning it is better to focus not on the best indicators of innovation activities of the university but on its average level.

Satisfactory state of innovation activity (0,37 – 0,63) is characterized as follows: working towards the creation of innovations is conducted at the secondary level; training for innovation activities carried out in the statistical average indicators; educational activity, stimulating the development of innovations, is carried out at a very high level as it has not a significant impact on the level of assessment. Planning the innovation activity of such

university, it is reasonable to redistribute efforts to the process of creating innovations, as it will most effectively strengthen the innovative component of the university's activity.

Good and very good states of innovation activity (0,63 – 1,0) are characterized as follows: high level of activity in creation of innovations, respectively, and there are intense processes of learning of innovation activities and as a consequence consistently high level of educational activity, which stimulates the development of innovation.

The strategic task of such universities is to hold leading positions in the industry of the country and

perhaps in the world. Perhaps these universities should be attributed to the leading ones with the opportunities of creation on the base of them the centres of development of innovation branches of the national economy.

Another approach for measurement of innovation activity of university was made by Larionova (2011). The researcher, based on a comparative analysis of methodological approaches to assessing the results of innovation and research activities of universities from different countries, proposed the following system of indicators (table 2).

Table 2 – Indicators of basic measurements of innovation activity of universities

Indicator	Description
1	2
Productivity (effectiveness) of research activity	
Publications and other results	Number
Number of publications (and other results) per researcher	Equivalent of a full-time researcher («academic researcher»)
Quality and academic result	
Number and percentage of publications in highly-cited journals	Number of publications, impact factor
Citation	Citation indexes (Web of Science, Scopus, Google Scholar)
Reports at national and international conferences	Number of reports
Number of prestigious awards	Number of prestigious national and international awards in total or per researcher
Temporary international «appointments»	The number of positions held temporarily in other academic (non-academic) institutions (organizations)
Participation in editorial and expert councils of national and international journals	Number of positions held temporarily in the editorial councils and expert councils of national and international journals
Innovative and social achievements	
Income from research	External attracted funding
Percentage of grants received	Indicator of income from research
Employment of defended graduate and doctoral students	Indicator of contribution to the formation of labor market quality
Recognition of the user	Orders, contracts for various activity
Level of income per equivalent of one full-time researcher	The indicator provides an opportunity for interuniversity comparison
Commercialization of Intellectual Property	Indicator of income from patents, licenses and new businesses
Percentage of financing from contracts	Measure of profitability of recognition
Stability and scale	
The number of graduate and doctoral students	The ratio of the number of graduate and doctoral students to the equivalent of a full-time researcher
Inclusion of young researchers in teams	Number or percentage of young researchers included in projects and teams
Number of partnerships	Number of partnerships with national and international universities (from abroad) and organizations

Indicator	Description
1	2
Number of dissertations	Number of defended works
Research Infrastructure	
Research activity of academic staff	The number of active researchers in the total number of academic workers. It is determined through the establishment of a number of performance indicators
Percentage of academic staff involved in research activity to the total number of academic staff	Ratio of academic staff involved in research activity and total number of academic staff
Total investment in research and development	The volume of total investment in research and development, from all sources, including salaries and additions
Research infrastructure	Number of laboratories, books and electronic resources, their level of accessibility
Research Ethics	Processes providing promotion and use of ethical principles in research practice
Note – adapted from (Larionova, 2011)	

Today bibliometric (scientometric) approach to the study of efficiency of scientific activity becomes more and more popular among the scientific community. It appeared in the 60-70 years of XX century, however, began to be actively used only in the 90s of the last century. The popularity of this method began to grow due to the creation of a database of citations of scientific papers – the Science Citation Index (SCI) in the 1970s. (Okubo, 1997). The development of the global information and communication technologies also gave the impetus for the development of this method of assessment of scientific activity. National Science Foundation (the United States) included bibliometric indices for measuring the growth of science into its first Science & Engineering Indicators issue in 1972. OECD in 1989 added a chapter of the Frascati Manual supplement to the higher education sector with bibliometrics, confirming its status in science analysis. However, it took several more years for bibliometric indices to be accepted by the scientific community around the world. Countries such as Australia (1990), Canada (1991), Japan (1991), following the example of the United States, began to include bibliometric indices in Statistical yearbooks on Science and Technology. Also, a number of journals (Research Policy, Scientometrics, Research Evaluation and etc.) began to include articles using the bibliometric methods.

The term «bibliometrics» is more general and means a method for quantitative studies of documentary flows. As for the term «scientometrics», it is used to denote the applied research stream of scientific information taking

into account its specificity. Despite the different definitions in literature, the researchers (Van Raan, 2005; Marshakova-Shaikevich, 2013; Gordukalova, 2014) agree that the terms «bibliometrics» and «scientometrics» largely mean the same. Thus, later in the article named concepts are treated as identical.

Scientometrics annually develops and tests in practice a large number of indicators that can be used to assess scientific performance. The results of the evaluation depend on how indicators are used and for what purpose.

Indicators conventionally are divided into three main groups:

- indicators based on the number of publications;
- indicators based on the number of citations;
- indicators based on the number of citations and number of publications.

The most generalized indices are based on the number of publications is the total number of publications of a researcher or organization that can be extracted from bibliographic databases and shows the number of works that went into a database of appropriate information retrieval system. Often they take into account the number of publications in international databases Scopus and Thomson Reuter.

Currently the leading scientometric indicator based on the number of citations is citation index. It is a total number of references to the number of works of the author in scientific publications. Citation index shows:

- the degree of the relevance and importance of the studies for those areas of knowledge in which specific scientists or research teams work;

– high citation index to a certain extent serves as the official recognition of a particular academic research community and confirmation of its priority;

– availability of scientists in scientific and educational organizations with a high index indicates a high efficiency and effectiveness of the organization as a whole (Kabakova, 2014).

The citation index is calculated within the specific database, which may be national or international one.

The indicators based on the number of citations and number of publications include the h-index and its modifications. However, the key indicator is the classical h-index, developed by J. Hirsch in 2005. The index is denoted by h and is calculated by the most databases. According to J. Hirsch, the index is more preferable than such criteria as the number of works divided by the total number of citations or the number of citations per one paper. According to the definition of h-index, a scholar with an index of h has published h papers each of which has been cited in other papers at least h times (Hirsch, 2005).

The h-index allows to take into account not only the number of publications of a particular author, but it also shows the demand for them from the scientific community. Thus, the index indicates the balance between the number of publications and number of citations received by each publication (Kabakova, 2014).

The citation indexes as main indicators of efficiency of innovation activity of universities are included in the criteria for the various international University rankings.

Thus, the methodology of the ranking of the best universities in the world QS World University Rankings includes the assessment by six criteria, one of which is the citation index, which is used to assess the research and innovation activity of the university. Its weight in the overall assessment of the institution is 20%.

This criterion includes the number of citations of published research on the number of teachers and researchers working at academia as the primary place of work for at least one semester. From 2004 to 2007 the citation was calculated based on the database of Thomson, since 2007 – based on the bibliometric database Scopus by Elsevier. Index takes into the account published in the last five years the materials, excluding self-citation.

In 2015 citation index was optimized. This was due to the introduction of system that balances the performance of different scientific disciplines.

The citation index has been considered in the framework of the specific groups of scientific fields: Arts and Humanities; social Sciences, including management; Natural Sciences; Technical Sciences and Engineering; Life Sciences. This adjustment made it possible to more accurately correlate the indicators of various fields of knowledge.

Citation indexes are also used in the ranking ARWU – Academic Ranking of World Universities, known as «Shanghai». This rating takes citation into account not only in the rating methodology, but also in the selection of universities. The certain university has the right to take part in the ranking if it has among the staff of the university the scientists with high citation index according to Thomson Reuters database.

20% of the methodology of a rating is an indicator of the number of highly cited scientists, which is determined in accordance with the Essential Science Indicators (ESI) database from Thomson Reuters. Such indicators are separately considered:

– PUB – the total number of citations of the organization within Web of Science Core Collection (only «Science Citation Index-Expanded» and «Social Sciences Citation Index» databases(20%);

– N&S – the number of articles published in the journals «Nature» and «Science» by the authors from the university staff (20%).

Unlike the indicators of the QS, the ARWU measures absolute citation indexes and the publication activity of universities. The large and old universities have advantage in this ranking, because they have a large number of publications and citations.

In general, systems of indicators and bibliometric indices have many common features. First of all, both of them are quantitative indicators based on primary data of scientific activity (for example, number of publications, patents or citations). Secondly, they estimate the results of scientific activity and measure the productivity of research.

They can be used both separately and together. This is confirmed by the experience of the OECD, which publishes the Frascati manual, a document devoted to the methodology of science and innovation statistics. Also, a comprehensive methodology combining traditional indicators and bibliometric indices is used in the yearbook Science and Engineering Indicators published by National Science Foundation, USA.

The distinguishing features of the two approaches are presented in the table below.

Table 3 – Comparative analysis of approaches to the assessment of scientific activity

System of indicators	Bibliometric approach
Includes various indicators based different calculation methods	Includes standardized indicators based a single calculation method
The value of the indicator depends on the primary data	The value of the indicator depends on the database used
It is used more often for an estimation of scientific activity of the organizations / institutes	It is used more often for an estimation of scientific activity of individual researchers
The indicators are calculated for a certain period / for a certain date.	The indicator can be calculated at any time
Access to data is not always possible (difficult)	Access to data is possible at anytime and anywhere in the world through the access to a database
Note – composed by authors	

A limitation of using the bibliometric approach is that the indices take into account only publications placed in databases and, most often, published in English. However, traditional indicators may cover a wider range of publications. However, it can be assumed that the development of information and communication technologies will further contribute to the wider use of bibliometric methods, which, in turn, are constantly being developed and improved.

Conclusion

Summarizing the above, we can conclude that today traditional systems of indicators and a bibliometric method are equally used to evaluate the scientific activity of individual scientists, scientific organizations and universities. Meanwhile, in recent times there is increasing trend of the use of scientometric indicators for evaluating the

effectiveness of research activity on different levels. Due to the access to digital sources (databases), the indices are easy available for scientists, investors and other stakeholders that makes them very convenient tool for quick and accurate assessment of any scientific output.

Scientometric indicators allow not only to assess the SIA of the individual university, but also to compare the results with the results of other scientific organizations. Despite the fact that some scientometric indicators were not known 10 years ago, they are already firmly entrenched in various methods of evaluation of innovation activity, including the recognized international ratings of higher educational institutions. The inclusion of bibliometric indicators in the world's leading statistical yearbooks, as well as the publication of studies based on the bibliometric method in referred journals, indicates the reliability of the use of this method in scientific research.

Литература

Turgenbayeva A.N., Sadykhanova G.A., Tanassoglo Y., Tarabella A.A. Предпринимательские университеты в казахстанском социально-экономическом ландшафте // Вестник КазНУ. Серия экономическая. – 2018. – №3 (125), С. 117–126.

Hirsch J.E. An index to quantify an individual's scientific research output // Proceedings of the National Academy of Sciences. USA. – 2005. – Vol. 102. – No. 46, pp. 16569–16572.

Chuxh Ng.Y., Li S.K. Measuring the research performance of Chinese higher education institutions: 5 an application of data envelopment analysis // Education Economics. – 2000. – vol. 8. – № 2, pp. 139-156.

Johnes G., Johnes J. Higher education institutions' costs and efficiency: Taking the decomposition a further step // Economics of Education Review. – 2009. – vol. 28. – № 1, pp. 107-113.

Кабакова Е.А. Использование наукометрических показателей при оценке научной деятельности // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 8(18), С. 1-12.

Сабден О.С. Проблемы развития науки Казахстана в условиях становления экономики инновационного типа // Инновации. – 2007. – № 8, С.35-38.

Днишев Ф. Национальная стратегия технико-экономического развития // Экономика и статистика. – 2001. – №3. – С. 29-31.

Кенжегузин М.Б., Днишев Ф.М., Альжанова Ф.Г. Наука и инновации в рыночной экономике: мировой опыт и Казахстан. – Алматы: ИЭ МОН РК, 2005. – 256 с.

- Sitenko D.A., Yessengeldina A.S. The role of the university in a regional innovation system // *The Journal of Economic Research & Business Administration*. – 2018. – №4(126), pp. 52-59.
- Tayauova G., Bektas C. An overview of entrepreneurial universities and main barriers to entrepreneurial university development in Kazakhstan // *The Journal of Economic Research & Business Administration*. – 2018. – №2 (124), pp. 146-155.
- Гаффорова Е.В., Елисеева Т.И., Юрченко Е.Г., Репина Е.Я. К вопросу о сущности понятий «эффект» и «эффективность» научно-инновационной деятельности вуза // *Экономика образования*. – 2014. – №3. – С. 91-96.
- McMillan M.L., Chan W.H. University efficiency: A comparison and consolidation of results from stochastic and non-stochastic methods // *Education economics*. – 2006. – vol. 14. – №1, pp. 1-30.
- Glass J.C., McKillop D.G., Hyndman N. Efficiency in the provision of university teaching and research: an empirical analysis of UK universities // *Journal of Applied Econometrics*. – 1995. – vol. 10. – №1, pp. 61-72.
- Гребенюк И.И., Чехов К.О., Чехова С.Э. Методика оценки инновационных проектов вузов // *Успехи современного естествознания*. – 2012. – №7, С. 131-133.
- Сычев А.В. Методы и подходы к формированию индикаторов инновационной деятельности университетов // *Бизнес в законе*. – 2012. – №4, С. 147-150.
- Saaty T.L. Analytic hierarchy process // *Encyclopedia of operations research and management science*. – Springer, Boston, MA. – 2013, pp. 52-64.
- Harrington E.C. The desirability function // *Industrial quality control*. – 1965. – vol. 21. – № 10, pp. 494-498.
- Ларионова М.В. Сравнительный анализ опыта оценки исследовательского потенциала университетов // *Вестник международных организаций*. – 2011. – №1(32), С. 4-28.
- Okubo Y. Bibliometric indicators and analysis of research systems. OECD Science, Technology and Industry Working Papers. – 1997. – vol. 1.
- Van Raan A.F.J. Fatal attraction: Conceptual and methodological problems in the ranking of universities by bibliometric methods // *Scientometrics*. – 2005. – vol. 62. – №1, pp. 133-143.
- Маршакова-Шайкевич И.В. Роль библиометрии в оценке исследовательской активности науки // *Управление большими системами: сборник трудов*. – 2013. – №44, С. 210-247.
- Гордукалова Г.Ф. Библиометрия, наукометрия и вебометрия – от числа строк в работах Аристотеля // *Научная периодика: проблемы и решения*. – 2014. – №2 (20), С. 40-46.
- QS World University Rankings: Methodology, <http://www.topuniversities.com/university-rankings-articles/world-university-rankings/qs-world-university-rankings-methodology>
- Frascati Manual 2015. Guidelines for Collecting and Reporting Data on Research and Experimental Development. OECD Publishing, https://read.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/frascati-manual-2015_9789264239012-en#page7
- Science and Engineering Indicators 2018. – Arlington VA: National Science Board (National Science Foundation), <https://www.nsf.gov/statistics/2018/nsb20181/assets/nsb20181.pdf>

References

- Chu Ng Y., Li S.K. (2000) Measuring the research performance of Chinese higher education institutions: an application of data envelopment analysis. *Education Economics*, vol. 8, no 2, pp. 139-156.
- Dnischev F. (2001) Natsionalnaia strategiia tekhniko-ekonomicheskogo razvitiia [National strategy for techno-economic development]. *Ekonomika i statistika*, vol. 3, pp. 29-31.
- Frascati Manual 2015. Guidelines for Collecting and Reporting Data on Research and Experimental Development. OECD Publishing. https://read.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/frascati-manual-2015_9789264239012-en#page7
- Gafforova E.V., Eliseeva T.I., Iurchenko E.G., Repina E.Ia. (2014) K voprosu o sushchnosti poniatii «Effekt» i «Effektivnost» nauchno-innovatsionnoi deiatelnosti vuza [To the question of the essence of the concepts of “Effect” and “Efficiency” of the research and innovation activities of the university]. *Ekonomika obrazovaniia*, vol.3.
- Glass J.C., McKillop D.G., Hyndman N. (1995) Efficiency in the provision of university teaching and research: an empirical analysis of UK universities. *Journal of applied Econometrics*, vol. 10, no. 1, pp. 61-72.
- Gordukalova G.F. (2014) Bibliometriia, naukometriia i vebometriia – ot chisla strok v rabotakh Aristotelia [Bibliometry, scientometrics and webometry – from the number of lines in the works of Aristotle]. *Nauchnaia periodika: problemy i resheniia*, vol. 2, no 20, pp. 40-46.
- Grebeniuk I.I., Chekhov K.O., Chekhova S.E. (2012) Metodika otsenki innovatsionnykh projektov vuzov [Methods for evaluating innovative projects of universities]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniia*, no 7, pp. 131-133.
- Harrington E.C. (1965) The desirability function. *Industrial quality control*, vol. 21, no 10, pp. 494-498.
- Hirsch J.E. (2005) An index to quantify an individual’s scientific research output. *Proceedings of the National academy of Sciences*, vol. 102, no 46, pp. 16569-16572.
- Johnes G., Johnes J. (2009) Higher education institutions’ costs and efficiency: Taking the decomposition a further step. *Economics of Education Review*, vol. 28, no 1, pp. 107-113.
- Kabakova E.A. (2014) Ispolzovanie naukometricheskikh pokazatelei pri otsenke nauchnoi deiatelnosti [The use of scientometric indicators in the evaluation of scientific activity]. *Voprosy territorialnogo razvitiia*, vol. 8, no 18, pp. 1-12.
- Kenzheguzin M.B. (2005) Nauka i innovatsii v rynochnoi ekonomike: mirovoi opyt i Kazakhstan [Science and innovation in a market economy: international experience and Kazakhstan]. IE MON RK, Almaty.

Larionova M.V. (2011) Sravnitelnyi analiz opyta otsenki issledovatel'skogo potentsiala universitetov [Comparative analysis of the experience of evaluating the research potential of universities]. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaia ekonomika, vol. 6, no 1.

Marshakova-Shaikovich I.V. (2013) Rol bibliometrii v otsenke issledovatel'skoi aktivnosti nauki [The role of bibliometrics in assessing the research activity of science]. Upravlenie bolshimi sistemami: sbornik trudov, vol. 44, pp. 210-247.

McMillan M.L., Chan W.H. (2006) University efficiency: A comparison and consolidation of results from stochastic and non-stochastic methods. Education economics, vol. 14, no. 1, pp. 1-30.

Okubo Y. (1997) Bibliometric indicators and analysis of research systems. OECD Science, Technology and Industry Working Papers, vol 01.

QS World University Rankings: Methodology, <http://www.topuniversities.com/university-rankings-articles/world-university-rankings/qs-world-university-rankings-methodology>

Saaty T.L. (2013) Analytic hierarchy process. In Encyclopedia of operations research and management science. Springer, Boston, MA, pp. 52-64.

Sabden O.S. (2007) Problemy razvitiia nauki Kazakhstana v usloviakh stanovleniia ekonomiki innovatsionnogo tipa [Problems of development of science of Kazakhstan in the conditions of formation of an innovation-type economy]. Innovatsii, vol 8, pp. 35-38.

Science and Engineering Indicators 2018. – Arlington VA: National Science Board (National Science Foundation). <https://www.nsf.gov/statistics/2018/nsb20181/assets/nsb20181.pdf>

Sitenko D.A., Yessengeldina A.S. (2018) The role of the university in a regional innovation system. The Journal of Economic Research & Business Administration, vol. 4(126), pp. 52-59.

Sychev A.V. (2012) Metody i podkhody k formirovaniu indikatorov innovatsionnoi deiatel'nosti universitetov [Methods and approaches to the formation of university innovation indicators]. Biznes v zakone. Ekonomiko-iuridicheskii zhurnal, vol.4.

Tayauova G., Bektas C. (2018) An overview of entrepreneurial universities and main barriers to entrepreneurial university development in Kazakhstan. The Journal of Economic Research & Business Administration, vol. 124, no. 2, pp. 146–155.

Turginbayeva A.N., Sadykhanova G.A., Tanassoglo Y., Tarabella A.A. (2018) Predprinimatelskie universitety v kazakhstanskom sotsialno-ekonomicheskom landshafte [Entrepreneurial universities in Kazakhstan's socio-economic landscape]. The Journal of Economic Research & Business Administration, vol.125, no 3, pp. 117-126.

Van Raan A.F. (2005) Fatal attraction: Conceptual and methodological problems in the ranking of universities by bibliometric methods. Scientometrics, vol. 62(1), pp.133-143.

**Abylkassimova Zh.A.¹, Alibayeva M.M.²,
Orynbekova G. A.³, Akisheva D. M.⁴**

¹PhD, Associate Professor, e-mail: zhibekmm@mail.ru

²candidate of Economic sciences, Acting Associate Professor, e-mail: meirasha@mail.ru

^{1,2}State University named after Shakarim, Kazakhstan, Semey

³candidate of Economic sciences, Acting Associate Professor, Turan Astana University,
Kazakhstan, Nur-Sultan, e-mail: gulnar_1669@mail.ru

⁴doctoral student, KazHLIU, Kazakhstan, Semey, e-mail: dana_m@mail.ru

**CONDITIONS FOR FORMING AN INNOVATIVE
ENVIRONMENT OF THE AGROINDUSTRIAL COMPLEX
OF THE EAST KAZAKHSTAN REGION**

The article presents an analysis of the innovation activities of the regions of the Republic of Kazakhstan, identifies the reasons that impede the formation of the innovation environment, in which the components of growth of regional competitiveness are still poorly developed. General approaches to the formation of the term “innovative environment” are analyzed. The authors of the article noted that the solution to the problem of forming an effective innovation environment lies in two interrelated planes, caused, firstly, by the need to create external conditions conducive to innovation development, which include a combination of institutions and organizations in the structure of national innovation systems. Secondly, the presence of objective prerequisites for the transition to an innovative development path for business entities. Particular attention is also paid to the use of competitive advantages of the regions of Kazakhstan. The authors suggested ways to create an effective innovation environment and improve the innovation partnership of all participants: the state, business, science and education. In assessing the innovation activity of the regions of the Republic of Kazakhstan, these indicators were used: expenditures on research and development, expenditures on technological innovations, output of innovative products per person in the region, etc., based on the results of the research a SWOT analysis was conducted, a model of innovative development of the enterprise was proposed, where the general strategic goals of the enterprise and the main directions of innovative development would be agreed.

Key words: innovations, region, innovative environment, agroindustrial complex, competitive advantages, model, state support.

JEL Classification: R11

Абылкасимова Ж.А.¹, Алибаева М.М.², Орынбекова Г.А.³, Акишева Д.М.⁴

¹PhD докторы, қауымдастырылған профессор, e-mail: zhibekmm@mail.ru

²Э.ғ.к., қауымдастырылған профессор м.а., e-mail: meirasha@mail.ru

^{1,2}Шәкәрім атындағы мемлекеттік университеті, Қазақстан, Семей қ.

³Э.ғ.к., қауымдастырылған профессор м.а., «Тұран Астана» Университеті,
Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ., e-mail: gulnar_1669@mail.ru

⁴докторант, ҚазИГЗУ, Қазақстан, Семей қ., e-mail: dana_m@mail.ru

**Шығыс Қазақстан облысының агроөнеркәсіптік кешенінің
инновациялық ортасын қалыптастыру шарттары**

Мақалада Қазақстан өңірлерінің инновациялық қызметінің талдауы ұсынылған, өңірлік бәсекеге қабілеттіліктің өсуінің құрамдас бөліктері әлсіз дамып жатқан инновациялық ортаны қалыптастыруға кедергі келтіретін проблемалар анықталды. Өңірдің «инновациялық-орта» ұғымын қалыптастырудың негізгі тәсілдері талданды. Авторлардың айтуынша, тиімді инновациялық ортаны қалыптастыру проблемасын шешу екі өзара байланысқан жағдайлармен, біріншіден, ұлттық инновациялық жүйелер құрылымында институттар мен ұйымдардың жиынтығын жатқызуға болатын инновациялық дамуға қолайлы сыртқы жағдайлар жасау қажеттілігінен шартталған. Екіншіден, шаруашылық жүргізуші субъектілерде дамудың инновациялық жолына көшу үшін объективті алғышарттардың болуымен шартталған. Сондай-ақ, ҚР өңірлерінің бәсекелестік артықшылықтарын пайдалану мәселелеріне ерекше назар аударылды. Авторлар тиімді инновациялық орта құру және барлық қатысушылардың инновациялық әріптестігін

жетілдіру жолдарын ұсынды: мемлекет, бизнес, ғылым және білім. ҚР аймақтарының инновациялық белсенділігін бағалау кезінде көрсеткіштер пайдаланылды: зерттеулер мен әзірлемелерге шығындар, технологиялық инновацияларға шығындар, өңірдің жан басына шаққанда инновациялық өнім шығару және т.б. зерттеулер нәтижесі бойынша SWOT-талдау жүргізілді, кәсіпорынның инновациялық даму моделі ұсынылды, онда кәсіпорынның жалпы стратегиялық мақсаттары мен инновациялық дамудың негізгі бағыттары берілген.

Түйін сөздер: инновация, аймақ, инновациялық орта, агроөнеркәсіп кешені, бәсекелестік артықшылықтары, модель, мемлекеттік қолдау.

Абылкасимова Ж.А.¹, Алибаева М.М.², Орынбекова Г.А.³, Акишева Д.М.⁴

¹доктор PhD, ассоциированный профессор, e-mail: zhibekmm@mail.ru

²к.э.н., и.о. ассоциированного профессора, e-mail: meirasha@mail.ru

^{1,2}Государственный университет им. Шакарима, Казахстан, г. Семей

³к.э.н., и.о. ассоциированного профессора, Университет «Туран Астана»,
Казахстан, г. Нур-Султан, e-mail: gulnar_1669@mail.ru

⁴PhD докторант, КазГЮИУ, Казахстан, г. Семей, e-mail: dana_m@mail.ru

Условия формирования инновационной среды агропромышленного комплекса Восточно-Казахстанской области

В статье представлен анализ инновационной деятельности регионов Казахстана, выявлены проблемы, препятствующие формированию инновационной среды, в которой пока слабо развиваются составляющие роста региональной конкурентоспособности. Проанализированы основные подходы к формированию понятия «инновационная среда» региона. Авторами отмечено, что решение проблемы формирования эффективной инновационной среды лежит в двух взаимосвязанных плоскостях, обусловленных, во-первых, необходимостью создания внешних условий, благоприятствующих инновационному развитию, к которым можно отнести совокупность институтов и организаций в структуре национальных инновационных систем. Во-вторых, наличием у хозяйствующих субъектов объективных предпосылок для перехода на инновационный путь развития. Особое внимание также уделено вопросам использования конкурентных преимуществ регионов РК. Авторами предложены пути создания эффективной инновационной среды и совершенствования инновационного партнерства всех участников: государства, бизнеса, науки и образования. При оценке инновационной активности регионов РК были использованы показатели: затраты на исследования и разработки, затраты на технологические инновации, выпуск инновационной продукции на душу населения региона и др., по результатам исследований проведен SWOT-анализ, предложена модель инновационного развития предприятия, где будут согласованы общие стратегические цели предприятия и основные направления инновационного развития.

Ключевые слова: инновации, регион, инновационная среда, агропромышленный комплекс, конкурентные преимущества, модель, государственная поддержка.

Introduction

In modern conditions of development, Kazakhstan has taken a course to build a new model of the economy based on knowledge. This model provides an opportunity to ensure a sustainable competitive economy. Achieving the goal of the successful development of a new economy is the development of national and regional innovation systems. Today Kazakhstan has developed and implemented basic documents aimed at the development of innovative processes in the country, which have stimulated the formation of innovative processes. Different models and schemes for the development of innovation processes in the country as a whole and in the regions, in particular, were proposed. However, assessing the current state and trends in the development of innovation activities in the regions of Kazakhstan,

we can conclude that innovation processes at the regional level are extremely slow due to a number of economic, financial, administrative, legal and other problems.

The development of the regions today is one of the priority tasks of the economy of Kazakhstan, since dynamically developing and competitive regions constitute the foundation of the national policy to reduce regional disparities and promote a more balanced development. The regions of the country have a significant resource potential and are now in conditions of industrial-innovative development. In order to use their competitive advantages, the regions, first of all, should ensure all conditions for the development of innovation activities to improve competitiveness. The solution of this task requires new developments and approaches, primarily in the agro-industrial complex of the region, which is the

main structure-forming element of the economy. As noted, in the framework of the President's message to the People of Kazakhstan "New Opportunities for Development under the Fourth Industrial Revolution", the agro-industrial complex (APC) of Kazakhstan was given a task to drastically increase labor productivity and increase exports of processed agricultural products in 5 years so that it is at least 2.5 times bigger.

Increasing the competitiveness of the agro-industrial complex of the region is possible only in the conditions of creating an innovative environment. The innovative environment of the agroindustrial complex of the region should be understood as a set of information, regulatory, financial, personnel, organizational, economic and other conditions that ensure the development and implementation of innovations. The agro-industrial complex of the region continues to noticeably lag behind in terms of the main indicators that determine the level of scientific and technological development in comparison with the industry of the region, despite the positive results achieved in conducting scientific research in the agro-industrial sector, including a wide range of studies, also in the field of agriculture and plant growing, animal husbandry and veterinary medicine, in the field of storage and processing of agricultural raw materials, in the field of mechanization and electrification of agriculture, and in the field of natural resources. Therefore, innovation has not yet become a significant factor in the development of the agro-industrial complex of the region. This is explained to some extent by the specifics of the functioning of the agro-industrial complex of the region, which is characterized by a huge variety of climatic and soil conditions, and the level of bioclimatic potential. In addition, the creation of an innovative environment in the agro-industrial complex is hampered by the low productivity of scientific research, the low level of personnel skills and the relatively low efficiency of state administration. Agrarian science does not meet the needs of the business. In production, only 8% of the results of scientific and technical activities are used. Obsolescence of science, detachment from advanced technologies and the global scientific community are the main problems of agrarian science.

In order to change the current situation, to ensure the competitiveness of the agro-industrial complex of the region, in the long-term period, it is necessary to form a coordinated vision of its technological future among all participants – the state, business, science, population and together create an innovative environment in the agro-industrial com-

plex of the region. At the same time, the key role in the organization of this process belongs to the state not only as its initiator, but also as a guarantee of the implementation of the agreements reached.

Solving this problem requires completely new approaches in the agro-industrial complex of the East Kazakhstan region, which has great export potential and high potential for introducing innovations. The purpose of the study is to analyze the innovation activities of the regions of Kazakhstan, identify problems and find ways to create an effective innovation environment.

Methodology

The methodological system of the research work consists of a review of the theoretical foundations of the formation of the innovation environment of regional enterprises using the methods of analysis and generalization of the studied statistical data. A review of the literature on the research topic allowed to systematize the main approaches to the definition of "innovation environment".

In assessing the innovation activities of the regions of Kazakhstan, the following indicators were used: expenditures on research and development, expenditures on technological innovations, output of innovative products per capita in the region, etc.

To solve the problem of forming an effective innovation environment in the regions of Kazakhstan, both the external and internal environment of economic entities were analyzed using a systematic approach, from the standpoint of which any enterprise is considered as an open system that interacts with the external environment.

To assess the effectiveness of innovative projects included in the portfolio, an integral indicator was used, combining the financial and non-financial components:

$$INPV_i = NPV_i \frac{S_i}{S_{max}} \quad (1)$$

where S_i is the sum of the scores for all non-financial indicators, S_{max} is the sum of the maximum values of non-financial indicators. Taking into account that the sum of requirements for a k resource should not exceed its margin, we obtain the following system of inequalities: Offer X is accepted with maximum utility (sentence X is accepted if its utility exceeds the predetermined allowable value Z):

$$\begin{cases} X_i \rightarrow INPV_{max} \\ \sum_n^{k=1} R_k \leq K \end{cases} \quad (2)$$

X_i – some innovative project; R is the amount of resources of each type; K is the total amount of resources that can be used for innovation.

The task of forming a portfolio (f) of innovative projects of an enterprise is as follows:

$$f = INPV_1 X_1 + INV_2 X_2 + \dots + INPV_n X_n \rightarrow \max \quad (3)$$

Considering that the analysis of the organization's innovation environment is complex and time consuming, in addition to the system analysis, the "SWOT-analysis" method was used. After compiling a list of strengths and weaknesses of the potential of regional enterprises, as well as opportunities and threats from the external environment, establish links between them. external internal competitive analysis. For the formation of an information base for the study of the innovation environment of the region, foreign and domestic sources of literature, periodicals, government programs and the database of the Committee on Statistics of the MNE RK were used.

Literature review

The category "innovation environment" is currently being actively developed by foreign and domestic scientists from the point of view of various methodological approaches. In modern conditions, the formation of the innovation environment is of decisive importance, since changes in all its properties directly affect the innovative development of the system. On the need to form an appropriate innovation environment as the most important stage in the development of an innovation environment, allowing to strengthen institutional relationships, establish missing communications between participants in the innovation system, and speed up the formation of an innovation economy (Chistyakova, 2011: 450) One of the first to define the concept The "innovation environment" was a scientist, one of the leading sociologists of our time, specializing in the theory of the information society, he considered the innovation environment "as specific set of relations of production and management, based on the organization, which is generally shared work culture and instrumental goals aimed at generating new knowledge, new processes and new products" (Castells, 2000: 60). The following definition of the innovation environment as a set of complex networked informal social relations in a limited geographic space, often defining the external image and special specific internal representations

and feelings of "belonging" that stimulate the innovativeness of the territory through synergy and collective learning processes, is taken as the basic one (Camagni, 1991 : 6). According to another author, the territory's innovation environment is a system that includes several subsystems, including research and educational, innovative enterprises and organizations, institutional and political support, investment services, and others (Nesterov, 2012: 37). The innovation environment is also considered as one of the varieties of a regional innovation cluster (Hart, 1996)

Analyzing the approaches of Russian scientists who determine the components of the innovation environment, it is revealed that some authors adhere to the concept of identifying external factors influencing innovation activity and determining the internal components of the innovation environment (Lavrishcheva, 2013: 96). One of the important prerequisites for the formation and development of the new economy is the maturity and stability of the institutional environment (Vladyko, 2007: 169).

Analysis of the literature allowed to systematize the main approaches of foreign scientists to the definition of innovative environment (Table 1).

In all the above approaches, the innovation environment is considered from all sides, but all of them together are an interconnected theory. One of the notable trends in the development of innovation processes, which manifest themselves far not only at the national, but also at the global level, was the strengthening of the role of the process characterizing the formation of the innovation environment in the economic system. The perceptible concentration of innovation activity in individual regions and other local "growth points" is explained by the location of the innovation business and knowledge production centers, the availability of the necessary human resources, the quality of the innovation infrastructure, etc. Most authors adhere to the concepts of identifying external factors influencing innovation and determining the internal components of the innovation environment.

Other authors adhering to the position of the resource approach, through a set of different types of resources used for innovation, an institutional approach that gives the innovation environment the value of a set of tools, mechanisms, methods, rules for the relationship of participants in innovation processes with the inclusion of various institutions responsible for their formation and execution (Raikhlina, 2017; 2016: 3).

Table 1 – Overview of the main approaches to the concept of “innovative environment”

Author	Definition
Cooke, 1993: 544	in addition to the innovation system, the innovation environment includes the innovation environment of the system, the links between the system participants and the governing bodies.
Malinen, 2005: 39	The innovation environment is a newer and deeper conceptual view that focuses attention on objects as part of a wider environment, including various types of systems, clusters, territorial and institutional links.
Jensson, 2004: 5	a prerequisite for the emergence of an innovation environment is the presence of social relations and networks at various levels – local, regional, national, ensuring the exchange of ideas and information.
Hart, 1996	Social connections in the innovation environment are established between individual employees in one company and employees of other companies. And these relationships are based primarily on past joint work experience.
Kolehmainen, 2002: 27	The concept of agglomeration, based on A. Weber’s “theory of optimal allocation of industrial production”, lies at the heart of the concept of the innovation environment. Agglomeration, in this case there is a cluster, or a concentration of industrial production in any place, arising from the social nature of production

Innovative environment was studied in different planes. The concept of “proximity”, which is inextricably linked with cluster theory, has become one of the popular trends of scientific thought in relation to the innovation environment. This theory, which expands the understanding of the mechanisms of knowledge transfer in a certain geographically limited territory, was developed in the early 1990s. The most extensive classification of proximity was proposed where 5 types of proximity were considered: cognitive, geographic, organizational, social and institutional. When shaping the innovation environment, according to this theory, institutional and social affinity contribute to the efficient transfer of information and know-how, provided that local firms generate innovations (Boschma, 2001: 257). Another popular scientific concept associated with the development of the theory of innovation environment is the concept of “agglomeration”. Agglomeration, in this case, “there is a cluster, or a concentration of industrial production in any place arising from the social nature of production. Such accumulation can be expressed in the form of simple expansion and enlargement of production units or as a result of co-location of these industries that were previously dispersed throughout the territory. The benefits of such concentration are associated with lower production costs, created not by the concentration of industry itself, but by proximity to one or another geographical point” (Friedrich, 1929: 189).

In our opinion, in a generalized form, the innovation environment can be represented as a set of systems: entrepreneurship, a system of technical and technological developments, and science and education, which ensure the functioning

of the innovative production system and form the innovative product system.

Thus, the variety of interpretations unites a single vision of the essence of the innovation environment as a set of elements contributing to the intensification of innovation activity and on this basis the innovative development of the territory.

Results and Discussion

To increase the competitiveness of enterprises of the regional economy is possible only in the conditions of creating an innovative environment. After all, the sphere of innovations is the sphere of formation of competitive advantages of the regions of Kazakhstan and such an innovative environment is needed that would stimulate not only the creation but also the commercialization of innovative ideas.

For the formation of an innovative environment, the improvement of the legislative framework in the field of innovative development should contribute. The solution of these problems lies in two interrelated planes, caused, firstly, by the need to create an external environment conducive to innovative development, which include the totality of institutions and organizations in the structure of national innovation systems. Secondly, the presence of necessary internal environment among business entities – an innovative potential that is able to generate ideas and carry out the process of their commercialization throughout the entire innovation cycle.

One of the indicators of innovative development is the dynamics of the number of enterprises engaged in research and development. At the end of 2018, 384 R&D organizations were registered in

Kazakhstan with a total staffing of 22.4 thousand employees. The main number of employees is researchers (17.5 thousand people), including 1.7 thousand doctors of sciences, 4.4 thousand candidates of sciences and 0.9 thousand doctors of PhD. Since 2014, the number of employees engaged in research and development has tended to decrease, but in 2018, compared to 2017, this indicator increased slightly (Figure 1).

Domestic expenditures on research and development in 2018 amounted to 700,206.2 million tenge, which is 3.0% lower than in the previous

year. Of the total amount of the budget accounted for 52.2%. A positive point was the increase in the structure of financing by 14% of the costs of applied research and by 1.4% – for experimental development, which respectively amounted to 40.9 and 17.2 billion tenge. It is obvious that Kazakhstan pays attention to the development of human capital in order to increase the growth potential of the country and create a favorable innovation environment. However, despite the progress that has been made, the lack of qualified personnel is holding back the growth of the private sector.

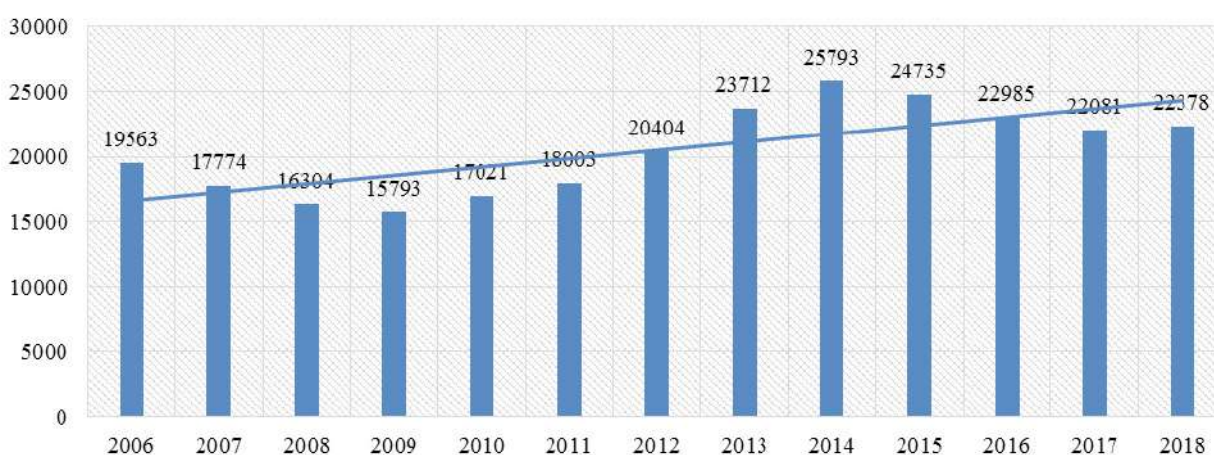

Figure 1 – The number of employees engaged in research and development, people
Source: official website of Statistic Committee of MNE RK <http://stat.gov.kz>

Today, the countries – technology leaders maintain the indicator of knowledge-intensive GDP at the level of 2.7-4.3%. Critical for scientific and technological safety is considered to be if this indicator is equal to or less than 1. In Kazakhstan, according to the Committee on Statistics of the MNE RK, over the past five years, the scientific knowledge averaged 0.16%, that is, more than 6 times lower than the critical level. To increase the knowledge-intensiveness of GDP, it is necessary to increase the cost of 1 researcher. According to UNESCO, this figure in Kazakhstan is on average 47 thousand (at purchasing power parity), in Russia – 54, Ukraine – 42, USA – 300, Germany – 234, Japan – 209, China – 202.

High costs per researcher are observed in technically and technologically developed or rapidly developing countries, where, in general,

science funding is at a high level. Hence the need to carry out innovation activity is an inevitable condition for overall economic well-being. It is important to take into account that technological change is a decisive source of economic growth, and high returns are characteristic of R & D costs. So far, this figure is only 0.15-0.13% of the country's GDP (Figure 2).

As we see, knowledge generation opportunities in the regions of Kazakhstan are limited, which is a reflection of the low costs of research activities in the public and, especially, in the private sectors. There is a low level of interest in introducing innovations to the real sectors of the economy (especially small businesses) and the lack of communication between research programs and enterprise innovation plans. This suggests that the mechanisms for transferring knowledge to the real sector are inefficient.

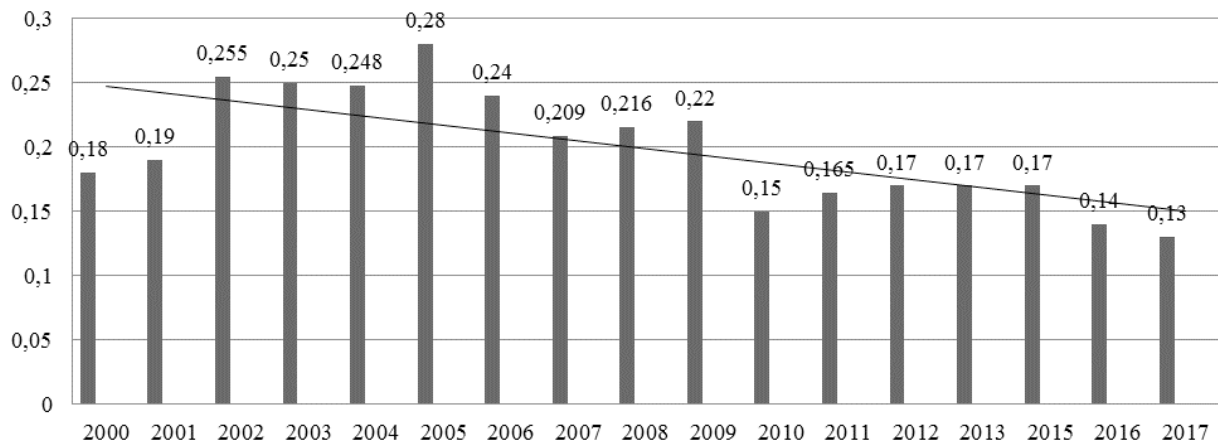

Figure 2 – The proportion of domestic expenditures on research and development in GDP, %
 Source: official website of Statistic Committee of MNE RK <http://stat.gov.kz>

As we see, knowledge generation opportunities in the regions of Kazakhstan are limited, which is a reflection of the low costs of research activities in the public and, especially, in the private sectors. There is a low level of interest in introducing innovations to the real sectors of the economy (especially small businesses) and the lack of communication between research programs and

enterprise innovation plans. This suggests that the mechanisms for transferring knowledge to the real sector are inefficient. As research has shown in general, the level of innovation activity of Kazakhstan enterprises remains very low. In 2018, it was 10.6%.

Figure 3 shows the level of innovation activity of the Republic of Kazakhstan.

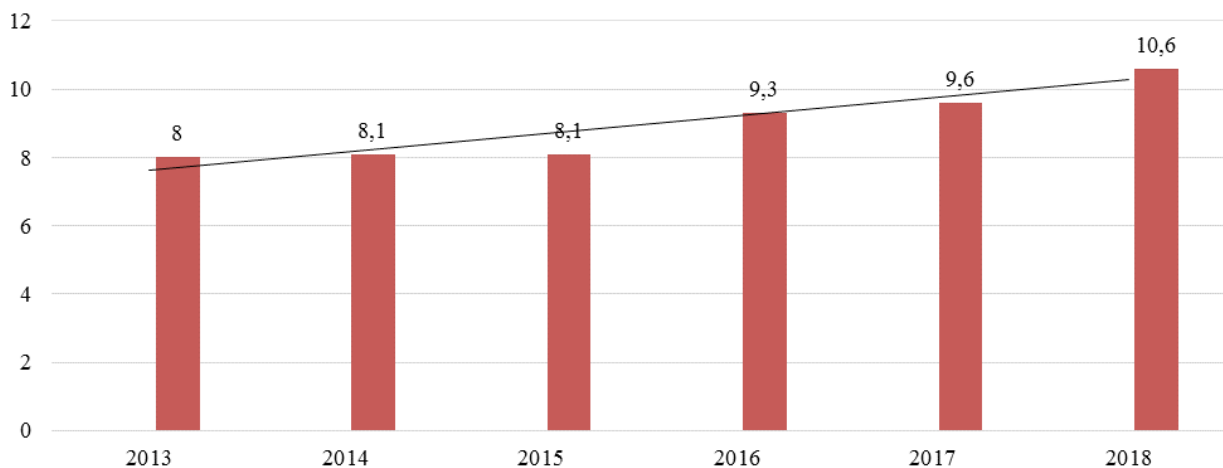

Figure 3 – Level of innovation activity of the Republic of Kazakhstan
 Source: official website of Statistic Committee of MNE RK <http://stat.gov.kz>

There is a significant differentiation of the regions of Kazakhstan in terms of innovative development. Reduction of measures to stimulate innovation processes in the regions leads to further differentiation of the subjects of the Republic of Kazakhstan. An active regional policy makes it possible to compensate for unfavorable external

conditions. At the same time, not only to develop forms of support for innovative business, but also to actively invest in the development of human capital, which is an important success factor in the innovation policy of many developed and developing countries of the world. The development and introduction of new technologies is a tripartite process, the state,

scientists and businesses that are able to master these developments and offer a competitive product to the market should be interested in it. That is, the innovation activity of enterprises is of decisive importance.

By 2020, Kazakhstan plans to increase the share of innovation-active enterprises to 20% of all business entities, and the share of innovative products in total GDP to 2.5%. To achieve such results, it is necessary for the state to create favorable conditions for doing business in order to reduce the technological gap in traditional

industries, the development of new production lines in Kazakhstan.

At present, domestic science does not have stable ties with production; a scheme of sustainable partnership between science and business has not yet been built on the basis of the reciprocal movement of applications from innovation-active enterprises and universities and scientific organizations. The key resultant characteristic of the innovation activity of enterprises, reflecting their contribution to the country's economy, is the production of innovative products (new and improved technologies (Figure 4).

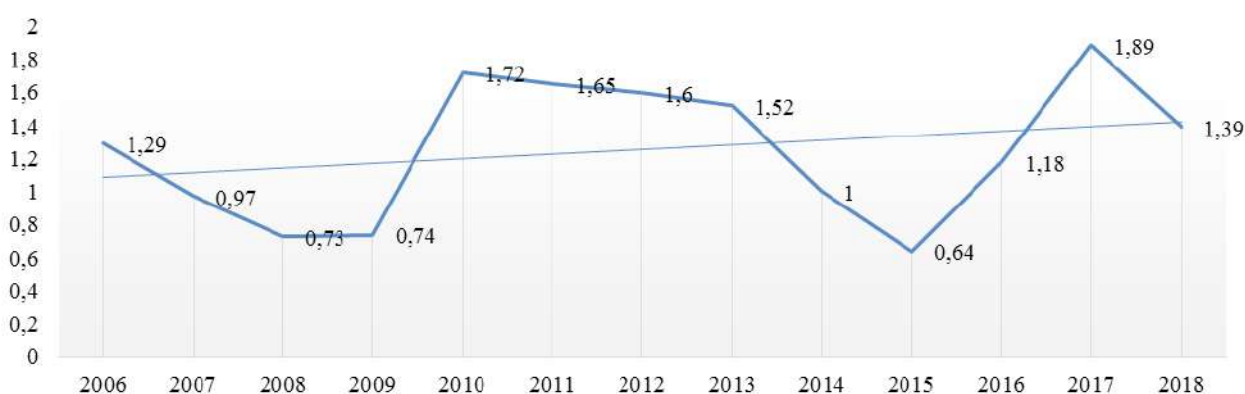

Figure 4 – The volume of production of innovative products in the Republic of Kazakhstan
Source: official website of Statistic Committee of MNE RK <http://stat.gov.kz>

In 2018, compared to 2017, enterprises in the region of Kazakhstan produced innovative products in the amount of 1179150,2 million tenge, an increase of 1,39 %. However, the growth rate of innovative products since 2015 tended to increase, but in 2018 there is a noticeable decrease. Among the regions, the largest share of innovative products is observed in Pavlodar (21.1%), Astana (17.7%), South Kazakhstan (14.8%), Kostanay (10.8%) and the smallest in Atyrau, Mangistau, Kyzylorda 9.8% of the volume of sold innovative products (854,258.3 million tenge) accounted for export (83,655.6 million tenge).

One of the leading regions of Kazakhstan is the East Kazakhstan region (East Kazakhstan), which has a high scientific and technical potential, sufficient to solve the pressing problems of technical modernization of the real sector of the economy. There are 142 research and development units in the region. At the end of 2017, R & D costs amounted to 6.9 billion tenge, an increase of 1.5 times compared with 2016 (4.7 billion tenge). The number of R & D employees in the region in 2017 amounted to

2,325 people, which is 10% of the total number of specialists performing research and development in the Republic of Kazakhstan. The region takes the 3rd place after Astana and Almaty. Of the total R & D expenditures, 72% is performed by the enterprises themselves without the involvement of outside organizations (domestic costs). In 2017, domestic R & D costs amounted to 5 billion tenge (2016 – 3.5 billion tenge), of which 43% fall on the republican and local budget. Of the republican volume of foreign investment in R & D, 88% comes from East Kazakhstan (1.1 billion tenge).

Since the adoption of the Concept of innovative development of Kazakhstan until 2020, the number of innovative enterprises in the country has increased 3 times (2013 – 99 enterprises, 2017 – 303 enterprises). The volume of innovative products (goods, services) at the end of 2017 amounted to 80.5 billion tenge and increased 1.5 times compared to 2016 (2016 – 54.3 billion tenge). 37% of innovative products are in the manufacturing industry. More than half of the produced and sold innovative products are exported. The growth in the production of innovative products

by the end of 2017 allowed an increase in the share of innovative products in the structure of the gross regional product. In 2016, innovative products in the region amounted to 1.9% of the gross regional product, in 2017 the figure increased and reached 2.7% (RK – 1.6%). This indicator is one of the key

indicators of the Concept of Innovative Development of the Republic of Kazakhstan up to 2020.

The first place among the regions of the Republic of Kazakhstan in terms of the level of innovation activity is occupied by East Kazakhstan region (Figure 5).

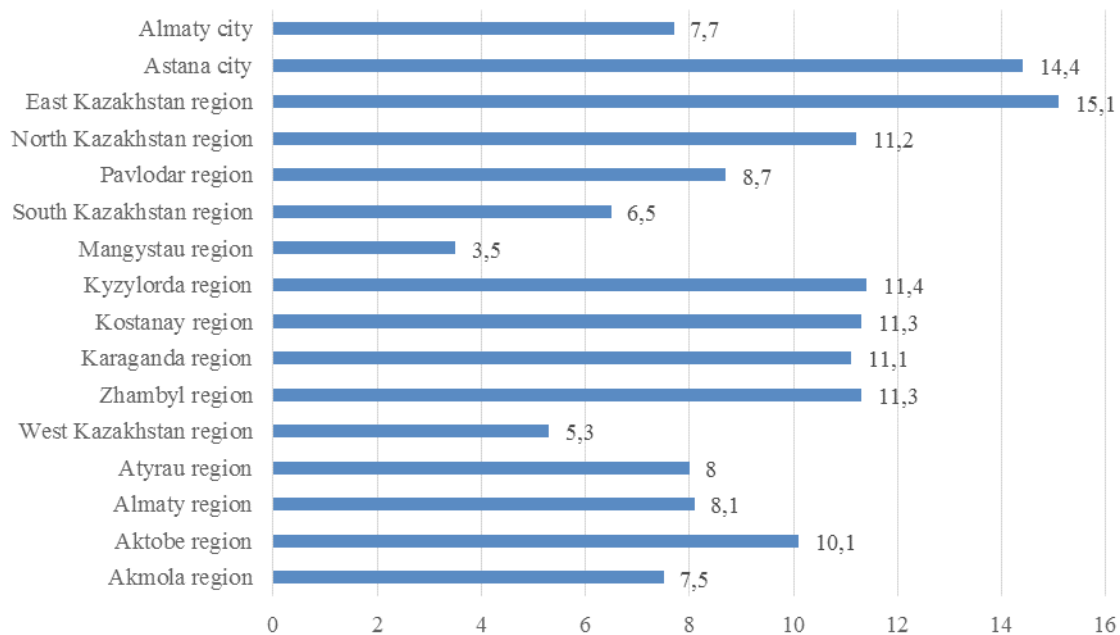

Figure 5 – The level of activity in the field of innovation in the context of areas, in %
Source: official website of Statistic Committee of MNE RK <http://stat.gov.kz>

In order for the enterprises of the region to intensify and further innovative activity, state support tools are needed (Table 2).

In modern conditions of formation of the innovation environment, an important role is assigned to public-private partnership (PPP), as the main tool for the implementation of economic policy. The role of PPP is determined by: the development of the innovation infrastructure, taking into account the interests and with the active participation of the business; increasing the efficiency of using state property and budget expenditures, including those aimed at supporting innovation; stimulating the private sector to develop entrepreneurial activity in areas with the greatest potential for quality economic growth. The Institute of PPP allows you to use the advantages of integrating the financial resources of private business with limited state budget funds. The foreign experience of PPP includes many projects that are very diverse but united by a common

concept, the essence of which is that the main guideline in the implementation of the project should not be aimed at achieving more favorable ratio of price and quality, and to maximize the potential of business in the implementation of joint activities with the state.

The prevailing modern trend in many developed countries is the reduction of direct government intervention in the innovation process and the growth of R & D expenditure on private business. At the same time, the range of measures of indirect stimulation of innovation activity is expanding at the expense of tax breaks, concessional loans, targeted support for small business, the formation of the necessary innovation infrastructure and technology commercialization. European experience shows that a significant part of the nationwide R & D allocations come from private business. In many EU countries, for enterprises that are actively involved in the development and introduction of innovations, the right is established

to form innovative funds from non-taxable profits from the profits. The size of such a fund can be from 16 to 50% of the profits of the enterprise. Tax

benefits are also used in the form of tax rebates from the volume or increase in the company's expenses on R&D (Dyatlov, 2016: 414).

Table 2 – Tools of state support for innovation

Government support tools	
stimulating demand for innovative products	legislative and regulatory measures, government procurement, development of standardization, labeling and certification
increasing the efficiency of the knowledge generation sector	orientation of research on the problems of innovative development of the region through the participation of leading universities.
mechanisms for encouraging innovation partnerships: government, business, science and education.	legal, financial, social, tax, venture and other incentive mechanisms
increase in the efficiency of personnel potential of the innovation activity of enterprises	development of «mentoring» for beginning innovators, etc.

There is also a scheme of state lending, which is implemented through specially created guarantee funds. Such a system is developed in the UK: an innovative company is self-applying to a credit institution to receive a conventional loan, and the government provides guarantees of payment of 70–85% of the amount of the allocated loan. In the USA, Great Britain, Greece, Spain, the Netherlands and the developed countries, the equity form of financing innovative projects is widely used, which involves the participation of the state, private business, universities, local authorities and other structures. This form of financing allows better integration of the interests of customers and executors of research and development works (R&D), also contributes to material incentives for researchers, rational distribution of funds raised and the risk of their investment among all participants of innovative projects (Khrustalev, 2011: 18).

The situation is quite different in our country: the mechanism for transferring scientific and technological developments to production is inefficient due to the limited number of innovation-oriented enterprises and the investment policy is little oriented to the commercial use of their developments.

In order for regional agribusiness enterprises to become innovation-oriented, objective prerequisites are needed that are characterized by external factors (development of innovation processes and innovations that qualitatively increase production

efficiency; investment attractiveness; reduction in demand and product life cycle;) and the internal environment (deterioration of basic technical economic indicators: the growth of production costs and sales, slowing cash flows). These environmental factors may signal the company that it is necessary to carry out various measures for technological modernization of production, reorganization of the management system, etc. At the same time, in the process of innovation, the management of the company must clearly understand that the company is an open system that is inseparable from the external environment. Then to conduct a strategic analysis, in the process of which the features of the enterprise's interaction with the external environment are identified, and an assessment of the production and financial state is given. Only then can we proceed to develop a model of innovative development of an enterprise, where the overall strategic goals of the enterprise and the main directions of innovative development are consistent.

Taking into account the resource potential and the set of ideas and projects, enterprises can form such a portfolio of innovative projects that would be most effective and would allow to achieve a synergistic effect. The final stage of the implementation of the enterprise innovation development model is the final assessment of the effectiveness of the entire innovation development strategy implemented in the enterprise.

To assess the state of innovation development, the region conducted a SWOT analysis.

Table 3 – SWOT-analysis of the innovative development of the region

Strong sides	Weak sides
political stability; favorable economic and geographical position; the availability of mineral resources that can be effectively mastered with the help of innovative companies; high educational level of the population; the presence of universities, research institutes, scientific and technical personnel;	low productivity; weak integrated links between science, industry and education; low returns to research; low level of innovative activity of enterprises in the region; low rates of technical re-equipment of enterprises; low innovative culture; insufficient domestic demand for innovative products;
Possibilities	Threats
improving the interaction between production and science; use of state support mechanisms in the field of innovation; reduction of technological lag and transition to higher levels of the technological structure; development of innovation infrastructure; expansion of interaction in matters of attracting investment.	improving the interaction between production and science; use of state support mechanisms in the field of innovation; reduction of technological lag and transition to higher levels of the technological structure; development of innovation infrastructure; expansion of interaction in matters of attracting investment.

Conclusion

The emerging innovative environment of the agro-industrial complex of the region is: developing programs for internships by agribusiness specialists in innovative structures and encouraging innovative entrepreneurship, creating research institutes at leading universities of relevant profile with the involvement of foreign experts, creating consulting centers on agro-marketing, agribusiness, on developing innovative business plans, and legal providing small and medium businesses, the development of legislation on the development of competition, etc.

The effectiveness of the formation of the innovation environment of the agro-industrial complex of the region is affected by a complex of factors: economic, financial, organizational, regulatory and legal. In the East Kazakhstan region there are all conditions for the formation of the innovative environment of the agro-industrial complex: the regulatory framework; research institutes, infrastructure (technoparks, incubators, etc.); international relations and cooperation in various fields of innovation; scientific potential, etc. (table 4).

Intensification of innovation activities will be carried out by informing about the existing mechanisms of state support for industrial innovation in the framework of seminars, meetings, forums, as well as through the media.

Positioning of sectoral and regional technology parks as part of visits by foreign delegations will be carried out on an ongoing basis with the aim of expanding scientific, technical and innovative

cooperation between the regions of near and far abroad, which will further create new industries and attract investors to implement priority innovative projects.

Further development of the innovation sector will be driven by the functioning of the region's innovation infrastructure, including industry and regional technology parks (Altai Technopark, Park of Nuclear Technologies JSC), design bureau, research organizations (universities, KazGIPROCVetmet, VNIItsvetmet), the National Nuclear Center, and also SEC "Ertis" and industrial zones of the region.

Development of innovations and promotion of technological modernization of the agro-industrial complex of the Republic of Kazakhstan will be aimed at achieving sustainable development of the agro-industrial complex of the Republic of Kazakhstan by:

- orientation of applied science to the tasks of agricultural modernization;
- creation of a management system for innovative technological development, including a system of technological forecasting and planning, development and implementation of innovative development programs for the agro-industrial complex of the Republic of Kazakhstan, agribusiness entities, creation of regional and sectoral innovation systems;
- development of a system for promoting technological modernization of agriculture in the Republic of Kazakhstan, including: conducting a technology audit, transfer of foreign technologies, promoting the introduction and dissemination of technologies, technology commercialization.

Table 4 – Factors of formation of the innovative environment of the agroindustrial complex of the region

Economic conditions	Financial conditions	Organizational conditions	Regulatory conditions
tax and pricing policies that promote the growth of supply in the agro-innovation market; growth of employment of workers in the field of innovation; provision of services in the field of finance, taxes and benefits to enterprises engaged in the field of innovation in the AIC; participation in the promotion of modernization, technical re-equipment; development of various types of leasing of innovative products; activation of innovative agribusiness; counteraction of unfair competition in the agro-industrial complex; development and support of foreign economic activity in the field of innovation.	providing funding for innovation activities at the expense of budget funds; allocation of direct state investments, grants for the implementation of innovative projects and programs of priority importance for the state; ensuring investment attractiveness in the innovation sphere; provision of grants, concessional loans, guarantees to domestic and foreign investors participating in innovation activities.	development and implementation of innovative programs at the level of the state, industry, region; the formation and development of innovation infrastructure; staff development in the field of innovation, information support for innovation; activation of integration processes, expansion of the participation of the agro-industrial complex in the innovation sphere, promotion of international cooperation in this field; output of innovative products to foreign markets; lobbying the interests of domestic business entities of innovation activities in foreign economic activity.	compliance with legislation in the relationship of economic entities of the agro-industrial complex of the region in innovation activities; protection of intellectual property rights and other interests of participants in innovation activities.

In the Concept of Innovative Development of the Republic of Kazakhstan until 2020, based on technological forecasting in the field of the agro-industrial sector, such critical technologies as progressive technologies in the agro-industrial complex (reproduction of soil fertility, progressive irrigation systems, technologies of intensive development of animal husbandry and advanced processing of agricultural raw materials; biotechnology (engineering enzymology, cell and genomic selection, cell and molecular engineering, technologies for creating

biological products, methods for ensuring biosafety of products).

Thus, the conducted studies have shown that for the formation of an effective innovation environment in the regions of Kazakhstan, special regional mechanisms are needed that directly stimulate the introduction of innovations at agricultural enterprises, the use of the scientific and technological potential of universities and research institutes. This should contribute to the improvement of the legislative framework in the field of innovative development in the agricultural sector.

References

- Послание Главы государства народу Казахстана «Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции». – 2018.
- Форум: «Формирование АПК, основанного на знаниях», <https://foodindustry.kz>
- Чистякова Н.О. Анализ основных теоретических подходов к исследованию инновационной среды региона // Вестник науки Сибири. – 2011. – №1(1), <http://www.sjs.ru>.
- Кастелье М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: НИУ ВШЭ. – 2000.
- Camagni R. Introduction: from the local “milieu” to innovation through cooperation networks. – London: Bedhaven Press. – 1991, pp. 1-9.
- Нестеров А.А. Инновационная среда экономических систем: структура, оценка и управление // Инновации. Инвестиции. – 2012. – №9 (45), С. 37-39.
- Харт Д.А. Инновационные кластеры: основные идеи. – Институт региональных инновационных систем. – 1996, <http://www.innosys.spb.ru>.
- Лаврищева Е.Е. Внутренняя инновационная среда предприятия: факторы и механизмы / Монография. – Уфа: Инфинити. – 2013. – 96 с.
- Владыко М.В., Дорошенко Ю.А. Инновационная среда экономики, основанной на знаниях. – 2007, С. 168-174.

Cooke P., Morgan K. The Network Paradigm: New Departures in Corporate and Regional Development // *Society and Space*. – 1993. – vol. 11, pp. 543-564.

Malinen P., Simula H. A conceptual platform for developing local and regional innovation environment / The 6th CINet Conference. – Brighton, UK. – 2005, pp. 38-42.

Jenson J.O. Networks as a tool for urban sustainable development / International conference «Innovation, Sustainability and Policy». – Munich. – 2004, p. 5.

Kolehmainen J. Territorial agglomeration as a local innovation environment the case of a digital media agglomeration in Tampere, Finland // Massachusetts Institute of Technology, Special working paper series on local innovation systems. – 2002, pp. 25-29.

Райхлина А.В. Формирование инновационной среды региона как важнейшее условие эффективной инновационной деятельности // Интернет-журнал «Науковедение». – 2017. – Том 9. – №4.

Boschma R. Proximity and Innovation: A critical Assessment // *Regional Studies*. – 2005. – № 39(1), pp. 61-74.

Friedrich C.J. Alfred Weber's Theory of Location of Industries. – Chicago: Chicago University Press. – 1929, pp. 189.

Official website of Statistic Committee of MNE RK, <http://stat.gov.kz>

Социально-экономическое развитие ВКО, <http://www.akimvko.gov.kz/ru/region/>.

Дятлов С.А., Марьяненко В.П., Селищева Т.А. Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование / Монография. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 414 с.

Хрусталёв Е.Ю., Ларин С.Н. Новые тенденции в организации партнерских отношений государства и бизнеса в инновационной сфере // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2011. – № 34, С. 2-10.

References

Boschma R. (2005) Proximity and Innovation: A critical Assessment. *Regional Studies*, vol. 39(1), pp. 61-74.

Camagni R. (1991) Introduction: from the local "milieu" to innovation through cooperation networks. London: Bedhaven Press, pp. 1-9.

Chistyakova N.O. (2011) Analiz osnovnykh teoreticheskikh podkhodov k issledovaniyu innovatsionnoy sredy regiona [Analysis of the main theoretical approaches to the study of the innovative environment of the region]. *Vestnik nauki Sibiri*, vol. 1(1), <http://www.sjs.ru>.

Cooke P., Morgan K. (1993) The Network Paradigm: New Departures in Corporate and Regional Development. *Society and Space*, vol. 11, pp. 543-564.

Dyatlov S.A., Marianenko V.P., Selishcheva T.A. (2016) Informatsionno-setevaya ekonomika: struktura, dinamika, regulirovaniye: monografiya [Information and network economy: structure, dynamics, regulation]. M.: NITs INFRA-M, 414 p.

Forum: «Formirovaniye APK. Osnovannogo na znaniyakh» [Forum: "Formation of agribusiness based on knowledge"], <https://foodindustry.kz>

Friedrich C.J. (1929) Alfred Weber's Theory of Location of Industries. Chicago: Chicago University Press, p. 189.

Jenson J.O. (2004) Networks as a tool for urban sustainable development. *International conference «Innovation. Sustainability and Policy»*, Munich, p. 5.

Kastels M. (2000) Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura [The Information Age: Economics, Society and Culture]. M.: NIU VShE.

Khart D.A. (1996) Innovatsionnyye klasteri: osnovnyye idei [Innovation Clusters: Key Ideas]. Institut regionalnykh innovatsionnykh system, <http://www.innosys.spb.ru>.

Khrustalev E.Yu., Larin S.N. (2011) Novyye tendentsii v organizatsii partnerskikh otnosheniy gosudarstva i biznesa v innovatsionnoy sfere [New trends in the organization of partnerships between the state and business in the innovation sphere]. *Finansovaya analitika: problem i resheniya*, vol. 34, pp. 2-10.

Kolehmainen J. (2002) Territorial agglomeration as a local innovation environment the case of a digital media agglomeration in Tampere, Finland. Massachusetts Institute of Technology. Special working paper series on local innovation systems, pp. 25-29.

Lavrishcheva E.E. (2013) Vnutrennyaya innovatsionnaya sreda predpriyatiya: factory i mekhanizmy [Internal innovative environment of the enterprise: factors and mechanisms]: Monografiya. Ufa: Infiniti, 96 p.

Malinen P., Simula H. (2005) A conceptual platform for developing local and regional innovation environment. *The 6th CINet Conference*, Brighton, UK, pp. 38-42.

Nesterov A.A. (2012) Innovatsionnaya sreda ekonomicheskikh sistem: struktura, otsenka i upravleniye [The innovative environment of economic systems: structure, assessment and management]. *Innovatsii. Investitsii*, vol. 9(45), pp. 37-39.

Official website of Statistic Committee of MNE RK, <http://stat.gov.kz>

Poslaniye Glavy gosudarstva narodu Kazakhstana «Novyye vozmozhnosti razvitiya v usloviyakh chetvertoy promyshlennoy revolyutsii» (2018) [Message from the Head of State to the people of Kazakhstan "New Development Opportunities under the Fourth Industrial Revolution"].

Raykhлина А.В. (2017) Formirovaniye innovatsionnoy sredy regiona kak vazhneysheye usloviye effektivnoy innovatsionnoy deyatelnosti [The formation of the innovative environment of the region as the most important condition for effective innovation]. *Internet-zhurnal «Naukovedeniye»*, vol. 9 (4).

Sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye VKO [Social and economic development of East Kazakhstan region], <http://www.akimvko.gov.kz/ru/region/>.

Vladyko M.V., Doroshenko Yu.A. (2007) Innovatsionnaya sreda ekonomiki, osnovannoy na znaniyakh [The innovative environment of a knowledge-based economy], pp. 168-174.

IRSTI 06.71.57

<https://doi.org/10.26577/be-2019-3-e4>**Shash N.N.¹, Pshembayeva D.²**

¹Doctor of Economic Sciences, Professor, Plekhanov Russian University of Economics,
Russia, Moscow, e-mail: nat_vshu@mail.ru

²doctoral student, Kazakh humanitarian-law innovative university,
Kazakhstan, Semey, e-mail: b.sydyk@yandex.ru

NEW PARADIGM OF TOURISM INDUSTRY MODERNIZATION IN THE DIGITAL ECONOMY CONDITIONS

The article discusses the modern features of the tourism industry, its role and importance in the country's economy, the quantitative and qualitative changes that take place in this area, including the number of employees, average wages, investments, the degree of depreciation of fixed assets of tourist organizations. The article analyzes the current information state of development of the tourism industry, considers the meaningful change in business processes in tourism when introducing new information and communication technologies, shows that in the digital economy, information becomes the key and determining factor in the development of tourism activities. It is shown that in tourism the main element in the formation of tourist services is information that is consonant with the modern paradigm of the digital economy. The statistics of the development of the information and communication technology sector, which provides opportunities for the functioning of the digital economy, is presented. The characteristic of the information space of the tourism industry, the latest digital technologies that are beginning to be used in the tourism industry is given.

Key words: tourism industry, digital economy, tourism ecosystem, digital technologies, information and communications technologies.

Шаш Н.Н.¹, Пшембаева Д.²

¹э.ғ.д., профессор, Плеханов атындағы Ресей экономикалық университеті,
Ресей, Мәскеу қ., e-mail: nat_vshu@mail.ru

²докторант, Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университеті,
Қазақстан, Семей қ., e-mail: b.sydyk@yandex.ru

Цифрлық экономика жағдайында туризм саласын жаңғыртудың жаңа парадигмасы

Мақалада туризм саласының қазіргі заманғы ерекшеліктері, оның ел экономикасындағы рөлі мен маңызы, осы салада болып жатқан сандық және сапалық өзгерістер, соның ішінде жұмыспен қамтылғандар саны, орташа жалақы, салынған инвестициялар, туристік ұйымдардың негізгі қорларының тозу дәрежесі бойынша қарастырылған. Мақалада туристік индустрияны дамытудың қазіргі заманғы ақпараттық жай-күйіне талдау жүргізілген, жаңа ақпараттық-коммуникациялық технологияларды енгізу кезінде туризм саласындағы бизнес-процестердің мазмұнды өзгеруі қарастырылған, сандық экономика жағдайында ақпарат туристік қызметті дамытудың негізгі және айқындаушы факторына айналатыны көрсетілген. Туристік қызметтерді қалыптастырудағы негізгі элемент – сандық экономиканың қазіргі парадигмасына сәйкес келетін ақпарат екендігі көрсетілген. Цифрлық экономиканың жұмыс істеу мүмкіндігін қамтамасыз ететін ақпараттық-коммуникациялық технологиялар секторының даму статистикасы ұсынылған. Туризм индустриясында қолданылатын жаңа сандық технологиялар, туризм индустриясының ақпараттық кеңістігінің сипаттамасы берілген.

Түйін сөздер: туризм саласы, цифрлық экономика, туризм экожүйесі, цифрлық технологиялар, ақпараттық және коммуникациялық технологиялар.

Шаш Н.Н.¹, Пшембаева Д.²

¹Д.э.н., профессор, Российский экономический университет им. Плеханова,
Россия, г. Москва, e-mail: nat_vshu@mail.ru

²Докторант, Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет,
Казахстан, г. Семипалатинск, e-mail: b.sydyk@yandex.ru

Новая парадигма модернизации отрасли туризма в условиях цифровой экономики

В статье рассмотрены современные особенности сферы туризма, ее роль и значение в экономике страны, количественные и качественные изменения, протекающие в этой сфере, в том числе по численности занятых, средней заработной плате, вкладываемых инвестициях, степени износа основных фондов туристических организаций. В статье проведен анализ современного информационного состояния развития туристской индустрии, рассмотрено содержательное изменение бизнес-процессов в туризме при внедрении новых информационно-коммуникационных технологий, показано, что в условиях цифровой экономики информация становится ключевым и определяющим фактором развития туристской деятельности. Показано, что в туризме основным элементом при формировании туристских услуг выступает информация, что созвучно современной парадигме цифровой экономики. Представлена статистика развития сектора информационно-коммуникационных технологий, который обеспечивает возможности функционирования цифровой экономики. Дана характеристика информационного пространства индустрии туризма, новейших цифровых технологий, которые начинают применяться в индустрии туризма.

Ключевые слова: отрасль туризма, цифровая экономика, экосистема туризма, цифровые технологии, информационные и коммуникационные технологии.

Introduction

The level of tourism and service development is one of the parameters that characterize the socio-economic development of countries and the degree of well-being of the population (Seetana, 2011). Tourism is actively developing in those countries where the income level of the population is high enough and the need to maintain and restore the health of the nation is formed. Tourism is not only the largest, but also the fastest growing sector of the world economy, the growth rate of which is almost 2 times higher than the growth rate of other sectors of the economy. In terms of key indicators, including the effectiveness of investments, tourism is comparable to the oil industry. The tourism industry accounts for about 10% of the world total product, 30% of world exports of services, 7% of world investments, 10% of jobs, and 5% of all tax revenues (WTTC, 2018). Tourism has become the most important area of economic activity for the world economy as a whole, and for the national economies of many countries.

In addition, tourism and the hospitality industry are an information-rich field where the collection, transmission and processing of digital information are of great importance in making decisions at all levels of tourism management. Technological advances have already had a significant impact on how the tourism industry does business. The Internet

has become a key source of information for tourists, giving them the opportunity to receive information both directly from destinations and travel agents, as well as from individual passengers through social networks, blogs and websites that provide various useful travel information. The development of digital technologies forms the main trends in the development of the global tourism industry market in the world, including in Kazakhstan.

The President of the Republic of Kazakhstan, N. Nazarbayev, in his traditional annual Address to the Nation of Kazakhstan on January 10, 2018, "New Development Opportunities in the Context of the Fourth Industrial Revolution" (Nazarbayev, 2018), pays special attention to ubiquitous digitalization. Kazakhstan within the framework of the State Program "Digital Kazakhstan" (State program "Digital Kazakhstan", 2017) plans to introduce information technologies in five main areas: digitalization of economic sectors, transition to a digital state, implementation of a digital silk road, development of human capital, creation of an innovation ecosystem. At the present time, there is no any integrated application or platform in the tourist market of the Republic of Kazakhstan that could fully provide visitors of the country, as well as domestic tourists with all the necessary information. Currently, tour operators offer almost identical tour packages (visiting the most famous sights). At the same time, it is necessary to expand the range of

offers and increase information accessibility with the help of more creative, innovative solutions, which allows an increase in the number of repeated trips and visits. The above carries a very important message for Kazakhstan, namely: it is necessary immediately begin developing a professional national Internet platform, integrating into it the key marketing and booking functions, and start promoting it on the international market as part of the country's national marketing strategy.

The purpose of this article is to form a new paradigm of tourism industry modernization, as well as a detailed analysis of digital tourism zones and the development of destination potential in the digital economy conditions.

Literature review

An analysis of recent research and publications has shown that the work of domestic and foreign researchers is devoted to the study of the essence of digital transformation. So, in the research of Ardolino et al. (2018) reviewed the role of digital technologies for the service transformation of industrial companies. Korpela et al. (2017) explain how supply chain integration through the blockchain technology can achieve disruptive transformation in digital supply chains and networks. Al-Sai & Abualigah (2017) in their research explore a review in big data issues that applied to e-government as well as challenges and issues facing these agencies and proposed a possible solution for the challenges of implementing big data in e-government. The problems of digital transformation in financial services are reviewed in the research of Scardovi (2017). The research of Luna-Reyes, & Gil-Garcia (2014) present a theory of the co-evolution of technology, organizational networks, and institutional arrangements in the transformation of government. Authors as Yakushenko & Shimanskaya (2017) substantiate the need for digital transformation of information support for economic management, as well as consider examples of the development of digital technologies in various fields of activity. Ziyadin et al. (2019) note the need for accelerated technological modernization through the cultivation and introduction of new industries, the development of industrial and tourist infrastructure. In the research work of Watkins et al. (2018) examines the impact of digital development on the tourism industry. It also considers the advantages of information technology in the promotion of e-tourism. In the research work of Xiang (2018)

presents an overview of the research development over the last twenty years on information technology and tourism. It argues that knowledge created in the last two decades can be characterized as consisting of two distinct eras, i.e., Digitization (1997–2006) and Age of Acceleration (2007–2016), which reflected the general understanding of how technology has transformed our society and economy. In the research paper of Benyon et al. (2014) provides an introduction to digital tourism as mediated by presence research as a means to create substantive user experiences (UX) for visitors. The research paper of Ch'ng (2011) focuses on new media-enhanced exploration and learning of culture and heritage. It aims to bridge the continuity of the visitor experience prior to, during, and after the visit, tools for urban heritage managers and how data from the continuity of tourist information processing may be used for planning and sustainable development of heritage sites. Despite the presence of scientific interest in the research as a whole, currently the unresolved part is the problem of forming a new paradigm of tourism industry modernization in the digital economy conditions. On this basis, there is a need for a more detailed study of the essence of digital transformation in modern tourism activities and the identification of its main trends, since the lack of knowledge and lack of systematization of directions creates certain difficulties in the process of developing strategy.

The aviation, travel and tourism industry has been at the forefront of digital innovation, but industry and technology trends suggest that further change lies ahead. The sector has been an early adopter of digital technologies and platforms, but steep demand for travel, driven by a growing middle class in emerging markets and the increasing importance of digital experiences, implies that further digitalization will be vital if the expectations of tomorrow's consumers are to be met. Four themes have been identified that will take center stage in shaping travel and tourism over the next decade:

1. *Living travel experience.* Travelers will experience seamless journeys tailored to their habits and preferences. Companies along the Aviation, Travel and Tourism industry journey will optimize customer experience by collecting and exchanging data, and continuously generating insights. In time, travel will become frictionless, blending seamlessly with other everyday activities.

2. *Enabling the travel ecosystem.* Ecosystem roles are blurring as stakeholders throughout the customer journey vie to own the customer

relationship. Digital platforms that enable ecosystem alliances will continue to emerge, as asset and information sharing become increasingly important from a B2B perspective.

3. *Digital enterprise.* Digital technologies that revolutionize manufacturing, optimize the real-time use of assets and eventually augment the industry workforce will transform operations. Innovations such as 3D printing, AI, the Internet of Things (IoT), virtual reality (VR) and digital platforms will enable flexible working and changes to core operational processes.

4. *Safety and security.* As identity management becomes increasingly digital, a collaborative effort towards boosting cybersecurity and protecting the privacy of traveller data will be crucial to maintaining customer trust and public safety. Digital

technologies (e.g. biometrics such as facial recognition, IoT, crowd analytics and video monitoring via AI) will be used to create a ubiquitously secure environment (Weinelt, & Moavenzadeh, 2017).

Information support of tourism is a set of information database on tourism activities and specialized information technologies intended for its processing, which ensure the effective functioning of the tourism system (Gretzel, 2015). The travel ecosystem (Figure 1) has helped shape customer expectations for on-demand and convenient services through digital innovation, both within and across industry boundaries. The next step is for organizations that are lagging to change how they work, so that they too can capture the opportunities that digital transformation presents.

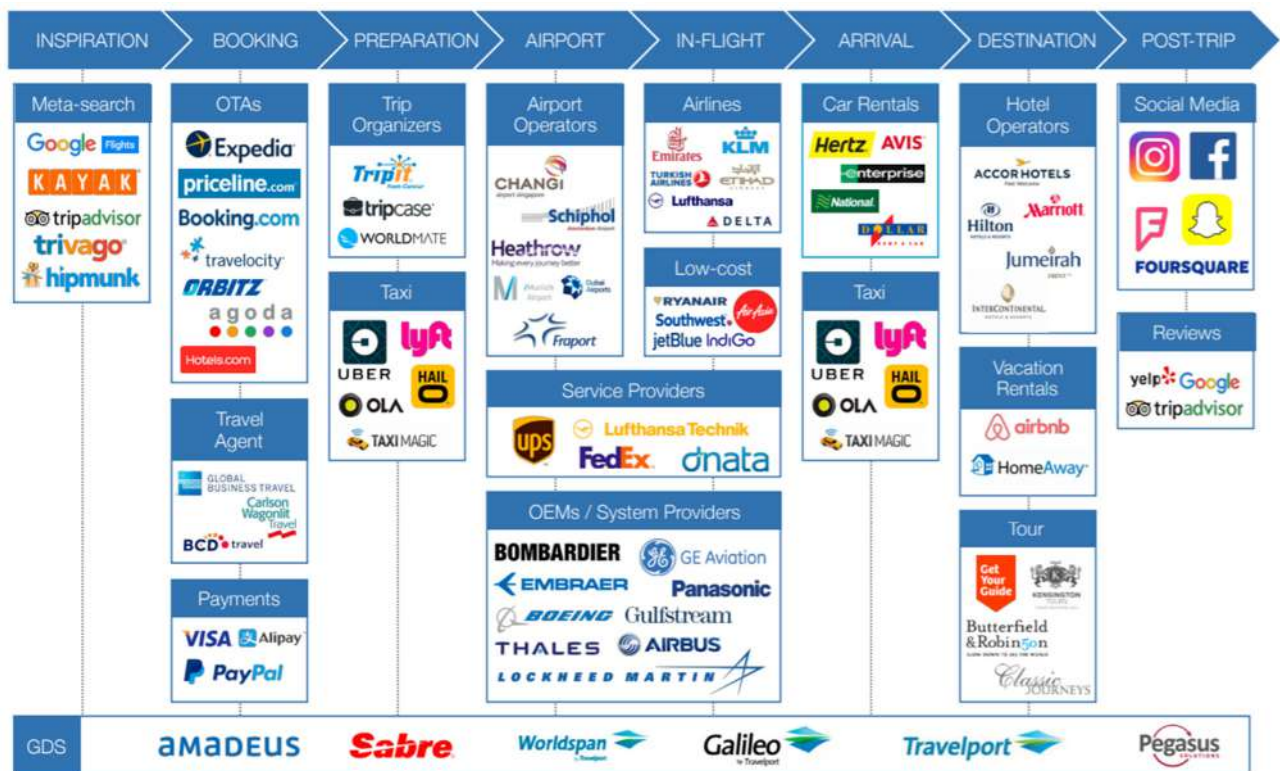

Figure 1 – The Aviation, Travel and Tourism Ecosystem
Source: Spelman, 2017

The transformation is encapsulated in a macro trend: from the traditional economy to the new economy, i.e. from manufacturing to services. Digital is one of the developments that enables companies to offer services instead of products. As

an industry, aviation, travel and tourism has a head start, because of its position as a heavily service-oriented ecosystem at the “digital economy” end of the spectrum (Weinelt, & Moavenzadeh, 2017).

Methodology

Kazakhstan, having rich touristic and recreational potential, is characterized by an unfortunately inadequate level of touristic development.

According to the index of competitiveness of travel and tourism, Kazakhstan in 2017 ranked 81st out of 136 countries, and in 2015 – 85th of 141

countries. Kazakhstan improved its position by four spots to 81st in the latest World Economic Forum’s (WEF) Travel & Tourism Competitiveness Index (Figure 2). The index is published biannually and compares 136 economies on factors and policies enabling sustainable travel and tourism development, which contributes to the development and competitiveness of a country, according to the WEF report (WEF, 2017).

Kazakhstan – 81st / 136	
Key Indicators	Score
International tourist arrivals	4,559,500
International tourism inbound receipts	US \$1,533.6 million
Average receipts per arrival	US \$336.4
T&T industry GDP <i>% of total</i>	US \$3,077.5 million 1.6%
T&T industry Share of GDP (% GDP)	1.6
T&T industry employment <i>% of total</i>	150,585 jobs 1.7%
T&T industry Share of Employment (% total employment)	1.7

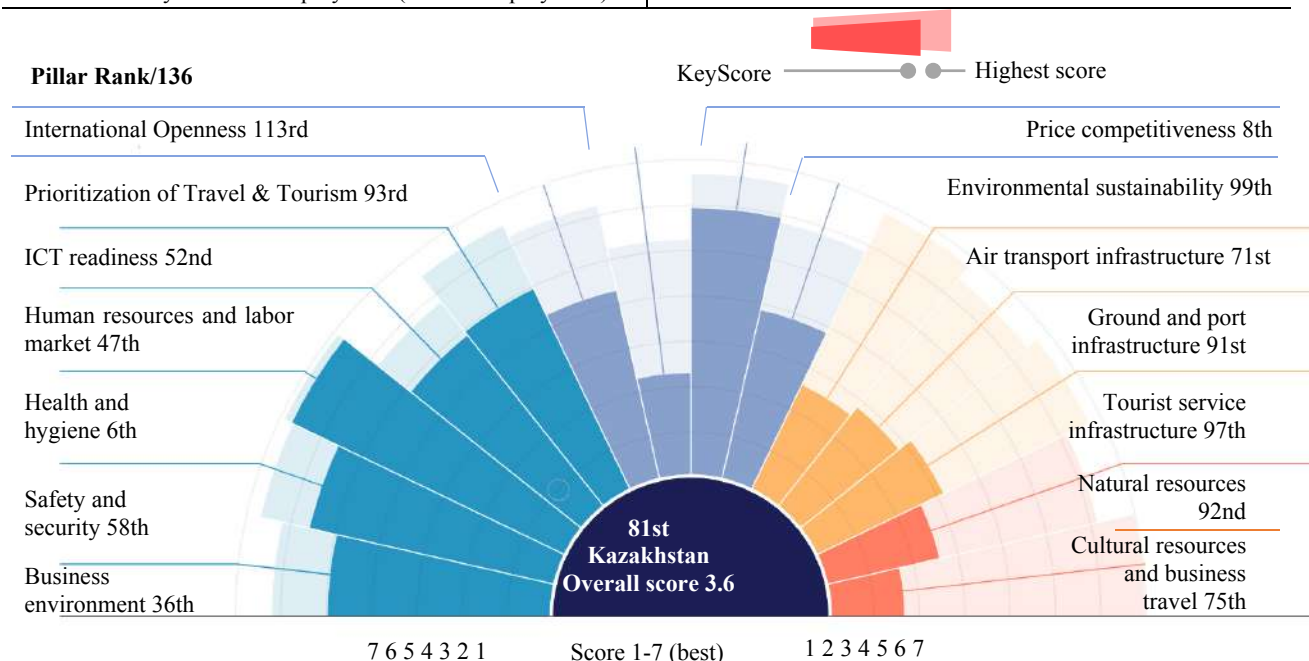

Figure 2 – Travel and Tourism Competitiveness Index of Kazakhstan
Source: WEF, 2017

Kazakhstan’s information and communications technologies (ICT) readiness was ranked 52nd. The report shows that within the tourist service infrastructure pillar, quality of tourist infrastructure and the presence of major car rental companies has a negative impact in this regard. In the Eurasian

region, Kazakhstan is in fourth place after Russia (43rd in the global rank), Georgia (70) and Azerbaijan (71). The country was followed by Armenia (84), Tajikistan (107) and the Kyrgyz Republic (115). Its share in the gross domestic product (calculated for accommodation and food

services only) in 2015 is about 0.3%, and the gross added value created directly in tourism was 406.4 billion KZT, or 1.0%, of Kazakhstan's GDP, which is a relatively low index. For comparison, the contribution of the tourism sector to the Turkish GDP is 10.9%, whilst in the UAE GDP is 14.3%. In 2016, the number of employees in the tourism sector was 43.7 thousand people (WEF, 2017).

The online travel market is developing rapidly all over the world and is estimated at \$ 300 billion. However, if at least 60% of tickets in the US are sold online, in Europe at least 50%, in Kazakhstan it is no more than 8-10%. Today travel is much easier than, say, 10-15 years ago. Hotels, flights, travel programs, car rental and even a table in a restaurant can be booked worldwide using reservation systems, that is, online. According to statistics of the National Bank of Kazakhstan, in 2013 the volume of online payments amounted to 265.4 billion KZT. Growth compared with 2012 – 81.5% (119.2 billion KZT). At the same time, the share of tourism from the total amount of all Internet payments does not exceed 1%.

Kazakhstan currently occupies the 90th place in the WEF rating on the use of information and communication technologies, which is also associated with the low activity of the business environment for the introduction of new technologies in its work, including in the tourism sector (innovative activity of the business is 7%). Thus, the support of participants in the tourist industry in technological development and assistance in the digitalization of the industry can give a significant impetus to the development of domestic and inbound tourism by increasing the awareness of potential tourists about the tourist offers and the convenience and simplicity of the booking process and purchase of tour packages.

World Tourism Barometer – the analytical center of the World Tourism Organization – shows that in 2017 over 1.3 billion international travels were made. This is 7% more than in the previous year. Skift information platform experts agree: 2018 will be marked by the personalization of online travel via artificial intelligence, VR and digital assistants. According to the forecast of the international research agency IDC, by 2020 revenues from the implementation of cognitive technologies and artificial intelligence systems will exceed \$ 46 billion. For comparison, in 2017 they amounted to \$ 12.5 billion. In the tourism business, the demand for them is great, and the benefits are undoubted: data sets increase to alarming proportions and become not a competitive

advantage, but a burden. Customers still prefer a personal or seeming appeal. According to Inter Globe Technologies, which manages business processes in the travel industry, personalized offers on online travel agency sites (OTA) push 50% of users to purchase.

The Republic of Kazakhstan has the following problems associated with creating a convenient information environment for tourists:

- absence or underdevelopment of basic physical infrastructure (signs, parking, additional services, accommodation, etc.);
- low level of integration of modern tourism technologies and low digitization;
- low level of awareness and knowledge of real tourist funds of the country (data, information, etc.);
- lack of a holistic tourist product from all available tourist segments (each works in isolation);
- the lack of a common tourism identity in the country, as well as a unified vision in the private sector.

The above carries a very important message for Kazakhstan, namely: you must immediately begin to develop a professional national Internet platform, integrating key marketing and booking functions into it, and start promoting it on the international market as part of the country's national marketing strategy.

One of the most important positive effects of tourism on the economy of the host destination is expressed in the multiplication effect or multiplier effect. The multiplicative effect of tourism is manifested in the process of the growing demand for the consumption of tourist services, causing the development of many related tourist activities, industries in the territories visited by tourists.

Tourism multiplier is a numerical factor that shows how many times the gross regional product will increase or decrease as a result of an increase or decrease in tourist spending. It characterizes the difference between direct income and indirect income from tourism at the local, regional or national level. This means that the higher the tourist multiplier, the more successfully the economy of the tourist destination develops. In developed sustainable destinations, the multiplier is higher than, for example, in island destinations, which must import a significant amount of goods to serve tourists (Pisarevskii, 2014).

The multiplier of international tourism is inversely proportional to the propensity to acquire imported products. Accordingly, the less the propensity to consume foreign goods and services,

the greater will be the multiplier. Relatively small changes in the expenses of foreign tourists may cause significant changes in the incomes of residents of tourist centers.

$$\begin{aligned} & \text{Multiplier of international tourism} = \\ & = \text{increase in incomes of local} \\ & \text{residents} / \text{initial expenses of foreign tourists} \end{aligned} \quad (1)$$

To measure the final effect, you will need to enter the following notation: E – initial expenses of foreign tourists in the country of temporary residence (expenses); In – income of domestic economic entities (internal income); P_n – propensity to purchase domestic products (propensity to national products); P_{im} – propensity to purchase imported products (propensity to imports); n – the number of cycles of multiplicative expansion; k – the multiplier of international tourism (International tourism multiplier, Multiplier of international tourism).

If all the costs of foreign tourists, carried out in the tourist center, will be directed to the purchase of domestically produced products, then the amount of expenses will be fully the increase in income of local residents:

$$E = \Delta In \quad (2)$$

In the second cycle, the amount of income of local residents will be reduced by the number of imported products in accordance with the tendency of consumers to purchase imported products: $P_n E$.

In the third cycle, the balance of funds circulating within the national economy will be reduced in a similar way and will be: $2P_n E$; in the fourth – $3P_n E$ etc.

The total increase in income of local residents as a result of expenses incurred by foreign tourists will amount to the estimated income.

$$\Delta In = E + \frac{E}{P_n} + \frac{E}{P_n^2} + \frac{E}{P_n^3} + \dots + \frac{E}{P_n^n} \quad (3)$$

The given expression is an infinitely decreasing geometric progression, therefore, equation (3) has the form:

$$\Delta In = \frac{E(1-P_n^n)}{1-P_n} \quad (4)$$

Substituting the resulting expression (4) into formula (2), we get

$$k = \frac{\Delta In}{E} = \frac{E(1-P_n^n)}{(1-P_n)} = \frac{1-P_n^n}{1-P_n} \quad (5)$$

For an infinitely decreasing geometric progression, the quantity P_n where $n \rightarrow 0$, therefore, can be neglected. As a result, the multiplier of international tourism takes the form:

$$k = \frac{1}{1-P_n} = \frac{1}{P_{im}} \quad (6)$$

The multiplier of international tourism is a change in the incomes of local residents of the tourist center and the initial expenses of foreign tourists that caused this change in income. The multiplier shows how many times the income of local residents will increase with an increase in the cost of foreign tourists by one. The multiplier in its present form (5) is among the simple ones, because it is based on a very elementary model of the economy. This multiplier provides for the withdrawal of only the amount spent on the purchase of imported products by visiting tourists and local consumers, and manufacturers. In fact, the sequence of cycles may be attenuated due to withdrawals made in each cycle in the form of savings, taxes and other deductions (Watkins et al., 2018).

Results and discussion

The application of this method in practice demonstrates the wide possibilities for its use in investment design, especially in conditions of uncertainty and increased risk. This method is convenient for practical application in that it successfully correlates with other economic-statistical methods, as well as with game theory. In addition, it gives more optimistic estimates in comparison with other methods.

First, the basic statistical indicators of the Republic of Kazakhstan should be determined (Table 1).

Table 1 – Statistic base of income in RK for 2016-2017 years according for foreign tourists coming

Indicators	2016	2017	The change (Δ)
Income in the state budget of the Republic of Kazakhstan (KZT million)	9308485,2	11567692	2259206,3
Import (USD million)	22566,6	27566,6	5000
Import (KZT million)	7221312	8986712	1765399,6

Note – compiled by authors based on data of RK Agency for Statistics

As indicated in Table 2, import in KZT:

$$22566,6 \cdot 320 = 7221312 \text{ KZT million (2016);}$$

$$27566,6 \cdot 326 = 8986712 \text{ KZT million (2017).}$$

To determine the multiplier of international tourism, P_{im} should be found:

$$P_{im} = \frac{\Delta M}{\Delta Y} \quad (7)$$

where P_{im} is the ultimate propensity to import, ΔM is the change in the volume of imports, and ΔY is the change in the volume of national income in the previous period. The multiplier of international tourism is thus:

$$k = \frac{1}{\frac{1765399,6}{2259206,3}} = 1,28 \quad (8)$$

Some authors define this indicator as a multiplier of costs or revenues when the economic variable is the aggregate regional product or income, which is determined by the gross expenditure of travelers on the acquisition of goods and services (Watkins et al., 2018).

Conclusion

The development of the digital economy will drastically change the infrastructural support of many types of economic activity, including tourism, increasing the importance of the information component. Due to the fact that the digital economy is based on the ideology of processing large volumes of information, then a high-tech system will become particularly important for the safe, reliable, long-term storage of large amounts of information, as

well as a subsystem for ensuring their security. In the conditions of the digital economy, social life and tourist activities are becoming more and more technologized, a single information space is being created in the field of world tourism, new principles of information support and tourism management are being formed. Information support of the tourist business and its digitalization are a strategic resource for enhancing the competitiveness of tourism. The current ecosystem of the tourism sector largely depends on access to the Internet, electronic transactions and services provided through the network, so the deployment and use of digital solutions is the basis for adaptation to business needs, both from the point of view of the user and service provider. This situation is like the situation in other sectors, but given the variety of intermediary schemes in tourism, here the need for its use is greater. This facilitates unified access to content, services, applications and tools, improves the efficiency of activities in the organization, simplifies the coordination of working groups and real-time interaction in projects, improves distance learning.

Among the main advantages of digital transformation for tourism is the deepening of knowledge of the traveler based on the analysis of the data obtained; reducing the time that must be allocated to inputs, outputs information, management and administrative processes; availability of smart payment mechanisms and payment by the client of only those services that it consumes. In other words, in the tourism industry, important trends in digital transformation have emerged, and the integration of these technologies into tourism products and services is a fundamental element of the innovation process leading to intelligent tourism.

References

- Al-Sai Z.A., Abualigah L.M. (2017) Big data and e-government: a review. 8th International Conference on Information Technology (ICIT).
- Ardolino M.R., Rapaccini M., Sacconi N., Gaiardelli P., Crespi G., Ruggeri C. (2018) The role of digital technologies for the service transformation of industrial companies. *International Journal of Production Research*, vol. 6 (56), pp. 2116-2132.
- Benyon D., Quigley A., O'Keefe B., Riva G. (2014) Presence and digital tourism. *AI & society*, vol. 29(4), pp. 521-529.
- Ch'ng E. (2011) Digital heritage tourism: Reconfiguring the visitor experience in heritage sites, museums and architecture in the era of pervasive computing. In *Percorsi creative di turismo urbano (Creative Paths Of Urban Tourism) Conference*, pp. 22-24.
- Gretzel U.S. (2015) Smart tourism: foundations and developments. *Electronic Markets*, vol. 3(25), pp. 179-188.
- Korpela K., Hallikas J., Dahlberg T. (2017) Digital supply chain transformation toward blockchain integration. *Proceedings of the 50th Hawaii international conference on system sciences*.
- Luna-Reyes L.F., Gil-Garcia J.R. (2014) Digital government transformation and internet portals: The co-evolution of technology, organizations, and institutions. *Government information quarterly*, vol. 31(4), pp. 545-555.
- Ministry of national economy of the Republic of Kazakhstan Committee on statistics (2017) *Tourism of Kazakhstan Statistical collection 2012-2016*, <http://stat.gov.kz/>
- Nazarbayev N. (2018). New opportunities under the fourth industrial revolution. State of the Nation Address by the President of the Republic of Kazakhstan, http://www.akorda.kz/en/addresses/addresses_of_president/state-of-the-nation-address-by-the-president-of-the-republic-of-kazakhstan-nursultan-nazarbayev-january-10-2018.
- Pisarevskii E.L. (2014) *Osnovy turizma: uchebnik/kollektiv avtorov*. M.: Federal'noe agentstvo po turizmu.
- Scardovi C. (2017) *Digital transformation in financial services*. Springer.
- Seetanah B. (2011) Assessing the dynamic economic impact of tourism for island economies. *Annals of Tourism Research*, vol. 38(1), pp. 291-308.
- Spelman M.W. (2017) *Digital Transformation Initiative Aviation, Travel and Tourism Industry*. Geneva, Switzerland: World Economic Forum White Paper.
- State program "Digital Kazakhstan", Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated December 12, 2017 № 827, <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827>.
- Watkins M., Ziyadin S., Imatayeva A., Kurmangalieva A., Blembayeva A. (2018) Digital tourism as a key factor in the development of the economy. *Economic Annals-XXI*, vol. 169(1-2), pp. 40-45.
- Weinelt B., Moavenzadeh J. (2017) *Digital Transformation Initiative: Aviation, Travel and Tourism Industry*. In Geneva, Switzerland: World Economic Forum.
- World Tourism Organization (UNWTO) (2017) *UNWTO Tourism Highlights*, <https://www.e-unwto.org/>
- World Travel & Tourism Council (2018) *Travel & Tourism Economic Impact 2018*. The Harlequin Building, 65 Southwark Street, London SE1 0HR, United Kingdom: The authority on world travel & tourism.
- Xiang Z. (2018) From digitization to the age of acceleration: On information technology and tourism. *Tourism management perspectives*, vol. 25, pp. 147-150.
- Yakushenko K.V. (2017) Tsifrovaya transformatsiya informatsionnogo obespecheniya upravleniya ekonomikoy gosudarstv-chlenov EAES. *Novosti nauki i tekhnologiy*, vol. 2, pp. 11-20.
- Ziyadin S., Litvishko O., Dubrova M., Smagulova G., Suyunchaliyeva M. (2019) Diversification tourism in the conditions of the digitalization. *International Journal of Civil Engineering and Technology*, vol. 10(2), pp. 1055-1070.

Талимова Л.А.¹, Калкабаева Г.М.²

¹д.э.н., профессор, e-mail: laztal@mail.ru

²к.э.н., доцент, e-mail: aisanatazhbaeva@mail.ru

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, Казахстан, г. Караганда

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО СЕКТОРА КАЗАХСТАНА

Развитие инновационного сектора является важной задачей экономической политики любого государства. В Казахстане предпринимаются определенные меры по формированию эффективной модели инновационного развития экономики, ежегодно увеличивается объем финансирования инновационной сферы. Вместе с тем, в данной сфере сохраняются проблемы несовершенства действующей нормативно-правовой базы, отсутствия благоприятных условий для ведения инновационной деятельности предприятий, низкой доступности финансово-кредитных ресурсов и др. Потребности субъектов инновационного сектора в значительных инвестиционно-кредитных ресурсах обуславливают необходимость поиска новых подходов к привлечению инвестиций, формированию эффективной системы финансирования инновационной сферы, что и обуславливает актуальность темы исследования. Цель исследования заключается в комплексном исследовании существующих источников финансово-кредитного обеспечения инновационного сектора в Республике Казахстан и оценке их влияния на развитие инновационного сектора. В статье выявлены сильные и слабые стороны, угрозы и возможности сложившейся системы финансирования инновационного сектора, определены направления ее совершенствования. На основе применения регрессионного анализа в статье исследуется возможное изменение объемов экспорта высокотехнологичных товаров в условиях влияния таких источников его финансово-кредитного обеспечения, как затраты на проведение научных разработок, и исследований, объемы банковского кредитования, иностранные инвестиции, инвестиционный потенциал пенсионного и страхового секторов. Результаты исследования показали, что на объемы экспорта высокотехнологичной продукции значительное влияние оказывают затраты на НИОКР, банковские кредиты частному сектору, активы пенсионного и страхового секторов. Методические подходы, изложенные в данном исследовании, могут быть использованы государственными органами при разработке целевых программ и мер финансовой поддержки инновационного сектора. Результаты исследования могут быть также использованы в деятельности финансово-кредитных организаций для дальнейшего развития взаимоотношений с предприятиями инновационного сектора экономики.

Ключевые слова: инновационный сектор, банковское кредитование, НИОКР, институты развития, инвестиции, венчурные фонды.

Talimova L.A.¹, Kalkabaeva G.M.²

¹Doctor of Economic Sciences, Professor, e-mail: laztal@mail.ru

²Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, e-mail: aisanatazhbaeva@mail.ru
Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz, Kazakhstan, Karaganda

Sources of financial and credit support for the innovation sector of Kazakhstan

The development of the innovation sector is an important task of the economic policy of any state. In Kazakhstan, certain measures to form an effective model of innovative development of the economy are being taken, the amount of funding for the innovation sector is increasing annually. At the same time, in this area, problems of imperfection of the current regulatory framework, lack of favorable conditions for conducting innovation activities of enterprises, low availability of financial and credit resources, etc., remain. Needs of innovation sector entities in significant investment and credit resources necessitate finding new approaches to attraction of investments, formation of an effective system of financing the innovation sphere, which determines the relevance of the research topic. The purpose of the study is to conduct a comprehensive study of existing financial and credit sources of financing the innovation sector in the Republic of Kazakhstan and assess their impact on the development of the innovation sector. The article identifies the strengths and weaknesses, threats and opportunities of the existing system of financ-

ing the innovation sector, identifies areas for its improvement. Based on the application of regression analysis, the article investigates the possible change in the volume of exports of high-tech goods under the influence of such sources of financial and credit support as the costs of research and development, bank lending, foreign investment, and the investment potential of the pension and insurance sectors. The results of the study showed that the volume of export of high-tech products is significantly affected by the costs of R&D, bank loans to the private sector, assets of the pension and insurance sectors. The methodological approaches outlined in this study can be used by government agencies in developing targeted programs and measures for financial support for the innovation sector. The results of the study can also be used in the activities of financial and credit organizations for the further development of relationships with enterprises of the innovation sector of the economy.

Key words: innovative sector, bank lending, R & D, development institutions, investments, venture funds.

Талимова Л.А.¹, Калкабаева Г.М.²

¹Э.ф.д., профессор, e-mail: lazta@mail.ru

²Э.ф.к., доцент, e-mail: aisanatazhbaeva@mail.ru

Қазтұтынуодағы Қарағанды экономикалық университеті, Қазақстан, Қарағанды қ.

Қазақстанның инновациялық секторын қаржы-несиелік қамтамасыз ету көздері

Инновациялық секторды дамыту кез келген мемлекеттің экономикалық саясатының маңызды міндеті болып табылады. Қазақстанда экономиканы инновациялық дамытудың тиімді моделін қалыптастыру бойынша белгілі бір шаралар қабылдануда, жыл сайын инновациялық саланы қаржыландыру көлемі ұлғаюда. Сонымен қатар, осы салада қолданыстағы нормативтік-құқықтық базаның жетілдірілмеуі, кәсіпорындардың инновациялық қызметін жүргізу үшін қолайлы жағдайлардың болмауы, қаржы-кредит ресурстарының төмен қолжетімділігі және т.б. мәселелер сақталып отыр. Инновациялық сектор субъектілерінің едәуір инвестициялық-кредиттік ресурстарға қажеттілігі инвестицияларды тартуға жаңа тәсілдерді іздестіру, инновациялық саланы қолдаудың тұрақты қаржы-кредиттік тетігін қалыптастыру, оның тиімділігін бағалаудың нақты әдістемесін әзірлеу қажеттілігін негіздейді, бұл зерттеу тақырыбының өзектілігін негіздейді. Зерттеудің мақсаты Қазақстан Республикасындағы инновациялық секторды қаржыландырудың қазіргі көздерін кешенді зерттеу және олардың инновациялық секторға әсерін бағалау болып табылады. Инновациялық секторды қаржыландырудың қалыптасқан қаржы-кредиттік тетігінің күшті және әлсіз жақтары, қатерлері мен мүмкіндіктері анықталды, халықаралық тәжірибені ескере отырып, инвестициялық-инновациялық жобаларды мемлекеттік қолдау жүйесін жетілдіру бағыттары айқындалды. Мақалада инновациялық секторды қаржы-несиелік қамтамасыз ету көздері қарастырылды, ғылыми әзірлемелер мен зерттеулер жүргізуге арналған шығындарды, банктік несие беру көлемін, шетелдік инвестицияларды, зейнетақы және сақтандыру секторларының инвестициялық әлеуетін кешенді талдау негізінде Қазақстандағы инновациялық секторды қаржыландыруда мәселелер анықталды. Осы зерттеуде баяндалған әдістемелік тәсілдерді мемлекеттік органдар мақсатты бағдарламалар мен инновациялық секторды қаржылық қолдау шараларын әзірлеу кезінде пайдалануы мүмкін. Зерттеу нәтижелері сондай-ақ экономиканың инновациялық секторының кәсіпорындарымен өзара қарым-қатынасты одан әрі дамыту үшін қаржы-несие ұйымдарының қызметінде пайдаланылуы мүмкін.

Түйін сөздер: банк несие, инновациялық сектор, ФЗТКЖ, даму институттары, инвестициялар, венчурлік қорлар.

Введение

Одним из самых эффективных стимулов активизации инновационной деятельности является финансово-кредитный, поэтому вопросы, связанные с формированием и совершенствованием системы финансового обеспечения инновационного сектора и поиском перспективных источников его финансирования и кредитования, остаются наиболее актуальными. Финансово-кредитные стимулы способствуют активно-

му развитию инновационной деятельности при условии соответствующего инфраструктурного, правового и управленческого обеспечения.

Повышение технологического уровня производства и инновационной активности казахстанских предприятий однозначно требует значительных инвестиций, а также повышения эффективности использования этих средств. Однако результаты исследования показывают, что финансовая поддержка научных исследований и проектно-конструкторских работ остается в

Казахстане слабым звеном инновационной политики. В 2018 г. внутренние затраты на НИОКР в Казахстане составили 0,12% от ВВП, тогда как в странах ЕС этот показатель составляет 1,8%, в США – 2,6%, Корею – 3,64%, Китае – 1,44%. Анализ структуры внутренних затрат НИОКР по источникам финансирования показал, что более 50% всех затрат приходится на бюджетное финансирование, доля частного сектора (собственные средства) – около 40%, доля остальных источников финансирования – менее 8%. Кроме того, выявлены значительные диспропорции в объемах финансирования НИОКР по областям Казахстана, недостаток собственных средств в отдельных регионах не позволяет привлечь и сосредоточить имеющийся внутренний потенциал на реализацию инновационных проектов.

В этой связи определяющим фактором развития инновационного сектора Казахстана стала государственная поддержка. В настоящее время реализуется Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015-2019 гг. (ГПИИР), целью которой является стимулирование диверсификации и повышения конкурентоспособности обрабатывающей промышленности. Основными инструментами поддержки высокотехнологичного сектора со стороны государства выступают: участие в уставном капитале инновационных фондов и инвестиционных фондов, осуществляющих финансирование создания и внедрения инноваций, предоставление инновационных грантов, проектное финансирование, финансирование через венчурные фонды, развитие инновационной инфраструктуры и др. Вместе с тем, реализуемые государством научно-технические и инновационные программы пока недостаточно эффективны, так как отсутствуют заметные позитивные сдвиги. Остается низким уровень координации действий и мер правительства и местных исполнительных органов по поддержке инновационного сектора.

Материалы и методы

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды казахстанских и зарубежных ученых-экономистов в области финансово-кредитного обеспечения инновационной сектора, нормативно-правовые акты Республики Казахстан в сфере развития инноваций и финансово-кредитной системы, Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015-2019 гг.,

аналитические отчеты и исследования, годовые отчеты Банка развития Казахстана. Информационной базой исследования выступили статистические данные Комитета по статистике МНЭ РК, Национального Банка РК, Всемирного банка за 1995-2018 гг.

В процессе исследования использовались методы сравнительного и динамического анализа, **SWOT-анализ системы финансово-кредитного обеспечения инновационной сферы**. Для определения влияния в исследовании применен регрессионный анализ, где в качестве основных переменных были использованы экспорт высокотехнологичных товаров в % от промышленного экспорта РК, расходы на НИОКР в % от ВВП, прямые иностранные инвестиции, внутреннее кредитование частного сектора банками в % от ВВП, активы страховых компаний в % от ВВП, пенсионные активы в % от ВВП. Использование показателя экспорт высокотехнологичных товаров (в % от промышленного экспорта) как результирующего признака обусловлено тем, что это важнейший показатель, представленный в базе данных Всемирного банка и признанный в международной практике, поскольку здесь измеряется результат деятельности инновационного сектора страны и его выход на мировой уровень. Показатели, взятые в качестве факторных признаков, отражают состояние источников финансирования инновационной сферы. В исследовании использованы данные с 1995 по 2018 гг.

Обзор литературы

Понимание того, что в настоящее время усиливается роль инновационного сектора в развитии высокотехнологичной экономики, является ключом к стабильности и благополучию государства. Финансовое обеспечение эффективного функционирования инновационного сектора является объектом активных исследований в связи с необходимостью его совершенствования.

Различные аспекты проблемы были рассмотрены в трудах отечественных и зарубежных ученых, что и явилось научно-методической основой для разработки темы, достижения поставленной цели исследования.

Влияние степени развития фондовых и кредитных рынков на сектор высоких технологий в странах с развитой экономикой исследуется в работе Brown et al. (2017). В свою очередь, в работе Xiao et al. (2012) анализируется, как финансовое развитие влияет на инновационную деятельность компаний, в том числе функциониро-

вание фондового рынка и банковского сектора в странах с различными уровнями государственной собственности на банки.

Проблемы доступности финансово-кредитных ресурсов для инновационных фирм в условиях недостаточно развитого финансового сектора стран с переходной экономикой исследуются в работе Botric et al. (2017).

В статье Hudson et al. (2014) рассмотрена роль финансового сектора ЕС в обеспечении фирм финансово-кредитными ресурсами для продвижения потенциально успешных НИОКР на мировой рынок. Кроме того, Brown et al. (2010) исследуют важность новых государственных фирм и государственного акционерного финансирования для НИОКР и высокотехнологического сектора США.

Исследование венчурного капитала как одного из основных инструментов финансирования инновационных проектов, анализ факторов, влияющих на инвестиции частного венчурного капитала в инновационный сектор, представлено в работе Prohorovs et al. (2012). Также проблемам развития венчурного рынка в Великобритании посвящена статья Gill (2015).

Исследование эффективности программ ЕС по финансовой поддержке инновационно активных предприятий малого и среднего бизнеса, доступности финансовых средств и удовлетворенности сотрудничеством с государственными учреждениями представлено в работе Viskovic et al. (2017). Подробное исследование возможностей оказания финансовой поддержки инновационному сектору путем применения различных государственных инструментов проведено в работах Kruskova et al. (2013), Nicolov (2013).

Проблемы финансового обеспечения развития инновационной деятельности в реальном секторе России исследуются в работе Морковкина (2015: 39-49). Он рассматривает вклад институтов развития в финансовое обеспечение инновационного развития высокотехнологических производств и государственную поддержку приоритетных инфраструктурных проектов в реальном секторе экономики России.

Сравнительный анализ источников финансирования инноваций в отдельных странах представлен в работе Владимировой и др. (2015: 87-94), в результате которого делается вывод о взаимосвязи использования определенных источников финансирования и значимости увеличения масштабов финансовой поддержки высокотехнологических организаций.

В работе Никулиной и др. (2016: 14-31) исследуется участие банковского сектора в системе поддержки инновационных предприятий, обосновывается необходимость более активного вовлечения банков в обеспечение инновационного процесса, предлагается ряд мер по смягчению сдерживающих факторов и совершенствованию банковского регулирования для повышения заинтересованности банков в финансировании инновационных проектов.

По мнению ряда казахстанских – авторов Сатыбалдина и др. (2019: 9-24), одной из основных причин незначительного развития наукоемких производств в Казахстане является недостаток финансирования научно-исследовательской деятельности, сопровождаемый низкой эффективностью использования финансовых ресурсов в научном секторе. В этой связи выделяется несколько институциональных условий, способствующих развитию эффективных моделей финансирования наукоемких производств в Казахстане.

Необходимо согласиться с мнением Кучуковой (2017: 53-60), которая отмечает, что в настоящее время развитие финансового сектора Казахстана носит неустойчивый характер, он не способен в достаточной мере финансировать масштабные инновационные проекты, наблюдается зависимость финансирования приоритетных отраслей экономики от ресурсов, выделяемых государством.

В свою очередь, в исследовании Рахметовой и др. (2017: 100-107) выявляются причины ограниченного участия банков второго уровня в развитии инноваций в реальном секторе экономики Казахстана, предлагаются рекомендации в области совершенствования институциональной среды взаимодействия банковского и инновационного секторов экономики, в том числе посредством использования механизмов государственно-частного партнерства, налогового стимулирования инвестиционной деятельности банков.

Вместе с тем, в трудах казахстанских и зарубежных ученых недостаточно представлены исследования, посвященные вопросам формирования и использования источников финансирования инновационного сектора. Также в экономической литературе имеется необходимость более глубокого исследования степени влияния источников финансового обеспечения на инновационный сектор республики.

Результаты и обсуждение

На основе исследования и обобщения теоретических подходов было определено, что система финансово-кредитного обеспечения инновационной сферы состоит из взаимосвязанных элементов с иерархической соподчиненностью и специфическими функциональными особенностями. В нее включаются такие

элементы как источники финансово-кредитных ресурсов; механизм аккумуляции средств, поступающих из различных источников, и вложения мобилизованного капитала; механизм контроля за использованием инвестированных средств; механизм их возвратности. Конструкция системы финансово-кредитного обеспечения инновационного сектора представлена на рисунке 1.

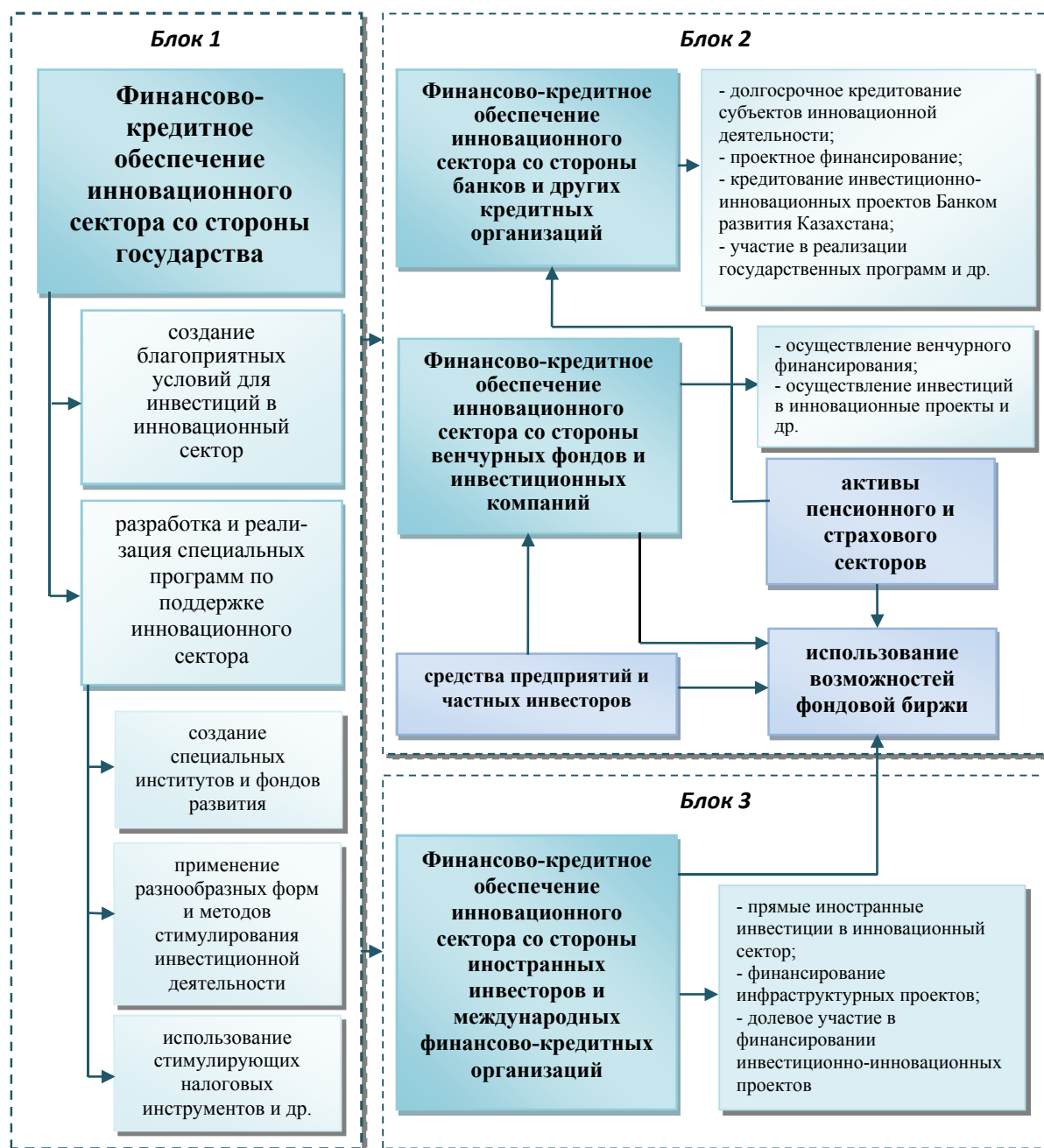

Рисунок 1 – Система финансово-кредитного обеспечения инновационного сектора

Примечание – составлено авторами

Методологический подход, основанный на структурировании источников финансово-кредитных ресурсов, позволяет предложить блочную конструкцию финансово-кредитного обеспечения инновационного сектора, включающую в себя сегменты финансового рынка, финансовые институты и инвестиционно-инновационную политику государства. Возможность деления на соответствующие блоки допускает ранжирование принципов взаимодействия субъектов финансово-кредитных отношений в области поддержки инновационных предприятий.

При этом отличительной особенностью организации финансирования и кредитования субъектов инновационной сферы выступает многообразие источников финансово-кредитных ресурсов и комплексность охвата различных направлений инновационной деятельности. В этой связи было более подробно проанализированы такие источники финансирования инновационного сектора, как кредиты банков, активы страховых компаний, пенсионного фонда, иностранные инвестиции, венчурное финансирование.

В ходе исследования роли банковского сектора в финансировании инновационного сектора было выявлено, что в настоящее время активы банковского сектора Казахстана составляют менее 47% ВВП, а ссудный портфель – 26% ВВП. Проблемы банковской системы страны с финансовой устойчивостью сохраняются, препятствуя развитию кредитования и инвестиционной деятельности. В связи с ограниченностью внешних заимствований и долгосрочного фондирования на внутреннем рынке банки второго уровня вынуждены ужесточать условия кредитования для предприятий реального сектора экономики, в том числе инновационного.

Анализ кредитной деятельности банков второго уровня Казахстана показал, что доля долгосрочных кредитов, предоставленных юридическим лицам, за анализируемый период уменьшилась с 47,8 до 45,9% в структуре ссудного портфеля банков. Кроме того, в 2017-2018 гг. темпы прироста долгосрочных кредитов предприятиям были отрицательными (таблица 1).

Таблица 1 – Банковские кредиты экономике за 2011-2018 гг. (млрд. тенге)

Показатель	2014		2015		2016		2017		2018	
	млрд. тенге	уд. вес, %	млрд. тенге	уд. вес, %	млрд. тенге	уд. вес, %	млрд. тенге	уд. вес, %	млрд. тенге	уд. вес, %
Кредиты банков экономике, из них:	12106,1		12674,2		12859,1		12705,4		13091,7	
кредиты небанковским юридическим лицам, из них:	8091,3	66,8	8510,7	67,2	8816,9	68,6	8164,4	64,2	7789,1	59,5
- долгосрочные кредиты небанковским юридическим лицам	5796,0	47,8	6540,0	51,6	6674,1	51,9	6486,1	51,0	6020,0	45,9
Темпы прироста долгосрочных кредитов небанковским юридическим лицам, %			12,8		2,0		-2,8		-7,2	

Примечание – составлено авторами на основе данных Статистического бюллетеня Нацбанка РК

В 2018 году объем кредитов небанковским юридическим лицам составил лишь 13,2% к ВВП, хотя в развитых странах данный показатель находится на уровне свыше 80%. Приведенные данные свидетельствуют о низкой активности банков второго уровня РК в предоставлении долгосрочных кредитов предприятиям. Следует

учитывать и тот факт, что к долгосрочным кредитам отнесены все кредиты, предоставленные банками на срок свыше одного года. Поэтому при более детализированном анализе на основе показателей суммы кредитов, предоставленных на срок свыше 3-х лет, ситуация с долгосрочным кредитованием еще более критична.

Долгосрочные инвестиции всегда предполагают значительные объемы вложений. Вместе с тем, возможность долгосрочного кредитования ограничена дефицитом долгосрочных ресурсов у самих банков. При рассмотрении структуры пассивов банковской системы можно отметить высокую долю краткосрочных привлеченных ресурсов, которые нецелесообразно использовать для долгосрочных кредитных вложений.

Определенный вклад в развитие высокотехнологического сектора вносит Банк развития Казахстана (БРК) через кредитование несырьевого сектора экономики. Кредитный портфель БРК в 2018 году увеличился на 8,7%, достигнув уровня 1,7 трлн. тенге. В структуре кредитного портфеля БРК около 77% приходится на проекты в обрабатывающей промышленности, в том числе инновационном секторе. Доля кредитного портфеля в активах банка возросла до 67% на конец 2018 года (в 2017 году она составляла 61%). В 2018 году БРК профинансировал 30 проектов на сумму 443 млрд. тенге (Годовые отчеты Банка Развития Казахстана). Следует отметить, что кредитный портфель БРК по долгосрочным займам свыше 1 года в обрабатывающем секторе и инфраструктуре практически равен совокупному портфелю банков второго уровня РК. Причиной сравнитель-

но большого кредитного портфеля БРК в данной области можно назвать то, что в качестве обеспечения БРК принимает будущие денежные потоки, что неприемлемо для других банков второго уровня в современных условиях.

Рассматривая активы пенсионного и страхового секторов как источника финансирования инновационного сектора, можно отметить следующее. За последние годы отмечается рост объемов пенсионных накоплений, аккумулируемых Единым накопительным пенсионным фондом, которые составили на 01.01.2019 года 9377,6 млрд. тенге (или 24,7 млрд. долл. США). Отношение пенсионных накоплений в величине ВВП к началу 2019 года достигло 15,9% (таблица 2). Вместе с тем, данные активы практически не используются для финансирования экономики Казахстана, в том числе инновационного сектора. Сложилась консервативная стратегия управления инвестиционными ресурсами ЕНПФ, когда основная часть пенсионных активов вкладывается в государственные ценные бумаги РК (более 43% инвестиционного портфеля ЕНПФ), государственные ценные бумаги иностранных государств (около 12,7%), депозиты в иностранных банках (3,7%) и ценные бумаги международных финансовых организаций (1,8%).

Таблица 2 – Пенсионные накопления и активы страховых компаний

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	Изменение (+,-)
Пенсионные накопления, млрд. тенге	4517,8	5828,2	6685,3	7780,7	9377,6	+4859,8
Отношение пенсионных накоплений к ВВП, в %	11,7	14,1	15,1	15,1	15,9	+4,2
Активы страхового сектора, млрд. тенге	557,9	824,7	853,6	926,0	1048,5	+490,6
Отношение активов страховых компаний к ВВП, в %	1,59	2,02	1,82	1,74	1,78	+0,19
Примечание – составлено авторами на основе статистических данных Нацбанка РК						

Проведенный анализ страховых компаний РК показал, что инвестиционный потенциал страховых компаний все еще незначителен: активы страхового сектора не превышают 1 трлн. тенге, или 1,8% от величины ВВП. Существующие требования к рейтингам казахстанских эмитентов, в ценные бумаги которых могут быть вложены активы страховых компаний, являются достаточно жесткими, что не способствует направлению данных средств для инвестирования

в национальную экономику, в том числе инновационный сектор. В качестве мер, которые будут стимулировать страховые компании увеличивать инвестиции реальный сектор экономики, можно рассмотреть такие, как предоставление налоговых льгот страховым компаниям, инвестирующим в инновационный сектор экономики; разработка инвестиционных программ на долгосрочной основе с участием инвестиционных ресурсов страховых компаний; оказание

финансовой поддержки тем страховщикам, которые вносят существенный вклад в развитие высокотехнологичных отраслей экономики и др.

При исследовании следующего источника финансирования инновационного секто-

ра – прямых иностранных инвестиций – была выявлена позитивная тенденция увеличения объемов ПИИ в экономику Казахстана до 24,3 млрд. долл. США по итогам 2018 года (рисунок 2).

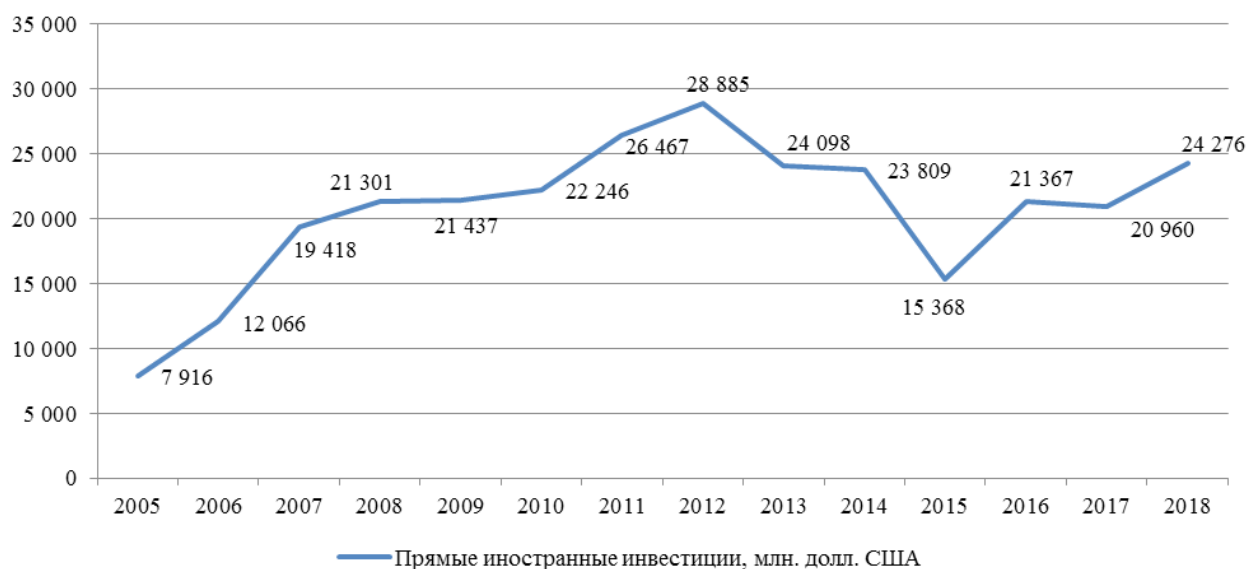

Рисунок 2 – Прямые иностранные инвестиции в Казахстан

Примечание – составлено авторами на основе данных Комитета по статистике МНЭ РК

Структурный анализ ПИИ показал, что в 2018 году иностранный капитал преимущественно направлялся в добывающие отрасли промышленности (в среднем свыше 13,5 млрд. долл. США, или 56% от общего объема ПИИ), в том числе в добычу сырой нефти и природного газа – 12,1 млрд. долл. США, добычу металлических руд – 814,1 млн. долл. США. Вложения инвестиций в обрабатывающую промышленность, в том числе инновационный сектор экономики, составили в 2018 году 3,4 млрд. долл. США, или 14% от общего объема прямых иностранных инвестиций. Следует отметить, что казахстанские предприятия находятся в технологической зависимости от своих партнеров из индустриально развитых стран, так как отечественные технологии значительно отстают от зарубежных аналогов. Для модернизации производств и строительства новых казахстанские компании вынуждены прибегать к импорту технологий и оборудования в крупных масштабах. Зарубежные участники проектов поставляют наиболее дорогостоящие компоненты (лицензированные технологические процессы, катализаторные си-

стемы, контрольно-измерительные комплексы и др.).

Для дальнейшего увеличения притока иностранных инвестиций в экономику Казахстана, в том числе на финансирование инновационного сектора, необходимо повысить эффективность инвестиционной политики государства через создание действенной инфраструктуры, повышение эффективности функционирования специальных экономических зон с акцентом на развитие инновационных технологий и продукции, активизацию деятельности МФЦА по привлечению иностранных инвесторов к финансированию инновационного сектора, привлечение международных консалтинговых компаний для повышения инвестиционной привлекательности инновационных секторов и качественного экономического обоснования инвестиционно-инновационных проектов, реализацию совместных проектов с мировыми транснациональными компаниями несырьевых секторов, адресное поощрение инвестиций в инновационный сектор на основе реализации специальных программ и др.

Исследуя венчурный капитал как источник финансирования инновационного сектора, можно отметить, что в современном мире венчурное финансирование выступает одним из ключевых элементов, обеспечивающих инновационное развитие. Являясь эффективным инструментом финансирования инновационных проектов, механизм венчурного финансирования получил широкое распространение во многих зарубежных странах. Однако в Казахстане рынок венчурных инвестиций находится в начале своего развития. Существующие венчурные фонды не стали источниками финансирования для компаний, реализующих инвестиционно-инновационные проекты. Инвестирование в инновационные проекты осуществляется в основном за счет средств государственного бюджета (Раимбеков, 2005: 108).

В настоящее время совокупный объем венчурного капитала в Казахстане составляет около 260 млн. долл. США. Для сравнения в 1 квартале 2018 года европейские компании получили международный инвестиционный капитал в размере 4,9 млрд. евро (Кулибаева, 2018).

К отечественным венчурным фондам в настоящее время относятся АО «QazTech Ventures», ранее функционировавшее как АО «Национальное агентство по технологическому развитию» (НАТР), теперь входит в структуру АО «Национальный управляющий холдинг «Байтерек», ABC-12BF Seed Fund, Paladigm Capital, ТОО «Венчурный фонд Сентрас» и др.

В соответствии с Законом РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам венчурного финансирования» было введено понятие «венчурный фонд». В целях урегулирования отношений между инвесторами, венчурными фондами и инноваторами в данном законе были предусмотрены договорные инструменты корпоративного права, основывающиеся на элементах английского права, принятых в международной практике. Венчурные фонды включены в число элементов индустриально-инновационной инфраструктуры с предоставлением возможности софинансирования государством венчурных фондов через институты развития и другие национальные компании.

Вместе с тем, факторами, сдерживающими развитие венчурного финансирования в Казахстане, выступают недостаточный уровень развития фондового рынка, недостаточность мер и механизмов государственного стимулирования, недостаточное количество качественных инновационных проектов, которые могли бы заинтересовать крупных венчурных инвесторов, незначительные объемы предлагаемых венчурных инвестиций, небольшое число их источников, низкий уровень контроля и мониторинга использования финансовых ресурсов венчурных фондов и т.д.

На основе исследования существующей в Казахстане системы финансово-кредитного обеспечения инновационного сектора был проведен ее SWOT-анализ (таблица 3).

Таблица 3 – SWOT-анализ системы финансово-кредитного обеспечения инновационного сектора

Сильные стороны	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> - реализация целевых государственных программ под держки высокотехнологичного сектора; - создание специальных организаций, ответственных за реализацию мер по поддержке инновационного сектора; - активизация деятельности Банка развития Казахстана по финансированию крупных инновационных проектов; - положительная динамика объемов иностранных инвестиций в Казахстан; - создание специальных экономических зон для развития инновационного сектора, МФЦА, венчурных фондов; - реализация программ повышения финансовой устойчивости банков и их долгосрочного фондирования; - положительный социально-экономический эффект от реализации инновационных проектов; - использование возможностей ГЧП в финансировании инновационного сектора 	<ul style="list-style-type: none"> - низкий объем внутренних затрат на НИОКР (всего 0,12% ВВП); - низкая доля экспорта высокотехнологичных товаров в экспорте промышленных товаров; - сохраняющиеся проблемы в банковском секторе препятствуют развитию долгосрочного кредитования; - незначительный удельный вес инновационно-активных субъектов малого и среднего бизнеса, которые могут использовать заемные ресурсы; - сохраняется низкая инвестиционная активность ЕНПФ и страховых компаний; - зависимость многих инновационных предприятий от поддержки государства или квазигосударственных организаций; - ограниченные возможности институтов развития в финансовой поддержке инновационных предприятий; - отсутствие четких критериев оценки эффективности финансовой поддержки инновационного сектора

Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> - увеличение количества и объема финансирования инновационных проектов; - совершенствование законодательной базы по развитию инновационного сектора; - использование мирового опыта поддержки инновационного сектора; - развитие горизонтальных схем финансирования инновационного сектора со свободным переливом капитала из одного региона в другой; - усиление межрегиональной координации при формировании новых инновационных проектов; - увеличение внутренних затрат на НИОКР до 1% к ВВП; - рост доли негосударственных источников финансирования инновационных предприятий; - усиление положительных эффектов от реализации государственной политики поддержки высокотехнологического сектора 	<ul style="list-style-type: none"> - ухудшение инвестиционного климата в стране; - повышение инвестиционных и кредитных рисков долгосрочных вложений в инновационном секторе; - ужесточение условий кредитования и снижение доступности банковских кредитов для инновационных предприятий; - ужесточение нормативов диверсификации инвестиционных вложений пенсионного и страхового секторов; - возможное негативное влияние макроэкономических факторов
Примечание – составлено авторами	

Оценка «сильных сторон» и «возможностей» формирует представление о стратегических действиях по совершенствованию системы финансирования инновационного сектора. Ограничивающие факторы инновационного развития формируются на фоне действия факторов «угрозы» и «слабые стороны». Здесь необходимо использование сильных сторон для подавления и преодоления угроз внешней среды. Анализ и оценка взаимовлияния факторов позволяет спроектировать комплекс стратегических действий, программных мероприятий, определяющих ориентиры стратегического развития системы финансовой поддержки инновационного сектора.

Для выявления степени влияния различных источников финансирования на развитие инновационного сектора Казахстана была разработана регрессионная модель. Для построения модели в качестве результирующего признака был взят показатель – экспорт высокотехнологичных товаров РК в % от промышленного экспорта РК (Inn) – по данным Всемирного Банка за период с 1995-2018 гг. В качестве факторных признаков были взяты расходы на НИОКР в % к ВВП (r_{Inn,I_1}), прямые иностранные инвестиции (r_{Inn,I_2}), внутреннее кредитование частного сектора банками в % от ВВП (r_{Inn,C_1}), активы страховых компаний в % от ВВП (r_{Inn,A_2}), пенсионные активы в % от ВВП (r_{Inn,A_2}) за период 1995-2018 гг. по данным Всемирного банка, Национального Банка Республики Казахстан и Комитета по статистике МНЭ РК.

Для отобранных факторов был проведен корреляционный анализ взаимосвязи с экспортом высокотехнологичных товаров в Республике Казахстан. Проведенный анализ показал, что существует прямая связь между экспортом высокотехнологичных товаров в РК и расходами на НИОКР ($r_{Inn,I_1} = 0,52$). В то время как инвестиции в основной капитал, а также прямые иностранные инвестиции не обнаруживают положительного влияния на результирующий признак ($r_{Inn,I_2} = -0,48$). Уравнение регрессии в этом случае имеет вид:

$$Inn = 78,88 + 78,33 \cdot I_1 - 0,14 \cdot I_2 \quad (1)$$

Коэффициенты модели показали, что увеличение доли расходов на НИОКР в ВВП на 1% приведут к увеличению доли экспорта высокотехнологичных товаров в промышленном экспорте на 78,33%.

Кроме того, с экспортом высокотехнологичных товаров в значительной степени связано внутреннее кредитование частного сектора банками, так как парные коэффициенты корреляции имеют значения $r_{Inn,C_1} = 0,62$.

Уравнение регрессии в этом случае имеет вид:

$$Inn = 5,43 + 0,49 \cdot C_1 \quad (2)$$

Можно отметить, что с увеличением доли внутренних банковских кредитов частному сек-

тору в ВВП на 1% доля экспорта высокотехнологичных товаров в промышленном экспорте вырастет на 0,49%.

Среди факторов финансового сектора наибольшее влияние на экспорт высокотехнологичных товаров в РК оказывают активы страховых компаний ($r_{InnA_2} = 0,79$). В меньшей степени влияние на результирующий признак оказывают пенсионные активы ($r_{InnA_1} = 0,56$).

Модель регрессии при этом имеет вид:

$$Inn = 20,85 + 1,89 \cdot A_1 + 29,4 \cdot A_2 \quad (3)$$

Таким образом, при увеличении доли пенсионных активов на 1% доля экспорта высокотехнологичных товаров увеличится на 1,89%. Увеличение доли активов страховых компаний будет способствовать росту экспорта высокотехнологичных товаров на 29,4% от промышленного экспорта.

На увеличение доли экспорта высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта Казахстана важное влияние оказывают величина затрат на НИОКР, внутреннее кредитование частного сектора банками, активы страховых компаний и пенсионного сектора. В целом значения, полученные на основе регрессионной модели, могут быть приняты к рассмотрению для формирования целевых стратегических показателей.

Таким образом, развитие инновационного сектора Казахстана в настоящее время во многом связано с наличием и состоянием таких источников финансирования, как банковское кредитование, расходы на НИОКР, инвестиционные вложения ЕНПФ и страховых компаний. В этой связи повышение инвестиционного потенциала финансового сектора является стратегической задачей в финансовом обеспечении инновационного сектора Казахстана.

Заключение

Исследование современного состояния финансово-кредитного обеспечения инновационного сектора РК и международного опыта позволило сформулировать некоторые меры по повышению эффективности системы финансирования инновационного сектора. Во-первых, перечень приоритетных секторов обрабатывающей промышленности следует пересмотреть с учетом мирового опыта финансирования производства высокотехнологичной продукции. При этом, разработка четких критериев определения

высокотехнологичных производств могла бы положительно сказаться на всех инструментах поддержки инвестиционно-инновационной деятельности. Уточнения требует также перечень организаций, уполномоченных на реализацию мер государственной поддержки инновационного сектора, для исключения дублирования их функций и направлений деятельности. Стратегически важен охват мониторингом и оценкой эффективности деятельности всех организаций, уполномоченных на реализацию мер государственной поддержки инновационного сектора, в целях осуществления наиболее полного контроля за целевым использованием средств бюджетного финансирования, а также привлеченных и собственных средств. На основе учета степени влияния инструментов финансово-кредитного обеспечения инновационного сектора на макроэкономические показатели Казахстана, а также на уровень конкурентоспособности инновационных предприятий, проводить экономическую экспертизу актуальности и востребованности существующих мер государственной поддержки инновационного сектора, целесообразности ее дальнейшего предоставления, объемов выделяемых государственных средств.

Для активизации долгосрочного банковского кредитования необходимы эффективные механизмы регулирования и стимулирования инвестиционной деятельности банков второго уровня для увеличения объемов и качества их капитала, снижению кредитных рисков долгосрочных вложений в реальный секторе. Кроме того, целесообразно предусмотреть в законодательной базе налоговое стимулирование инвестиционных операций банков второго уровня, направленных на реконструкцию и модернизацию производства, приобретение нового оборудования и техники, а также банков, принимающих активное участие в государственных инвестиционно-инновационных программах

Для повышения роли пенсионных и страховых активов в развитии отечественной экономики и инновационного сектора необходимо разработать механизмы трансформации пенсионных накоплений и страховых фондов в инвестиционные ресурсы, направляемые на развитие высокотехнологичных производств. При обеспечении жесткого контроля за целевым использованием инвестируемых средств данная мера в комплексе с другими реализуемыми программами способна обеспечить экономику, в том числе инновационный сектор, внутренними долгосрочными финансовыми ресурсами.

Иностранные инвестиции продолжают играть важную роль в развитии национальной экономики. При оптимальном сочетании отечественного и иностранного капитала по сферам применения

можно добиться их максимально эффективного использования для интенсивной диверсификации экономики в сторону перераспределения инвестируемого капитала в инновационный сектор.

Литература

- Brown J.R., Martinsson G., Petersen B.C. Stock markets, credit markets, and technology-led growth // *Journal of Financial Intermediation*. – 2017. – issue 32, pp. 45-59, doi: 10.1016/j.jfi.2016.07.002
- Xiao S., Zhao S. Financial development, government ownership of banks and firm innovation // *Journal of International Money and Finance*. – 2012. – vol. 31. – issue 4, pp. 880-906, doi: 10.1016/j.jimonfin.2012.01.006
- Botric V., Bozic L. Access to Finance – Innovation Relationship in Post-Transition // *KnE Social Sciences*. – 2017, pp. 28-41, doi: 10.18502/kss.v1i2.645
- Hudson J., Orviska M. Financial Institutions, Universities, Innovation and Growth: The Whole Story / 8th International Conference on Currency, Banking and International Finance: The Role of Financial Sector in Supporting the Economic Recovery of CEE Countries. – Bratislava. – 2014, pp. 121-132.
- Brown J.R., Petersen B.C. Public entrants, public equity finance and creative destruction // *Journal of Banking & Finance*. – 2010. – vol. 34. – issue 5, pp. 1077-1088, doi: 10.1016/j.jbankfin.2009.11.005
- Prohorovs A., Jakusonoka I. Financing of Innovation System Development and Attraction of Private Capital // *Economic Science for Rural Development*. – 2012. – issue 28, pp. 219-224.
- Gill D.E. Consolidating the gains Government intervention in risk capital. // *Venture Capital*. – 2015. – vol. 17. – issue 1-2, pp. 43-58, doi: 10.1080/13691066.2015.1021029
- Viskovic J., Udovicic M. Awareness of SMEs on the EU Funds Financing Possibilities: The Case of Split-Dalmatia County // *KnE Social Sciences*. – 2017, pp. 319-332, doi: 10.18502/kss.v1i2.666
- Kraskova L., Strzelczyk W. Public Aid in Financing innovations in Poland: The Operational Programme “Innovative Economy” // *Business and Non-Profit Organizations Facing Increased Competition and Growing Customers Demands*. – 2013. – vol. 12, pp. 169-186.
- Nicolov M. Modelling European Public Finance and Support for RDI Sector // *Procedia Economics and Finance*. – 2013. – vol. 6, pp. 754-759, doi: 10.1016/S2212-5671(13)00199-8
- Морковкин Д.Е. Проблемы и приоритеты финансирования инновационного развития реального сектора экономики // *Вестник Финансового университета*. – 2015. – №6(90), С. 39-49.
- Владимирова О.Н., Бельский С.И. Сравнительный анализ организации финансирования инноваций: отечественный и зарубежный опыт // *Вестник ЗабГУ*. – 2015. – №5(120), С. 87-94.
- Никулина О.В., Сердюк А.А. Механизм банковского участия в финансировании инновационной деятельности компаний // *Финансы и кредит*. – 2016. – №13(685), С. 14-31.
- Сатыбалдин А.А., Сагиева Р.К., Жупарова А.С. Проблемы и перспективы развития наукоемких производств в Республике Казахстан // *Экономика: стратегия и практика*. – 2019. – №2(14), С. 9-24.
- Кучукова Н.К. Источники финансирования и стимулирование модернизации казахстанской экономики // *Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Экономическая серия*. – 2017. – №2, С. 53-60.
- Рахметова А.М., Курманалина А.К., Гусманова Ж.А. Направления стимулирования банков в финансировании инновационного сектора // *Экономика и статистика*. – 2017. – №4, С. 100-107.
- Статистический бюллетень Нацбанка РК <http://www.nationalbank.kz/cont/Binder12.pdf>
- Годовые отчеты Банка Развития Казахстана <https://www.kdb.kz/ru/>
- Текущее состояние накопительной пенсионной системы Республики Казахстан <http://www.nationalbank.kz>
- Текущее состояние страхового сектора Республики Казахстан <http://www.nationalbank.kz/?docid=1080&switch=russian>
- Основные социально-экономические показатели РК. – Комитет по статистике МНЭ РК http://stat.gov.kz/faces/homePage?_afdf.ctrl-state=95u5rjw4s_4&_afdfLoop=8681855647080139
- Раимбеков Б.Х. Венчурное финансирование предпринимательских проектов // *Актуальные проблемы современности: Международный сборник научных трудов*. – 2005. – №1, С. 108-111.
- Кулибаева Ж. Существует ли венчурное финансирование в Казахстане? – 2018, <https://kursiv.kz/news/finansy/2018-07/suschestvuet-li-venchurnoe-finansirovanie-v-kazakhstane-chast-2>
- Данные Всемирного банка <https://databank.worldbank.org/home.aspx>

References

- Botric V., Bozic L. (2017) Access to Finance – Innovation Relationship in Post-Transition. *KnE Social Sciences*, pp. 28-41, doi: 10.18502/kss.v1i2.645
- Brown J.R., Martinsson G., Petersen B.C. (2017) Stock markets, credit markets, and technology-led growth. *Journal of Financial Intermediation*, issue 32, pp. 45-59, doi: 10.1016/j.jfi.2016.07.002

- Brown J.R., Petersen B.C. (2010) Public entrants, public equity finance and creative destruction. *Journal of Banking & Finance*, vol. 34, issue 5, pp. 1077-1088, doi: 10.1016/j.jbankfin.2009.11.005
- Gill D.E. (2015) Consolidating the gains Government intervention in risk capital. *Venture Capital*, vol. 17, issue 1-2, pp. 43-58, doi: 10.1080/13691066.2015.1021029
- Godovye otchety Banka Razvitiya Kazahstana [Annual reports of the Development Bank of Kazakhstan] <https://www.kdb.kz/ru/>
- Hudson J., Orviska M. (2014) Financial Institutions, Universities, Innovation and Growth: The Whole Story. 8th International Conference on Currency, Banking and International Finance: The Role of Financial Sector in Supporting the Economic Recovery of CEE Countries, Bratislava, pp. 121-132.
- Kryskova L., Strzelczyk W. (2013) Public Aid in Financing innovations in Poland: The Operational Programme "Innovative Economy". *Business and Non-Profit Organizations Facing Increased Competition and Growing Customers Demands*, vol. 12, pp. 169-186.
- Kuchukova N.K. (2017) Istochniki finansirovaniya i stimulirovanie modernizacii kazahstanskoj jekonomiki [Sources of financing and stimulating the modernization of the Kazakhstani economy]. *Vestnik ENU im. L.N. Gumileva. Jekonomicheskaja serija*, vol. 2, pp. 53-60.
- Kulibaeva Zh. (2018) Sushhestvuet li venchurnoe finansirovanie v Kazahstane? [Is there venture financing in Kazakhstan?], <https://kursiv.kz/news/finansy/2018-07/suschestvuet-li-venchurnoe-finansirovanie-v-kazahstane-chast-2>
- Morkovkin D.E. (2015) Problemy i priority finansirovaniya innovacionnogo razvitija real'nogo sektora jekonomiki [Problems and priorities of financing innovative development of the real sector of the economy]. *Vestnik Finansovogo universiteta*, vol. 6(90), pp. 39-49.
- Nicolov M. (2013) Modelling European Public Finance and Support for RDI Sector. *Procedia Economics and Finance*, vol. 6, pp. 754-759, doi: 10.1016/S2212-5671(13)00199-8
- Nikulina O.V., Serdjuk A.A. (2016) Mehanizm bankovskogo uchastija v finansirovanii innovacionnoj dejatel'nosti kompanij [The mechanism of banking participation in financing innovative activities of companies]. *Finansy i kredit*, vol. 13(685), pp. 14-31.
- Osnovnye social'no-jekonomicheskie pokazateli RK. Komitet po statistike MNJe RK [The main socio-economic indicators of the Republic of Kazakhstan. Statistics Committee of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan] http://stat.gov.kz/faces/homePage?_adf.ctrl-state=95u5rjw4s_4&_afLoop=8681855647080139
- Prohorov A., Jakusonoka I. (2012) Financing of Innovation System Development and Attraction of Private Capital. *Economic Science for Rural Development*, issue 28, pp. 219-224.
- Rahmetova A.M., Kurmanalina A.K., Gusmanova Zh.A. (2017) Napravlenija stimulirovaniya bankov v finansirovanii innovacionnogo sektora [Directions of stimulating banks in financing the innovation sector]. *Jekonomika i statistika*, vol. 4, pp. 100-107.
- Raimbekov B.H. (2005) Venchurnoe finansirovanie predprinimatel'skih proektov [Venture financing of entrepreneurial projects]. *Aktual'nye problemy sovremennosti: Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov*, vol. 1, pp. 108-111.
- Satybaldin A.A., Sagieva R.K., Zhuparova A.S. (2019) Problemy i perspektivy razvitija naukoemkih proizvodstv v Respublike Kazahstan [Problems and prospects for the development of high-tech industries in the Republic of Kazakhstan]. *Jekonomika: strategija i praktika*, vol. 2(14), pp. 9-24.
- Statisticheskij bjulleten' Nacbanka RK [Statistical Bulletin of the National Bank of Kazakhstan] <http://www.nationalbank.kz/cont/Binder12.pdf>
- Tekushhee sostojanie nakopitel'noj pensionnoj sistemy Respubliki Kazahstan [The current state of the accumulative pension system of the Republic of Kazakhstan] <http://www.nationalbank.kz>
- Tekushhee sostojanie strahovogo sektora Respubliki Kazahstan [The current state of the insurance sector of the Republic of Kazakhstan] <http://www.nationalbank.kz/?docid=1080&switch=russian>
- Viskovic J., Udovicic M. (2017) Awareness of SMEs on the EU Funds Financing Possibilities: The Case of Split-Dalmatia County. *KnE Social Sciences*, pp. 319-332, doi: 10.18502/kss.v1i2.666
- Vladimirova O.N., Bel'skij S.I. (2015) Sravnitel'nyj analiz organizacii finansirovaniya innovacij: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt [Comparative analysis of the organization of financing innovation: domestic and foreign experience]. *Vestnik ZabGU*, vol. 5(120), pp. 87-94.
- World Bank data <https://databank.worldbank.org/home.aspx>
- Xiao S., Zhao S. (2012) Financial development, government ownership of banks and firm innovation. *Journal of International Money and Finance*, vol. 31, issue 4, pp. 880-906, doi: 10.1016/j.jimonfin.2012.01.006

2-бөлім
**ИНТЕЛЛЕКТУАЛДЫ ӘЛЕУЕТ ЖӘНЕ
АДАМ РЕСУРСТАРЫН ДАМЫТУ**

Section 2
**INTELLECTUAL POTENTIAL AND
HUMAN RESOURCE DEVELOPMENT**

Раздел 2
**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И
РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ**

Костякова Ю.В.

кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики и управления НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород, e-mail: yul_kos@mail.ru

**СОГЛАСОВАННОСТЬ ДЕЙСТВИЙ ГРУППЫ КОМПАНИЙ
В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
КАК ФАКТОР РИСКА ДЛЯ ЭКОНОМИКИ ГОСУДАРСТВА**

Сфера торговли объектами интеллектуальной собственности вызывает большой интерес внутри группы компаний, особенно, если в данный механизм подключается международная составляющая. Это обусловлено теми преимуществами, которые открываются перед ними в части рационализации своей деятельности и диверсификации рисков. Однако, данный фактор, а также связанный с ним большой поток перетекания денежных средств, является объектом пристального контроля со стороны государства, направленного на противодействие теневым схемам по легализации и выводу денежных средств за границу либо занижению налогооблагаемой базы внутри страны. Цель статьи – выявление потенциальных рисков для государства от согласованных действий внутри группы компаний. Методологию исследования составили формально-юридический, сравнительный, аналитический методы, системный подход. Сделан вывод, что система отношений во внешнеэкономической торговле объектами интеллектуальной собственности является сложнейшим механизмом, в основу которого положена большая совокупность различных нормативов. Однако, учитывая многогранность и постоянное развитие данных отношений, возникают ситуации, не урегулированные на законодательном уровне. Поэтому судам отводится особая роль, которая может быть либо дополнительным инструментом по защите экономической безопасности государства, либо фактором, способствующим развитию теневого сектора экономики. Ценность исследования заключается в аккумулировании актуальной информации о состоянии данной сферы, в том числе с учетом судебной практики, и выявлении проблемных вопросов, требующих решения.

Ключевые слова: согласованность действий, группа компаний, интеллектуальная собственность, международная торговля.

Kostyakova Yu.V.

candidate of economic sciences, Associate Professor,
Institute of Economics and Management of National Research University "BelSU",
Russia, Belgorod, e-mail: yul_kos@mail.ru

**Coordination of actions of a group of companies in the field
of intellectual property as a risk factor for the state economy**

The sphere of trade in intellectual property is of great interest within the group of companies, especially if the international component is involved in this mechanism. This is due to the advantages offered to them in terms of rationalization of their activities and diversification of risks. However, this factor, as well as the associated large flow of cash flows, is the object of close control by the state, aimed at countering shadow schemes for legalization and withdrawal of funds abroad or understatement of the tax base within the country. The purpose of the article is to identify potential risks for the state from concerted actions within the group of companies. The methodology of the research consists of formal-legal, comparative, analytical methods, system approach. It is concluded that the system of relations in foreign trade in intellectual property is a complex mechanism, which is based on a large set of different standards. However, given the versatility and continuous development of these relations, there are situations that are not regulated at the legislative level. Therefore, the courts have a special role, which can be either an additional tool to protect the economic security of the state, or a factor contributing to the development of the shadow sector of the economy. The value of the study lies in the accumulation of relevant information about the state of this sphere, including taking into account judicial practice, and identifying problematic issues that need to be addressed.

Key words: coordination of actions, group of companies, intellectual property, international trade.

Костякова Ю.В.

экономика ғылымдарының кандидаты, доцент,
Экономика және басқару институты «БелМУ» Ұлттық зерттеу университеті,
Ресей, Белгород қ., e-mail: yul_kos@mail.ru

Зияткерлік меншік саласындағы компаниялар тобы қызметтерінің келісімі мемлекет экономикасы үшін тәуекел факторы ретінде

Интеллектуалдық меншік саудасы, әсіресе бұл механизм халықаралық деңгейде болса, компаниялар тобы арасында үлкен қызығушылыққа ие. Себебі, олардың қызметті оңтайландыру және тәуекелдерді әртараптандыру тұрғысынан артықшылықтары бар. Алайда, бұл фактор, сондай-ақ оған байланысты ақша ағындарының үлкен ағымы, мемлекеттің шетелде ақшаны заңдастыруға және алуға арналған көлеңкелі схемаларға қарсы тұруға немесе ел ішіндегі салық базасын төмендетуге бағытталған тығыз бақылау объектісі болып табылады. Мақаланың мақсаты – компаниялар тобындағы келісілген іс-әрекеттерінен туындайтын мемлекет үшін ықтимал қауіптерді анықтау. Зерттеу әдістемесі ресми құқықтық, салыстырмалы, аналитикалық әдістерден, жүйелік тәсілден тұрады. Зияткерлік меншіктің сыртқы экономикалық саудасындағы қатынастар жүйесі әртүрлі заңнамалардың үлкен жиынтығына негізделген күрделі механизм екені анықталды. Алайда, осы қатынастардың жан-жақты және тұрақты дамуы жағдайында заңнамалық деңгейде реттелмейтін жағдайлар туындайды. Сондықтан, бұл жағдайларда соттардың ролі ерекше, олар мемлекеттің экономикалық қауіпсіздігін қорғаудың қосымша құралы немесе экономиканың көлеңкелі секторының дамуына ықпал ететін фактор бола алады. Зерттеудің маңызы саланың жай-күйі туралы, оның ішінде сот практикасын ескере отырып, ақпараттарды жинауда және шешілуі қажет мәселелерді анықтауда жатыр.

Түйін сөздер: іс-әрекет келісімі, компаниялар тобы, зияткерлік меншік, халықаралық сауда.

Введение

Современные международные экономические отношения нужно рассматривать сквозь призму таких понятий как глобализация и интеграция. На корпоративном уровне создаются транснациональные финансово-промышленные группы и иные объединения, которые в Российской Федерации (в зависимости от отрасли права) могут подпадать под критерии «аффилированных», «взаимосвязанных» или «взаимозависимых» лиц.

Понятие «аффилированное лицо», которые было введено в российский гражданский оборот еще в начале 90-х годов XX века в связи с принятием Закона РСФСР от 22 марта 1991 года № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», действует и в настоящее время. При этом впоследствии в рамках налогового законодательства в 1998 году, в связи с принятием Налогового кодекса Российской Федерации, было закреплено понятие «взаимозависимые лица». Современное таможенное законодательство на уровне Евразийского экономического союза закрепляет понятие «взаимосвязанных лиц». Указанные лица, обладающие дифференцированными критериями отнесения к той или иной категории, объединяет то, что все они имеют возможность влиять на принятие тех или иных управленческих решений по договоренности.

Соответственно, данные сложившиеся тренды свидетельствуют об усложнении системы управления внутри корпоративных объединений, а также расширении их коммуникационных связей. Как следствие, создаются условия для диверсификации их рисков, что, несомненно, является одним из основополагающих факторов их создания. Перед предприятиями, входящими в данные объединения, открывается целый спектр возможностей рационализации своей деятельности, в том числе посредством трансфертного ценообразования и принятия решений, позволяющих осуществлять согласованную политику с целью уменьшения финансового бремени по уплате налогов и таможенных пошлин.

Как отмечается в публичном отчете организации экономического сотрудничества и развития, посвященном размыванию налоговой базы и выводе прибыли из-под налогообложения, опубликованном в 2013 году (OECD Report), одной из проблем, является то, что налоговая нагрузка в ряде случаев снижается за счет формального соблюдения закона, что стало возможно благодаря тому, что многие стандарты налогового администрирования, разработанные в те годы, когда границы были не так открыты для движения товаров, капитала и прочих активов, продолжают применяться в настоящее время на глобально интегрированном рынке и не способны противостоять новым бизнес-структурам.

Учитывая указанные обстоятельства, Российская Федерация планомерно адаптирует свое законодательство под складывающиеся реалии, что продиктовано необходимостью создания понятных правил и нормативов, позволяющих упорядочить взаимодействие бизнеса и государства, а значит минимизировать возможность возникновения конфликтных ситуаций. Ведь в противном случае «пробелы» в законодательстве могут способствовать разработке различных схем уклонения от уплаты налогов и таможенных платежей в рамках корпоративных объединений, что создает определенные угрозы экономической безопасности государства (Идрис, 2016).

Как уже отмечалось, внешнеэкономические внутригрупповые сделки регулируются различными отраслями правовых отношений. И устранение существующих противоречий между критериями отнесения к той или иной категории может способствовать снижению конфликтных ситуаций, а принятые государством решения будут более предсказуемыми для бизнеса, что позволит повысить степень доверия между ними и снизить количество судебных разбирательств.

В данной статье будут рассмотрены различные аспекты и особенности «согласованности» в действиях взаимосвязанных лиц, осложненных иностранным «элементом», на примере контрольного мероприятия, проведенного таможенным органом, в отношении внешнеторговой сделки, совершенной данной категорией лиц, а также проанализированы противоречия, возникающие в рамках механизма администрирования налоговых и неналоговых доходов федерального бюджета, с учетом принятых судебных решений (Городникова и др., 2016).

Обзор литературы

Актуальность анализа отдельной таможенной проверки обусловлена, с одной стороны, необходимостью выработки современных механизмов предотвращения и минимизации негативных последствий для государства от возможного применения «схем» уклонения от уплаты таможенных платежей недобросовестными участниками внешнеэкономической деятельности, а с другой – выявлением противоречий в позициях контролирующих органов и судов, которые могут способствовать проведению фиктивных операций, в том числе, с целью вывода капитала из страны.

Итак, рассмотрим один из конкретных примеров: российская фирма – импортер «А» ввозит на территорию Российской Федерации товар,

маркированный товарным знаком, с территории иностранного государства на основании внешнеторгового контракта, заключенного с фирмой «Б» (иностранном резидентом). Правообладателем товарного знака, зарегистрированного в Федеральной службе по интеллектуальной собственности России (Роспатенте), является российская фирма «В». При таможенном декларировании фирма «А» указывает на отсутствие взаимосвязи между продавцом и покупателем ввозимого товара, в структуру таможенной стоимости заявляет фактурную стоимость товара и транспортные расходы (согласно условиям поставки), а право на использование товарного знака подтверждает письменным согласием правообладателя. На этапе таможенного контроля после выпуска товаров назначена выездная таможенная проверка, в ходе которой выявлены признаки взаимосвязи между фирмами «А», «Б» и «В», а также путем анализа и изучения банковских выписок установлено наличие лицензионного договора за использование товарного знака между фирмами «А» и «В», не зарегистрированного в Роспатенте, но по которому на протяжении нескольких лет перечислялись денежные средства (Мовчан, 2017).

Учитывая факт наличия лицензионных платежей по товарным знакам на ввозимых товарах, которые в соответствии с Соглашением между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 25 января 2008 года «Об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза» подлежат включению в структуру таможенной стоимости товаров, таможенным органом вынесены решения о корректировке таможенной стоимости, выставлены требования об уплате таможенных платежей (Лебедева, 2016).

Однако, в ходе проведения таможенной проверки фирмой «В» вся сумма платежей за несколько предыдущих лет по лицензионному договору была возвращена фирме «А» по претензии – «как ошибочно перечисленные». А затем фирмой «А» решения таможенного органа были оспорены в судебном порядке с доводом, что операции по лицензионному договору без его регистрации в Роспатенте являются ничтожными. И суд поддержал позицию заявителя, а также акцентировал внимание на то, что поскольку оплата лицензионных платежей правообладателю является условием самостоятельного лицензионного договора и фактически не влияет на возникновение обязательств ино-

странного продавца – производителя и российской фирмы-покупателя товара, оснований для включения спорных платежей в таможенную стоимость не имелось.

С точки зрения норм закона претензии фирмы «А» к корректировке таможенной стоимости таможенным органом, указанные на рисунке 1, логичны:

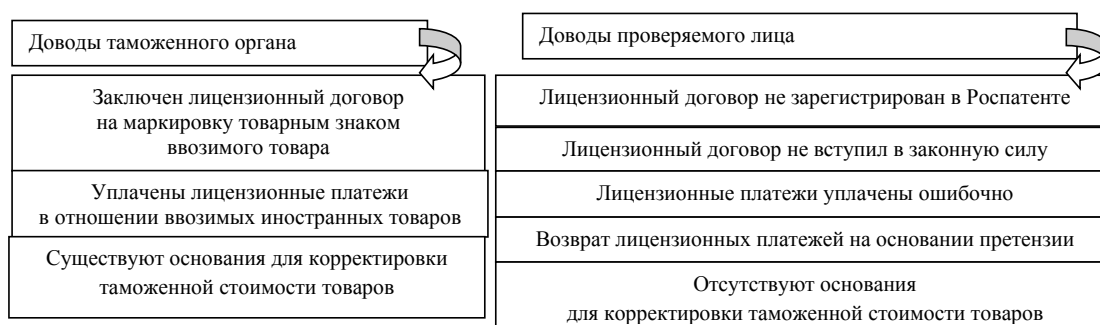

Рисунок 1 – Доводы проверяемого лица об отсутствии оснований для корректировки таможенной стоимости товара
Примечание – составлено автором

Однако, с точки зрения экономической безопасности страны и полноты администрируемых таможенным органом доходов данная ситуация может иметь долгосрочные негативные перспективы и трансформироваться в отработанные «схемы» уклонения от уплаты таможенных платежей. Взаимосвязанные лица путем согласованных действий, в том числе через созданные ими фирмы, могут осуществлять переводы денежных средств по лицензионным договорам, в том числе за границу. Учитывая, что предмет договора является нематериальным, а стоимость является договорной (при этом ее сложно сопоставить со среднерыночной, которая обычно рассчитывается по отношению к «материальным» товарам в рамках налогового и таможенного контроля), размер перечисляемых денежных средств может быть весьма значительным. Отсутствие регистрации лицензионного договора в государственном органе не является основанием для отказа банком операций по перечислению денег, при этом в случае вынесения таможенным органом решения о необходимости уплаты таможенных платежей с перечисленной суммы лицензионных платежей – может явиться основанием для оспаривания решения с ссылкой на его ничтожность, а в совокупности с согласованностью действий внутри группы компаний по созданию формального документооборота и оформлению первичных оправдательных документов, с целью обратного перевода денежных средств по договорам, стать «схемой» уклонения

от уплаты таможенных платежей. Данная ситуация для контролирующих органов осложняется процессом доказывания «согласованности действий взаимосвязанных лиц» с целью уклонения от уплаты таможенных платежей. А учитывая, что бремя доказывания в рамках судебного заседания лежит на государственном органе, любые сомнения трактуются в пользу бизнеса.

Кроме того, учитывая тот факт, что фирмы обладают признаками взаимосвязанности, существует вероятность, что лицензионные платежи по ранее везенному товару (уплаченные и возвращенные) будут вновь перечислены после завершения судебных разбирательств либо по истечении трехлетнего срока (максимального срока проведения таможенного контроля после выпуска товаров). Проблема очевидна.

Одним из основных доводов при оспаривании решений таможенного органа фирмой «А» является то, что право пользования товарными знаками является несостоявшимся, так как лицензионный договор не зарегистрирован в установленном порядке, а значит все обязательства по нему – ничтожны. Позиция фирмы «А» поддержана судом, в том числе кассационной инстанции, несмотря на контрдовод таможенни о том, что в соответствии с пунктом 3 Информационного письма Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 165: «сторона договора, не прошедшего необходимую государственную регистрацию не вправе на этом основании ссылаться на его

незаключенность», а также то, что воля юридических лиц на совершение сделки выразилась на момент подписания договора и подтверждена фактом оплаты лицензионных платежей, рассчитанных за каждую единицу ввезенного товара, маркированного товарным знаком.

Вообще, система отношений во внешнеэкономической торговле является сложнейшим механизмом, затрагивающим различные сферы. Так как в основу положена большая совокупность различных нормативов, регулирующих ту или иную сферу. А так как одной из наиболее динамично развивающихся сфер международной торговли является торговля объектами интеллектуальной собственности – регулирование всё новых и новых аспектов ее деятельности должно являться процессом непрерывным.

Методология

В основу методологии исследования положен системный подход, включающий в себя взаимодополняющие методы изучения рассматриваемой проблемы и с экономической точки зрения (аналитический и сравнительный методы), и с юридической (формально-юридический метод). Такое сочетание методов исследования объясняется следующими тезисами. Во-первых, учитывая, что Российская Федерация является неотъемлемой частью мировой экономики, процессы глобализации и интеграции влияют на ее развитие, а значит многоаспектный сравнительный анализ национального законодательства (налогового, таможенного, антимонопольного) в отношении деятельности групп компаний определяет их правовой статус и позволяет идентифицировать. Во-вторых, необходимо отметить, что многие вопросы регулирования в отношении объектов интеллектуальной собственности для государств-членов Евразийского экономического союза отнесены на наднациональный уровень. Поэтому исследования экономических процессов с помощью формально-юридического и аналитического метода (с учетом судебной практики, межгосударственных соглашений и их исторической ретроспективой, а также результатов конкретных проверочных мероприятий контролирующих органов государства) позволяют создавать логические конструкции для получения выводов об их состоянии. В-третьих, учитывая рост стоимостных показателей международного оборота объектов интеллектуальной собственности, а также все потенциальные риски, связанные с теневыми схемами по легализации и выводу денежных средств за границу либо

занижению налогооблагаемой базы внутри страны, аналитический метод (в том числе на базе статистических данных) позволяет выявлять причины, которые находятся в основе изучаемых экономических отношений.

Результаты и обсуждение

Все объекты интеллектуальной собственности можно разделить на две группы, к одной из которых относятся авторские и смежные права, распространяющиеся на литературные и художественные произведения, а к другой – промышленная собственность, включающая товарные знаки, изобретения, промышленные образцы, географические указания, интегральные микросхемы, базы данных и прочее (Пострелова, 2013).

В подтверждение тезиса о росте и развитии рынка объектов интеллектуальной собственности можно представить динамический ряд прироста патентных заявок в ряде ведущих экономик мира. Так, согласно статистике Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) (World Intellectual Property Organization (WIPO) (Бюллетень социально-экономического кризиса в России, 2016)) можно выделить тройку лидеров данного рейтинга в 2017 – 2018 годах, представленных на рисунке 2:

Таким образом, количество патентов, полученных за последние два года всего тремя экономикими мира, составило чуть менее 5 миллионов заявок. При этом Российская Федерация в 2017 году заняла пятое место данного рейтинга (11112 заявок), а в 2018 году – 8 место (36883 заявки). Кроме того, важно подчеркнуть, что основными игроками данного рынка выступают крупные компании, как правило, относящиеся к транснациональным корпорациям (по данным организации экономического сотрудничества и развития их доля в стоимостном объеме составляет порядка 65%).

Соответственно, стоимостные показатели международного оборота объектов интеллектуальной собственности являются весьма значительными. И роль государства как гаранта заключается в обеспечении прав их правообладателей. Первым международным документом по защите правообладателей промышленных образцов была Парижская конвенция, принятая еще в 1883 году, которая заложила принципы национального режима и недискриминации (резиденты и нерезиденты страны обладают равными возможностями по регистрации и защите своих прав) (Скобарев и др., 2012).

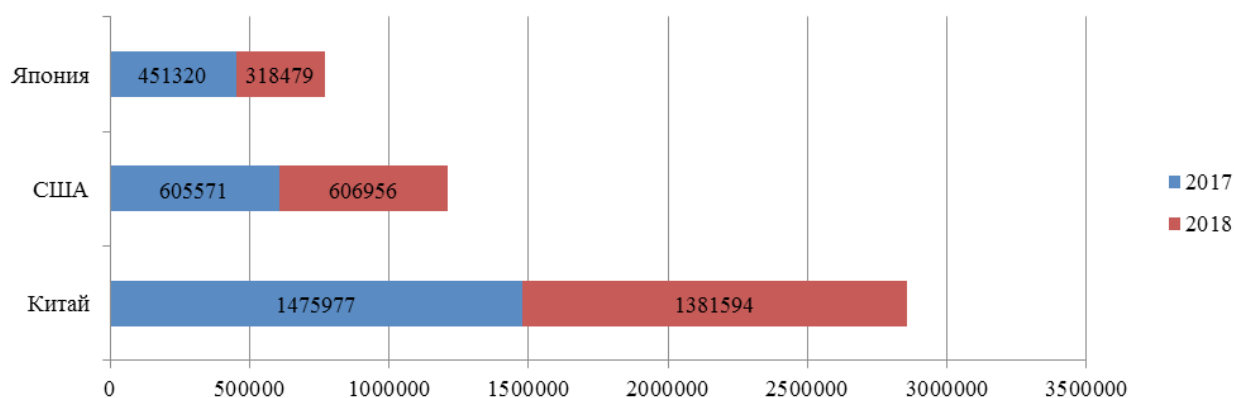

Рисунок 2 – Государства-лидеры по количеству патентных заявок в 2017-2018 года

Примечание – составлено автором на основе источника <http://nonews.co/directory/lists/countries/number-patents>

А при перемещении товаров, маркированных товарными знаками через границу той или иной страны, действуют международные реестры объектов интеллектуальной собственности, и таможенные органы обеспечивают их защиту. Однако, это одно из направлений деятельности таможенных органов в данной сфере. Другое – связано с вопросами включения лицензионных и иных подобных платежей за использование объектов интеллектуальной собственности в таможенную стоимость товаров. Ведь от полноты их включения зависят перечисления денежных средств таможенным органом в бюджет государства, а значит, и обеспечение экономической безопасности страны.

В рамках Евразийского экономического союза в таможенной сфере определены основные ориентиры развития, которые направлены на снижение административной нагрузки на участников внешнеэкономической деятельности путем переноса акцентов с этапа таможенного декларирования товаров на этап после их выпуска, а с другой – на совершенствование таможенного контроля за счет качественного повышения его эффективности. Поиск данного баланса должен способствовать развитию торговой активности при одновременном неукоснительном исполнении законодательных норм (Петросян, 2017).

Как уже отмечалось, сфера международной торговли объектами интеллектуальной собственностью является особенной. В практической деятельности в рамках международной торговли при таможенном декларировании товаров таможенным органом изучаются цены конкурентов на аналогичные / идентичные товары, при этом делаются поправки на возможные отклонения

их уровня, то есть определяются средние рыночные цены, сопоставляются индексы таможенной стоимости. В основу расчета закладывается совокупность публикуемых цен в открытых источниках информации, биржевые котировки, статистические данные и прочее.

Сложность контроля стоимости нематериальных активов состоит в том, что она определяется не из совокупности различных затрат, калькуляцию которых можно составить, а такими параметрами, как его узнаваемость на рынке и репутация. А значит, добавочная стоимость в цене ввозимого на таможенную территорию иностранного товара, маркированного тем или иным товарным знаком, трудно просчитывается государственными органами (The Global Innovation Index, 2018).

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что данная сфера международной торговли может быть платформой для перетекания больших денежных потоков, а значит, с одной стороны, являться фактором роста экономик мира и повышения инвестиций, а с другой – теневым сектором экономики по легализации и выводу денежных средств за границу либо инструментом занижения налогооблагаемой базы внутри страны. Как закономерное следствие, те организации (особенно транснациональные), которые активно в своей деятельности используют расчеты по перечислению денежных средств за нематериальные активы, должны осознавать риски «особо пристального» надзора за своей деятельностью со стороны различных государственных структур, а также банковского сектора. Важно подчеркнуть, что специфика контроля у каждого контролирующего органа своя.

Так, если говорить о налоговых органах, то для них вознаграждения по лицензионным и подобного рода договорам являются расходами организации, завышение которых может снижать налогооблагаемую базу для налога на прибыль, а значит является критерием риска, дающим основание для контроля.

В качестве примера вывода капитала из страны (для наглядности взят пример всемирно известного бренда – Microsoft) можно привести следующие данные: в докладе сенатора Левина указывается, что Microsoft передала патент своим дочерним структурам в Ирландии и Сингапуре за 4 миллиарда долларов США, при том, что эти структуры получили прибыль от сдачи патентов в пользование в размере 12 миллиарда долларов США. Таким образом, разница в 8 миллиарда долларов США (или 85% стоимости патента) не попали под налогообложение США, а значит, имел место вывод прибыли в иные юрисдикции (Statement of Senator Carl Levin)

Анализ судебной практики налоговых органов в России по проверкам, в которых предметом контроля являлись лицензионные платежи, свидетельствует, что налоговые инспекторы в рамках судебных разбирательств делали акценты на экономическую / деловую целесообразность налоговой оптимизации того или иного лица при установлении их размера, доказывая, что сделка была рыночной, а в ряде случаев – связывали этот факт с доказательствами взаимозависимости лиц, выступающих контрагентами. В качестве примера можно привести ситуацию, в которой при заключении внешнеторгового импортного договора с взаимозависимым / взаимосвязанным лицом отражено условие выплаты лицензионного вознаграждения в виде процента от выручки российской компании. При этом российская компания в годовой бухгалтерской отчетности отразила низкую прибыльность (стала убыточной). Следовательно, сделан вывод, что компания перечисляет проценты от несуществующей выручки. В этом случае при совокупности этих элементов возникнет вероятность ее признания фактическим представителем иностранной компании со всеми вытекающими последствиями. Однако, суд также должен установить, что убыточная компания ведет деятельность в пользу иностранной фирмы (Волкова, 2014).

Что касается таможенных органов, то ситуация иная: к сомнительным операциям, связанным с маркировкой товаров товарным знаком, будут отнесены сделки, которые напротив, совершены на безвозмездной основе или по за-

ниженной стоимости, потому что лицензионные платежи должны включаться в структуру таможенной стоимости товаров, которая в свою очередь, является основой для начисления таможенных пошлин, налогов. В рамках, выносимых таможенными органами решений по результатам контроля о корректировке таможенной стоимости, они принимают во внимание два основных обстоятельства: во-первых, лицензионные платежи относятся к ввозимым товарам, а во-вторых, их уплата является условием их ввоза.

Для принятия утвердительного ответа на вопрос: является ли уплата лицензионных платежей условием ввоза иностранных товаров, таможенному органу нужно проанализировать обстоятельства, которые сопутствуют внешне-торговой сделке, а именно: наличие ссылки во внешне-торговом контракте на уплату лицензионных платежей или обратной ситуации, наличие возможности расторжения одного или другого договора при неисполнении условий какого-то из них, наличие условий, позволяющих правообладателю контролировать производство товаров, которые будут маркированы товарным знаком и прочее (Багратуни, 2017).

Таким образом, два основных фискальных органа государства (Федеральная налоговая и Федеральная таможенная службы), обладая различными критериями риска нарушения законодательства, имеют некий общий ориентир – сделка должна быть совершена на рыночных условиях.

Однако, важно, чтобы в подобных проверках со стороны контролирующих органов не были нарушены принципы, установленные Гражданским кодексом, а именно принцип свободы договора, принцип равенства участников договорных отношений, то есть вопросы по условиям заключенного договора должны решаться только сторонами этого договора.

Пример таможенной проверки, рассмотренный нами в данной статье, и вынесенные по ней судебные решения свидетельствуют о наличии законодательных пробелов в регулировании данной сферы. Однако, важно подчеркнуть, что работа государства по их устранению ведется, что несомненно отвечает не только интересам государства, но и законопослушных участников мировой торговли, ведь именно недостаточная регламентация тех или иных нюансов может трактоваться по-разному, а значит в ряде случаев те или иные действия бизнеса будут подпадать не только под фискальные аспекты, но и рассматриваться под призмой административного или уголовного расследования (Волкова, 2014).

Как уже отмечалось ранее в данной статье, в период существования и функционирования Таможенного союза основным документом в таможенной сфере, регулирующим вопросы взимания лицензионных платежей при перемещении товаров через таможенную границу, выступало Соглашение между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 25 января 2008 года. На смену данному соглашению пришел Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (вступил в силу с 1 января 2018 г.), который вобрал в себя указанные ранее в Соглашении нормы (глава 5 указанного Кодекса). Кроме того, в Договоре о Евразийском экономическом союзе, который был подписан в Астане 29 мая 2014 года, имеется отдельное приложение (№ 26) в виде протокола по охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности. При этом важнейшим документом в этой сфере, принятым с целью уточнения отдельных аспектов и разработке единых подходов для всех стран-участниц Союза, являются разработанные Коллегией Евразийской экономической комиссии рекомендации о включении лицензионных и подобных платежей в структуру стоимости товара (утверждены 15 ноября 2016 года №20). Особый интерес вызывает практическая часть данного документа, затрагивающая конкретные ситуации, рассмотренные в качестве примеров за право использования товарного знака, его воспроизведения (тиражирования) на ввозимых товарах, а также использования секретов производства (ноу-хау) (Амирова и др., 2014).

Несмотря на существующие проблемы в сфере интеллектуальной собственности, важно отметить, что существует и активно развивается международное сотрудничество через призыву административных, правовых, технических основ. Более 191 государства являются членами Всемирной организации интеллектуальной собственности, что составляет более 90 % от всех существующих стран (OECD). На уровне Евразийского экономического союза также проводится работа по выработке единых подходов в этой сфере, а также ведется единый реестр объ-

ектов интеллектуальной собственности. На государственном уровне в Российской Федерации осуществляется тесное сотрудничество между правоохранительными органами государства, заинтересованными в снижении потока контрафактной продукции и минимизации рисков непоступления денежных средств в виде налогов и таможенных сборов в федеральный бюджет.

Заключение

Подводя итог данному исследованию, необходимо отметить, что торговля в сфере нематериальных активов внутри группы объединенных интересов принятия согласованных управленческих решений компаний, осложненная международной составляющей, является очень сложной и многогранной. Поэтому вызывает особый интерес как у участников внешнеэкономической деятельности (благодаря большому спектру возможностей налоговой оптимизации), так и контролирующих структур большинства государств мира. Исключением не является и Евразийский экономический союз, который поэтапно разрабатывает и конкретизирует нормативы в данной сфере. Однако, складывающаяся судебная практика внутри каждой из стран-участниц союза имеет особое значение, так как зачастую принимаются решения по тем направлениям, которые или не в полном объеме урегулированы нормативами, или являются специфическими / нетипичными, а значит, предусмотреть их законодательно просто невозможно. Соответственно, судебная практика может стать либо «дополнительным барьером в противодействии», либо «спусковым механизмом» в применении «схем» ухода от уплаты налогов и таможенных платежей в бюджет страны, в том числе, посредством согласованности действий между аффилированными / взаимосвязанными / взаимозависимыми лицами. Особенно остро вопрос может стоять, если лицензиатом является лицо, зарегистрированное на территории иностранного государства, а значит, существует вероятность проведения фиктивных операций с целью вывода капитала из страны и легализации доходов, полученных преступным путем.

Литература

OECD Report Addressing Base Erosion and Profit Shifting (BEPS). – 2013, http://keeppeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/taxation/addressing-base-erosion-and-profit-shifting_9789264192744-en#page1

Statement of Senator Carl Levin before U.S. Senate Permanent Subcommittee on Investigations on Offshore Profit Shifting and the U.S. Tax Code (Part 1), p. 2, [https://www.hsgac.senate.gov/imo/media/doc/OPENING%20-%20LEVINCarl%20\(September%2020%202012\)1.pdf](https://www.hsgac.senate.gov/imo/media/doc/OPENING%20-%20LEVINCarl%20(September%2020%202012)1.pdf)

Opportunities and risks of Nanotechnologies. Report in co-operation with the OECD International Futures Programme. Allianz Center for Technology; The OECD International Futures Programme. – Paris, München: OECD, Allianz AG. – 2016, 45 p., <http://www.oecd.org/science/nanosafety/44108334.pdf>.

The Global Innovation Index. Stronger Innovation Linkage for Global Growth. – 2018, <https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=4330>

Амирова Д.Р., Гудкова В.С. Современные особенности внешнеэкономической деятельности Российской Федерации // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 12, С. 24-49.

Багратуни К.Ю. Акценты бюджетной политики в системе мер по обеспечению темпов экономического роста // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 3-1, С. 109-111.

Волкова И.А. Особенности институциональной структуры рынка технологий / Институциональное развитие: экономика, управление, социальная сфера, образование: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Омск, 2014. – С. 67-72.

Идрис К. Интеллектуальная собственность: мощный инструмент экономического роста // ВОИС. – 2016, 35 с.

Городникова Н.В., Гохберг Л.М., Дитковский К.А. Индикаторы инновационной деятельности. – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – 320 с.

Лебедева Я.О. Формирование системы управления интеллектуальной собственностью наукоемких предприятий в условиях открытых инноваций. – М.: Наука, 2016. – 190 с.

Мовчан А. Российская Экономика // Рабочие материалы Карнеги. Коротко о главном. 2017. – т. 2. – С. 272-321.

Петросян Д. Социальная справедливость в экономических отношениях: институциональные аспекты // Вопросы экономики. – 2017. – № 2, С. 27-42.

Пострелова А.В., Донскова М.В. Оценка интеллектуального капитала предприятия / Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы II Междунар. науч. конф. – СПб.: Реноме, 2013. – С. 53-56.

Скобарев А.А., Лячин В.И. Двойственность и противоречия интеллектуальной собственности в развитой рыночной экономике // Молодой ученый. – 2012. – № 2, С. 139-144.

Структура российской внешней торговли // Бюллетень социально-экономического кризиса в России. Внешняя торговля: изменение структуры и динамики. – 2016. – № 12, С. 8-12, <http://ac.gov.ru/files/publication/a/8884.pdf>.

References

Amirova D.R., Gudkova V.S. (2014) Sovremennyye osobennosti vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti Rossiyskoy Federatsii [Modern features of foreign economic activity of the Russian Federation]. Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya, № 12, pp. 24-49.

Bagratuni K.YU. (2017) Aktsenty byudzhethnoy politiki v sisteme mer po obespecheniyu tempov ekonomicheskogo rosta [The emphasis of fiscal policy in the system of measures to ensure the pace of economic growth]. Ekonomika i predprinimatel'stvo, №3-1, pp. 109-111.

Gorodnikova N.V., Gokhberg L.M., Ditkovskiy K.A. (2016) Indikatory innovatsionnoy deyatel'nosti [Indicators of innovation activity]. Moscow: NIU VSHE, 320 p.

Idris K. (2016) Intellektual'naya sobstvennost': moshchnyy instrument ekonomicheskogo rosta [Intellectual property: a powerful tool for economic growth]. WIPO, 35 p.

Lebedeva YA.O. (2016) Formirovaniye sistemy upravleniya intellektual'noy sobstvennost'yu naukoymkikh predpriyatiy v usloviyakh otkrytykh innovatsiy [Formation of the intellectual property management system of science-intensive enterprises in the context of open innovation]. Moscow: Nauka, 190 p.

Movchan A. (2017) Rossiyskaya Ekonomika [Russian Economy]. Rabochiye materialy Karnegi. Korotko o glavnom, vol. 2, pp. 272-321.

OECD Report Addressing Base Erosion and Profit Shifting (BEPS) (2013) http://keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/taxation/addressing-base-erosion-and-profit-shifting_9789264192744-en#page1

Opportunities and risks of Nanotechnologies. Report in co-operation with the OECD International Futures Programme (2016) Allianz Center for Technology; The OECD International Futures Programme. Paris, München: OECD, Allianz AG, 45 p., <http://www.oecd.org/science/nanosafety/44108334.pdf>.

Petrosyan D. (2017) Sotsial'naya spravedlivost' v ekonomicheskikh otnosheniyakh: institutsional'nyye aspekty [Social justice in economic relations: institutional aspects]. Voprosy ekonomiki, № 2, pp. 27-42.

Postrelova A.V., Donskova M.V. (2013) Otsenka intellektual'nogo kapitala predpriyatiya [Assessment of the intellectual capital of an enterprise]. Problemy i perspektivy ekonomiki i upravleniya: materialy II Mezhdunar. nauch. konf., SPb.: Rénome, pp. 53-56.

Skobarev A.A., Lyachin V.I. (2012) Dvoystvennost' i protivorechiya intellektual'noy sobstvennosti v razvitoy rynochnoy ekonomike [Duality and contradictions of intellectual property in a developed market economy]. Molodoy uchenyy, № 2, pp. 139-144.

Statement of Senator Carl Levin before U.S. Senate Permanent Subcommittee on Investigations on Offshore Profit Shifting and the U.S. Tax Code (Part 1), p. 2, [https://www.hsgac.senate.gov/imo/media/doc/OPENING%20-%20LEVINCarl%20\(September%20%202012\)1.pdf](https://www.hsgac.senate.gov/imo/media/doc/OPENING%20-%20LEVINCarl%20(September%20%202012)1.pdf)

Struktura rossiyskoy vneshney torgovli (2016). Byulleten' sotsial'no-ekonomicheskogo krizi-sa v Rossii. Vneshnyaya torgovlya: izmeneniye struktury i dinamiki, № 12, pp. 8-12, <http://ac.gov.ru/files/publication/a/8884.pdf>.

The Global Innovation Index (2018) Stronger Innovation Linkage for Global Growth, <https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=4330>

Volkova I.A. (2014) Osobennosti institutsional'noy struktury rynka tekhnologiy [Features of the institutional structure of the technology market]. Institutsonal'noye razvitiye: ekonomika, upravleniye, sotsial'naya sfera, obrazovaniye: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf, Omsk, pp. 67-72.

Sagiyeva R.K.¹, Zhuparova A.S.²¹Doctor of Economic sciences, Professor, e-mail: rimmasagiyeva@gmail.com,ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7447-268X>²PhD, Acting Associate Professor, e-mail: aziza_z@mail.ru,ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5787-760X>

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

**INVESTING IN THE INTELLECTUAL POTENTIAL OF SOCIETY:
THE EXAMPLE OF KAZAKHSTAN**

Intellectual capital is the most important component of the production assets of the organization operating in the post-industrial information society. The intellectual potential of the society is determined by the following main factors: the quality of the state socio-economic policy; the genetic fund of the population; the quality of the living environment (the level and quality of life of the population, ecology, political climate, etc.) of the population in general and its individual groups in particular; the level of health of the population; the level of development of the system of education and training of the younger generation; the quality of the mechanism of motivation of the population to creative work; the structure of society and the employed population; the level of culture and national consciousness of the population. Investments in intellectual potential play a major role in its development. This article analyzes the main factors affecting the development of the intellectual potential of society since the collapse of the Soviet Union. The main purpose of the study is to analyze and study the main factors affecting the growth of investment in the intellectual capital of the society. Research methodology includes such methods of study of economic phenomena and processes: economic and statistical analysis. The results of the study will allow to study the successful experience, as well as to identify problem areas in the financing of the intellectual potential of society. The scientific and practical significance of the work lies in the fact that its main conclusions and recommendations can be used to develop effective strategies and tactical instruments of innovation policy.

Key words: intellectual (human) potential of the society, the index of human potential development, living level of population, the performance of scientific and scientific-technical activity, economic growth.

JEL Classification: O380Сагиева Р.К.¹, Жупарова А.С.²¹э.ғ.д., доцент, e-mail: rimmasagiyeva@gmail.com, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7447-268X>²PhD, доцент м.а., e-mail: aziza_z@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5787-760X>

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

**Қоғамның зияткерлік әлеуетін инвестициялау:
Қазақстанның мысалы**

Зияткерлік капитал – постиндустриалды ақпараттық қоғамда жұмыс істейтін ұйымның өндірістік активтерінің маңызды құрамдас бөлігі. Қоғамның зияткерлік әлеуеті келесі негізгі факторлармен анықталады: мемлекеттік әлеуметтік-экономикалық саясаттың сапасы; халықтың генетикалық қоры; тұтастай алғанда халықтың және оның жеке топтарының өмір сүру ортасының сапасы (халықтың өмір сүру деңгейі мен сапасы, экология, саяси климат және т.б.); денсаулық сақтау деңгейі; жас ұрпақты оқыту және тәрбиелеу жүйесінің даму деңгейі; тұрғындарды шығармашылық жұмысқа ынталандыру тетіктерінің сапасы; қоғамның және жұмыспен қамтылған халықтың құрылымы; мәдениеттің деңгейі және халықтың ұлттық ерекшелігі. Зияткерлік әлеуеттің дамуында инвестициялар үлкен рөл атқарады. Бұл мақалада Кеңес Одағы ыдырағаннан бері қоғамның зияткерлік әлеуетінің дамуына әсер ететін негізгі факторлар талданады. Зерттеудің негізгі мақсаты – қоғамның зияткерлік капиталына инвестициялардың өсуіне әсер ететін негізгі факторларды талдау және зерттеу. Зерттеу әдіснамасына экономикалық құбылыстар мен процестерді талдаудың осындай әдістері кіреді: экономикалық және статистикалық талдау. Зерттеу нәтижелері сәтті тәжірибені зерттеуге, сонымен қатар қоғамның зияткерлік әлеуетін қаржыландырудағы проблемалық бағыттарды анықтауға мүмкіндік береді. Зерттеудің ғылыми және практикалық маңыздылығы оның негізгі тұжырымдары мен ұсыныстарын инновациялық

саясаттың тиімді стратегиялары мен тактикалық құралдарын жасау үшін пайдалануға болатындығында.

Түйін сөздер: қоғамның зияткерлік (адами) әлеуеті, адами әлеуетінің даму индексі, халықтың өмір сүру деңгейі, ғылыми және ғылыми-техникалық қызметтің тиімділігі, экономикалық өсу.

Сагиева Р.К.¹, Жупарова А.С.²

¹д.э.н., доцент, e-mail: rimmasagiyeva@gmail.com, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7447-268X>

²PhD, и.о. доцента, e-mail: aziza_z@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5787-760X>

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Инвестирование в интеллектуальный потенциал общества: пример Казахстана

Интеллектуальный капитал – важнейшая составляющая производственных активов организации, функционирующей в условиях постиндустриального информационного общества. Интеллектуальный потенциал общества определяется следующими основными факторами: качеством государственной социально-экономической политики; генетическим фондом населения; качеством среды жизнедеятельности (уровень и качество жизни населения, экология, политический климат и др.) населения в целом и его отдельных групп в частности; уровнем здоровья населения; уровнем развития системы воспитания и обучения подрастающего поколения; качеством механизма мотивации населения к творческому труду; структурой общества и занятого населения; уровнем культуры и национального самосознания населения. Инвестиции в интеллектуальный потенциал играют основную роль в его развитии. В данной статье проводится анализ основных факторов, влияющих на развитие интеллектуального потенциала общества со времен распада Советского Союза. Основная цель исследования заключается в проведении анализа и исследования основных факторов, влияющих на рост инвестиций в интеллектуальный капитал общества. Методология исследования включает в себя такие методы познания экономических явлений и процессов: экономико-статистический анализ. Результаты исследования позволяют изучить успешный опыт, а также выявить проблемные места в финансировании интеллектуального потенциала общества. Научная и практическая значимость работы заключается в том, что его основные выводы и рекомендации могут использоваться для разработки эффективных стратегий и тактических инструментов инновационной политики.

Ключевые слова: интеллектуальный (человеческий) потенциал общества, индекс развития человеческого потенциала, уровень жизни населения, результативность научной и научно-технической деятельности, экономический рост.

Introduction

Critical from a long-term perspective are the structure of external debt, the availability of natural resources, the raw material export burden, population growth, the use of intellectual potential and the capacity of the political system to promote the necessary consensus and decisions legitimized by the Constitution realize. Specific bottlenecks arise from decreasing population potential, damage to infrastructure and the environment, neglect of real economic renewal in industry, agriculture and transport systems (indicated by missing or misguided investments) and a conceptual deficit in promoting research and development (Duff, 2010).

Looking back on the first years of Kazakhstan's transformation, it becomes clear that the factor of governance in particular has become the decisive limit to the country's development. Competence and integrity of the actors were and are not guaranteed, above all in the public sector and in politics (Bogomolova & Slepchenko, 2012). The general and

therefore also difficult to refute suspicion of corruption has paralyzing effects on all sectors of the Kazakhstan economy and society. In this context, the principles and behavior patterns of Soviet and pre-Soviet times are also relevant:

The collectivity of the “Municipality”, sanctioned even after the liberation of the peasants from 1861, with its redistribution of land, facilitated collectivization for Stalin, but also explains the unsolved problems in the reform of land law.

A traditional paternalism explains the widespread rent seeking, i.e the desire of managers in Kazakhstan today to do everything in their power to avoid the closure of unprofitable businesses through subsidies in conjunction with the leaders of regional politics and administration. The equally traditional idea of the inexhaustible wealth of Kazakhstan is only partially covered by the actual economic usability of natural resources. In any case, it can be interpreted as a motive for, on the one hand, unprecendented exploitation in dealing with nature and, on the other hand, a systematic underestimation of the

importance of technology-intensive industrial exports (Aboites & Cimoli, 2002).

Literature review

Over the past decade, intellectual potential and intangible assets have been widely viewed as an essential tool for successful business under conditions of intensive knowledge (YiYong *et al.*, 2019). Accordingly, the main purpose of this document is to develop and prioritize the most important indicators of intellectual capital in knowledge-based industries (Bessy & Brousseau, 1997). The fuzzy results of review of scientific papers showed that participants noted high concerns, especially with regard to the knowledge and skills of managers and employees regarding human capital, high concerns, especially about the positive climate, the ratio of R & D investment and the number of R & D projects in accordance with structural capital when considering relational capital, more attention was paid to customers and strategic cooperation, such as alliances and licensing (Bhattacharjee, 2012).

Intellectual potential is generally recognized as an intangible asset of a company, which is difficult to assess using ordinary financial statements. Although it usually cannot be identified from traditional financial statements, relevant parties typically accept such expanding investments. To date, researchers have proposed a wide range of definitions and perspectives of intellectual capital. Dasgupta and David (1994) argue that intellectual potential is the value of intangible assets accumulated by the company. This value was equal to the difference between the corporate market and book value (Davenport & Bibby, 1999.). David (1993) explained the intellectual potential as intellectual material consisting of knowledge, information, intellectual property and experience, which could be used to create wealth. In addition, researchers have decomposed and conceptualized IP to get a better description of this. Helpman (1993) reviewed the four components of IP, including market-related, mind-related, organization-related and human-related capital. Other researchers describe intellectual potential in terms of human capital and structural capital (Jaffe, 2000; Ling, 2011). Penrose (1951) defined intellectual potential as the sum of the knowledge and capabilities of employees in a company. Finally, intellectual potential is considered to be part of a firm's competitiveness derived from its components, consisting of human capital, structural capital, and client capital (Porter *et al.*, 2005).

An analysis of the concept of intellectual capital allows us to conclude that this category in its development has gone from the level of a person through the level of organization to the level of society (Łataś & Walasek, 2016; Yusoff *et al.*, 2019). It should be borne in mind that at each hierarchically higher level, this concept is enriched, acquiring a new content (Kianto *et al.*, 2018). Based on the analysis of McDowell *et al.* (2018) we offer a simplified three-level structure of intellectual capital, which is key in understanding the modern theory of intellectual capital:

- individual level: human intellectual resources, human capital – accumulated scientific and educational potential and experience of the individual, personality (stock of knowledge, experience and abilities);

- level of organization – the intellectual resources of the organization, the intellectual capital of organizations, which includes the human capital of workers, client capital, organizational capital (according to the classification of Tejedo-Romero *et al.* (2017);

- the level of society – the intellectual resources of society, the intellectual capital of society.

Summing up, according to Kianto *et al.* (2017) it should be emphasized that research on the topic of intellectual capital of society is only gaining momentum. Intellectual capital, as one of the basic categories of development in the post-industrial world, requires close attention on the part of researchers dealing with both the problems of human capital and the intellectual resources of an organization. The concepts associated with the category of intellectual capital still need a more precise and adequate definition. To do this, focus on the following key points. First, intellectual resources cannot be described using economic axiomatics, since they are not subject to market axioms: they are unlimited, and ownership of these resources is very difficult to specify. Secondly, intellectual capital and resources should be considered as endogenous factors in relation to the economic system. Thirdly, human capital is a private good, but the condition for its existence is public goods (Patthirasinsiri & Wiboonrat, 2017). And, fourthly, intellectual capital manifests itself in different ways at the levels of private, public and mixed good.

Methodology

As a basis for the study of the scientific problem, the tools of knowledge of economic theory were taken, namely, an analysis of the research conducted

in the works of foreign and domestic scientists was carried out. The analysis of the main factors affecting the investment in the intellectual potential of society. In addition, the method of knowledge of economic phenomena and processes was applied, which made it possible to reveal the peculiarities of investing in the intellectual potential of society.

Results and discussion

Macroeconomic growth

The overall economic development of Kazakhstan in the period from 2000 to 2017 will depend to a great extent on the existing reform policy framework conditions. However, taking into account the starting position of the real economy in 1999 and the factors described above, a limited margin for

future growth must be assumed. Realistically, the maximum for the ten-year period up to 2017 cannot be expected to be more than an average four percent increase in gross domestic product (GDP). Close stagnation with average annual growth of one per cent is likely to mark the lower limit of development (Figure 1).

In addition to domestic consolidation, debt regulation and potential foreign exchange earnings on the international energy markets are of crucial importance for long-term growth. In view of the long-term growing importance of alternative energies and energy-saving technologies, the (financially urgently needed) increase in energy prices can by no means be taken for granted. For the foreseeable future, foreign trade will remain vulnerable to global turbulence.

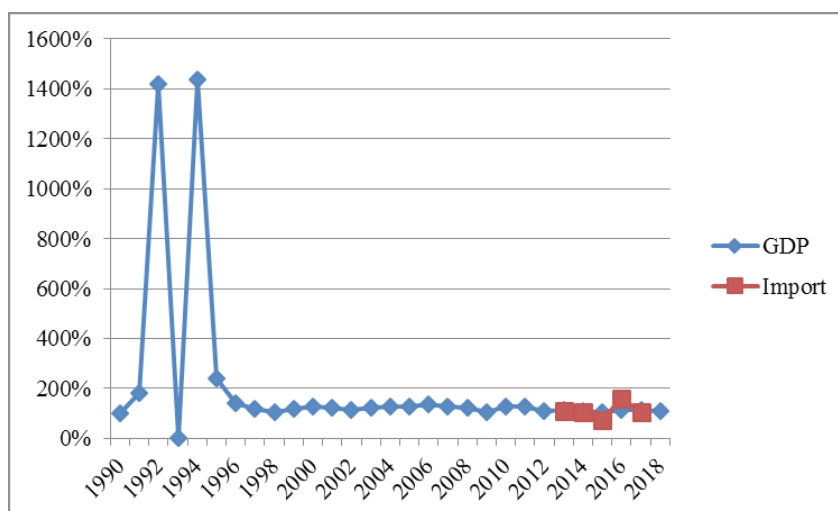

Figure 1 – Development of Kazakhstan GDP on alternative assumptions about economic growth

Note – compiled by authors on the basis of Statistics Committee (2017)

A model calculation can also clarify the long-term prospects in the area of public finances: in 2018 external debt of Kazakhstan was USD 161 million, the balance of payments requires around USD 17 million for smooth debt servicing (excluding another amortization). In order to secure funding, net capital imports must stabilize at a level of approximately \$ 17 million between 2012 and 2017, with a continuing positive current account balance of approximately \$ 3-4 million. Assuming continued capital flight (including the widespread dollar horde in cash) and constant foreign exchange reserves, steady foreign

direct investment and portfolio investment is solely for financing debt service required.

In the most successful year of transformation efforts to date (2015), direct and portfolio investment reached around \$ 37.9 million. Capital inflows are below this volume due to political uncertainty, which means that a financing gap of about \$ 5.2 million must be expected – an enormous amount for Kazakhstan. Western creditors, given their experience after the ruble crash, are not likely to find it easy to reduce their funding passivity in the coming years.

Natural resources

In Kazakhstan's wealth of resources, there are still opportunities for the country's catching up overall economic development, especially in terms of self-sufficiency and export. However, since the dissolution of the Soviet Union, this potential has been underutilized. Since 1992, a considerable export surplus has been generated, as in the Soviet Union, two-thirds of the revenues came from exports of raw materials. Much of the estimated \$ 250 billion in illegal capital transfers comes from this sector. At the same time, the maintenance and modernization of the facilities and the development of new deposits (also via foreign investments) were neglected.

Kazakhstan has the greatest potential of natural resources in the world. Minerals are represented by almost all elements of the periodic table. The Republic ranks first in the world in explored reserves of zinc, tungsten and barite, second in silver, lead and chromite, third in copper and fluorite, fourth in molybdenum, and sixth in gold. Among the CIS countries, Kazakhstan accounts for 90% of the total reserves of chromite, 60% of tungsten, 50% of lead, 40% of zinc and copper, 30% of bauxite, 25% of phosphate, 15% of iron ore, more than 10% of coal. The Western region has significant oil and gas reserves, which make it possible to classify Kazakhstan among the ten largest oil-producing states in the world, which have a significant impact on the formation of the global energy market.

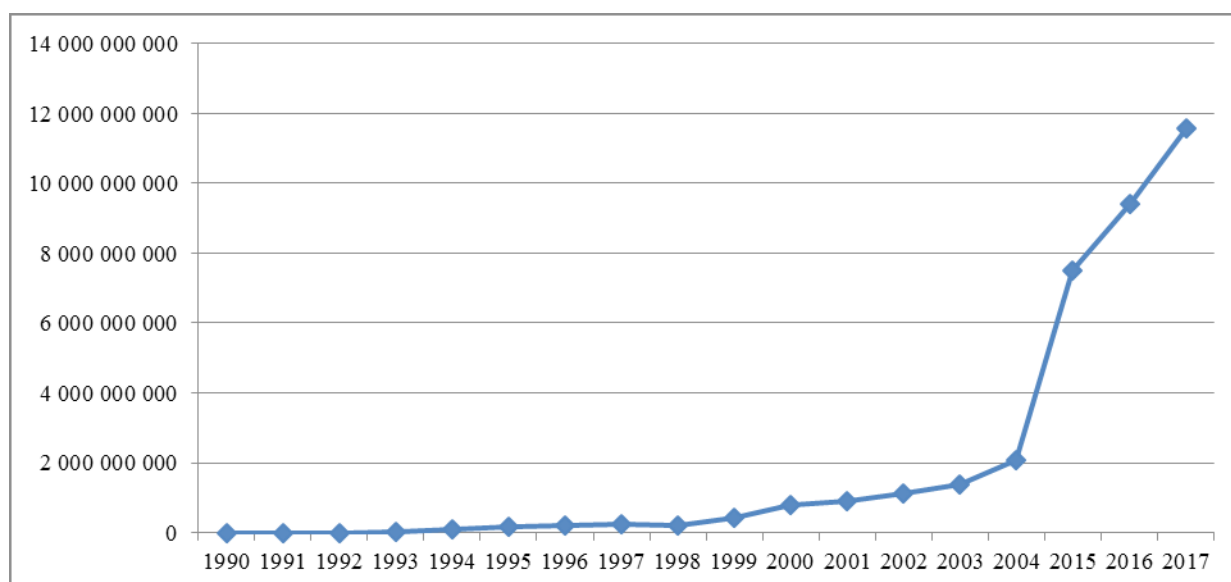

Figure 2 – Mining and quarrying in Kazakhstan 1990 – 2017

Note – compiled by authors on the basis of Statistics Committee (2017)

Currently, the country is competitive in the international market in the production and export of fuel, energy (oil, gas, coal) and metals (iron, chrome, ferroalloys, steel, copper, aluminum, zinc and lead). The country's potential in agricultural resources is also very significant, especially in animal husbandry and grain production. The global importance of the economic complex of the country is given today by rich hydrocarbon reserves. According to the latest estimates, the total reserves of oil and gas in Kazakhstan amount to 23 billion tons, of which about 13 billion tons are concentrated in the Caspian shelf. The vast reserves of oil and gas, along with the relatively low risk of political instability, have already made Kazakhstan the largest recipient

of foreign investment per capita among the CIS countries. The investment climate in the oil and gas sectors is characterized by a number of favorable factors. First, the laws on foreign investment, oil, licensing and privatization created the legal basis for the normal functioning of foreign investors in the field of environmental management. Secondly, the existing tax and tariff systems and the structure of state administration of the oil production sector have been simplified. Finally, the geographical position of Kazakhstan in the center of the continent gives it access to the large export markets of Europe. In terms of oil production, Kazakhstan ranks 26th in the world, producing about 27 million tons of oil in 1999. The largest importers of Kazakh oil, gas

and oil refined products are Kazakhstan, the United Kingdom, Ukraine, Switzerland and Italy. However, only a limited amount of Kazakhstan oil is exported to the world market. Kazakhstan and the countries of the Persian Basin, rich in hydrocarbon raw materials, is a strong competitor to Kazakhstan in the global oil and gas market.

Nearly all raw materials saw a decline in production in the 1990s. The decline in investment since the beginning of the decade has been significantly higher than that of Kazakhstan's economy as a whole. In the energy sector, the aim is to reverse the decline in production in line with the "Mining and quarrying in Kazakhstan by 2017" (Figure 2), but in high-investment sectors such as raw materials development, a return to high growth rates is unlikely for a long time to come.

Oil production in Kazakhstan is about 6 million tons per month. In 2018, it is planned to extract 87 million tons of oil. And this is not the limit, since the country intends to increase production in the near future. Kashagan is one of the largest oil fields in Kazakhstan. The volume of Kashagan minerals is 2 billion tons. The deposit is located on the 9th place in the world.

Unlike the natural gas sector and oil transport, oil production has been further privatized and important steps have been taken towards demonopolisation. The unbundling of the state monopoly was carried out predominantly from a regional point of view. Although this leads to the continued predominance of regional production monopolies, renewed tenders are increasingly fostering competition between these companies, which were originally focused on regions.

Agriculture and environment

Agriculture is one of the key sectors of the economy of Kazakhstan. In the north of the country, climatic conditions are conducive to the cultivation of spring wheat, oats, barley and other grain crops, and also allow developing vegetable growing, melon growing and cultivating a number of industrial crops – sunflower, flaxen, etc. River valleys, where there is a lot of heat, with artificial irrigation, high yields are yielded by cotton, sugar beet, yellow tobacco, rice; fruit gardens and vineyards. The natural conditions of Kazakhstan, their diversity determine significant potential opportunities for the development of animal husbandry. In the Republic, sheep, horse, camel and cattle breeding are traditionally practiced. Desert and semi-desert areas in the central and south-western parts of Kazakhstan are widely used as seasonal pastures for livestock. Mountain meadows in the east and southeast of the republic

are used as summer pastures. Being one of the priority directions of development of the republic's economy, agriculture has a huge potential and large reserves.

During the period of independence, nine policy documents were developed, on the basis of which the state policy in the field of agriculture was implemented: the socio-economic development of subregions for 1991-1995 and for the period up to 2000, the development of agriculture for 1993-1995 and 2000 development of agricultural production for 2000-2002, the state agri-food program for 2003-2005, rural development for 2004-2010, sustainable development of the agro-industrial complex for 2006-2010, priority measures for the implementation of the Concept of sustainable development of the agro-industrial complex of the Republic of Kazakhstan 2006-2010, development of the agro-industrial complex for 2010-2014, on the development of the agro-industrial complex "Agrobusiness-2017". Currently, about 5% of the gross domestic product (GDP) of the country is being created in agriculture.

In the structure of the gross output of the industry, there is a high proportion of production of personal subsidiary farms. About 80% of agricultural products produced in Kazakhstan are sold as raw materials, without processing, and finished products have weak competitiveness. While large-scale production declined substantially in the 1990s, Soviet private sector subsistence farms increased their share of production to half of total agricultural production, with specialization in higher-value products. The production shares of the newly established farms, however, remained at two percent. Although the former state-owned large agricultural enterprises (collective farms, state farms) were predominantly re-registered under private law, 90 per cent retained the usual forms of work organization. Land (62 per cent in private disposal) and other fixed assets formally belong to the shareholders of the companies, but are practically in the hands of the management. Profits are not distributed, the payment is made after the work.

The balance of industrial environmental pollution in the 1990s seems positive only at first glance: Total water withdrawal in 2010 was estimated to be equal to 21.12 km³, out of which 14 km³ was used for agriculture, 6.263 km³ for industrial usage and 0.878 km³ for municipal purposes. Water withdrawal per capita in Kazakhstan is the lowest in the Central Asian region, but comparing to other countries like Israel, consumption of water is still relatively high. However, the amount of pollutants per unit of

production increased, and the number of companies with annual pollutant emissions of more than 100 tons did not decrease. The fact that the management hardly cares about the environmental issues reflects the general financial constraints, but is also due to the fact that it is usually more favorable from the point of view of management to pay fines for non-compliance with environmental regulations than to make environmentally friendly investments be taxed.

Extremely problematic for certain areas of Kazakhstan (and often for neighboring countries) are environmental pressures resulting from the use and disposal of facilities for the production of nuclear, bacteriological and chemical weapons. Kazakhstan will also be presented as a future major buyer for the treatment, storage and disposal of nuclear waste from other countries. In the foreigners' argumentation of the proponents of this conception, reference is made to the possible contribution of Kazakhstan to preventing the misuse of nuclear material by third States.

Population development and health

It is significant for the country's human potential that the life expectancy of Kazakhstan men is about 10 years lower than that of male Central Europeans. At the same time, Kazakhstani men, on average, live 9 years less than women. At 72, it is at the level of Brazil and India. For the last time since 1991, natural population growth had increased for Kazakhstan. The life expectancy was primarily due to men of working age who experienced a large increase in "external causes" (murder, suicide, poisoning, accident). The decline in birth rates is mainly due to the lower number of women of childbearing potential Age and the increasing age of the first-time mothers.

Specifically, Kazakhstan problems are the continuing high number of legal and illegal abortions as well as high maternal mortality. Maternal mortality is five to ten times higher than in industrialized countries and continues to increase. These constellations are due to traditional attitudes in the population and a completely underdeveloped family planning.

As a result of recent births, Kazakhstan experts are predicting an increase in the number of preschool children, conscripts and working age groups, while the number of students will decrease. From the Kazakhstan side and from international organizations there are numerous – strongly divergent – forecasts of the expected population development in the next decades. It is striking that these have been more modest from year to year:

Education System of Kazakhstan

The future of modern civilization depends not only on the level of technological progress and economic growth, but also on the quality of human capital. According to the Global Competitiveness Index, in 2017, in terms of primary education, Kazakhstan ranked 4th among 137 countries of the world, increasing its position from 118th place.

In the "Human Development Index" ranking, Kazakhstan ranks 56th out of 188 countries, placed in the list of countries with a high level of human development.

In terms of economic competitiveness, according to the Institute of Management IMD-2017, the position of Kazakhstan in terms of the Education sub-factor improved by 9th position, occupying the 35th place in the world. Also, Kazakhstan joined the OECD Innovation Policy and Education Policy Committees.

The relevance of the modernization of the education system of Kazakhstan is due to the importance of the social function – the development and transmission of knowledge, which in a modern society play a key role in the division of labor.

The maximum success in the modernization of the education system in Kazakhstan can only be achieved under the condition that all the software installations put into education policy will be able to absorb the maximum possible from the positive potential accumulated by world experience. And therefore, in front of many states, especially in Central Asia, the issue of modernization of the educational system remains relevant.

In Kazakhstan, the organizational basis for the national educational policy is the State Program for the Development of Education of the Republic of Kazakhstan for 2011–2020. The program is aimed at creating a modern system for assessing the quality of education, improving education standards, training requirements for graduates of educational institutions, the emergence of various types of educational institutions of various forms of ownership, informatization of education and the introduction of new educational technologies, the active involvement of non-state sources of education financing.

In accordance with the GPRO for 2011–2020, the main directions of modernization and development of the education system were defined: the development of pre-school education, teacher training, the introduction of electronic education, the E-learning project, the modernization of higher education institutions, the modernization of vocational education, and innovation. in secondary education.

Personnel for a knowledge-based economy

Scientific personnel are specialists of the highest degree, directly involved in the process of reproduction of scientific knowledge and the preparation of scientific results for practical use (commercialization). The differentiation of the personnel structure is due to the peculiarities of the tasks of the knowledge economy, as well as the specifics of scientific and technological work. It includes cadres of scientific and engineering workers, managerial personnel, workers in pilot production, support and maintenance personnel.

They are designed to form the “quality” and “prospects” of the further development of the economy and the state. According to Academician S.Yu. Glazyev, without a staffing of high-tech sectors that are the locomotives of economic growth in the quantitative and qualitative aspects, the transition to the knowledge-based economy and the new VI technological order is unrealistic.

In recent years, the staffing of science in Kazakhstan has been developing contrary to the main world trends. The main indicators of human capacity are presented in Table 1.

Table 1 – The main indicators of the personnel potential of the science of Kazakhstan in 2012-2016

	2012	2013	2014	2015	2016
Number of employees performing R & D, people	20 404	23 712	25 793	24 735	22 985
of them:					
Researchers	13 494	17 195	18 930	18 454	17 421
of them:					
doctors of science	1 065	1 688	2 006	1 821	1 828
doctor profile	719	605	596	549	493
PhD	131	218	330	431	456
candidates of science	3 629	4 915	5 254	5 119	4 726
Average monthly nominal wages of employees by types of economic activity, tenge					
Research and development	148 530	153 567	171 626	184 940	208 752
Higher education	102 016	110 017	117 985	125 944	136 403
Number of employees performing research and development by sector of activity					
Government sector	4 921	5 516	7 608	7 157	7 643
Higher professional education sector	9 405	11 828	10 961	10 623	9791
Business sector	4 718	5 036	5 786	5 258	4222
Non-profit sector	1 360	1 332	1 438	1 697	1329
Note – compiled by authors on the basis of Statistics Committee (2017)					

So, despite the fact that, in general, in the period from 2012 to 2016, there is an increase in the total number of personnel engaged in research and development by 2,581 people, or 12%. In 2016, there is a decrease in the number of researchers in comparison with previous years.

Tracing the change in the number of personnel engaged in research and development by sector of activity, we can note a certain increment of their number in the public sector – by 2.7 thousand people, or 35%; in the MPS sector – by 0.4 thousand people,

or 0.3%; In the sector of NPOs, a negative trend is observed, that is, a slight decrease of 0.2%. At the same time, the reduction in the number of personnel engaged in research and development in the business sector by 0.5 thousand people, or 11%, is of particular concern. Indeed, in the modern market economy, the entrepreneurial sector accumulates in itself a large part of the scientific potential. This happens in traditionally developed countries – the USA, Japan, Korea, Sweden, where about 2/3 of the total number of researchers are engaged in the business

sector. These data reflect a low investment interest on the part of domestic entrepreneurs in innovations and developments, thereby further aggravating the prevailing general negative situation.

In the post-reform period there is a devaluation of the prestige of the scholarly profession. Thus, on the scale of prestige, the profession of a scientist in Kazakhstan is not even in the top 10 prestigious professions, while in America – the 1st, and in Europe – the 2nd. The low prestige of the scholarly profession is not dangerous in itself. However, it gives rise to a more dangerous trend – the lack of an influx of young scientists and researchers, as well as the loss of continuity of generations.

Thus, speaking about the tendencies of formation of a knowledge-based economy in Kazakhstan, one should focus on two main points: is this development aimed at the sustainability of the economy and the well-being of people and to what extent have internal factors matured in the country contributing to this development. Of course, the

country's scientific potential, as well as its ability to generate new knowledge, has been and remains a significant driving force for the development of the knowledge economy. Therefore, we believe that it is advisable to start the study with the presence of the number of workers engaged in research activities (Table 2). As you can see, the dynamics of this indicator in the whole country developed unevenly over the years and in 2016 decreased by 1,750 people. A significant reduction is observed in Akmola and North Kazakhstan regions, which can be explained, among other things, by migration to the nearby large cities of Kazakhstan, which are better provided with scientific infrastructure. Some reduction in the number of workers in the scientific sector occurred in Pavlodar, South Kazakhstan, East Kazakhstan regions and in the city of Astana. A slight increase in research workers is observed in the West Kazakhstan and Mangystau regions, while in both capitals there is a decrease in their number.

Table 2 – The number of employees engaged in research and development work, people

Region	2012	2013	2014	2015	2016
The Republic of Kazakhstan	20 404	23 712	25 793	24 735	22 985
Akmola region	936	992	1 054	802	652
Aktobe region	172	282	356	335	323
Alma-Ata's region	415	826	901	1 049	983
Atyrau region	605	400	398	462	400
West-Kazakhstan region	516	600	425	540	756
Jambyl Region	350	278	368	318	327
Karaganda region	1 189	1 387	1 631	1 708	1 458
Kostanay region	268	518	565	574	556
Kyzylorda Region	192	205	253	236	228
Mangistau region	569	590	583	648	700
South Kazakhstan region	994	1 466	1 359	1 356	1 088
Pavlodar region	292	774	809	716	693
North-Kazakhstan region	325	312	229	182	135
East Kazakhstan region	1 913	2 269	2 377	2 303	2 205
Astana	3 024	3 159	3 391	3 001	2 939
Almaty city	8 644	9 654	11 094	10 505	9 542
Note – compiled by authors on the basis of Statistics Committee (2017)					

In general, the downward trend in the number of workers in the scientific sector exacerbates the existing deficit, especially noticeable in comparison with the leading global economies. For example, the

highest density of scientific workers in the world in 2012 was in Israel, where per a million inhabitants, 8,337 people were engaged in scientific research. This is more than twice as high as in the United States

(3.984 people in 2013) and in the United Kingdom (4.108 people in 2013). The density of scientific workers in 2013 was also high in the Republic of Korea (6.533 people) and Japan (5.195 people). In Kazakhstan, this figure is equal to 1284 people. In fact, the scientific sector not only has a shortage of scientific personnel, but also is experiencing its aggravation. There are several reasons:

- natural aging of the country's scientific personnel;
- the unattractiveness of the scientific sector for scientists;
- outflow of young scientists in the field of business and abroad;

Despite the measures taken by the state to increase the state order for the preparation of masters and PhD students, as well as the continuation of the Bolashak international program, the field of scientific activity continues to be unattractive for youngest people due to weak material and social incentives.

A significant problem for the country remains the “brain drain” abroad, where there are more attractive material conditions for practicing science. The regions of Kazakhstan are experiencing an even greater shortage, since qualified personnel are also leaving for the capital cities. Obviously, a complex of institutional measures will be required, not only stimulating scientific activities, but encouraging the involvement of scientific personnel from abroad.

Investment in the intellectual potential of society

The demand for research and intellectual knowledge in the knowledge economy is constantly increasing. In highly developed countries, this is reflected in the constant increase in the financing of science and the wages of scientists compared with the average for the economy. However, in Kazakhstan, the general trend of investment in science is somewhat different from the global one. In general, the dynamics of financing science in Kazakhstan are presented in Table 3.

Table 3 – Dynamics of indicators of financing science in the Republic of Kazakhstan in 2012-2016, mln.

Indicator	2012	2013	2014	2015	2016
Total	325 639,3	431 993,8	434 602,5	655 361,0	1 528 645,9
including:					
state ownership	9 194,5	39 420,8	25 368,8	18 200,4	25 781,8
private property	282 167,7	345 562,8	353 918,4	606 141,4	934 296,7
property of other states, their legal entities and citizens	34 276,9	47 010,2	55 315,2	31 019,3	568 567,4
Note – compiled by authors on the basis of Statistics Committee (2017)					

In the period from 2012 to 2016, there is a fairly significant increase in domestic spending on research and development – by 120,306.6.6 million tenge. in actual prices, or 78%.

The intellectual potential of society is steadily declining as human resources are depleted. Therefore, it is necessary to increase investment in the intellectual potential of society.

The social and economic development of society at the end of the 20th century and the beginning of the 21st is characterized by a rather strong increase in the role of the human factor. To achieve competitive advantages and ensure the qualitative parameters of economic development and economic growth in the modern world economy, human resources occupy one of the most important positions. As for the prospects of this development, in the 21st century they are associated mainly with human resources as

carriers of knowledge. A person acts in scientific and technical progress not only as a carrier, but also as a creator of new knowledge, which confirms a change in the approach to building models for the functioning of macroeconomic systems. This is connected with the fact that only with the help of investments in intellectual capital, Kazakhstan can grow out of a state that trades, for the most part, natural resources, into a country whose economic growth will be based on innovative scientific and technical achievements. In the Kazakhstan context, an innovative project can be insured under one of the state support programs or at the expense of its organization on the principles of a public-private partnership.

The investment element plays a big role in creating intellectual capital, because any significant innovation appears on the basis of investments in this sphere, and not at the expense of current costs. The

essence of the theory of human capital is an investment interpretation of the costs of quality improvement and human development.

Conclusion

Undoubtedly, one of the most important factors influencing the improvement of living conditions and work of citizens of the country is the quality of the mechanism of economic management at the macro level, since it has a direct impact on the formation of the living environment of the population. The main indicators characterizing the level of perfection of this mechanism are: the volume and structure of investments in the socio-cultural sector, determining the power and quality of human capital (education, science, culture, health), the level and quality of life of the population; the validity of the choice of priorities for socio-economic and scientific and technological development; volume and structure of investments in the knowledge-intensive sector of the economy; level of innovation activity of enterprises (organizations); quality and consistency of management decisions in the field of fiscal, tax, tariff, monetary and customs policies.

The formation and implementation of an effective state socio-economic policy aimed at increasing the intellectual potential of society will ensure the achievement of the following main results: obtaining new knowledge about the laws of nature, man, society and the development of Kazakhstan's scientific and technological potential, strengthening the links between science and education, creates a base and implementation of large-scale priority technological and innovative projects and the training of human resources for innovation economy; increasing the contribution of science and innovation to GDP growth based on technological re-equipment of enterprises, faster growth of production and sales of innovative products, diversification of the economy towards expanding production of products with a high share of value added; increasing the share of high-tech products of Kazakhstan on the world market, improving the structure of exports of domestic products and services, etc.

Статья публикуется в рамках проекта грантового финансирования №AP05131314 "Формирование эффективных моделей финансирования наукоемких производств в Республике Казахстан".

References

- Aboites J., Cimoli M. (2002) Intellectual property rights and national innovation systems. Some Lessons from the Mexican Experience. *Revue d'Economie Industrielle*, vol. 99, pp. 215-232.
- Bessy C., Brousseau E. (1997) The Governance of Intellectual Property Rights: Patents and Copyrights in France and the US. Working Paper, ATOM, Université de Paris I, September.
- Bhattacharjee A. (2012) *Social science research: principles, methods, and practices* (Second Edition). Tampa, Florida: University of South Florida.
- Bogomolova L.V., Slepchenko V.A. (2012) Features of development and competitiveness of the post-industrial cities. *Modern economy: problems and decisions*, vol. 8(32), pp. 8-23.
- Dasgupta P., David P.A. (1994) Toward a new economics of science. *Research Policy*, vol. 23, pp. 487-521.
- Davenport S., Bibby D. (1999) Rethinking a national innovation system: the small country as "SME". *Technology Analysis and Strategic Management*, vol. 11, pp. 431-462.
- David P.A. (1993) Intellectual property institutions and the panda's thumb: patents, copyrights, and trade secrets in economic theory and history. In: Wallerstein, M.B., Moge, M., Schoen, R.A. (Eds.). *Global Dimensions of Intellectual Property Rights in Science and Technology*. Washington, DC: National Academy Press.
- Duff (2010) *Global strategy: Understanding city competitiveness*. Retrieved from <http://innovation4cities.com/global-strategy-understanding-city-competitiveness>
- Helpman E. (1993) Innovation, imitation, and intellectual property rights. *Econometrica*, vol. 61, pp. 1247-1280.
- Jaffe A. (2000) The US patent system in transition: policy innovation and the innovation process. *Research Policy*, vol. 29, pp. 531-557.
- Kianto A., Ritala P., Vanhala M., Hussinki H. (2018) Reflections on the criteria for the sound measurement of intellectual capital: A knowledge-based perspective. *Critical Perspectives on Accounting*.
- Kianto A., Sáenz J., Aramburu N. (2017) Knowledge-based human resource management practices, intellectual capital and innovation. *Journal of Business Research*, vol. 81, pp. 11-20.
- Łataś R., Walasek D. (2016) Intellectual Capital within the Project Management. *Procedia Engineering*, vol. 153, pp. 384-391.
- Ling Y.H. (2011) The influence of intellectual capital on organizational Performance- Knowledge management as moderator. *Asia Pacific Journal of Management*, vol. 30, pp. 937-964.
- McDowell W.C., Peake W.O., LeAnne C., Harris M.L. (2018) Building small firm performance through intellectual capital development: Exploring innovation as the "black box". *Journal of Business Research*, vol. 88, pp. 321-327.

Patthirasinsiri N., Wiboonrat M. (2017) Measuring intellectual capital of science park performance for newly established science parks in Thailand. *Kasetsart Journal of Social Sciences*.

Penrose E. (1951) *The Economics of the International Patent System. Policies Relating to Technology of the Countries of the Andean Pact: Their Foundations*. UNCTAD: Johns Hopkins Press.

Porter M. et al. (2005) *Competition*. M.: Villiame.

Official website of Statistic Committee of Ministry of National Economy RK <http://stat.gov.kz>

Tejedo-Romero F., Rodrigues L.L., Craig R. (2017) Women directors and disclosure of intellectual capital information. *European Research on Management and Business Economics*, vol. 23(3), pp. 123-131.

Yi Yong J., Yusliza M-Y., Ramayah T., Fawehinmi O. (2019) Nexus between green intellectual capital and green human resource management. *Journal of Cleaner Production*, vol. 215, pp. 364-374.

Yusmazida Mohd Yusoff, Muhamad Khalil Omar, Maliza Delima Kamarul Zaman, Sarminah Samad (2019) Do all elements of green intellectual capital contribute toward business sustainability? Evidence from the Malaysian context using the Partial Least Squares method. *Journal of Cleaner Production*, vol. 234, pp. 626-637.

Кенжин Ж.Б.¹, Жумагазиева А.Г.², Султанова З.Х.³

¹докторант, Балтық Халықаралық Академиясы, Латвия, Рига қ., e-mail: jaksat_22@mail.ru

²аға оқытушы, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: almira.adia@mail.ru

³э.ғ.к., Жәңгір хан атындағы Батыс Қазақстан аграрлық-техникалық университеті,
Қазақстан, Орал қ., e-mail: sultanovaz@mail.ru

**АЙМАҚТЫҢ БӘСЕКЕГЕ ҚАБІЛЕТТІЛІГІН АРТТЫРУ ҮШІН
АДАМИ РЕСУРСТАР САЛАСЫНДАҒЫ ҰСЫНЫЛҒАН
ІС-ӘРЕКЕТТЕРДІ САРАПТАМАЛЫҚ БАҒАЛАУ**

Мақалада мемлекетаралық, аймақтық деңгейде және ғылыми зерттеулерде «адам ресурстары» ұғымының әртүрлі түсіндірмесі анықталды. Бірыңғай тәсілдің болмауы өңірдің бәсекеге қабілеттілігін арттыру бағдарламаларын қолдануды қиындатады және олардың тиімділігін төмендетеді. Адам ресурстары өңірдің экономикалық және әлеуметтік дамуының негізгі факторы болып табылады. Олар өңірді дамытудың басым бағыттарын іске асыру құралы ретінде әрекет етеді. Мұндай іске асырудың тиімділігі көбінесе халық біліктілігінің өңір экономикасының ерекшелігіне қойылатын талаптарға сәйкестігіне байланысты. Әлеуметтік-экономикалық саясат элементтерінің өзара байланысын ескере отырып, адами ресурстардың дамуына денсаулық сақтау мен білім беруді қоса алғанда, экономиканың түрлі салалары әсер ететінін атап өтуге болады. Мақалада авторлар аймақтың бәсекеге қабілеттілігін арттыруда адам ресурстар саласында сараптамалық бағалауды жүргізген. Білім сапасын жақсарту жөніндегі ұсыныстарды бағалау кезінде біз ең оңтайлы нұсқаны таңдаудың көп өлшемді мәселесін қолданамыз. Сауалнаманың көмегімен білім беру қызметтерінің сапасын арттыру бойынша ең қолайлы шешімдер таңдалды. Осылайша авторлар, сараптамалық бағалау әдістері, атап айтқанда, Дельфи әдісі адами ресурстарға сұраныс пен ұсыныстың оңтайлы арақатынасына қол жеткізу есебінен өңірдің бәсекеге қабілеттілігін арттыру жөніндегі іс-шараларды болжауда таптырмас құрал ретінде анықтайды.

Түйін сөздер: аймақ, адам ресурстары, сараптамалық бағалау, Дельфи әдісі, сарапшы, респонденттер, сауалнама, пайымдау, шешім.

Kenzhin Zh.B.¹, Zhumagazieva A.G.², Sultanova Z.H.³

¹doctoral student, Baltic international Academy, Latvia, Riga, e-mail: jaksat_22@mail.ru

²senior lecturer, al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: almira.adia@mail.ru

³c.e.s., Zhangir Khan West-Kazakhstan Agrarian-Technical University,
Kazakhstan, Uralsk, e-mail: sultanovaz@mail.ru

**Expert evaluation of the proposed action in the area
of human resources to improve the region's competitiveness**

The articles reveal a different interpretation of the concept of “human resources” at the interstate and regional levels, and in scientific research. The lack of a unified approach complicates the application of programs to improve the competitiveness of the region and reduces their effectiveness. Human resources are a key factor in the economic and social development of the region. They act as a tool for the implementation of priority areas of development of the region. The effectiveness of such implementation depends largely on the compliance of the qualification of the population with the requirements of the specifics of the economy of the region. Given the interrelationship of socio-economic policy elements, it can be noted that human resource development is influenced by various sectors of the economy, including health and education. In the article, the authors conducted an expert assessment in the field of human resources in improving the competitiveness of the region. When evaluating proposals to improve the quality of education, we use a multidimensional problem of choosing the most optimal option. With the help of the questionnaire, the most appropriate solutions to improve the quality of educational services were selected. Thus, the authors define the methods of expert evaluation, in particular, the Delphic method as an ideal tool for predicting measures to improve the competitiveness of the region by achieving an optimal balance of supply and demand for human resources.

Key words: region, human resources, expert assessment, Delphic method, expert, respondents, questionnaire, vision, solution.

Кенжин Ж.Б.¹, Жумагазиева А.Г.², Султанова З.Х.³

¹докторант, Балтийская Международная Академия, Латвия, г. Рига, e-mail: jaksat_22@mail.ru

²старший преподаватель, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: almira.adia@mail.ru

³к.э.н., Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангир хана, Казахстан, г. Уральск, e-mail: sultanovaz@mail.ru

Экспертная оценка предлагаемых мероприятий в области развития человеческих ресурсов для повышения конкурентоспособности региона

В статье выявлена различная трактовка понятия «человеческие ресурсы» на межгосударственном и региональном уровнях, и в научных исследованиях. Отсутствие единого подхода осложняет применение программ повышения конкурентоспособности региона и снижает их эффективность. Человеческие ресурсы являются ключевым фактором экономического и социального развития региона. Они выступают в качестве инструмента реализации приоритетных направлений развития региона. Эффективность такой реализации во многом зависит от соответствия квалификации населения требованиям, предъявляемым спецификой экономики региона. С учетом взаимосвязи элементов социально-экономической политики можно отметить, что на развитие человеческих ресурсов оказывают влияние различные сферы экономики, включая здравоохранение и образование. В статье авторы проводили экспертную оценку в области человеческих ресурсов в повышении конкурентоспособности региона. При оценке предложений по улучшению качества образования мы используем многомерную проблему выбора наиболее оптимального варианта. С помощью анкетирования были выбраны наиболее подходящие решения по повышению качества образовательных услуг. Таким образом, авторы определяют методы экспертной оценки, в частности, Дельфийский метод как идеальный инструмент для прогнозирования мероприятий по повышению конкурентоспособности региона за счет достижения оптимального соотношения спроса и предложения на человеческие ресурсы.

Ключевые слова: регион, человеческие ресурсы, экспертная оценка, метод Дельфийских, эксперт, респонденты, анкета, видение, решение.

Кіріспе

Қазақстанның адами ресурстарының жай-күйін толыққанды бағалау үшін олардың қазіргі кезеңде ұдайы өсуінің ерекшелігін ескеру маңызды. Тәуелсіздік алғаннан кейін ҚР енбек нарығындағы теңгерімсіздік білім берудің өндірістік кешеннің қажеттіліктеріне әлсіз бағытталуымен және экономиканың білікті және білікті емес адами ресурстарға сұранысын болжаудың болмауымен байланысты кейбір өзекті мәселелер орын алуда.

Аймақтың адам ресурстарын есепке алу қолданбалы зерттеулердің салыстырмалы жаңа саласын ұсынады. Оған қажеттілік, тұрғындардың өзара іс-қимылынан синергетикалық әсерге негізделген, өйткені ол нақты аумақтың бәсекеге қабілеттілік факторларына әсер етеді.

Сараптамалық әдістер ақпараттық қолжетімділікке және икемділікке ие, соның салдарынан салыстырмалы түрде объективті болып табылады. Олар болжанатын оқиға туралы әртүрлі

мәліметтерді пайдаланады: ретроспективті және нағыз, сондай-ақ перспективалы. Зерттелетін объект туралы деректердің көп көлеміне сарапшылар ие болған сайын, олардың шынайы бағалануы да (жұмыс тобы мүшелерінің жоғары біліктілігі, біліктілігі мен құзыреттілігі жоғары болған жағдайда). Мұндай әдістерге анонимдік тән, яғни әрбір қатысушы жеке қалауы, тәжірибесі және логикасы негізінде жеке баға мен пайымдауларды қалыптастырады.

Методология

Мақалада тақырыптық материалды жүйелеу және құрылымдау негізінде кешенді талдау жасауға мүмкіндік беретін сараптамалық бағалау әдістері, сенімді нәтиже алу барысында сандық бағалау әдістері қолданылған.

Қазақстан Республикасының ақылы кәсіптік білім беру жүйесі болашақ адам ресурстарын дамытуды елемей, талапкерлердің ағымдағы сұраныстарына икемделді. Нәтижесінде

инновациялық әлеуметтік-экономикалық даму үшін белгілі бір біліктіліктегі қызметкерлердің қажеттіліктері мен талапкерлердің тілегі арасында теңгерімсіздік пайда болды. Білім беруде стратегиялық жоспарлаудың болмауы экономикалық жүйені дамытудың локомотиві ретінде бола алатын ғылымды қажетсінетін өндірістерде кәсіби кадрлардың тапшылығына алып келді.

Білім сапасын жақсарту жөніндегі ұсыныстарды бағалау кезінде біз ең оңтайлы нұсқаны таңдаудың көп өлшемді мәселесін қолданамыз. Ол келесі қадамдарды қамтиды:

– оқу аймағына әсер ететін өлшемдерді таңдау;

– көрсеткіштердің өзгеруіне рұқсат етілген шектерді белгілеу;

– әр критерий бойынша көрсеткіштерді есептеу;

– ең тиімді нұсқаны іздеу.

Нұсқаларды бағалау үшін келесі функцияны қолданамыз:

$$F = \sum_{n=1}^m k_n * p_n \rightarrow \max \quad (1)$$

мұнда:

k_n – зерттелетін критерийдің салмақтық коэффициенттері p ;

p_n – талданған критерийлер.

Сенімді нәтиже алу үшін келесі сәйкестілік сақталуы керек (Черноусов, 2017: 6575):

$$\sum_{n=1}^m k_n = 1 \quad (2)$$

Әдебиеттерге шолу

Біздің ойымызша, Smith (2015: 318) шын мәнінде адамға экономикалық игіліктер туғызатындықтан, экономикалық қарым-қатынастардағы ең жоғары құндылық болып табылатын постулату бастауын қойды. Өндіріс процесіндегі адам рөлі көзқарастың эволюциясындағы маңызды Keynes (1936:132) еңбектерінде беріледі. «Экономикалық даму теориясы» Schumpeter (2012: 444) өзінің еңбектерінде постиндустриалды экономикадағы негізгі адамның рөлін атап өтетін ерекшелік болып табылады. Осылайша, J. Schumpeter жеке тұлғаның зияткерлік, жеке қасиеттерін атап өтіп, оның көзқарасын Bell (1973: 432) растайды.

Зерттеуші Wehrmeyer (2017: 318) адами ресурстарды кәсіпорын кадрларының, шаруашылық жүргізуші субъектінің, аймақтың неме-

се жалпы елдің сапалы құрамдас бөлігі ретінде қарастырады. Өз кезегінде экономист Trasey (2016) аймақтың адам ресурстары – бұл оның еңбекке жарамды бөлігі ғана емес, аумақтың барлық тұрғындары екенін атап өтті. Осылайша, талдау кезінде өңірдің барлық халқын қарастыру қажет. Ал басқа экономист Utting (2015: 125) адам ресурстарын істің нақты жағдайын және мүмкіндіктерді көрсететін аумақтың әлеуметтік-экономикалық дамуының басты факторы ретінде қарастырады.

Кең мағынада адами ресурстар екі категорияны біріктіреді: адами капитал және адами әлеует (Garavan, 2016: 239). Ол өндірілген тауарлар мен қызметтер құнының өсуімен адами ресурстардың құндылығы артып отырғанын атап өтті. Кері процесс үшін адам ресурстарының пайдалылығының төмендеуі тән (Thurow, 1970: 83).

Hendricks (2002: 198) эмпирикалық ақша негізінде адам ресурстарын бағалаудың әдіснамалық дәрменсіздігін дәлелдеді. Kendrick (1976: 22) идеялары өткен жинақтарды талдау әдісін қолданудың айқын кемшіліктерін көруге мүмкіндік береді.

Дельфи әдісін пайдалану түсінігінің теориялық қалыптасуы көптеген ғалымдардың еңбектерінде қарастырылған, олар Черноусов (2017), Смирнова (2015), Данелян (2015), Дюйзен (2014) және т.б.

1950 жылы Дельфи әдісі алғаш рет болжау құралы ретінде қолданыла бастады. Ол Дельфи қаласындағы ежелгі грек ғибадатханасының оракулдарының қызмет принципіне негізделген. Оларға кеңестерді басқару шешімдерін қабылдау үшін алынған ақпаратты пайдаланатын қарапайым азаматтар да, мемлекеттік қайраткерлер де қатысты (Смирнова, 2015: 959).

Дельфи әдісін пайдалану кезінде субъективтілікті төмендету мақсатында, олардың жалпыланған болжамды нәтижелерді әзірлеуі үшін құзыретті қатысушылардың кең ауқымы тартылады.

Нәтижелер мен талқылау

Сараптамалық топқа білім беру саласы, мемлекеттік басқару және экономикалық талдау салаларынан 10 сарапшы кіреді. Маңыздылығын бағалау үшін 10 балдық шкала қолданылды. 1-кестеде сараптамалық бағалаудың нәтижелері келтірілген.

1-кесте – Сараптамалық бағалаудың нәтижелері

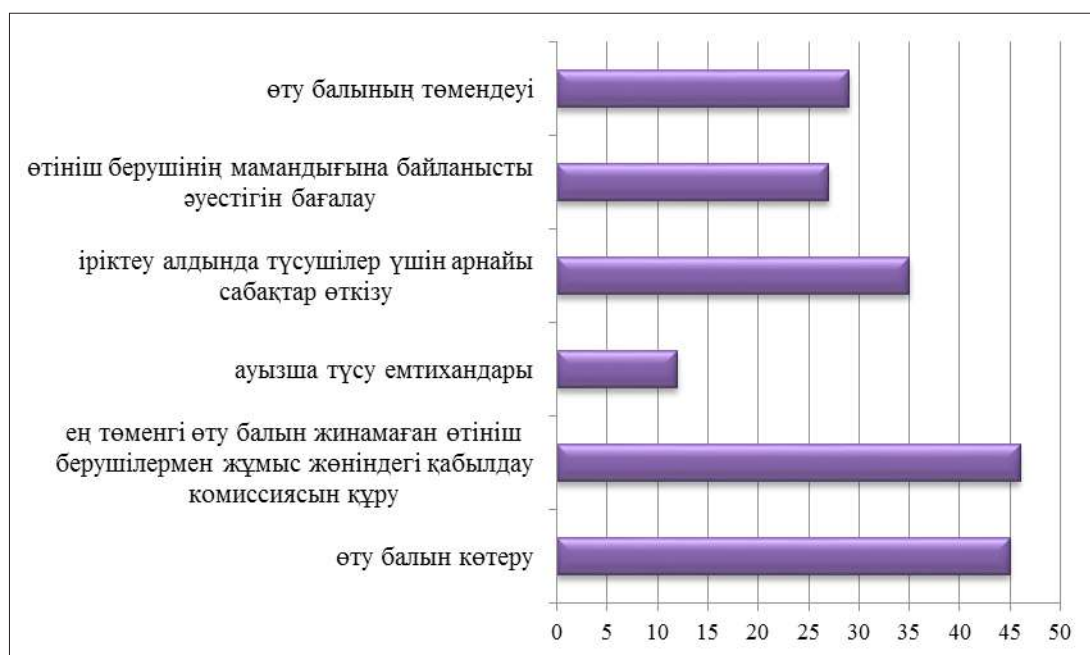
№ р/с сарапшылар	Зерттеу критерийлері		
	Түрлі мақсатты топтар үшін кәсіптік білім берудің қолжетімділігін арттыру	Профессорлық-оқытушылық құрамға жалақыны ұлғайту	Жаңа жоғары оқу орындарының ашылуы
1	10	5	5
2	9	8	4
3	8	6	10
4	8	5	9
5	9	7	8
6	7	6	8
7	7	8	9
8	9	10	6
9	9	10	5
10	6	7	4
Орташа арифметикалық есебі	8,2	7,2	6,8

Ескерту – авторлар құрастырған

Осылайша, сарапшылардың пікірінше, халықтың түрлі топтарына кәсіби білім алуға қол жетімділікті арттыруда ең жоғары оң нәтиже алынатын болады.

Жоғары оқу орындарына іріктеу жүйесін жетілдіру бойынша іс-шараларды жоспарлау үшін

анонимді сауалнама жүргізілді. Оған 150 адам қатысты, оның ішінде: оқытушылар – 38 адам; ата-аналар – 36 адам; студенттер мен болашақ талапкерлер – 56 адам; білім беру саласына жетекшілік ететін мемлекеттік қызметшілер – 20 адам. Алынған нәтижелер 1-суретте көрсетілген.

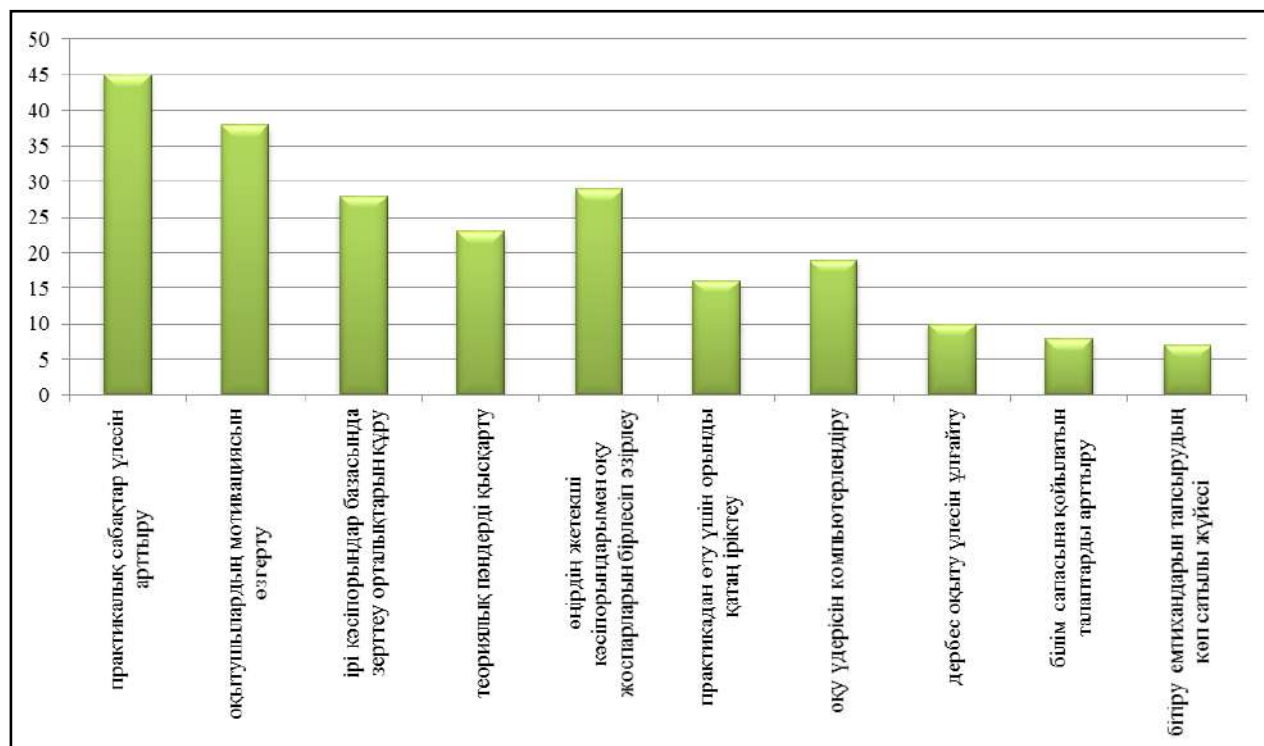

1-сурет – Сұрақ жауаптарын бөлу: «Талапкерлерді жоғары оқу орындарына іріктеу сапасын арттыру үшін не істеу керек?», респонденттердің жалпы санынан %-бен

Ескерту – авторлар құрастырған

Нәтижелерді талдау негізінде жоғары оқу орындарына іріктеу жүйесін жақсарту үшін екі іс-шара өткізу талап етіледі: өту баллын арттыру және ҰБТ шеңберінде ең төменгі өту баллын жинамаған өтініш берушілердің әлеуетін бағалау үшін қабылдау комиссиясын құру. Сауалнаманың көмегімен білім беру қызметтерінің сапасын арттыру бойынша ең оңтайлы шешімдер таңдалды. Нәтижелер 2-суретте көрсетілген.

Тиімді оқыту үшін теория мен практикалық дағдыларды беру арасында тепе-теңдікті табу қажет. Оған жету үшін теориялық пәндер санын азайту, ірі кәсіпорындар базасында зерттеу кафедраларын қалыптастыру арқылы ғылым мен бизнесті интеграциялау үшін жағдай жасау, өңірдің стратегиялық маңызы бар кәсіпорындарымен оқу жоспарларын бірлесіп жасау қажет.

2-сурет – Сұрақ жауаптарын бөлу: «Білім беру қызметтерінің сапасын арттыру үшін қандай іс-шаралар қажет?», респонденттердің жалпы санынан %-бен
Ескерту – авторлар құрастырған

Дельфи әдісіне келесі ерекшеліктер тән:

1. Көп деңгейлігі. Ол әр турдан кейін «кері байланыс» алуды қамтамасыз етеді. Зерттеуге қатысушылар әр анонимді сауалнамадан кейін ең көп балл жинаған жалпы топтық пікірмен және сарапшылардың жеке дәлелдерімен танысады. Тиісінше, келесі турда олар жаңартылған ақпарат негізінде шешім қабылдайды, яғни: дәлелдер санын кеңейте отырып, өз пікірін өзгертсе немесе бұрынғы ұстанымын қорғай алады.

2. Анонимдік. Сарапшылар бір-бірімен кездеспейді. Бұл зерттеудің нақты қатысушыларының беделін немесе айқындылығын болдырмауға мүмкіндік береді.

3. Алдыңғы турда алынған мәліметтерді пайдалану мүмкіндігі.

4. Сандық бағалау. Қатысушылар бағаларды сандық форматпен қалыптастыруға шектеледі (әдетте шкала бойынша 1-ден 10 баллға дейін). Бұл сараптама нәтижелерін нақты жасауға мүмкіндік береді.

5. Зерттеудің итеративтілігі. Сауалнама рәсімі бірнеше кезеңнен тұрады. Сарапшы басқа зерттеушілердің алынған дәлелдері мен алдыңғы турдың жалпылама мәндерінің негізінде өзінің бағасын түзете алады.

Әрбір келесі турда бағалауды нақтылауға эксперименттің жалпы форматы есебінен қол жеткізіледі. Сауалнамалық сауалнамалар мен

нәтижелерді өңдеу әдістемелері өзгермейді. Сарапшылар топтары да сақталады.

Ең көп балл жинаған топтық жауап сараптамалық пікірлердің келісу дәрежесін бағалауға мүмкіндік береді. Басқа таңдалған позициялардың дәлелдемесі зерттеудің келесі кезеңдерінде қызығушылық тудырады. Сараптамалық пікірлердің келісілу дәрежесін және жалпыланған бағалаудың статистикалық сипаттамасын бағалау үшін медианаға және жоғарғы және төменгі орамдар арасындағы интервал қолданылады. Осы аралыққа түспейтін пікірлер мен бағалар жеке талданады (Данелян, 2015: 183).

Дельфи әдісі келесі кезеңдерді қамтиды:

1. Дайындық. Осы кезеңде зерттеу міндеттері, сұраудың шарттары және басым тақырыптарды бағалау критерийлері айтылады. Сауалнамадағы сұрақтар тізбесі қазіргі халықаралық трендтер, ұйымдастырушылардың өз қалаулары және ұқсас зерттеулер бойынша алынған нәтижелер негізінде жасалады.

Дайындық кезеңінде сауалнама нысандары мен түсініктемелері жасалады:

- сауалнама мақсаты;
- сауалнамалармен жұмыс істеу процедуралары;
- бағалау критерийлері;
- алынған нәтижелерді өңдеу әдісі.

2. Негізгі. Сарапшыларға тікелей сауалнама жүргізуді көздейді. Турлар арасындағы үзілістерде нәтижелер өңделеді. Пайымдаулар «шаршаған» кезде қатысушыларға бірнеше сауалнама толтыру ұсынылуы мүмкін. Бұл жағдайда жалпыланған пайымдаудың статистикалық репрезентативтілігі анық бақылануға тиіс.

Әдетте сарапшылар бірінші сауалнамада дәлелсіз жауап береді. Нәтижелері өңделеді, олардың статистикалық сипаттамалары анықталады: орташа арифметикалық, интервалдың жоғарғы және төменгі шекаралары, медиан. Жалпы топтық пікір әр кезеңде медиана көрсетеді, ал пікірлерді тарату – жоғарғы және төменгі орамдар арасындағы интервал.

Келесі турда қатысушылар жауаптың неге өзгергенін немесе өз пікірінде қалғанын қысқаша түсіндіруі тиіс. Қорытылған деректер кейінгі турлар өткізілген кезде де хабарланады. Іс жүзінде сауалнаманың 4 кезеңін жүргізу жеткілікті. Пайымдаудың нәтижесінде

не жақындайды, не одан әрі пысықтауды талап ететін 2 топты құрайды.

3. Соңғы. Нәтижелерді өңдеуді көздейді. Ол әрбір жеке тур бойынша және жалпы зерттеу бойынша жүргізіледі. Есептеу үшін «клиент-сервер» схемасы бойынша компьютерлік желінің автоматтандырылған жүйелері қолданылады (Дюйзен, 2014:24).

Дельфи әдісінің артықшылықтары:

- жеке жауаптардың барлық жиынтығы бойынша ауытқуларды төмендету;
- қолдану ыңғайлылығы;
- мәселені әртүрлі жағынан объективті зерттеуді қамтамасыз ету;
- анонимдік;
- бағалаудың объективтілігін арттыратын кері байланыстың болуы;
- сұраудың екінші және кейінгі кезеңдерінде ұстанымды негіздеу қажеттілігі, яғни қозғалған проблеманы терең талдау.

Дельфи әдісі болжауды талап ететін кез келген жағдайда қолданылады. Ол үшін ақпараттың қол жетімділігіне байланысты жақсы теориялық негіздеме және сауалнаманың жасырын болуына байланысты нәтижелердің жоғары тәуелсіздігі тән. Ол адам ресурстарының оңтайлы теңгеріміне қол жеткізу және тиісінше өңірдің бәсекеге қабілеттілігін арттыру үшін пысықтауды талап ететін перспективалық бағыттарды бөлуге мүмкіндік береді. 2-кестеде жүргізілген зерттеуде сарапшы ұсынған сауалнама нысаны ұсынылған. Екінші турдан қосымша 8,9 және 10 баллды таңдау кезінде негіздеме қойылды.

3-кестеде Дельфи әдісі арқылы сауалнаманың алғашқы нәтижелері ұсынылған. Бағалау 10 балдық шкала бойынша жүргізілді.

Сенімді интервалды анықтау үшін медианды есептеу қажет. Ол ортамен өсу бойынша бағаларды реттеу болып табылады. Бастапқы сауалнамада орта мәндер 6 және 7 болып табылатыны анықталды. Медиана = $(6+7)/2 = 6,5$.

Алынған медианың негізінде сенімді интервал есептелген. Ол ең жоғары баға мен ең төменгі айырмашылық арасындағы $1/4$ тең. Нәтижелер 4-кестеге енгізілген.

Аралық бағалармен танысқаннан кейін екінші тур өткізілді. Зерттеушілердің бір бөлігі өз шешімін өзгертті. Қорытынды кесте сарапшылардың жалпы пікірін барынша дәл негіздейді (4-кесте).

2-кесте – Сарапшыларға арналған сауалнама

Сұрақтар	1-ден 10 баллға дейінгі шкала бойынша сараптамалық баға	Негіздеме
Экономикалық даму бойынша артта қалған өңірлерде іскерлік белсенділікті арттыруға пайызсыз несиелер көмектеседі ме?		
Бір жыл ішінде маусымдық бизнес үшін салықтарды төлеуден босату қаншалықты тиімді?		
Өмір сүру деңгейі төмен өңірлерде 5 және одан да көп жыл тұратын тұрғындарды ынталандырудың қосымша шараларын енгізу керек пе?		
Салық салу және бухгалтерлік есеп мәселелері бойынша тегін кеңес беру өңірлік кәсіпорындардың тиімділігін арттыра ала ма?		
Өңірлерде өндірістік күштердің әлеуметтік-экономикалық тұрақсыздығын жоюға жаңа жұмыс орындарын қалыптастыруға мүмкіндік бере ме?		
Өңірдегі жұмыспен қамту деңгейінде кластерлерді қалыптастыру арттыра ма?		
Елімізде жалдамалы қызметкерлерді қорғаудың қолданыстағы жүйесін жаңғырту қажет пе?		
Мемлекет өңірдегі жұмыссыздық деңгейін төмендетуге бағытталған арнайы жобаларды енгізуі тиіс пе?		
Уақытша жұмыссыз қалған еңбекке жарамды халықты қайта оқыту бағдарламаларын енгізу кезінде өңірлік кәсіпорындардың талаптарын ескеру қажет пе?		
Мамандарды ұстап тұруға бағытталған өңірлік бағдарламалар оң нәтиже бере ме?		
Аутсайдерлік өңірдің қызметкерлері үшін үстемелік коэффициенттерді қолдануға тұрарлық па?		
Жеңілдікті жағдайларда тұрғын үй беру көші-қон ағынын төмендете ала ма?		
Ескерту: 1 – іс-шарадан ең аз нәтижеге қол жеткізу; 10 – ең жоғары нәтижеге қол жеткізу Дельфи әдісі негізінде авторлар құрастырған		

3-кесте – Дельфи әдісі арқылы ұсынылған іс-шараларды негіздеу (бастапқы нәтижелер)

№ р/с сарапшы	Зерттелетін критерий			
	Кәсіпкерлікті қолдау	Жаңа жұмыс орындарын қалыптастыру	Кәсіпорындардың талаптарын ескере отырып, қайта оқыту	Мамандарды қолдаудың аймақтық бағдарламалары
1	8	8	5	10
2	8	4	4	9
3	8	7	10	8
4	10	5	9	8
5	7	8	8	9
6	8	3	8	7
7	8	8	9	7
8	6	6	6	9
9	10	7	5	9
10	6	7	4	6
Орташа арифметикалық есебі	7,9	6,3	6,8	8,2
Сенім аралығы	[6 + 1; 10 – 1]	[3 + 1,25; 8 - 1,25]	[4 + 1,5; 10 – 1,5]	[6 + 1; 10 – 1]
Орташа өлшенген баға	9,8			
Ескерту: Дельфи әдісі негізінде авторлар есептеген				

4-кесте – Дельфи әдісі арқылы сарапшылар іріктеген негізгі ұсыныстар

№ сараптама позициясы	Зерттелетін критерий			
	Кәсіпкерлікті қолдау	Жаңа жұмыс орындарын қалыптастыру	Кәсіпорындардың талаптарын ескере отырып, қайта оқыту	Мамандарды қолдаудың аймақтық бағдарламалары
1	10	9	8	7
2	10	8	9	6
3	9	6	10	7
4	9	10	7	8

Ескерту: Дельфи әдісі негізінде авторлар есептеген

Осылайша, сараптамалық бағалау әдістері, атап айтқанда Дельфи әдісі адами ресурстарға сұраныс пен ұсыныстың оңтайлы арақатынасына қол жеткізу есебінен өңірдің бәсекеге қабілеттілігін арттыру жөніндегі іс-шараларды болжауда таптырмас құрал. Нәтижелердің тәуелсіздігі сауалнама жүргізудің жасырын болуымен және басқа қатысушылардың дәлелімен танысқаннан кейін өз пікірін түзету мүмкіндігімен анықталады. Оларды болжамды оқиғалар туралы мәліметтер көлемі аз болған кезде қолдануға болады (статистикалық және есептік-талдау әдістерін пайдалану шектелген) деп есептейміз.

Қорытынды

Экономиканың жоғары білікті адами ресурстарға сұранысын қанағаттандыру үшін бірқатар міндеттерді шешу талап етіледі:

- жұмыс істеп жүрген қызметкерлерді қайта даярлаудан бастап, өсіп келе жатқан жас ұрпақты кәсіптік бағдарға дейін адам ресурстарын жоспарлы өңірлік басқару тетігін құру;
- өңірдің білім беру мекемелері мен кәсіпорындары ынтымақтастығының міндеттілігін

нормативтік бекіту (ЖОО-да қызметкерлердің біліктілігін арттыру, студенттердің тағылымдамадан өтуі үшін оқу орындарының жұмыс берушілермен ынтымақтастығы туралы шарттар жасасу, кәсіпорын – ЖОО бірлескен жобаларын әзірлеу);

- жергілікті мемлекеттік органдарға адам ресурстарына қажеттілікті болжау жөніндегі есептер ұсынатын кәсіпорындар үшін жеңілдіктер енгізу;
- инновациялық экономиканың жаңа салалары үшін адам ресурстарын жедел дайындаудың жаңа нысандарын ұйымдастыру;
- өңірдің басым экономикалық салаларында жұмыспен қамтылғандарды әлеуметтік қамтамасыз етуді жақсарту.

Нақты мамандықтардың білікті қызметкерлеріне сұранысты қанағаттандыру – сапалы адами ресурстарды ойластырылған түрде құру, өңірлік саясаттың маңызды міндетін шешеді. Еңбек өнімділігінің өсуі бәсекелестік артықшылықтарды алуға және тұрақты дамуға әкеледі, бұл өңірдің экономикалық дамуына оң әсерін тигізеді.

Әдебиеттер

Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. – New York.: Basic Books. – 1973, 432 p.
 Garavan T. Global human resource development: Regional and country perspectives. – New York, London: Routledge. – 2016, 239 p.
 Hendricks L. How important is human capital for development? Evidence from immigrant earnings // The American Economic Review. – 2002. – No. 1, pp. 198-200.
 Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money. – London: Palgrave Macmillan. – 1936, 132 p.
 Kendrick J.W. The formation and stocks of total capital. – New York: National Bureau of Economic Research. – 1976, 222 p.
 Smith A. The wealth of nations. – Oxford: Bergmann Books. – 2015, 318 p.
 Schumpeter J. The Theory of Economic Development. – Oxford: Oxford University Press. – 2012, 444 p.
 Tracey W.R. The human resources glossary: The complete desk reference for HR executives, managers, and practitioners. – Boca Raton: CRC Press. – 2016.
 Thurow L. Investment in Human Capital. – Belmont: Wadsworth Publishing Company. – 1970, 83 p.
 Wehrmeyer W. Greening people: Human resources and environmental management. – London: Routledge. – 2017, 318 p.

- Utting P. *Social and Solidarity Economy: Beyond the Fringe?* – London: Zed Books. – 2015, 125 p.
- Данелян Т.Я. Формальные методы экспертных оценок // Экономика, статистика, информатика. – 2015. – № 1, С. 183-188.
- Дюйзен Е.Ю. Метод экспертного оценивания: руководство к действию // Креативная экономика. – 2014. – № 2, С. 24-34.
- Смирнова Ю.А. Метод Дельфи как инструмент эффективного стратегического планирования и управления // Вестник Ростовского социально-экономического института. – 2015. – № 3, С. 959-965.
- Черноусов М.В. Методы экспертных оценок. Метод Дельфи // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. – 2017. – № 3, С. 6575-6579.

References

- Bell D. (1973) *The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting*. New York.: Basic Books, 432 p.
- Chernousov M.V. (2017) *Metody ekspertnykh otsenok. Metod Del'fi* [Methods of expert judgment. Delphi Method]. Bulletin of Belgorod state technological University named after V.G. Shukhov, vol. 3, pp. 6575-6579.
- Danelyan T.Ya. (2015) *Formal'nyye metody ekspertnykh otsenok* [Formal methods of expert assessments]. Economics, statistics, Informatics, vol. 1, pp. 183-188
- Dyuyzen Ye.YU. (2014) *Metod ekspertnogo otsenivaniya: rukovodstvo k deystviyu* [Method of expert evaluation: a guide to action]. *Kreativnaya ekonomika*, vol. 2, pp. 24-34.
- Garavan T. (2016) *Global human resource development: Regional and country perspectives*. New-York, London: Routledge, 239 p.
- Hendricks L. (2002) How important is human capital for development? Evidence from immigrant earnings. *The American Economic Review*, vol. 1, pp. 198-200.
- Kendrick J.W. (1976) *The formation and stocks of total capital*. New York: National Bureau of Economic Research, 222 p.
- Keynes J.M. (1936) *The General Theory of Employment, Interest and Money*. London: Palgrave Macmillan, 132 p.
- Schumpeter J. (2012) *The Theory of Economic Development*. Oxford: Oxford University Press, 444 p.
- Smirnova Yu.A. (2015) *Metod Del'fi kak instrument effektivnogo strategicheskogo planirovaniya i upravleniya* [The Delphi method as an instrument of effective strategic planning and management]. *Vestnik Rostovskogo sotsial'no-ekonomicheskogo instituta*, vol. 3, pp. 959-965.
- Smith A. (2015) *The wealth of nations*. Oxford: Bergmann Books, 318 p.
- Thurow L. (1970) *Investment in Human Capital*. Belmont: Wadsworth Publishing Company, 83 p.
- Tracey W.R. (2016) *The human resources glossary: The complete desk reference for HR executives, managers, and practitioners*. Boca Raton: CRC Press.
- Utting P. (2015) *Social and Solidarity Economy: Beyond the Fringe?* London: Zed Books, 125 p.
- Wehrmeyer W. (2017) *Greening people: Human resources and environmental management*. London: Routledge, 318 p.

Jumambayev S.K.¹, Kozhakhmetova A.K.²¹candidate of Economic sciences, Associate Professor, e-mail: s.jumambayev@gmail.com²doctoral student, e-mail: aselekdream@gmail.com

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

**PROBLEMS OF FORMATION OF THE WAGES LEVEL
IN KAZAKHSTANI LABOR MARKET**

Increase in wages is recognized as one of the tasks within the long-term development strategy of the country in the Address of the Head of State K. Tokayev to the people of Kazakhstan "Constructive public dialogue – the basis of stability and prosperity of Kazakhstan" (Tokayev, 2019). The successful implementation of this task largely depends on solving the extremely complex problem of forming the level of wages in the labor market. A vast amount of theoretical and statistical studies on this problem, unfortunately, are not always characterized by a deeper penetration into the mechanism of formation of the level of wages in the current Kazakhstan model of the labor market. The goal of the study is to actualize the problem of the formation of the wages level in Kazakhstani labor market. Due to the totality of complex issues, the study is limited by studying only a few of them: a quantitative analysis of the influence of the main economic and institutional factors on the formation of the level of wages in the Kazakhstan labor market. Emphasizing the attention of researchers and practitioners to raising the level of wages will allow critically rethinking the existing practice of forming the level of wages. The scientific significance of the work bases on identifying the features of the manifestation of the general patterns of wage formation in the domestic labor market. The practical significance bases on obtained results those help to modernize the labor market, to bring it closer to the best practices of developed countries. They will also be taken into account in the design and implementation of effective social and economic policies.

Key words: wages, labor market, economic factors, internal migration, labor market institutions, modernization of the labor market.

JEL Classification: J3, J38, M59

Джумамбаев С.К.¹, Кожаметова А.К.²¹э.ғ.к., доцент, e-mail: s.jumambayev@gmail.com²докторант, e-mail: aselekdream@gmail.com

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

**Қазақстанның еңбек нарығында
жалақы деңгейін қалыптастыру мәселелері**

Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Сындарлы қоғамдық диалог – Қазақстанның тұрақтылығы мен өркендеуінің негізі» атты Қазақстан халқына Жолдауында жалақы деңгейін көтеру елдің ұзақмерзімді даму стратегиясы шеңберіндегі маңызды міндеттердің бірі ретінде танылды (Тоқаев, 2019). Осы міндеттің жемісті орындалуы көбінесе еңбек нарығында жалақы деңгейін қалыптастырудың өте күрделі мәселесін шешуінен тәуелді болады. Бұл мәселе бойынша көптеген теориялық және статистикалық зерттеулер, өкінішке орай, қалыптасқан қазақстандық еңбек нарығы моделінің жағдайында жалақы деңгейінің қалыптасу механизмін терең талдауымен сипатталыпбайды. Осы зерттеудің мақсаты – Қазақстанның еңбек нарығындағы жалақы деңгейін қалыптастыру мәселесін өзектендіру. Барлық күрделі сұрақтардың ішінен авторлар тек қазақстандық еңбек нарығында жалақы деңгейінің қалыптасуына негізгі экономикалық және институционалдық факторларының ықпалын сандық талдаумен шектелді. Зерттеушілер мен практиктердің жалақы деңгейін көтеруге баса назарын аудару қазіргі бар тәжірибеге сын көзбен қарап, заманауи тұрғыдан жаңаша ойлауға мүмкіндік туғызады. Ұсынып отырған жұмыстың ғылыми маңыздылығы отандық еңбек нарығында жалақы қалыптасуының жалпы заңдылығының көріну ерекшеліктерін айқындау. Практикалық маңыздылығы келесіде: алынған зерттеу нәтижелері еңбек нарығын жаңғыртуға көмек береді, сөйтіп оны дамыған елдердің ең жақсы тәжірибесіне жақындатады. Және де алынған нәтижелер тиімді әлеуметтік пен экономикалық саясатты әзірлеу және іс жүзіне асыру кезінде ескеріледі.

Түйін сөздер: жалақы, еңбек нарығы, экономикалық факторлар, ішкі көші-қон, еңбек нарығының институттары, еңбек нарығын жаңғырту.

Джумамбаев С.К.¹, Кожаметова А.К.²

¹к.э.н., доцент, e-mail: s.jumambayev@gmail.com

²докторант, e-mail: aselekdream@gmail.com

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Проблемы формирования уровня заработной платы на рынке труда в Казахстане

В Послании Главы государства К-Ж. Токаева народу Казахстана «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана» одной из задач в рамках долгосрочной стратегии развития страны признано повышение уровня заработной платы (Токаев, 2019). Успешная реализация этой задачи во многом зависит от решения чрезвычайно сложной проблемы формирования уровня заработной платы на рынке труда. Значительный массив теоретических и статистических исследований по данной проблеме, к сожалению, не всегда характеризуется более глубоким проникновением в сам механизм формирования уровня заработной платы в условиях сложившейся казахстанской модели рынка труда. Цель исследования – актуализация проблемы формирования уровня заработной платы на рынке труда в Казахстане. Из-за всей совокупности сложных вопросов авторы ограничились изучением лишь некоторых из них: количественным анализом влияния основных экономических и институциональных факторов на формирование уровня заработной платы на казахстанском рынке труда. Акцентирование внимания исследователей и практиков на повышении уровня заработной платы позволит критически переосмыслить существующую практику формирования уровня заработной платы. Научная значимость выполненной работы заключается в выявлении особенностей проявления общих закономерностей формирования заработной платы на отечественном рынке труда. Практическая значимость состоит в том, что полученные результаты помогут модернизации рынка труда, приблизив его к лучшей практике развитых стран. Они также будут приняты во внимание при разработке и проведении эффективной социальной и экономической политики.

Ключевые слова: заработная плата, рынок труда, экономические факторы, внутренняя миграция, институты рынка труда, модернизация рынка труда.

Introduction

The study of the problems of formation of the wages level is relevant, because the President of Kazakhstan K. Tokayev identified the task to increase wages in his Address to the people of Kazakhstan posted on September 2, 2019. Kazakhstan also needs to overcome a serious lag behind them in terms of wages in order to become one of the 30 developed countries of the world in the future. Attempts were made to find a new model of economic growth in Kazakhstan. In particular, we the study discusses about accelerated technological modernization of the economy. In developed countries, they understand the two-way causal relationship between economic growth and wage growth. Therefore, they pay constant attention to timely reform of the labor market in order to increase the efficiency of its functioning.

The investigated topic is comprehensively and deeply considered in theoretical and methodological terms in the works of modern Western researchers. It should also be noted the significant contribution of Russian scientists. Much attention is paid to wage issues by domestic authors. However, they are mainly devoted to studying the dynamics of wages in the country and its development trends in the context of

industries, regions, as well as gender, gender, age, professional and other group characteristics.

Meanwhile, the authors of the paper assumed that a wage increase is actually achievable with the mobilization of all reserves, including the use of potential opportunities that arise as a result of labor market modernization. Such a formulation of questions is not adequately considered either in the Kazakhstani academic environment or in the practical activities of the relevant departments and organizations. In this regard, the study attempts to a deeper analysis of the mechanism of formation of the level of wages. For this purpose, methods of quantitative analysis of the influence of a number of basic economic and institutional factors on the formation of the level of wages in the Kazakhstan labor market have been applied. The analysis was carried out on the basis of statistical data of the Statistics Committee of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan (Statistics Committee), and statistical data from OECD countries were used for a comparative analysis (OECD Report, 2018). This made it possible to critically rethink the existing practice of forming the level of wages in the current labor market model. The specific results of the analysis allow us to outline ways to modernize the labor market and determine its potential in raising wages.

The increase in wages in Kazakhstan has a positive effect on the income level of the population, which in turn affects the growth of their savings; and this already affects the growth rate of the country's GDP. Thus, the results of this study can be used to make adjustments in the development and implementation of the economic and social policy of the state.

Literature review

The theoretical and methodological foundations of the formation of the level of wages in the labor market are comprehensively covered in a large number of educational and scientific literature. These works give a thorough review of the works of the classics of economic theory, including those on the formation of wages in the labor market. Various aspects of the wage problem are often considered in connection with issues of social inequality in modern scientific literature. At the same time, various points of view are expressed: for example, that moderate inequality in a developed state can often affect economic growth. Stabilization of the dynamics of consumption of the poor in the presence of a high degree of social protection in the short term increases demand and thereby contributes to economic growth (Li and Zhou, 1998). A number of authors believe that inequality has reached the stage at which it has ceased to be effective and has become a serious obstacle to development (Stiglitz, 2012). And increasing inequality leads to an increase in household debt and inhibits economic growth (Krugman, 2013). Therefore, governments are encouraged to devote all efforts to guaranteeing employment and tight control over wages (Atkinson, 2015). There is also such an interesting opinion that in modern conditions the return on capital exceeds the growth of income and output, as a result of which the rate of increase in inequality is growing. Therefore, the state should establish a system of subsidies, introduce guaranteed employment and regulate wages (Piketti, 2016). In the light of this study, the findings of the recently published OECD report states that the size of the middle class is declining in most developed countries (OECD, 2019). It is important to keep in mind that one of the quantitative characteristics of the middle class is the size of its earnings.

Much attention of recent studies is paid to the impact of population migration within the country on wage differentiation between regions. According to neoclassical theory, population migration increases the rate of rapprochement of regions in terms of wages. The outflow of migrants from the regions contributes to a gradual increase, and the influx of

migrants into the regions contributes to a gradual decrease in their level of wages. And as a result of the movement of migrants between regions in the market, equilibrium wages are established (Barro, 200).

But representatives of the new economic geography argue the opposite: under the influence of population migration, wage differentiation between regions will increase, and the rate of convergence in wages will decrease (Krugman, 2013). Thus, economic theories do not give a clear answer about the impact of migration on wage differentiation. It should be noted that serious research on this issue is carried out by Russian scientists (Kapelyushnikov, 2017; Zubarevich, 2010; Mishura, 2011; Vakulenko, 2013; Buranshina and Smirnh, 2018). This aspect of the study is extremely important for Kazakhstan. In Kazakhstan, despite the presence of a significant turnover of internal migration, its effect on the differentiation of wages between regions remains almost unexplored. The authors also made an attempt to conduct empirical research to some extent to fill the gap in the study of the impact of internal migration on wage differentiation between the regions of Kazakhstan.

The most frequently covered issues in the field of wages in the labor market of Kazakhstan include the measurement, dynamics and trends of wages in the sectoral and regional contexts, as well as the existing wage gap between employees by gender, age, educational, qualification and other characteristics. These studies are mainly devoted to the processing of statistical data, but often, unfortunately, they are not accompanied by a deeper penetration into the mechanism of formation of the level of wages in the current Kazakhstan model of the labor market.

Methodology

The methodological basis of the problems considered in the study is the research of foreign and domestic scientists on a wide range of problems of wage formation in the labor market. The study covers only a few of them: an analysis of the influence of the main economic and institutional factors on the formation of the wage level in the Kazakhstan labor market, and based on the results of the analysis, outline possible steps to modernize the labor market that contribute to the country's economic growth.

The most difficult task is to test the theoretical results of the study of the formation of wages in countries with emerging markets, which include the Republic of Kazakhstan. The Statistics Committee of the Ministry of National Economy of the Re-

public of Kazakhstan (SC MNE RK) provides data for various studies on state regulation of wages, the impact of economic growth on wage increases, assessing the effectiveness of state social policy, etc. But there is a lack of necessary information for an empirical analysis of the mechanism of wage formation. For example, at present it is impossible to collect complete information from statistical data characterizing changes in the wage rate for various groups of workers. There is also no data allowing the separation of workers who agreed to work for a certain wage rate from individuals who decided not to work, etc., which greatly complicates the task of conducting a full-fledged study.

The study uses the official data of the Constitutional Court of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan on average monthly wages and internal migration in the regions of the country, and statistical materials from the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) were used for comparative analysis.

Economic factors affecting the formation of wage levels. The level of wages in the labor market is largely affected by the degree of consistency between the supply of labor and demand for it. Quantitative expression depends on the conditions for concluding the contract are fulfilled: on the one hand, the employee must meet the minimum requirements of the company regarding the level of his qualifications and, on the other hand, the proposed salary is

equal to or higher than the level of salary, claimed by the employee.

It takes some time to agree on them even if these conditions are met. In general, the conclusion of an employment contract depends on the flexibility of the reactions of both parties, the completeness of information about the workplace, the age of the employee, etc. Usually there are three reasons that impede the coordination of labor supply and labor demand:

- the lack of information that can be overcome by the organization at the modern level of labor market monitoring;
- the mismatch in the quality profiles of a job seeker and a vacant place;
- the company and the job seeker live in different regions and they are not mobile (Franz, 2013).

The study analyzed how much information deficit occurs in the labor market in Kazakhstan by using the calculation of the indicator of inconsistency (inconsistency):

$$MR = \sum_i^R |U_i - V_i| \quad (1)$$

where: U_i (V_i) is the share of the number of unemployed (vacancies) of the i -region in the total number of unemployed (vacancies) in the whole country (R).

The results of calculation of this indicator are presented in Table 1.

Table 1 – Calculation of indicators of inconsistency for 2010, 2015 and 2018

Region	Unemployment rate, % (U_i)			Vacancy rate, % (V_i)			$U_i - V_i$		
	2010	2015	2018	2010	2015	2018	2010	2015	2018
1	2	3	4	5	6	7	9	10	11
Akmola	4,8	4,7	4,6	4,9	6,0	4,0	0,0	-1,3	0,6
Aktobe	4,7	4,7	4,8	1,8	1,4	2,8	2,9	3,3	2,0
Almaty	11,1	11,1	11,0	6,4	4,4	4,2	4,7	6,7	6,8
Atyrau	3,5	3,5	3,5	7,5	8,1	9,8	-4,0	-4,6	-6,3
West Kazakhstan	3,7	3,7	3,7	4,5	4,3	4,9	-0,9	-0,6	-1,2
Zhambyl	5,7	5,8	5,9	1,6	2,5	1,5	4,1	3,3	4,4
Karaganda	7,7	7,4	7,1	8,3	8,7	6,3	-0,6	-1,3	0,7
Kostanay	5,8	5,7	5,5	2,9	4,7	3,6	2,9	0,9	1,9
Kyzylorda	3,8	3,8	3,8	1,2	1,3	0,8	2,6	2,5	3,0
Mangistau	3,3	3,2	3,5	4,7	2,7	2,8	-1,4	0,5	0,7
Turkestan	14,1	14,1	14,4	2,6	2,8	3,1	11,5	11,2	11,3
Pavlodar	4,6	4,5	4,4	6,1	8,3	10,1	-1,5	-3,8	-5,7
North Kazakhstan	3,6	3,4	3,4	4,2	2,9	3,5	-0,6	0,5	-0,1

Continuation of table 1

Region	Unemployment rate, % (U_i)			Vacancy rate, % (V_i)			U_i V_i		
	2010	2015	2018	2010	2015	2018	2010	2015	2018
East Kazakhstan	7,8	7,8	7,8	6,5	6,3	4,9	1,3	1,5	2,9
Astana city	5,1	5,4	5,4	20,3	18,0	21,4	-15,2	-12,6	-16,0
Almaty city	10,9	11,2	11,2	16,5	17,5	16,2	-5,7	-6,3	-5,0
MR							59,9	60,9	68,6

Note – calculated by authors on the basis of data from SC MNE RK

As depicted in Table 1, the indicator of inconsistency has been growing from year to year in recent years. The greatest contribution to this trend has been made by the Astana and Almaty, the former South Kazakhstan, Almaty and Atyrau regions. This suggests that there are certain problems associated with informing the population about vacant places, and as a result, there is no improvement in the coordination of labor supply and demand in the labor market.

One of the most important issues of wage formation is the problem of its flexibility depending on various factors. It is customary to distinguish three factors that determine the flexibility of wages:

- speed and measure of reaction of nominal wages to changes in the expected rate of inflation;
- labor productivity;
- the situation on the labor market.

Although it is difficult to determine a specific digital value that reflects the possible influence of these factors on wage flexibility (LF), it is proposed in the scientific and educational literature to evalu-

ate the influence of each of them through elasticity indicators (Franz, 2013):

$$LF = |E(w_t, AQ_t)| + |E(w_t, LP_t)| - |E(w_t, P_t)| \quad (2)$$

The first term denotes the absolute contribution of the elasticity of the nominal wage growth rate (w_t) relative to the unemployment rate in this formula. The second term denotes the absolute contribution of the elasticity of the growth rate of nominal wages relative to the level of labor productivity. The third term denotes the elasticity of the growth rate of nominal wages relative to the growth rate of inflation, for example, the price level of consumer goods.

The wage flexibility is high if the values of the first two terms are high, and the third term serves as a measure of the flexibility of real wages.

Based on data for 2000-2018 the authors first attempted to assess the value of wage flexibility (LF) in the economy of Kazakhstan (see table 2 and 3).

Table 2 – Input data for calculating LF in the economy of Kazakhstan

Year	The growth rate of the previous year			
	W_t	AQ_t	LP_t	P_t
1	2	3	4	5
2000	121,2	94,8	108,1	109,8
2001	120,4	81,3	105,1	106,4
2002	117,5	89,4	109,6	106,6
2003	113,8	94,6	105,0	106,8
2004	122,5	95,5	106,6	106,7
2005	120,2	96,4	108,5	107,5
2006	119,8	96,3	108,5	108,4
2007	128,7	93,0	105,6	118,8
2008	115,9	90,9	100,3	109,5

Continuation of table 2

Year	The growth rate of the previous year			
	W_t	AQ_t	LP_t	P_t
2009	110,7	100,0	100,6	106,2
2010	115,3	87,9	104,5	107,8
2011	116,0	93,1	105,0	107,4
2012	112,5	98,1	102,3	106,0
2013	107,8	98,1	105,3	104,8
2014	110,9	96,2	104,9	107,4
2015	104,2	102,0	102,1	113,6
2016	113,4	98,0	99,7	108,5
2017	105,5	98,0	103,7	107,1
2018	107,9	100,0	102,8	105,3

Note – calculated by authors on the basis of data from SC MNE RK

Table 3 – Estimated values of wage flexibility (LF) in Kazakhstan

Periods	$ E(w_t, AQ) $	$ E(w_t, LP_t) $	$ E(w_t, P) $	LF
	(1)	(2)	(3)	(1) + (2) – (3)
1	2	3	4	5
2000-2018	2,8	3,2	1,8	4,2

As the data in Table 3 show, on average, during the period under review, nominal wages were sufficiently sensitive to the situation on the labor market: to a lesser extent to changes in the level of prices of consumer goods and to a greater extent to changes in the level of labor productivity. At the same time, she reacted noticeably to changes in the unemployment rate.

Of considerable scientific interest is the practice of wage formation in the labor market of Kazakhstan during the periods from 2000 to

2018, when the country experienced two crises twice in 2008-2009 and 2015-2016. The economy of Kazakhstan grew at different rates and, accordingly, wage changes took place: during the period of dynamic growth of the economy (2000-2007), the growth rate of real wages and real cash incomes of the population even outstripped the GDP growth rate. But with the further development of the economy, according to the laws of the market, they decreased. This is illustrated by the data in Table 4.

Table 4 – Average annual growth rates of GDP, wages and incomes of the population in Kazakhstan, in percent

Indicators	2000-2007	2008-2009	2010-214	2015-2016	2017-2018
1	2	3	4	5	6
GDP	110,2	102,2	105,9	101,2	104,1
Average real wage	111,1	101,1	105,5	98,3	100,0
Real cash income of the population	111,4	104,1	105,7	100,4	103,1

Note – calculated by authors on the basis of data from SC MNE RK

As depicted in figure 4, the decrease in wages was reflected in the income level of the population, which in turn affected their savings; and this already affects the growth rate of the country's GDP. It is also important to emphasize that this has accordingly affected the resolution of issues of social inequality, including inequality in wages.

According to our analysis, the inequality in wages and incomes in Kazakhstan did not decrease during the period of active economic growth (2000-2007), since the internal inequality in wages does not disappear by itself during economic growth. Since high inequality in wages limits the development of the consumer market and hinders domestic demand, it is necessary to take inequality reduction into account in the country's development strategies.

Certain shifts in the structure of inequality in wages are observed with long periods of economic growth in Kazakhstan, but in recent years, in fact, this inequality has not changed so significantly. Moreover, the share of low-paid workers is growing and it amounted to 74.8% in 2017.

Meanwhile, the picture looks different for a number of developed countries: the share of low wages in recent years has been falling (OECD). The growth of the economy of most leading developed countries entails an increase in real wages. The gender wage gap is narrowing: in OECD countries it is generally equal to 13.77% (2016) [ibid], in Kazakhstan in 2017 this indicator grew to 32.2%.

Thus, we can note the relative stability of the previously existing system of inequality in wages in Kazakhstan for the period under review. The observed rigidity of wage inequality suggests that one cannot limit oneself to the search for simple methods of income redistribution to solve this problem.

High differentiation of the regions of Kazakhstan in socio-economic development was formed during the transition to a market economy. The socio-economic growth of regions with competitive advantages (primarily the availability of natural resources) significantly exceeded the growth in other regions. These imbalances have affected regional labor markets, in particular, wage differentiation.

The highest average monthly nominal wage in Atyrau region was almost 3.5 times higher than in the Zhambyl region, an outsider in this indicator in 2000. In seven regions of 16, including the years. Astana and Almaty, the average salary exceeded the republican level.

Thus, in general, wage differentiation between regions gradually decreased, but remained at a

relatively high level, which negatively affected economic growth rates in 2000-2018.

In the Kazakhstani model of the labor market with imperfect competition, the distribution of wages is extremely uneven. Deviation from the conditions of a completely competitive labor market in terms of its influence on the distribution of wages occurs in two directions:

- information on the labor market is imperfect;
- Mobility restrictions, including those associated with mobility costs.

According to the theory of the labor market, under the influence of various factors, changes in the demand for labor occur, causing changes in wages, which result in some of the proposed salaries instead of one.

The reasons for differences in wages are not only the failure to comply with perfect competition, but also the heterogeneity of workers and jobs. A simple comparison shows that the statistical distribution of earnings in Kazakhstan has a log-normal distribution, i.e. the average value of earnings steadily exceeds the median size at different time periods.

High wage regions attract people from other areas of the country. So, the cities of Nur-Sultan and Almaty, where wages are 242,503 tenge and 202,539 tenge, respectively, are characterized by high rates of migration growth (see table 5). The minimum turnover of internal migrants in the period under review was 269,092 people in 2002 and covered almost 1.8% of the country's population, the maximum – 930820 people in 2017 (5.2% of the population). In the past two years, the scale of internal migration has increased dramatically.

To measure internal migration, in our study, the coefficient of migration growth (decrease) per 10 thousand of the population of the region is taken as the main variable.

As can be seen from the data in Table 5, in average annual terms, the largest increase in internal migrants per 10,000 people was observed in the cities. Nursultan (309.9 people) and Almaty (157.4 people). In average annual terms, the largest decrease per 10,000 people was in Zhambyl oblast (98.7 people), North Kazakhstan (49.9 people), East Kazakhstan (49.1 people).

The impact of internal migration on the convergence of regions in terms of wages can be estimated by simply comparing the indicators of internal migration in the above regions with their respective growth rates of real wages for the period under review (see Table 6).

Table 5 – Migration growth (loss) rate by region in 2011-2018

Region	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	The average annual value for the period 2011-2018.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Akmola	-65,2	-22,2	-7,5	-38,8	49,4	-184,3	25,7	-44,3	-35,9
Aktobe	-37,6	-34,2	-19,5	-3,7	-18,9	-30,2	-6,8	-9,9	-20,1
Almaty	12,5	28,7	6,3	-28,0	-59,3	-18,9	-32,1	-78,9	-21,2
Atyrau	-16,6	2,1	-1,4	6,2	-0,5	-3,3	-0,3	-6,6	-2,6
West Kazakhstan	-18,6	-12,5	-2,5	-15,1	2,7	-38,5	-19,2	-14,6	-14,8
Zhambyl	-116,0	-70,9	-63,1	-71,6	-76,6	-140,4	-150,8	-100,3	-98,7
Karaganda	-13,7	-15,8	-12,2	3,9	-2,7	-50,1	-44,3	-46,0	-22,6
Kostanay	-30,8	-13,7	-14,7	-5,7	12,4	-45,7	-24,8	-8,8	-16,5
Kyzylorda	-43,3	-23,7	-30,0	-34,2	-42,6	-86,1	-59,5	-46,7	-45,8
Mangistau	57,5	41,3	15,9	17,0	11,1	-36,8	-3,7	-1,5	12,6
Turkestan	-61,5	-41,6	-46,0	-49,2	-51,5	-103,3	-50,3	-	-
Pavlodar	-29,3	-7,3	1,8	-3,5	4,5	-38,3	-40,0	-17,6	-16,2
North Kazakhstan	-64,8	-51,9	-48,0	-47,3	-27,1	-83,2	-50,1	-26,7	-49,9
East Kazakhstan	-50,3	-37,9	-35,9	-35,5	-30,2	-81,0	-69,6	-52,8	-49,1
Astana city	427,1	257,8	206,8	210,0	-28,6	834,0	343,8	228,3	309,9
Almaty city	156,1	68,5	105,6	145,8	250,7	171,2	180,1	181,5	157,4

Note – calculated by authors on the basis of data from SC MNE RK

Table 6 – Indices of real wages of workers by region in 2011-2018, in tenge

Region	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	The average annual growth rate of real wages for the period 2011-2018 *
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Akmola	107,1	107,0	101,9	103,9	97,7	98,9	98,3	101,7	102,0
Aktobe	110,8	110,4	100,1	100,9	98,1	103,8	98,4	103,2	103,1
Almaty	106,4	107,8	100,6	104,6	95,2	96,1	101,2	102,7	101,7
Atyrau	106,9	109,4	99,9	103,4	95,8	101,7	98,5	98,2	101,6
West Kazakhstan	103,2	103,1	101,1	108,3	94,1	104,3	90,6	105,1	101,1
Zhambyl	101,1	99,3	101,3	104,4	100,4	102,6	99,0	100,6	101,1
Karaganda	110,6	110,5	100,0	99,7	97,3	99,3	97,5	102,8	102,1
Kostanay	107,5	111,7	100,1	100,0	98,3	97,7	100,0	105,5	102,5
Kyzylorda	108,9	109,2	102,8	102,8	95,8	102,2	100,5	102,1	103,0
Mangistau	107,5	108,9	100,4	99,1	94,9	97,9	96,9	98,7	100,4
Turkestan	104,9	99,8	111,0	114,0	95,8	91,2	97,0	99,4	101,4
Pavlodar	107,6	108,0	103,2	102,0	99,2	99,0	99,3	101,6	102,4
North Kazakhstan	109,7	106,7	102,6	100,6	96,4	102,3	98,7	100,5	102,1
East Kazakhstan	111,0	109,6	100,9	102,7	96,6	101,2	98,6	105,3	103,1
Astana city	109,5	105,3	102,5	103,6	100,5	93,8	98,4	99,1	101,5
Almaty city	105,2	105,2	100,0	103,4	98,4	95,7	99,7	99,2	100,8

Note – calculated by authors on the basis of data from SC MNE RK

As can be seen from the data in tables 5 and 6, the growth rate of real wages in regions with large values of the migration loss rate is significantly higher than in regions with maximum values of migration flow. This gives reason to say that in Kazakhstani practice, the migration factor “works” to bring regions closer together in terms of wages. In other words, regions with low wages “move” along their paths faster than regions with high wages. These results are similar to the results that were obtained by Russian scientists (Vakulenko, 2013; Buranshina, 2018).

Thus, the data of Kazakhstan confirms the significant impact of internal migration on the functioning of the labor market and a decrease in wage differentiation between regions. Of course, the distribution of wages between regions can also depend on the level of education of migrants and the remoteness of regions from each other, which requires a more in-depth study.

Institutional factors that shape the level of wages in the labor market. In the modern theory of the labor market, it is customary to distinguish between institutions and organizations of the labor market. This is a fruitful approach to research, as it allows to separately and clearly present their role and place in the mechanism of functioning of the labor market.

Institutions (institutions) and organizations of the labor market in Kazakhstan are called upon to coordinate social and labor relations in a market economy, primarily regarding the establishment of wages. They help to save significant transaction costs between the employer and employees.

Labor market institutions include normative regulations (regulators), as well as long-term samples (examples) of social relations in the world of work: individual and collective labor contracts, tariff autonomy, participation in enterprise management, etc. According to the official data of the Constitutional Court of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan, 96.2% of employees were covered by collective agreements in 2017. The content, terms and conditions of concluding an employment contract are reflected in the new Labor Code of the Republic of Kazakhstan dated 11.23.2015, in section 3, chapters 13-14, articles 147-158 (Labor Code RK).

The negotiation process can be represented as a multiple process of concretizing the demands of trade unions to increase the level of wages. In turn, employers are always faced with the task of assessing the profitability of a particular negotiation result. Gradually the idea matured, according to which negotiations become effective if both issues

of both the level of wages and employment are resolved.

For trade unions, a tool is very important that allows you to predict a change in the level of wage rates depending on any indicators. In developed countries, a simple and common method is used for this purpose, which is based on constructing a regression equation based on data on concluded contracts (Franz, 2013):

$$W'_t = a_0 + a_1 P'_t + a_2 M'_t \quad (3)$$

W'_t – growth rate of the nominal tariff average wage for the t-period;

P'_t – the expected rate of inflation in the t-period;

M'_t – an indicator characterizing the tension in the labor market in the t-period (as the ratio of free jobs and unemployed);

a_0, a_1, a_2 – coefficients obtained as a result of correlation and regression analysis.

Unfortunately, detailed data on labor contracts in our country are not available. In this regard, it would be advisable for each tariff agreement to be entered in the tariff register of the Ministry of Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Kazakhstan.

Labor market organizations are a focused association of people for a planned and coordinated unity of action. These include trade unions, employers' unions, labor administration bodies, etc. Trade unions act as representatives and advocates of workers' interests. In developed countries, the advantages of trade unions as a tariff partner lie in their ability to negotiate more preferable collective agreements than individual agreements. And finally, trade unions become more powerful during the election period, when they could significantly affect their results.

Thus, in their actions, it is important for domestic trade unions to choose the appropriate model of behavior in the negotiation process. It is advisable to adhere to the model of effective negotiations, during which the contract is concluded in such a way that in combination to realize the level of salary and employment.

The state intervenes in the processes occurring in the labor market through the adoption of laws and other regulatory requirements. In particular, in developed countries, the tariff agreement concluded between the parties plays an extremely important role in the regulation of social and labor relations, performing the functions of reconciliation and protection, and also introduces organizing principles into the sphere of the labor market.

In Kazakhstan, this intervention is quite active. The Labor Code of the Republic of Kazakhstan (11/23/2015) made a significant step towards the liberalization of labor relations, which corresponds to the general trend of their development in developed countries. But the problem lies in the practice of its enforcement: the trade unions have so far failed to achieve an active position in the regulation of labor relations and their activities are mainly formal in nature. This is especially evident when trying to study the behavior model of Kazakhstan's trade unions. It is impossible to determine what exactly

the function of their utility for ordinary members of the union consists of, without a clear manifestation of the benefits of membership in trade unions, it will not be possible to attract workers to their organization.

The correct theoretical explanation of the wage structure and its changes is important. By changing the tariff part of wages, one can judge the nature and results of collective bargaining and the extent to which it was influenced by the actions of, on the one hand, trade unions and, on the other, employers (Table 7).

Table 7 – Change in the share of the tariff part of wages for certain types of economic activity

Type of economic activity	The share of the tariff part of earnings, in %		
	2010	2015	2018
1	2	3	4
All economy	70,7	69,7	71,4
Agriculture, forestry and fisheries	84,6	84,8	85,4
Industry	60,7	61,1	63,1
Construction	79,4	81,9	83,6
Wholesale and retail trade; car and motorcycle repair	78,6	72,8	72,4
Financial and insurance activities	74,0	67,7	64,9
Professional, scientific and technical activities	71,9	72,1	74,0
Public Administration and Defense; compulsory social security	72,9	73,4	74,8
Education	77,8	78,4	80,3
Health and social services	75,4	74,7	77,3
Arts, entertainment and recreation	76,9	75,4	82,1
Note – calculated by authors on the basis of data from SC MNE RK			

For comparison: the share of the tariff part of earnings for the Western European economy is – 50-80%; for the United States, with its liberal model of social and labor relations, this indicator is even higher and close to 100%. In Kazakhstan in 2018, the share of the tariff part of earnings was at the level of 71.4%. A high share of the tariff part of earnings helps to strengthen the social security of staff, and prevents the transfer of the negative consequences of unjustified entrepreneurial risks from the employer to the employees. And this is important to keep in mind when concluding labor contracts, especially during times of crisis.

Results and discussion

A large number of foreign studies are devoted to the study of the mechanism of formation of the

wage level in the labor market, but it is carried out for the first time on the materials of Kazakhstan. Based on the available methodological foundations for studying this problem, we critically analyzed the mechanism of formation of the level of wages in the current labor market model in Kazakhstan. The analysis of the main factors affecting the level of wages revealed the following problems:

- in the academic environment and in state policy, emphasis is not given to the possibilities of modernizing the labor market in raising wages;
- there are problems associated with informing the population about vacant places, which does not contribute to better coordination of labor supply and demand for it in the labor market;
- nominal wages are sufficiently sensitive to the situation on the labor market: to a lesser extent to changes in the level of prices of consumer goods and

to a greater extent to changes in the level of labor productivity; at the same time, it reacts noticeably to changes in the unemployment rate;

- the current practice of the functioning of labor market institutions in Kazakhstan is not adequately aimed at smoothing inequalities in wages and lags far behind OECD countries in this indicator;

- wage differentiation between regions gradually decreased, but remains at a relatively high level, which negatively affects the rate of economic growth;

- confirms the significant impact of internal migration on the functioning of the labor market and a decrease in wage differentiation between regions;

- institutions and organizations of the labor market have not yet gained due weight as effective elements and parties to the process of wage formation, especially this applies to the institute of tariff autonomy and trade unions;

- when concluding labor contracts, especially during periods of crisis, it is advisable to achieve a high share of the tariff part of earnings, which will contribute to greater social security of staff.

Conclusion

For the successful implementation of the task of increasing wages and, accordingly, population incomes, it is necessary to mobilize all reserves that are associated with accelerated technological modernization of the economy. Significant opportunities will also arise as a result of the modernization of the labor market, which will contribute to the formation of a decent level of wages

for workers. How this will be implemented in practice will depend on the degree to which the researchers reveal the potential of the modernized labor market and the mechanism for its implementation in raising wages. The results of our study reveal the influence of the main economic and institutional factors on the formation of wages in the current Kazakhstan model of the labor market. Overcoming the lack of coordination of labor supply and demand, assessing the flexibility of wages in the labor market, the scientifically substantiated reduction of inequality in wages and incomes and eliminating the negative effects of other economic factors should be taken into account when modernizing the labor market. Of particular importance should be given to the institutional factors of the labor market and to the intensification of the activity of its subjects. Trade unions need to fully realize that it is they who must master the procedure for conducting effective negotiations in order to ensure in combination a decent level of wages and employment for the workers protected by them. The increase in wages will positively affect the income level of the population, which in turn affects the growth of their savings; and this already affects the growth rate of the country's GDP.

The work was carried out as part of the project: AP05135300 "Modernization of the labor market as an integral part of the mechanism for implementing the third modernization of Kazakhstan: theoretical and applied problems and prospects for their solution", funded by the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

References

- Atkinson A.B. Inequality: What can be done? Cambridge, MA: Harvard University Press. – 2015.
- Barro R.J. Inequality and growth in a panel of countries // Journal of Economic Growth. – 2000. – vol. 5. – No. 1, pp. 5-32.
- Franz W. Arbeitsmarktoekonomik. 6.Auflage. – Springer Gabler. – 2013. – Kapitel 8. Lohnbildung, Lohnrigiditäten und Lohnstrukturen, pp. 279-347.
- Krugman P. Why inequality matters // New York Times. – 2013, December 15.
- Li H., Zou H.F. Income inequality is not harmful for growth: Theory and evidence // Review of Development Economics. – 1998. – vol. 2. – No. 3, pp. 318-334.
- OECD <https://data.oecd.org/earnwage/wage-levels.htm>
- OECD. Under Pressure: The Squeezed Middle Class. Chapter 3. Where Have the middle gobs gone? – 2019, pp. 75-101, https://read.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/under-pressure-the-squeezed-middle-class_689afed1-en#page1
- Stiglitz J.E. The price of inequality: How today's divided society endangers our future. New York: W.W. Norton. – 2012.
- Буранина Н.А., Смирных Л.И. Человеческий капитал мигрантов и конвергенция российских регионов по заработнойной плате // Вопросы экономики. – 2018. – №12, С. 121-138.
- Вакуленко Е.С. Ведет ли миграция населения к межрегиональной конвергенции в России? // Вестник НГУЭУ. – 2013. – № 4, С. 239-264.
- Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.

Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана». – 2 сентября 2019, http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana.

Капелюшников Р. Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. – 2017. – № 4, С. 117-139.

Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан: Официальная статистическая информация (по отраслям), <http://old.stat.gov.kz>

Мишура А.В. Ресурсная рента и межрегиональное неравенство в России // ЭКО. – 2011. – № 5, С. 155-167.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 592 с.

Трудовой кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями от 06.04.2016 г.): Раздел 3, главы 13-14, статьи 147-158.

References

Atkinson A.B. (2015) *Inequality: What can be done?* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Barro R.J. (2000) Inequality and growth in a panel of countries. *Journal of Economic Growth*, vol. 5, no. 1, pp. 5-32.

Buranshina N.A., Smirnyh L.I. (2018) Chelovecheskiy kapital migrantov i konvergenciya rossijskih regionov po zarabotnoj plate [The human capital of migrants and the convergence of Russian regions in terms of wages]. *Voprosy ekonomiki*, vol. 12, pp. 121-138.

Franz W. (2013) *Arbeitsmarktoekonomik*. 6.Auflage. Springer Gabler. Kapitel 8. Lohnbildung, Lohnrigiditäten und Lohnstrukturen, pp. 279-347.

Капелюшников Р. (2017) Неравенство: как не примитивизировать проблему [Inequality: how not to primitize the problem]. *Voprosy ekonomiki*, vol. 4, pp. 117-139.

Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан: Официальная статистическая информация (по отраслям) [Statistics Committee of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan: Official statistical information (by industry)], <http://old.stat.gov.kz>.

Krugman P. (2013) Why inequality matters. *New York Times*, December 15.

Li H., Zou H.F. (1998) Income inequality is not harmful for growth: Theory and evidence. *Review of Development Economics*, vol. 2, no. 3, pp. 318-334.

Mishura A.V. (2011) Resursnaya renta i mezhhregional'noe neravenstvo v Rossii [Resource rent and interregional inequality in Russia]. *EKO*, vol. 5, pp. 155-167.

OECD (2019) *Under Pressure: The Squeezed Middle Class*. Chapter 3. Where Have the middle gobs gone? pp. 75-101, https://read.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/under-pressure-the-squeezed-middle-class_689afed1-en#page1

OECD <https://data.oecd.org/earnwage/wage-levels.htm>

Piketti T. (2016) *Капитал в XXI веке* [Capital in the 21st Century]. М.: Ад Маргинем Пресс, 592 p.

Poslaniye Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokayeva narodu Kazakhstana «Konstruktivnyy obshchestvennyy dialog – osnova stabil'nosti i protsvetaniya Kazakhstana» [President Kassym-Jomart Tokayev's State of the Nation Address «Constructive public dialogue – the basis of stability and prosperity of Kazakhstan»], September 2, 2019, http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana.

Stiglitz J.E. (2012) *The price of inequality: How today's divided society endangers our future*. New York: W.W. Norton.

Трудовой кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями от 06.04.2016 г.): Раздел 3, главы 13-14, статьи 147-158 [Labor Code of the Republic of Kazakhstan (as amended on 04/06/2016): Section 3, chapters 13-14, articles 147-158].

Vakulenko E.S. (2013) Vedet li migraciya naseleniya k mezhhregional'noj konvergencii v Rossii? [Does population migration lead to interregional convergence in Russia?]. *Vestnik NGUEU*, vol. 4, pp. 239-264.

Zubarevich N.V. (2010) *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Regions of Russia: inequality, crisis, modernization]. М.: Независимый институт социальной политики, 160 p.

3-бөлім

**ҚАРЖЫ, АУДИТ ЖӘНЕ САЛЫҚТАР:
ДЕРЕККӨЗДЕР, ҚҰРАЛДАР ЖӘНЕ ӘДІСТЕМЕ**

Section 3

**FINANCE, AUDIT AND TAXES:
SOURCES, TOOLS AND METHODOLOGY**

Раздел 3

**ФИНАНСЫ, АУДИТ И НАЛОГИ: ИСТОЧНИКИ,
ИНСТРУМЕНТЫ И МЕТОДОЛОГИЯ**

**Nawaz Ahmad¹, Salwa Sharif²,
Maria José Palma Lampreia Dos-Santos³**

¹PhD, Assistant Professor, e-mail: nawaz.ahmad@iobm.edu.pk

²MPhil Scholar, e-mail: Std_23640@iobm.edu.pk

^{1,2}Institute of Business Management, Pakistan, Karachi

³PhD, Assistant Professor, ISCTE – University Institute of Lisbon,
Portugal, Lisbon, e-mail: msantos@escs.ipl.pt

**THE PERFORMANCE COMPARISON
OF THE OPEN-ENDED FUND AND
CLOSE-ENDED MUTUAL FUND IN PAKISTAN**

This research study show performance comparison of the Net Asset Values (NAVs) return of Open-ended and Close-ended mutual funds in Pakistan. The aim of the study to analyze the dissimilarity between the “net asset values” (NAVs) returns of the open-ended and close-ended mutual funds. The monthly data of Net Asset Value return of both open-ended funds and close-ended funds were taken over the period from 2006 till 2011 (inclusive). The NAVs return was computed through (LN) natural log function. The normality test was conducted initially and then the Kolmogorov-Smirnov and Shapiro-Wilk test were applied, their result showed that the data is not normally distributed. The Mann-Whitney U test and then further the Kruskal Wallis was conducted to check for the differences between these two groups of independent variables. It showed dissimilarity between the net asset value returns of the open-ended and close-ended mutual funds. Further Kruskal Wallis test results indicated significant differences between the open-ended and close-ended funds. It is concluded that the performance of open-ended and close-ended mutual funds is not the same. Also, growth is witnessed in the mutual fund industry and many close-ended funds have been converted to open-ended funds.

Key words: Open-ended fund, Net Asset Value, Close-ended fund

JEL Classification: C12, C14, L10

Наваз Ахмад¹, Салва Шариф²,
Мария Хосе Пальма Лампрея Дос-Сантос³

¹PhD, доцент, e-mail: nawaz.ahmad@iobm.edu.pk

²магистр, e-mail: Std_23640@iobm.edu.pk

^{1,2} Бизнесі басқару институты, Пәкістан, Карачи қ.

³PhD, доцент, ISCTE – Лиссабон университеті,
Португалия, Лиссабон қ., e-mail: msantos@escs.ipl.pt

**Пәкістандағы ашық және жабық жарналық қорлардың
жұмыс нәтижелерін салыстыру**

Бұл зерттеу Пәкістандағы ашық және жабық жарналық қорлардың таза активтерінің табыстылығын салыстыруға бағытталған. Зерттеудің мақсаты – ашық және жабық жарналық инвестициялық қорлардың «активтерінің таза құны» арасындағы айырмашылықты талдау. Ашық және жабық қорлардың активтерінің таза құны туралы ай сайынғы мәліметтер 2006 жылдан 2011 жылға дейінгі кезең үшін жиналды. Таза актив құнының мәні натурал логарифм (LN) функциясын қолдана отырып есептелді. Бастапқыда нормативті тексеру жүргізілді, содан кейін Колмогоров-Смирнов және Шапиро-Вилк тесттері қолданылды, оның нәтижелері мәліметтер қалыпты үлестірілмегенін көрсетті. Тәуелсіз айнымалыларды екі тобының арасындағы айырмашылықтарды тексеру үшін Манн-Уитни және Крускал-Уоллис U-тестілері де өткізілді. Нәтижесінде ашық және жабық қорлардың таза актив құнындағы айырмашылықтар анықталады. Крускал-Уоллис тестінің одан әрі нәтижелері ашық және жабық қорлар арасындағы айтарлықтай айырмашылықтарды көрсетті. Ашық және жабық қорлардың көрсеткіштері сәйкес келмейді деген қорытынды жасалды. Сонымен қатар, жарналық қорлар саласының өсуі байқалды, көптеген жабық қорлар ашық қорларға айналды.

Түйін сөздер: ашық қор, таза активтер құны, жабық қор.

Наваз Ахмад¹, Салва Шариф²,
Мария Хосе Пальма Лампрея Дос-Сантос³

¹PhD, доцент, e-mail: nawaz.ahmad@iobm.edu.pk

²магистр, e-mail: Std_23640@iobm.edu.pk

^{1,2} Институт управления бизнесом, Пакистан, г. Карачи

³PhD, доцент, ISCTE – Университет Лиссабона,

Португалия, г. Лиссабон, e-mail: msantos@escs.ipl.pt

Сравнение результатов деятельности открытых и закрытых паевых фондов в Пакистане

Данное исследование посвящено сравнению эффективности доходности чистых активов открытых и закрытых паевых инвестиционных фондов в Пакистане. Целью исследования является анализ разницы «чистой стоимости активов» между открытыми и закрытыми паевыми инвестиционными фондами. Ежемесячные данные о чистой стоимости активов как открытых, так и закрытых фондов были собраны за период с 2006 по 2011 год (включительно). Чистая стоимость активов была вычислена с помощью функции натурального логарифма (LN). Первоначально был проведен тест на нормальность, а затем были применены тесты Колмогорова-Смирнова и Шапиро-Вилка, результаты которых показали, что данные нормально не распределены. Для проверки различий между этими двумя группами независимых переменных также были проведены U-тест Манна-Уитни и Крускал-Уоллиса. В результате определены различия чистой стоимости активов открытых и закрытых фондов. Дальнейшие результаты теста Крускала-Уоллиса показали значительные различия между открытыми и закрытыми фондами. Сделан вывод о том, что показатели открытых и закрытых фондов не совпадают. Кроме того, наблюдается рост в индустрии паевых фондов, и многие закрытые фонды были преобразованы в открытые фонды.

Ключевые слова: открытый фонд, чистая стоимость активов, закрытый фонд.

Introduction

A mutual fund is a portfolio of investments which is organized and professionally maintained to match with the investment purposes of investors as stated in their prospectus. In mutual fund money is collected from different investors and by investing in a variety of tradable financial assets such as stocks, money market instruments, bonds, and similar assets, positive returns are earned.

A mutual fund is beneficial for investors with limited knowledge, time and money. It gives access to diversified portfolios which are professionally managed to small investors which seems quite difficult with a small amount of capital. Also, mutual funds are less risky than buying individual securities. Usually, a management fee is charged as funds are managed by fund managers. These fees are often concealed in several places of the prospectus. Usually, Income is earned, and capital appreciation is realized by investing in mutual funds. Both are shared with the investors in proportion of units owned by them.

Mutual fund was announced in the 1890s, in the United States but became most popular across the globe in the early 1980s. Initially, the U.S. funds were close-ended mutual funds whereas the first open-ended mutual fund was established in March 1924 with redeemable shares as the Massachusetts Investors Trust. In 2016, there were 530 closed-

ended mutual funds in the U.S with collective assets of \$300 billion, hence accounting for 1% of the U.S industry. Whereas most mutual funds are open-ended funds, 8066 in number with collective assets of \$16.3 trillion, summing up to 86% of U.S industry.

In Pakistan, the mutual fund was introduced in the year 1962. This happened with the establishment of “National Investment (Unit) Trust” (NIT), by public offering as an open-ended mutual fund. One more fund, namely “Investment Corporation of Pakistan (ICP)” was established in the year 1966. It introduced a series of twenty-six close-ended funds. Till 1990 these twenty-six mutual funds floated by ICP, however in June 2000 government has considered the option of restructuring the corporation. In 2001 “mutual funds association of Pakistan” (MUFAP) was publically reckoned as the figure of asset management companies in the country. In 2002 privatization of ICP started and 25 out of 26 close-ended mutual funds were split.

The Mutual fund industry of Pakistan has exhibited tremendous progress over the last periods where expansion has been witnessed in many Asset management companies (AMCs), the number of funds and types of funds. It shows a growth of 52% during the financial year 2012. It continues to remain an important alternative investment avenue due to its comprehensive suite of products with

multiple investment classes and diversity of funds offered like:

The growth fund is a diversified portfolio, in which fund investment is made in the companies that are in the expansion phase or reinvest their earnings or spend in research and development(R&D) or do acquisitions. The main objective is capital appreciation.

The money market fund is an open-ended fund, typically invest in cash or cash equivalent and short- term debt securities like commercial papers or T-bills. These funds are considered safe like bank deposits and also offer a higher yield. This is a useful option for investors who seek limited exposure to loss.

The tracker fund is also known as the index fund. It gives exposure to an entire index to the investor but at low cost. It usually tracks a segment or market index. This fund replicates the performance of a market fund.

The income fund is a kind of asset allocation fund and usually invest in stocks that give good dividends. It may be the bond fund or stock fund.

This fund is for those investors who are more interested in the income rather than the capital gains. There are many varieties of income fund and the primary differentiation can be made on the types of the securities they invest to generate income.

The equity fund only invests in stocks and known as the stocks funds. The size of this fund is determined by the investment style or market capitalization. It can be further broken down into local or international funds. Also, there can be funds that specially target business sectors like, real estate, health care etc.

The Islamic fund only invests in securities are which are Shariah- Compliant.

The fund of funds invests in a variety of funds instead of directly buying stocks, bonds or other securities.

The asset allocation fund maintains a portfolio by investing in different asset classes. This fund includes bonds, stocks and cash equivalents. A balanced fund comprises of balanced allocation of fixed income and equities such as 60% stocks and 40% bonds or vice versa.

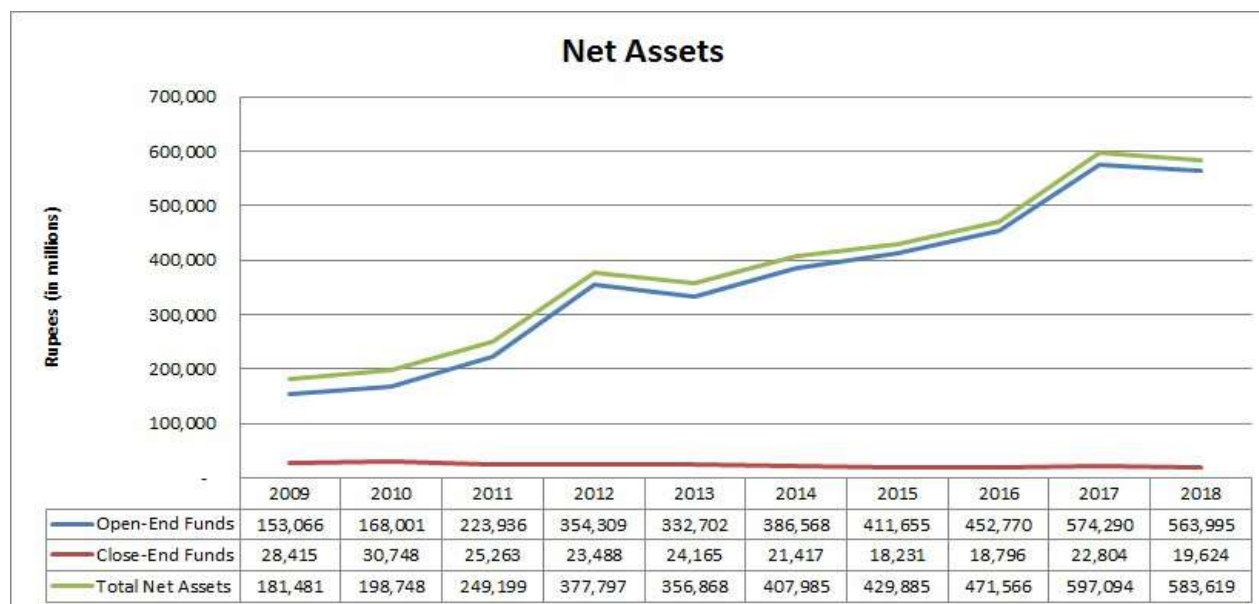

Figure 1 – Net assets (2009-2018)

Source: <http://www.mufap.com.pk>

By observing the historical performance of the mutual funds, the investors and the portfolio managers can make better investment decisions, therefore performance assessment of mutual funds is significant for both the investment fund managers and the investors. In this way, investors may also get

the opportunity to assess the performance of mutual funds managers. In 2009 the net asset value of close-ended mutual funds was PKR 28.4 billion and open-ended funds was PKR 153 billion, whereas in 2018 the net asset value of the close-ended fund was PKR 19.6 billion and the open-ended funds was

PKR 563.9 billion. Total net assets in 2009 were PKR 181.4 billion and in 2018 it raised to PKR 583.6 billion. This reflects a significant increase in the mutual funds' investments from 2009 to 2018 thus emphasizing the importance of mutual funds' performance evaluation (figure 1).

Kinds of the Mutual Fund (MF): The most common kinds of the mutual fund are the open-ended (OEF) and the close-ended mutual funds (CEF). Both funds are managed by the Portfolio managers sometimes they have a team of analysts to help them.

In Pakistan "The Securities and Exchange Commission of Pakistan (SECP)" is the controller of Mutual fund industry. SECP has the responsibility to issue licenses to fund management companies. It also does continuous monitoring of mutual funds through reports that are issued by them. Asset Management Companies (AMCs) operates the mutual fund in Pakistan. AMCs, which are a public limited company, are registered under Companies Ordinance 1984.

By investing in mutual funds, specific security risk can be diversified. This also results in comparatively low investment and operating costs due to the pooling of investor funds.

The Open-Ended fund (OEF): In the open-ended mutual fund, unlimited shares are issued and more shares are created when investors purchase shares. In this fund, there are no restrictions on the issuance of the number of funds. When shares are sold, they are taken out of circulation. Open-ended funds are less liquid in nature. In this fund manager has to sell some of the investments to pay to the investor if a larger number of shares are sold (called redemption). In the open-ended fund, price is adjusted at the trading day's end. Majority of funds are open-ended and considered a convenient investment.

The Close-Ended fund (CEF): In close-ended mutual funds a definite quantity of shares is shared by an "initial public offering" (IPO). These funds are usually listed on the stock exchange. They are bought and sold on the open market and are more liquid in nature. Typically, they are traded on an exchange at a substantial discounted price or premium price in comparison to their "net asset value. This is dependent on the fund supply and demand throughout the trading day.

The mutual fund can be managed by a fund manager either passively or actively. The fund manager role is very important in profit or loss-making of the fund hence effecting fund performance. Fund manager based on research, their knowledge and assessment make the analytical decision related to funds

buying and selling. The fund manager should abide by the prevailing market laws and comply with regulatory authorities. Also, their utmost duty is to protect the wealth and investment of their investors.

In the passively-managed fund, the fund manager doesn't choose the investment securities, but securities are automatically chosen to match with the market or target index. This fund usually follows the market index and it does not require a management team for securities decision making like the actively – managed funds. Overall portfolio turnover is low, also it incurs fewer expenses and taxes. An actively-managed fund, the fund manager either solely, with other managers, or with the team manage the fund and make conclusions about which securities to buy or sell on the basis of their knowledge and due diligence.

Literature Review

Some studies have used the fund's size and age as their basis of estimation like Sawicki and Finn (2002) in their study of a sample size of 55 Australians funds confirms that fund size and age effect on the performance of young funds. Another study by Rao (1996) in which 964 mutual funds sample size was analyzed for a period of 1994 concluded an inconsequential association of age and expenses for US mutual fund industry and that 12b – 1 plan did not offer economic value to the stockholders. Soderlind, Engstrom and Dahlquist (2000) conducted research on the Swedish market and concluded that equity funds performance has a negative relation with fees. The performance of a smaller equity fund was relatively better than larger equity funds. Also, it finds some evidence that the performance of active- managed equity funds is better than funds that are passive-managed.

Kleinam and Sahu (1988) studied the impact of mutual fund size on its total return and mentioned that in United States small mutual funds are performing better as they have significant positive risk than big mutual funds. Whereas Gorman (1991) study found that smaller funds determined on the basis of net assets achieved higher returns. It also mentioned that most of the mutual funds exhaust economies of scales and decline in returns. Also concluded that the superior performance of the portfolio cannot be completely related to higher risk.

Some studies conducted to show the relationship between mutual fund expenses and returns. Like O'Neal and Livingston (1998) study on open-ended mutual funds emphasized that expenses are important and show an adverse relationship between

fund returns and fund expense. In their study of the Finnish market, Korkeamaki and Smythe Jr (2004) concluded that investors were not compensated by giving higher risk-adjusted returns for paying higher expenses pertaining to bank managed and older funds charge. Carhart (1997) examined the US fund market and there is an adverse relationship between performance of the fund and its expense ratio, the portfolio turnover and load Elton, Gruber and M (1993) Evaluated US mutual funds and found a negative relation between the magnitude of the performance of equity fund and the expense ratio.

In the study of Sharpe (1966) a model of 34 open-ended mutual funds for a period of ten years from 1954-1963 were evaluated on their performance. It emphasized the relationship between the present and the past performance of mutual funds. Also concluded that good performance schemes related to low expense ratio instead of investment size.

In their study on US mutual funds Otten & Dennis (2004) concluded due to the number of expenses charged, funds underperform the market.

In their research Eton, Gruber & Blake (1996) has taken into account USA mutual funds and the data claims. Their findings reflect that mutual funds on average underperform the market after taking into consideration the expenses charged to investors. Similarly, Warmer (2000) in their study evaluated the performance of the American mutual funds and mentioned that those funds that outperformed the market by 1.3% each year actually underperformed due to the transaction costs and the expenses.

In their study, Ramasamy & Yeung (2003) conducted research about factors that are significant in the selection of fund by financial consultants in Malaysia. The study mentioned that there were only three main aspects deploying the performance of the fund, namely the size of funds, the cost of the transaction and the reliable past performance of mutual funds. In their study, Glenn and Patrick (2004) found out that due to the reason of facing the possibility of redemption more cash is required as an asset for open-ended funds than the close-ended funds, which also means that money is less invested in the open-ended funds that leads to low returns.

In their work Brown & Goetzmann (1995) concluded that as a predictor for future mutual funds we can look at their past performance. Further emphasized that mutual fund returns are repeatedly correlated over a period.

In the study of Hartzell, Muhlhofer & Titman (2010) **different styles of investment handling** under mutual fund were compared and it was concluded that the actively managed portfolio performed

better as their managers were making the required adjustment timely than those with the passive style of holding investment.

In their work Philpot, Douglas & James (2000) emphasized that equity mutual fund performance is consistent relative to other funds. Also, mentioned that investors may invest in bonds through the mutual fund for the sake of diversification.

According to Sondhi & Jain (2010) in their study of Indian equity mutual funds have examined the market performance and risk for a period of 3 years using a sample of 36 equity fund. It concluded that the open-ended, close-ended, size of fund and ownership pattern has an important impact on the risk-adjusted investment performance. Also confirmed that high-risk funds are not necessary to give high returns.

In their study, Jayadev (1996) examined the performance by using monthly returns of the two growth-oriented mutual funds and used Jensen, Treynor and Sharpe measures to analyze the performance. It concluded that on all three measures the performance of the Master gain fund was better than the Magnum express.

In their work JG (1974) **measured the performance** of 123 funds by using Jensen's alpha, Sharpe ratio and Treynor ratio. He used monthly data ranging from 1960 – 1969 and concluded that the performance of funds was not better than the New York Stock Exchange (NYSE)

Several studies were also conducted on the mutual fund performance in Pakistan over period of time, like Cheema & Shah (2006) **conducted research** by taking the yearly data ranging from 1994-2004 period and concluded that mutual funds play a significant role in amplifying corporate governance, so the regulatory framework should be organized in a style that boost progress of mutual fund industry.

In their work, Shah & Hijaz (2005) evaluated the Pakistan mutual fund industry performance in their research and concluded the funds that face the diversification problem usually underperforms. Furthermore, mentioned that the achievement of mutual fund industry of Pakistan depends on the comprehensive role of regulating bodies and performance of the fund industry. Also, annual reports should state the risk associated with the fund so before making an investment decision it will be helpful for the investors to compare risk with expected returns.

In their work Sipra (2006) conducted research on the mutual fund industry of Pakistan from 1995 to 2004. The study evaluates 33 close-ended fund performances and concluded that relative to the market performance the fund performance is not

good, as compared to the market the performance of very limited quantity of funds was better and the fund performance was not continual. But the market portfolio outperformed when risk was adjusted in Fama's net selectivity measure. Bilawal, Khan, Hussain & U (2016) in their work examined the close-ended mutual fund performance in Pakistan from period January 2009 till December 2013 and used five different measures. The performance of funds exhibits mixed results, though Information measures and Treynor ratio reveals acceptable performance other measures reflect sturdy underperformance.

In their study Bilal, Shah & Saifullah (2011) evaluated the performance of close-ended and open-ended mutual fund ranging over five years from 2006- 2010 and mentioned in their study that Pakistan Asset management industry is in developing stage and going through tough macroeconomic challenges.

According to their research work, Afza & Rauf (2009) evaluated the performance of the open-ended mutual fund by applying regression analysis. It concluded that fund size cannot be used to differentiate between better and mediocre funds. Also, the investor should consider the past performance of funds when selecting funds. Further, the results of funds with load charges and with no load charges has no big difference.

In his work Khan (2008) concluded that while making investment decision investors should consider funds with maximum return and minimum risks to capitalize on gain. Also, fund returns do not estimate their performance if risk aspects are not considered. And that funds past performance cannot forecast future outcomes. Razzaq, Sajid, Amir, Muhammad & Khan (2012) in their study taken a sample of 15 conventional mutual funds over two years and evaluated their risk and return. It concluded that investors avoid investing in risky securities and that risk is a big factor in determining fund return.

Ahmad, Khoso, & Ahmed (2015) evaluated the performance of 5 open-ended and 5 close-ended mutual funds by applying non-parametric test. And concluded that there is no difference between NAV returns of open-ended and close-ended mutual funds.

Overall, many studies were conducted on the mutual fund industry across the globe and there are mixed results. The mutual fund industry is growing in Pakistan and by this study, we will assess the mutual fund performance.

The aim of the study: The core aim of this study is to analyze the dissimilarity between the "net as-

set values" (NAVs) returns of the (OEF) and (CEF). NAV or "net asset value" is the price of an individual mutual fund share.

NAV equals the total value of all the securities divided by the number of mutual fund shares.

$$NAV = \frac{\text{Funds' Assets} - \text{Liabilities}}{\text{Total Number of Shares Outstanding}}$$

Though with time mutual funds are quite popular still investors are either doubtful or have lack of information regarding their performances. By this study, we would try to estimate how well the open-ended fund performed versus the close-ended mutual. This will be helpful for the understanding of the investors. This research will cater to queries like how mutual fund performance can be evaluated? Close-ended mutual fund returns are better than open-ended mutual fund returns or vice versa.

Methodology

For this study, the sample of NAVs of both, the (OEF) and (CEF) were downloaded from the available websites of Pakistan stock exchange, the website of (MUFAP) i.e. www.mufap.com.pk and data from the asset management companies in Pakistan has been collected.

Organization of the Research. The data of all the variables for this study pertain to the the period starting from the year 2006 to year 2011 (both inclusive).

Participants. For this study, five closed-ended funds (CEF) and five open-ended funds (OEF) have been selected (mentioned in Table 1). For Open-ended and Close-ended mutual fund performance analysis we are using "Net Asset Value" (NAVs) of the open-ended and closed-ended fund as variables.

Table 1 – List of Variable

Sr.No	Open-Ended Mutual Fund	Type
	First Dawood	Balanced
	Faysal Income & Growth	Aggressive Fixed Income
	Faysal Stock	Equity
	MCB Pakistan Sovereign	Income
	Dawood Income	Income
	Al Meezan Equity	Equity
	Al Meezan Balanced	Balanced
	PICIC Growth	Equity

Continuation of table 1

Sr.No	Open-Ended Mutual Fund	Type
	PICIC Investment	Equity
	Golden Arrow Selected Stock	Equity

Results and Discussion

Normality Test. To check if the data is normally distributed or not we did descriptive analysis in SPSS.

For normality test mean, median and mode should be equal, kurtosis value should be 3 and skewness need to be 0. But the descriptive test result

shows that the mean is 3.46 which is not equal to the median, which is 3.81 but closer to its value. The kurtosis value is -0.906 and this is lower than the threshold value of 3, as required for normality test (Table 2).

Further, the value of skewness is -0.488 and this also reflects that the data is not normally distributed. There is another test in SPSS, namely Kolmogorov – Smirnov and Shapiro – Wilk which is also conducted to check the normality. The P-value for both the test results is below the threshold value of 0.05 which mean (P-value <0.05). And this means that the NAVs return of (OEF) and (CEF) is not equal and therefore we reject the null hypothesis (Table 3)

Table 2 – Descriptive test results

Fund	Mean	Median	N	Std. Deviation	Variance	Kurtosis	Skewness
OEF	4.42	4.61	349	.31	.097	-.738	-.873
CEF	2.52	2.52	355	.71	.508	.154	-.346
Total	3.46	3.81	704	1.09	1.207	-.906	-.488

Table 3 – Normality test result

	Fund	Kolmogorov-Smirnov ^a			Shapiro-Wilk		
		Statistic	Df	Sig.	Statistic	Df	Sig.
Return	OEF	.245	349	.000	.815	349	.000
	CEF	.121	355	.000	.961	355	.000

Mann Whitney U Test. As our data is not distributed normally, therefore, we applied the non-parametric test. This test is used to compare the two independent means when data is not normal.

Testing H₁: The NAVs return of OEF and CEF is equal. Close-ended fund means rank is 179.28 which is very high as compared to the mean rank of the Open-ended fund that is 528.70. Also, the sum of ranks of the open-ended fund is 184516.00 which is lowest as compared to the Open-ended fund i.e 63644.00. The test result shows that the exact significance value of 1 tailed and the exact significance of 2 tailed is 0.00 and 0.00 respectively, which is lower than the threshold P-value of 0.05. This shows that null hypothesis is rejected as there is a significant difference between the means of the Close-ended (CEF) and the Open-ended (OEF) mutual funds NAVs.

Further to check the differences between both OEF and CEF group of funds we conducted the Kruskal Wallis test. This test is used as an extension of the Mann – Whitney test. It is also sometimes called ‘one-way ANOVA on ranks’. We conducted Kruskal Wallis Test on the group of Open-ended funds and Close-ended funds that we have taken in this research, their result is provided below:

Testing H₂: The NAVs return of OEF is equal: Table 5 shows that the mean ranking of the MCB Pakistan Sovereign Fund is highest whereas the lowest in the group is of the Faysal Income & Growth Fund. And the test statistics

Table 6 shows the large value of 184.726 which indicates differences between the group of independent variables of Open-ended funds. Also, Asymp Sig value shows that there is a statistically significant difference between Open-ended funds NAVs.

Table 4 – Non-parametric significance test

	Fund	N	Mean Rank	Sum of Ranks
Return	Open-ended (OEF)	349	528.70	184516.00
	Close-ended (CEF)	355	179.28	63644.00
	Total	704		

Test Statistics	
	NAV
Mann-Whitney U	454.000
Wilcoxon W	63644.000
Z	-22.793
Asymp. Sig. (2-tailed)	.000
Exact Sig. (2-tailed)	.000
Exact Sig. (1-tailed)	.000
Point Probability	.000

Table 5 – Kruskal Wallis test on open-end funds (OEF)

	Name	N	Mean Rank
Return	Dawood Income Fund	66	191.30
	Faysal stock Fund	69	187.89
	MCB Pakistan Sovereign Fund	72	36.50
	Faysal Income & Growth Fund	70	243.05
	JS Income Fund	72	220.04
	Total	349	

Table 6 – Non- parametric Kruskal Wallis significance test (OEF)

Test Statistics	Return
Chi-Square	184.726
Df	4
Asymp. Sig.	.000

Testing H_3 : The NAVs return of CEF is equal. Table 7 shows that the mean ranking wise PICIC Growth Fund is the lowest whereas the highest mean rank in the group is of the Golden Arrow Fund. And the test statistics Table 7 shows the large value of 275.222 which indicates differences between the group of independent variables of Close-ended funds. And Asymp Sig value of 0.001 also shows that there is a statistically significant difference between Close-ended funds NAVs.

For the research study, the first normality test was conducted which shows that data is not normally distributed and therefore the non-parametric test

was applied. Considering the comparative study of two independent variables Mann-Whitney test is applied. The result showed a significant difference between the means of open-ended funds and closed-ended funds. Thus, we reject the null hypothesis that the Net asset value (NAV) return of the open-ended fund and the close-ended fund is equal.

Further Kruskal Wallis test is conducted to check if there are significant differences between these two groups of independent variables and for both Open-ended and Close-ended funds it showed significant differences.

Table 7 – The Kruskal Wallis test on closed-end funds (CEF)

Ranks			
	Name	N	Mean Rank
Return	PICIC Growth Fund	72	317.21
	PICIC Investment Fund	72	210.75
	Al Meezan Equity Fund	63	173.41
	Meezan Balance Fund	77	148.46
	Golden Arrow Fund	71	39.73
	Total	355	

Table 8 – Non-parametric Kruskal Wallis significance test (CEF)

Test Statistics	
	Return
Chi-Square	275.222
Df	4
Asymp. Sig.	.001

The findings of this study differ from the previous study results conducted by Bilal, Shah & Saifullah (2011) in which they evaluated the performance of close-ended and open-ended mutual in Pakistan and concluded that there is no difference between the NAV returns of Open-end and Close end fund.

Conclusion

This research work is about the performance comparison of the NAVs return of Open-ended funds and Close-ended funds. For this research work, five Open-ended and five Close-ended mutual funds NAVs return was compared to evaluate the performance over the time period of six years (2006-2011).

In 1962, the mutual fund industry was established in Pakistan and with the passage of time, many funds were introduced. In 2001 “mutual funds

association of Pakistan” (MUFAP) was publically introduced and in 2002 when privatization of “Investment Corporation of Pakistan (ICP)” was started 25 out of 26 close-ended mutual funds were split. Overall, the mutual fund industry has shown great progress over the last periods. The result reflects that there are substantial differences between the NAVs return of both the funds and this may be because of the selection of the asset in each type of funds. Also, 2002 onwards many Close-ended funds were start being converted to Open-ended funds therefore for previous year data for all the Close-ended funds is not easily accessible.

Recommendations

For further studies, a broader asset selection for the Open-ended and Close-ended funds can be taken into consideration.

References

- Afza T., Rauf A. (2009) Performance Evaluation of Pakistani Mutual Funds. *Pakistan Economic and Social Review*, pp. 199-214.
- Ahmad N., Khoso I., Ahmed R.R. (2015) A Comparative Study of NAV (Net Asset Value) Returns of Open-ended and Close-ended Mutual Funds in Pakistan. *International Journal of Information, Business and Management*, vol. 7(1).
- B.N., Shah S.A., S.K. (2011) Performance Evaluation of Open End and Closed End Mutual Funds in Pakistan. *African Journal of Business*, pp. 11425-11434.
- Bilawal M., Khan M.D., Hussain R.Y., U.A. (2016) Performance Evaluation of Closed Ended Mutual Funds in Pakistan. *International Journal of Management Business Research*, pp. 65-71.

- Brown S.J., Goetzmann W.N. (1995) Performance persistence. *Journal of Finance*, pp. 679-699.
- Carhart M.M. (1997) On persistence in Mutual Fund performance. *Journal of Finance*, vol. 52, pp. 56-82.
- Chalmers J.M., Edelen R.M., Kadlec G.B. (1999) Transaction-Cost Expenditure and Relative Performance of Mutual Funds. *Wharton Financial*.
- Cheema M., Shah S.A. (2006) The role of mutual funds and non banking financial companies in corporate governance of Pakistan. *Center for Management and Economic Research (CMER)*, pp. 6-47.
- Droms W.G. (2006) Hot hands, cold hands: Does past performance predict future returns? *Financial Planning Association Journal*.
- Elton E.J., Gruber M.J., Blake C.R. (1996) The Persistence of Risk-adjusted Mutual fund performance. *Journal of Business*, vol. 69, pp. 133-157.
- Elton E.J., Gruber M.J., S.D., M.H. (1993) Efficiency with costly information: A reinterpretation of evidence from managed. *Review of Financial Studies*, vol. 6, pp. 1-22.
- Glenn B.J., Patrick T. (2004) The mechanics behind investment funds: why closed-end funds provide superior returns. *Managerial Finance*, vol. 30.
- Gorman L. (1991) A study of the relationship between Mutual Fund return and asset size. *Akron Business and Economic Review*, vol. 22, pp. 53-61.
- Hartzell J.C., Mühlhofer T., Titman S.D. (2010) Alternative benchmarks for evaluating mutual fund performance. *Journal of Real Estate Economist*, pp. 121-154.
- J.M. (1974) Objectives and performance of mutual funds, 1960–1969. *Journal of Financial and Quantitative Analysis*.
- Jayadev M. (1996) Mutual Fund Performance: An Analysis of Monthly Returns. *Finance India*, pp. 73-84.
- Khan J.I. (2008) Performance Evaluation of Income Funds in Pakistan. *NUST Business School*. Retrieved from NUST Business School.
- Kleiman R.T., Sahu A.P. (1988) The relationship between Mutual Fund size and risk adjusted performance. An analysis of load funds. *American Business Review*.
- Korkeamaki T.P., Smythe Jr. T.I. (2004) Effects of market segmentation and bank concentration on Mutual Fund expenses and returns: Evidence from Finland. *European Financial Management*, pp. 413-438.
- Lippolito R.A. (1989) Efficiency with Costly Information: A Study of Mutual Fund Performance. *The Quarterly Journal of Economics*, pp. 1-23.
- Luther, Matatko, Corner. (1992) The Investment Performance of UK “Ethical” Unit Trusts. *Journal of Accounting, Auditing and Accountability*.
- O’Neal E.S., Livingston M. (1998) The Cost of Mutual Fund Distribution Fees. *Journal of Financial Research*, pp. 205-218.
- Otten R., D.B. (2004) How to Measure Mutual Funds Performance: Economic Versus Statistical Relevance. *Journal of Accounting and Finance*, pp. 203-222.
- Philpot J., D.H., J.R. (2000) Performance persistence and management skill in non conventional bond mutual funds. *Financial Services Review*, pp. 247-258.
- Ramasamy B., Yeung M.C. (2003) Evaluating Mutual Funds in an emerging market: Factors that matter to financial advisors. *International Journal of Bank Marketing*, pp. 122-136.
- Rao S.M. (1996) Does 12B-1 plan offer economic value to shareholders of Mutual Funds? *Journal of Financial and Strategic*, vol. 9.
- Razzaq N., S.G., A.R., M.S., Khan M.B. (2012) Conventional Mutual Funds and their performance in Pakistan. *Asian Journal of Business and Management Sciences*, pp. 54-69.
- Sawicki J., Finn F. (2002) Smart money and small funds. *Journal of Business Finance and Accounting*.
- Shah S.A., Hijaz S.T. (2005) Performance Evaluation of Mutual Funds in Pakistan. *The Pakistan development review*, pp. 863-876.
- Sharpe W.F. (1966) Mutual Fund Performance. *Journal of Business*, vol. 39, pp. 119-138.
- Sipra N. (2006) Mutual Fund Performance in Pakistan 1995-2004. *Centre for Management and Economic Research (CMER)*, pp. 1-14.
- Soderlind P., Engstrom S., Dahlquist M. (2000) Performance and Characteristics of Swedish Mutual Funds. *Journal of Financial and Quantitative Analysis*, pp. 409-423.
- Sondhi H.J., Jain P.K. (2010) Market Risk and Investment Performance of Equity Mutual Funds in India. *Finance India*, pp. 443-464.
- Warmer R. (2000) Mutual Funds Performance: An Empirical Decomposition into stock-picking Talent, Styles, Transaction Cost and Expenses. *Journal of Finance*, vol. 4.

Тюрина Ю.Г.

д.э.н., доцент, профессор,
Финансовый университет при правительстве Российской Федерации,
Россия, г. Москва, e-mail: u_turina@mail.ru

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Статья посвящена методологическим аспектам формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики. Основные направления и идеи исследования состоят в теоретическом обосновании и разработке методологии формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики, направленной на гармонизацию интересов участников налоговых отношений, учитывающей уровень развития человеческого капитала в регионах, реализацию базовых принципов налогообложения и возможности повышения налогового потенциала региона. Вклад в развитие теории финансов вносит разработанная концепция социально ориентированной региональной налоговой политики, теоретические положения дополняют теорию налогообложения уточнением содержания базисных понятий, определением региона с позиции субъектно-объектных отношений в области разграничения полномочий органов власти, концептуальным осмыслением влияния налогообложения на развитие человеческого капитала и социально-экономическое развитие региона. Методика исследования состояла в разработке направлений налоговой политики, стратегии социально-экономического развития субъектов России через авторские модели, механизмы, алгоритмы и рекомендации. Результаты исследования рекомендованы к применению государственными органами власти при формировании направлений налоговой политики, субъектами России при разработке стратегии развития региона и определении направлений региональной налоговой политики.

Ключевые слова: региональная налоговая политика, социально ориентированная политика, человеческий капитал, человеческий потенциал, налоговая политика, налоговый потенциал региона.

JEL Classification: H20, H22, H 30

Tyurina Y.G.

doctor of economic sciences, associate professor, Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Russia, Moscow, e-mail: u_turina@mail.ru

Socially oriented regional tax policy: theory and methodology

The article is devoted to methodological aspects of formation and implementation of socially oriented regional tax policy. The main directions and ideas of the study consist in the theoretical justification and development of methodology for the formation and implementation of socially oriented regional tax policy aimed at harmonizing the interests of participants in tax relations, taking into account the level of human capital development in the regions, the implementation of basic principles of taxation and the possibility of increasing the tax potential of the region. Contribution to the development of the theory of Finance has developed the concept of socially oriented regional tax policy, theoretical positions are complementary to the theory of taxation to clarify the content of the basic concepts, definition of region from the position of subject-object relations in the field of differentiation of powers of authorities, the conceptual interpretation of the impact of taxation on human capital development and socio-economic development of the region. The research methodology consisted in the development of tax policy directions, strategy of socio-economic development of Russian regions through the author's models, mechanisms, algorithms and recommendations. The results of the study are recommended for use by public authorities in the formation of tax policy, the subjects of Russia in the development of regional development strategy and determining the directions of regional tax policy.

Key words: regional tax policy, socially oriented policy, human capital, human potential, tax policy, tax potential of the region.

Тюрина Ю.Г.

э.ғ.д., доцент, профессор,
Ресей Федерациясы үкіметінің жанындағы қаржы университеті,
Ресей, Мәскеу қ., e-mail: u_turina@mail.ru

Әлеуметтік бағдарланған өңірлік салық саясаты: теория мен әдістеме

Мақала әлеуметтік бағдарланған өңірлік салық саясатын қалыптастыру мен іске асырудың әдіснамалық аспектілеріне арналған. Зерттеудің негізгі бағыттары мен идеялары өңірлердегі адами капиталды дамыту деңгейін ескере отырып, салық салу қатынастарына қатысушылардың мүдделерін үйлестіруге бағытталған, салық салудың негізгі қағидаттарын және өңірдің салықтық әлеуетін жоғарылату мүмкіндіктерін ескере отырып, әлеуметтік бағдарланған өңірлік салық саясатын қалыптастыру мен жүзеге асырудың әдіснамасын теориялық негіздеу мен әзірлеуден тұрады. Қаржы теориясының дамуына әлеуметтік бағдарланған өңірлік салық саясатының тұжырымдамасы үлес қосады, теориялық ережелер салық теориясын негізгі тұжырымдамалардың мазмұнын нақтылау тұрғысынан, билік өкілеттіктерін саралау саласындағы субъектік-объектілік қатынастар тұрғысынан, адами капиталдың және өңірдің әлеуметтік-экономикалық дамуына салық салу саясатының әсерін концептуалды талқылаумен толықтырады. Зерттеу әдістемесі авторлық модельдер, механизмдер, алгоритмдер мен ұсыныстар арқылы Ресей субъектілерінің әлеуметтік-экономикалық даму стратегиясын, салық саясатының бағыттарын әзірлеуден тұрады. Зерттеу нәтижелері мемлекеттік органдар жоспарлау кезеңдеріне салық саясатының бағыттарын қалыптастыру кезінде де, Ресей Федерациясының субъектілері өңірлік даму стратегиясын әзірлеу кезінде және өңірлік салық саясатының бағыттарын анықтау кезінде де пайдалануға ұсынылады.

Түйін сөздер: өңірлік салық саясаты, әлеуметтік бағдарланған саясат, адами капитал, адами әлеует, салық саясаты, өңірдің салық әлеуеті.

Введение

За последние десятилетия на мировом пространстве, в т.ч. и в России, произошли существенные изменения в политической, экономической, социальной, демографической составляющих развития государства, что характеризовалось расслоением общества с появлением лиц со сверхдоходами и лиц, находящихся за чертой бедности. Одной из стратегических задач, обозначенных в этой связи Президентом России, является повышение уровня жизни населения к 2020 г. Следует отметить, что управление на уровне субъектов Российской Федерации выступает посредническим звеном в реализации государственных задач. Каждый регион нуждается в эффективном управлении, способном по максимуму мобилизовать организационные резервы для стимулирования качественных преобразований в социально-экономической системе, важной составляющей которой является налоговая система. При этом необходимо усиливать институциональные аспекты развития бюджетной системы (Вовченко, 2013).

Законодательство в части регулирования вопросов налогообложения физических лиц остается несовершенным, несмотря на постоянное внесение изменений в нормативные правовые акты. Уровень доходов населения, активизация

его деятельности на рынке услуг имеют прямо пропорциональную зависимость с уровнем налогообложения доходов. Анализ действующего механизма развития налоговой системы России свидетельствует о необходимости формирования эффективной системы налогообложения, учитывающей интересы участников налоговых отношений.

Одним из проявлений высокоразвитого общества выступает отлаженный механизм взимания налогов и сборов, способный обеспечить выполнение функций государства и удовлетворение материальных и нематериальных интересов налогоплательщиков (Аронов, 2008). Актуальность проблемы исследования социальной ориентированности региональной политики обусловлена: крайне неравномерным распределением доходов в обществе, характеризуемым коэффициентом Джини (в 1991 г. значение составило 0,261, в 2001 г. – 0,397, в 2013 г. – 0,419, в 2018 г. – 0,411); недостаточной реализацией социальной справедливости в налоговых отношениях; высоким уровнем дифференциации населения по величине среднедушевых доходов в регионах, что определяет необходимость совершенствования налоговой политики, учитывающей возможности субфедеральных органов власти в построении социально ориентированной налоговой политики, реализуемой в целях повышения уровня жизни населения.

Проблема взаимодействия федерального центра и субъектов Российской Федерации по поводу разграничения полномочий и предметов ведения, реализации социально ориентированной налоговой политики и формирования доходной части бюджетов разных уровней является одной из ключевых в обеспечении социальной справедливости в налоговых отношениях. В настоящее время органы власти субъектов РФ не имеют достаточных полномочий в принятии решений в части налогового регулирования и стимулирования развития человеческого капитала, поскольку ограничены возможности их влияния на источники пополнения бюджетов. При этом Основной закон страны – Конституция Российской Федерации – в ст. 7 закрепляет положение о том, что Российская Федерация – «социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

В литературных источниках пока не сформирована целостная концепция социально ориентированной региональной налоговой политики. В данной научной области не сложился категориальный аппарат, необходимо развитие теоретико-методологических основ и практических рекомендаций формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики, что обуславливает необходимость расширения научных исследований по проблемам гармонизации налоговых отношений, учитывая уровень развития человеческого капитала в регионах, реализацию базовых принципов налогообложения и возможности повышения налогового потенциала региона.

Объектом исследования выступает региональная налоговая политика. Предметом исследования является система социально-экономических и организационно-правовых отношений, возникающих в процессе формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики.

В соответствии с актуальностью и целью статьи сформулированы следующие задачи исследования: разработать теоретико-методологический подход к понятию «социально ориентированная региональная налоговая политика»; предложить концепцию социально ориентированной региональной налоговой политики; развить методологические положения формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики; систематизировать и дополнить принципы формирования и реализации социально ориентированной реги-

ональной налоговой политики; разработать механизм формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики; обосновать влияние социально ориентированной региональной налоговой политики на развитие человеческого капитала в регионе; разработать методический инструментарий оценки формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики; сформулировать направления реформирования российской налоговой системы в части социально ориентированной налоговой политики.

Основой исследования для получения, обработки и анализа исходных материалов явились общенаучные и частные методы научного познания; применялись следующие методы и подходы: диалектический подход, методы экономического анализа и статистических группировок, методы сравнения, корреляционно-регрессионного анализа, балльной оценки, картографический, построения дерева целей, моделирование.

Обзор литературы

Проведенный анализ зарубежной и отечественной литературы по теме работы показал неполноту исследований по вопросам формирования и реализации региональной налоговой политики, учитывающей интересы участников налоговых отношений. Исследования в большей степени направлены на поиск путей оптимизации налогообложения (Brennan, 1980; Damjanovic, 2010; Geisler, 2013; Lai, 2012; Oates, 1999), при этом накоплен значительный мировой опыт по изучению проблематики налоговой политики государства, что позволяет сформулировать научную проблему целесообразности формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики.

Широко представлены в литературе вопросы построения налоговой политики. Изучением теоретических основ налогообложения занимались основоположники классических теорий А. Вагнер, М. Вебер, С.Ю. Витте, Дж.М. Кейнс, А. Лаффер, У. Петти, А. Смит, В.Н. Твердохлебов, Н.И. Тургенев, М. Фридман, Л. Эрхард, И.И. Янжул.

Теоретико-методологические и методические аспекты развития межбюджетных отношений и системы бюджетного и налогового федерализма рассмотрены в работах российских и зарубежных ученых-экономистов: Б.Х. Алиева, А.Н. Азрилияна, С.В. Галицкой, Ю.В. Друговой, Н.Б. Ермасовой, С.В. Королева, М.Р. Пин-

ской, Б.А. Райзберг, Н.М. Сабитовой, У. Тиссен, Н.Н. Шаш. Научная постановка и разработка отдельных проблем реализации налоговой политики государства нашли свое отражение в трудах современных ученых Н.Г. Вовченко, Е.С. Вылковой, В.В. Зозули, В.В. Иванова, А.П. Киреенко, Е.А. Кировой, Т.М. Ковалевой, Е.А. Лаврентьевой, В.Н. Лапина, И.А. Майбурова, Н.И. Малис, О.А. Мироновой, И.А. Перонко, Г.Б. Поляка, С.Ю. Попкова, В.М. Пушкаревой, Р.Р. Сякина, Н.Н. Тюпаковой, Г.Д. Черника, Е.Б. Шуваловой, И.Л. Юрзиновой, Т.Ф. Юткиной.

Теория системного анализа, применяемая в исследовании, основана на работах М.В. Глигич-Золотаревой, И.Н. Дрогобыцкого, Д. Клиланда, В.П. Орешина, Г.Г. Фетисова. Отдельные аспекты налогообложения в части определения налогового потенциала и налогового климата рассмотрены в трудах Б.Х. Алиева, А.А. Волкова, А.М. Выжитович, Н.Н. Куницыной, А.В. Терешина, Ю.С. Горобец, М.Р. Дзагоевой, Е.Б. Дьяковой, Л.В. Перекрестовой, В.В. Рошупкиной, С.Г. Синельникова-Мурылева, Л.Р. Слепневой, О.В. Толстой, Д.Ю. Федотова; выявления налогового бремени населения – Е.М. Ануфриевой, С.В. Барулина, И.В. Горского, Д.В. Лазутиной, В.И. Нечаева, В.Г. Панскова; налогового регулирования – Н.Г. Викторовой, Е.Н. Голик, Е.А. Ермаковой, В.В. Степаненко и др.

Безусловный интерес представляют вопросы и проблемы социального налогообложения, которые освещены в исследованиях А.В. Аронова, Е.С. Глазовой, С.В. Калашникова, О.В. Калининой, И.В. Караваевой, В.А. Кашина, И.Д. Мацкуляка, С.М. Никитина, М.П. Степановой, Н.Н. Тютюрюкова, Ю.Д. Шмелева. Исследование основано и на трудах таких зарубежных ученых, как: Р. Балл, Б. Беккер, П. Бом, Г. Гайслер, М. Гуннарсон, Дж. Хиндрикс, А. Маркузен, Р. Маккинон, У.А. Нисканен, У. Оутс, К. Зиберт, С. Тибу и других.

Однако анализ научной литературы позволил сделать вывод о том, что недостаточно полно исследованными остаются методологические подходы к формированию и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики, учитывающей интересы участников налоговых отношений, что характеризует актуальность и востребованность исследуемой темы.

Методология

Концепция исследования базируется на идее о том, что в федеративном государстве, в кото-

ром каждый субъект Российской Федерации, согласно Конституции России, наделен определенными полномочиями, способен и должен управлять социально-экономическим развитием региона, формируя и реализуя социально ориентированную региональную налоговую политику, учитывающую баланс интересов участников налоговых отношений и основанную на применении системного подхода к разработке действенных мер по сглаживанию степени дифференциации регионов по уровню развития, учету факторов, оказывающих влияние на формирование доходной части бюджетов всех уровней, реализацию социальной составляющей налоговой политики. А это предполагает: принятие мер и разработку приоритетных инструментов, направленных на соблюдение принципа справедливости в налогообложении; реализацию научно-обоснованных подходов к реализации социально ориентированной налоговой политики; применение стимулирующих механизмов развития человеческого капитала. Данные меры будут способствовать гармонизации налоговых отношений, реализации социально ориентированной региональной налоговой политики, положительному эффекту развития экономики, повышению его конкурентоспособности, что окажет влияние на социально-экономическое состояние Российской Федерации.

Развитие теоретико-методологических подходов к формированию и реализации налоговой политики, базирующейся на теориях налогообложения, и критический анализ современных теорий позволили сделать ряд принципиальных выводов и обосновать авторскую позицию, отражающую личный вклад.

В теории финансов институциональные подходы, как фискальный, функционально-стабилизирующий, инвестиционный, к формированию налоговой политики дополнены социально ориентированным подходом, предполагающим ориентацию на развитие человеческого капитала через механизмы налогообложения путем изменения подхода к налогообложению доходов, имущества физических лиц, предоставления права выбора типа налогообложения (семейного или индивидуального), учета дифференциации регионов по социально-экономическим параметрам, развития человеческого капитала через использование инструментов налогового регулирования и стимулирования, гармонизацию интересов участников налоговых отношений, что направлено на реализацию социальной функции налогообложения.

Применительно к данному исследованию под термином «социально ориентированная региональная налоговая политика» автором понимается деятельность субфедеральных органов власти и управления по аккумулярованию финансовых ресурсов и реализации задач, направленных на развитие экономики региона, повышение уровня жизни населения, главным индикатором которой является показатель его налогового бремени.

При построении социально ориентированной региональной налоговой политики предло-

жено использовать социоцентрический подход, суть которого (в отличие от других парадигм политики: теологической, географической, биополитической, культурологической и т.д.) заключается в том, что определяющее воздействие на политику оказывают сферы общественной жизни, ее институты, структуры.

Необходимость построения и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики обусловила авторскую постановку задачи теоретического обоснования исследуемой проблемы (рисунок 1).

Рисунок 1 – Научно-теоретическое обоснование социально ориентированной региональной налоговой политики
Примечание – составлено автором

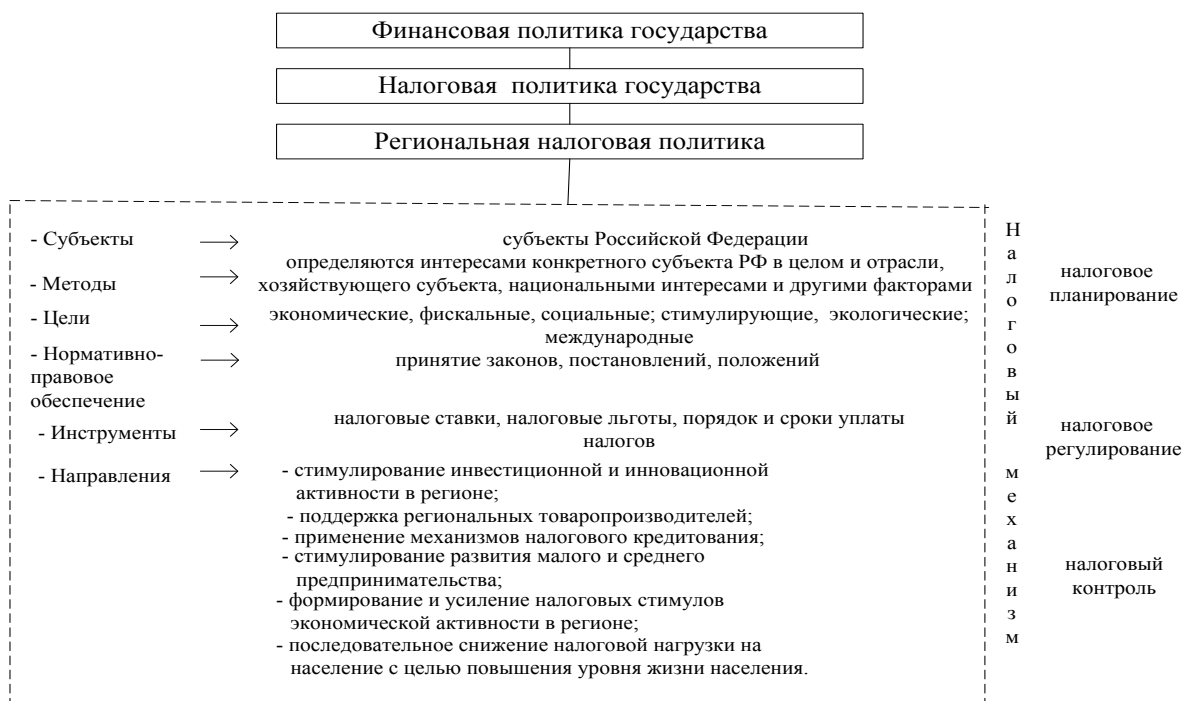
Исследование показало, что комплекс взаимосвязанных составляющих налоговой политики должен включать в себя: принципы развития (целесообразности, связности, устойчивости, структурированности, социальной справедливости, всеобщности, законности, определенности, единства, гибкости, дифференцированности, равномерности); механизмы (бюджетный, налоговый, инвестиционный, инновационный, антикризисный, стимулирующий, дестимулирующий); инструменты (нормативные, организационные, финансовые, налоговые).

Научной идеей при разработке теории социально ориентированной региональной налоговой политики выступает системный подход в учете социальных и экономических факторов развития региона. Проведенный в работе анализ дифференциации регионов и федеральных округов по показателю поступлений налоговых доходов позволил сделать вывод о необходимости создания стимулов для региональных органов власти в наращивании своего потенциала и стремлении осуществления налоговой политики, направленной

ной на развитие человеческого капитала в регионе.

Автором выдвинута идея относительно того, что в процессе формирования и развития отношений в сфере налогообложения между публично-правовыми образованиями важная роль отводится региональному уровню, в связи с чем выделены научные подходы, первый из которых обосновывает необходимость высокой степени централизации межбюджетных отношений по причине неравномерного развития субъектов Российской Федерации (Юрзинова, 2006) в силу природно-климатических, экономических, исторических факторов; второй – предполагает большую самостоятельность регионов в осу-

ществлении налоговой политики в силу наличия адекватности и объективности оценки потребностей органов власти субфедерального уровня и состояния социально-экономического развития региона. Разработанные в исследовании научные подходы к формированию и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики позволили показать место региональной налоговой политики в финансовой политике государства (рисунок 2), а также учесть особенности регионов в части формирования доходов на субфедеральном уровне, что нашло отражение в оценке роли налоговой составляющей доходной части бюджетов различных уровней.

Ориентир при проведении региональной налоговой политики должен быть смещен в сторону осуществления **социально ориентированной региональной налоговой политики**.

Рисунок 2 – Место региональной налоговой политики в финансовой политике государства

Примечание – составлено автором

Критерии социально ориентированной региональной налоговой политики включают в себя: ориентацию на выполнение преимущественно социальной функции налогов; учет необлагаемого минимума, семейного консолидированного налогообложения; механизм предоставления налоговых вычетов, отвечающий принципу социальной справедливости; учет взаимосвязи

между параметрами социально-экономического развития региона и налогово-бюджетных показателей; учет дифференциации регионов, соответствие стратегическим приоритетам по уровню развития; расширение полномочий органов власти субъектов РФ по вопросам установления и изменения налогов и сборов, зачисляемых в консолидированный бюджет субъекта РФ; су-

ществование института регулирующего воздействия; создание условий для экономической заинтересованности субфедеральных органов власти для увеличения налоговых поступлений в бюджет.

Авторская концепция социально ориентированной региональной налоговой политики (в отличие от типовых концепций: компенсации выгод, равной доли налогового давления, ресурсной, большей свободы) включает: а) теоретические положения; б) методологические положения по формированию и реализации налоговой политики; в) цели, задачи, механизмы и инструменты формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики; г) практические меры, обеспечивающие достижение самостоятельности публично-правовых образований в наращивании и эффективном использовании их налогового потенциала.

Значимость субъектов Российской Федерации в управлении и развитии налоговых отношений, в решении социально-экономических задач региона и государства обусловили разработку авторской концепции социально ориентированной региональной налоговой политики, основан-

ной на теориях налогообложения, региональной экономики, системного анализа, развития человеческого потенциала, учитывающей специфику формирования федеративного государства и поиск баланса интересов (Kuzozumi, 2012) между участниками налоговых отношений.

Сравнение моделей регионального экономического роста показало преимущества неоклассической теории, важным содержанием которой является обладание большими возможностями органов власти субъектов Российской Федерации для решения проблем развития региона и принятия конкретных мер по обеспечению устойчивого роста регионов, которые могут быть реализованы в рамках управления налоговыми отношениями. Выявление теоретических и методологических проблем развития регионов, факторов экономического роста регионов и повышения благосостояния населения позволило сформулировать авторское содержание региона как участника налоговых правоотношений (рисунок 3).

Система распределения бюджетно-налоговых полномочий, концентрация основной части налоговых доходов на федеральном уровне нацеливают на формирование механизма социаль-

Рисунок 3 – Модель региона как участника налоговых отношений
Примечание – составлено автором

но ориентированной региональной налоговой политики, учитывающей интересы участников налоговых отношений.

Авторская концепция социально ориентированной региональной налоговой политики представлена на рисунке 4.

К целям социально ориентированной региональной налоговой политики автором обоснованно отнесены: повышение и укрепление человеческого капитала, рост экономики региона,

формирование доходов бюджетов; к основным задачам – обеспечение расширенного воспроизводства условий жизнедеятельности населения региона, высокого уровня и качества жизни; оптимизация финансовых потоков, формирование условий и механизмов укрепления налоговой базы региона и муниципальных образований; использование инструментов налогового регулирования развития и укрепления человеческого капитала региона.

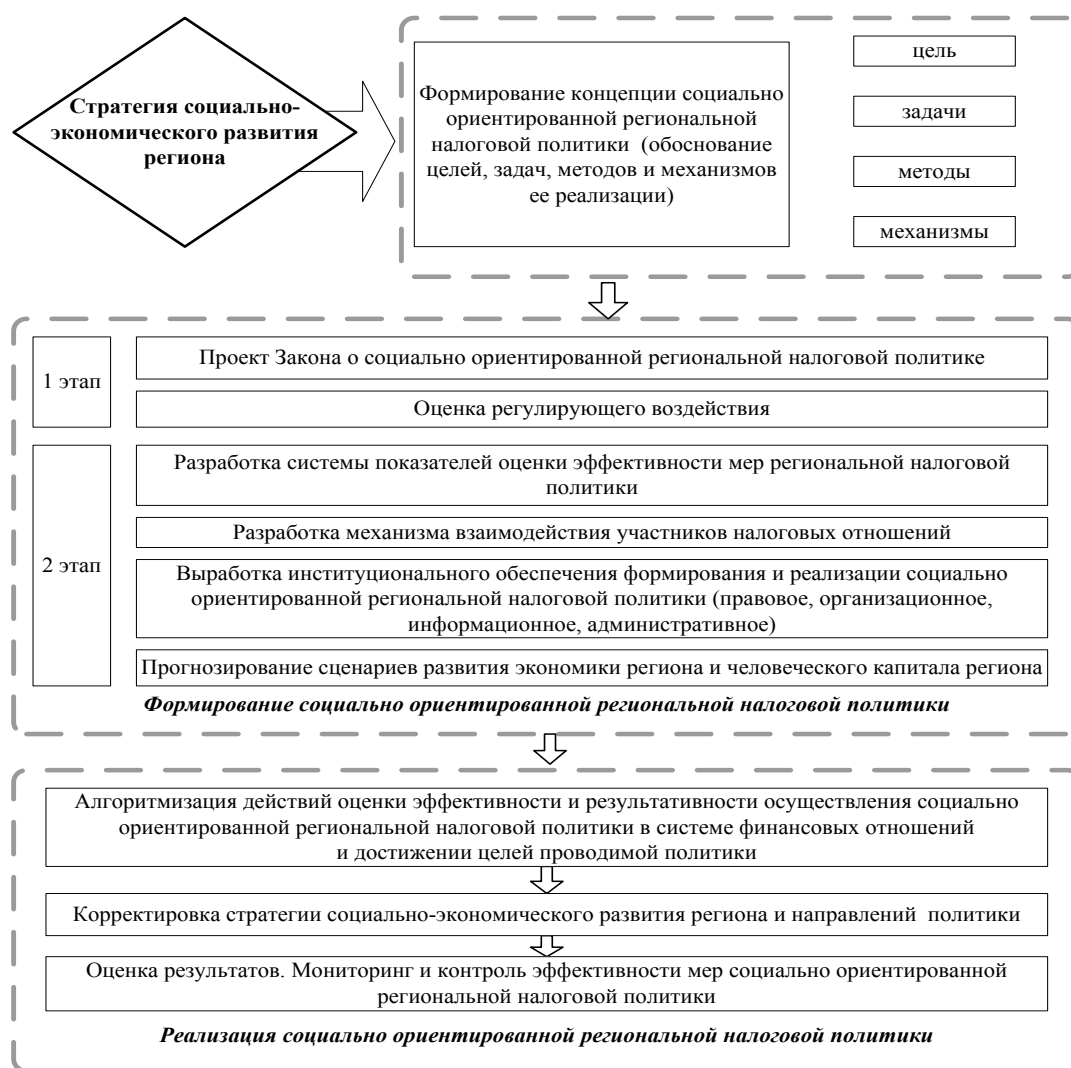

Рисунок 4 – Концепция формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики
Примечание – составлено автором

Предлагаемые практические меры, обеспечивающие реализацию авторской социально ориентированной региональной налоговой политики, направлены на: 1) достижение самостоятельности публично-правовых образований в наращивании и эффективном использовании их налогового потенциала; 2) применение налогового механизма в реализации региональной политики; 3) закрепление за публично-правовыми образованиями стабильных доходных источников, соответствующих их расходным обязательствам в рамках исполняемых полномочий; 4) единство принципов обеспечения полномочий, закрепленных за разными уровнями публично-правовых образований; 5) улучшение уровня жизни населения в регионе.

Автором с позиции системного подхода представлены методологические положения социально ориентированной региональной налоговой политики:

– во-первых, к свойствам системы управления налоговыми отношениями отнесены такие, как взаимодействие со средой, целостность, информативность, иерархичность, наличие обратных связей;

– во-вторых, в состав элементов управления налоговыми отношениями на региональном уровне включены: постановка цели и задач; сбор и обработка данных; обобщенная оценка показателей уровня социально-экономического развития региона; выявление факторов, оказывающих влияние на развитие региона; выбор оптимальной стратегии и тактических мероприятий; определение методов и инструментов управления налогообложением в регионе; поэтапное применение предложенных методов, учитывающих фактор времени и воздействие внешних и внутренних факторов; при необходимости осуществление корректировки мероприятий; оценка изменений показателей развития региона под воздействием реализуемых мероприятий; принятие решений по утверждению стратегических и тактических мероприятий; контроль за их осуществлением на региональном уровне;

– в-третьих, автором разработаны критерии развития налоговых отношений, базирующиеся на теоретических и методологических подходах к формированию и развитию отношений в области налогообложения между уровнями власти: территориальность; определенность; социально-экономическая обоснованность и целесообразность; гласность; справедливость; законность; системность; единство; гармонизация отношений между субъектами налоговых отношений

(публично-правовые образования, налогоплательщики).

Автор под формированием социально ориентированной региональной налоговой политики рассматривает процесс целенаправленного и организованного управления (планирования, прогнозирования, организации), определяющего цели, задачи социально ориентированной региональной налоговой политики и комплекс правовых действий органов власти. В работе предложены виды институционального обеспечения управления формированием социально ориентированной региональной налоговой политики: правовое, организационное, информационное, административное.

Авторская позиция относительно реализации социально ориентированной региональной налоговой политики подразумевает достижение целей и решение задач, апробирование законодательства о социально ориентированной региональной налоговой политике и его совершенствование, корректировку налоговых инструментов (налоговые ставки, льготы, налоговая база, порядок и сроки уплаты налога).

Вышеизложенное позволило в исследовании: 1) сгенерировать научно-обоснованную систему качественных (соотношение среднедушевых доходов населения и прожиточного минимума, соотношение расходов и сбережений населения, соотношение доли расходов населения на уплату налогов и общей суммы расходов) и количественных (уровень налоговой нагрузки на экономику, уровень налогового бремени населения, уровень налогового потенциала, доля теневого сектора экономики, ВРП на душу населения, индекс человеческого развития) индикаторов социально ориентированной региональной налоговой политики: 2) предложить учитывать при формировании налоговых отношений: а) функциональные особенности региона с позиции субъектно-объектных отношений по источникам правового регулирования; б) принципы, регламентирующие порядок распределения полномочий; в) критерии, устанавливающие требования к бюджетно-налоговому законодательству и к бюджету как финансовому документу; г) особенности, устанавливающие степень децентрализации бюджетов.

Авторская позиция относительно принципов социально ориентированной региональной налоговой политики базируется на сформулированных принципах, регулирующих бюджетно-налоговые отношения в государстве с федеративным бюджетным устройством (Тиссен, 2005).

Во-первых, к принципам организационно-институционального формирования социально ориентированной региональной налоговой политики автором отнесены: а) принцип верховенства закона; б) принцип системности организационно-институциональных преобразований, означающий, что социально-экономическая система должна строиться на основе системного подхода, в рамках которого необходимо выделять объект исследования как целостное образование (т.е. требование целостности) и совместимость элементов целого; в) принцип сбалансированности институтов, обеспечивающих развитие системы налогообложения и социально-экономического развития региона, а также функционирование налоговой системы (соответствия между поставленными целями и выделенными ресурсами; распорядительности и подчинения, т.е. у федеральных и субфедеральных органов власти должны быть четко очерчены права и обязанности в данной области; эффективности функционирования и экономичности); г) принцип наличия обратной связи.

Во-вторых, в части гармонизации интересов участников налоговых отношений в перечень принципов реализации социально ориентированной региональной налоговой политики включены: а) принцип эффективности (установленные параметры налоговой политики должны учитывать соотношение получаемых выгод и понесенных затрат); б) принцип достижения компромисса (налоговая политика и управление налоговыми отношениями должны учитывать интересы всех участников налоговых отношений); в) принцип приоритетности (цели, задачи, методы и инструменты налоговой политики государства и региона должны быть ориентированы на стратегию развития территорий); г) принцип согласованности налоговой политики с нормами и положениями государственной стратегии развития экономики и налоговой системы страны; д) принцип уровневой сбалансированности (сбалансированность полномочий относительно формирования и использования системы налогообложения федеральными и субфедеральными органами власти); е) принцип нормативного обеспечения (четкое законодательное закрепление полномочий, прав, обязанностей и ответственности субъектов налоговых отношений); ж) принцип научной обоснованности (налоговая политика государства должна разрабатываться и опираться на научные концепции, отражающие макро- и микроэкономические зависимости).

Формирование и реализация социально ориентированной региональной налоговой политики основывается на: а) общесистемных принципах (системности, учета влияния факторов внешней среды, ресурсного обеспечения); б) общефедеральных принципах (равноправия регионов, разделения ответственности между федеральным и региональными уровнями управления, децентрализации власти, учета дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития); в) общерегиональных принципах (комплексности улучшения уровня жизни населения и укрепления человеческого капитала, устойчивости, преемственности, научности). Предлагаемая система формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики должна обладать следующими свойствами: целостностью, иерархичностью, организованностью, целенаправленностью, адаптивностью.

Применение вышеуказанных принципов позволит обеспечить комплексно-системный подход к регулированию бюджетно-налоговых отношений (Alesina, 2014) и использовать модели реализации налоговых полномочий: закрепление налога за определенным уровнем власти (федеральным, региональным, местным); совместное использование базы налогообложения; распределение доходов по нормативам между бюджетами различных уровней.

В исследовании представлены подходы к региону как многофункциональной системе в аспекте налоговых отношений, включающие: а) взаимодействие органов власти различных уровней; б) расширение экономической самостоятельности субъектов Российской Федерации путем передачи прав от федерального центра в целях обеспечения социально-экономического развития региона; в) предпринимательский и налоговый климат, обеспечивающие реализацию подхода к региону как рынку; г) развитие человеческого капитала посредством реализации социально ориентированной региональной налоговой политики; д) особенности развития региона в условиях глобализации экономики.

Вышеизложенное позволило разработать механизм формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики, в содержании которого выделены следующие элементы – налоговое планирование (система прогнозов налоговых поступлений с учетом внешних и внутренних факторов), налоговое регулирование (система мер, направленных на создание общего налогового климата региона,

укрепление человеческого капитала, обеспечение благоприятных условий для стимулирования развития экономики), налоговый контроль (совокупность форм и методов обеспечения соблюдения законодательства о налогах и сборах).

Модель распределения полномочий между органами государственной власти по формированию и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики предложена на рисунке 5.

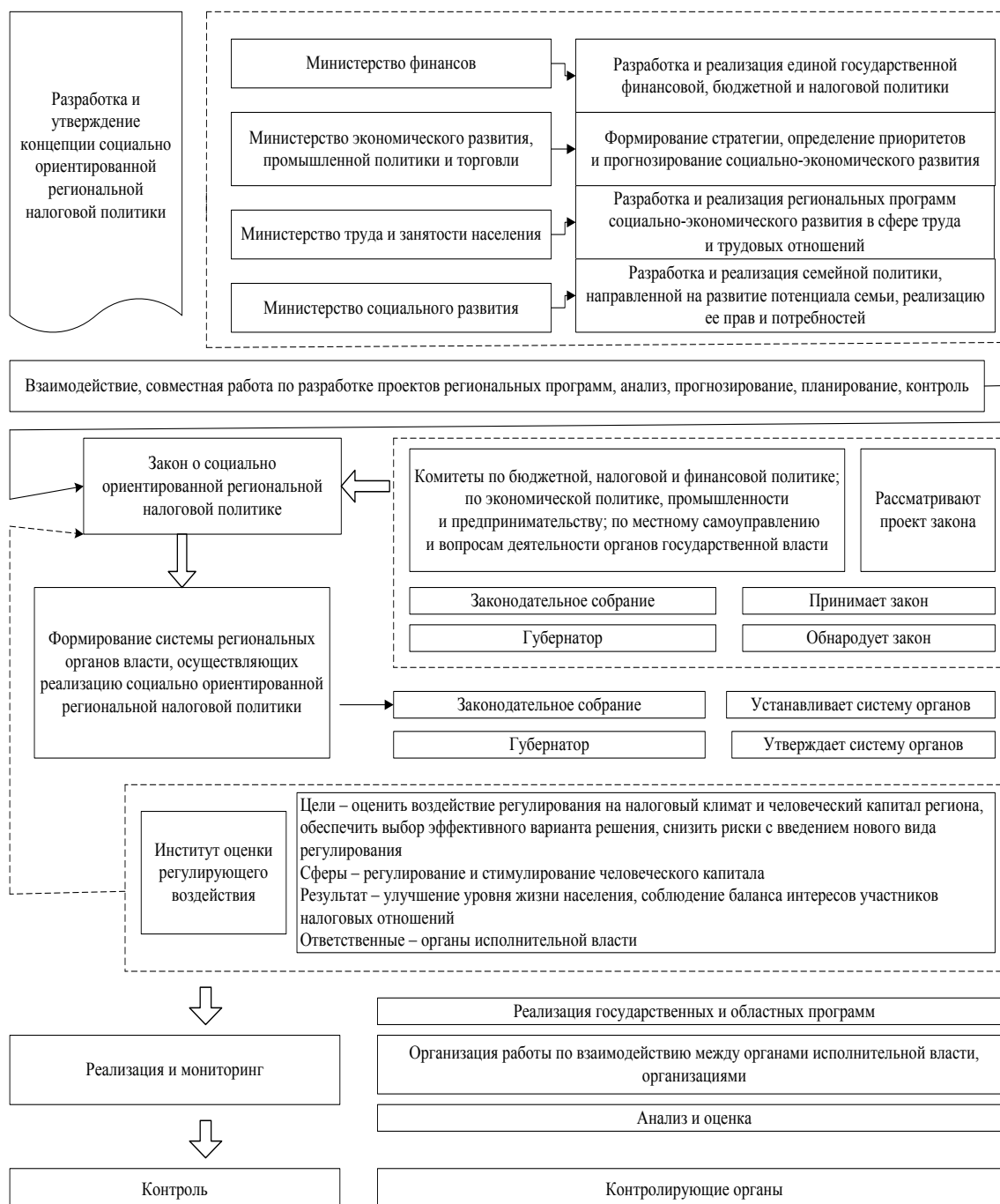

Рисунок 5 – Модель распределения полномочий между органами государственной власти по формированию и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики (на примере Оренбургской области)

Примечание – составлено автором

Автором предложены направления разграничения полномочий и предметов ведения между публично-правовыми образованиями в аспекте бюджетно-налоговых отношений, в которых существенное значение приобретают налоги с населения, и их социальная направленность выражается через установление прогрессивных ставок, необлагаемого минимума, различных льгот и освобождений (Хейди, 2002).

Доказано, что, используя перечисленные инструменты, регион способен минимизировать степень дифференциации доходов населения, регулировать рыночные механизмы, стимулировать стремление к трудовой деятельности, к увеличению предпринимательской и иной активности граждан, что в итоге повлияет на уровень жизни населения, на тенденции укрепления человеческого капитала (Тюрина, 2012).

В ходе анализа произведен расчет налоговой нагрузки (главного показателя эмпирической оценки налогового климата) и коэффициента собираемости налогов (основного индикатора качества администрирования обязательных платежей). От уровня администрирования налогов зависит величина бюджетных доходов (Христенко, 2002), а от оптимальности и эффективности их расходования – уровень дальнейшего социально-экономического развития территории (Rodden, 2003; Siebert, 1969).

Налоговый потенциал непосредственно реализуется в форме налоговой нагрузки, и наблюдается взаимосвязь и взаимозависимость этих двух экономических явлений. Автором обоснованно сделан вывод о том, что налоговая нагрузка выступает своеобразным измерителем эффективности реализации налоговой политики в регионе. В среднем в Приволжском федеральном округе налоговая нагрузка составляет 20%. Это довольно низкий показатель, если учесть, что по официальным данным, нагрузка на хозяйствующий сектор в целом по стране превышает 30%. Самая высокая налоговая нагрузка зафиксирована в Самарской области и Республике Удмуртия, самая низкая – в Республике Марий Эл и Ульяновской области.

В рамках исследования проведен анализ влияния внешних и внутренних факторов на формирование налогового потенциала региона, оценка величины налогового потенциала региона, что позволило сформулировать предложения по использованию данных факторов в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации.

Среди факторов, оказывающих влияние на формирование налогового потенциала региона, выделены налоговые льготы. Практика свидетельствует о склонности российских плательщиков к активной миграции в другие регионы под воздействием такого фактора, как налоговые льготы. Рассмотрено, как складывается ситуация с предоставлением налоговых льгот на региональном уровне, проанализирована величина выпадающих доходов региональных бюджетов в связи с предоставлением налоговых льгот по налогу на имущество организаций, по транспортному налогу и по налогу на прибыль организаций. Для обеспечения адекватной оценки и сопоставимости величины налоговых потерь соотнесены размеры представленных льгот с общей величиной исчисленного налога.

В исследовании автором разработан организационно-экономический механизм управления налоговым потенциалом региона (рисунок 6).

Корреляционно-регрессионный анализ зависимости интегрального показателя социально-экономического развития регионов и величин их налогового потенциала показал тесную прямую связь между ними. Значение коэффициента корреляции составило 0,87, что означает, что рассматриваемые показатели взаимосвязаны и взаимозависимы. Эффективность проводимой налоговой политики отражается на темпах производства и потребления, на инвестиционной и инновационной активности хозяйствующих субъектов, и, в конечном счете, на величине налоговой базы и уровне бюджетных доходов.

Авторский подход к формированию и управлению налоговым потенциалом региона как основы социально ориентированной региональной налоговой политики позволил сформулировать рекомендации по совершенствованию социально ориентированной региональной налоговой политики, способствующие увеличению поступлений в бюджеты разных уровней, экономическому развитию региона, реализации социальной составляющей в налогообложении.

Оценка роли человеческого капитала (Mariz-Perez, 2012) в системе регионального развития, анализ существующих подходов к измерению человеческого капитала, их возможности и ограничения в рамках исследования позволили отдать предпочтение для измерения человеческого капитала регионов России индексу человеческого развития (ИЧР, HDI_r – англ.), который позволяет сравнивать регионы по критериям: уровню жизни, образованию и долголетию населения.

Составляющие компоненты ИЧР автором дополнены показателем – индексом доходов населения, состоящим из двух компонентов: индекса

реально располагаемых доходов населения (после уплаты обязательных платежей); индекса занятости.

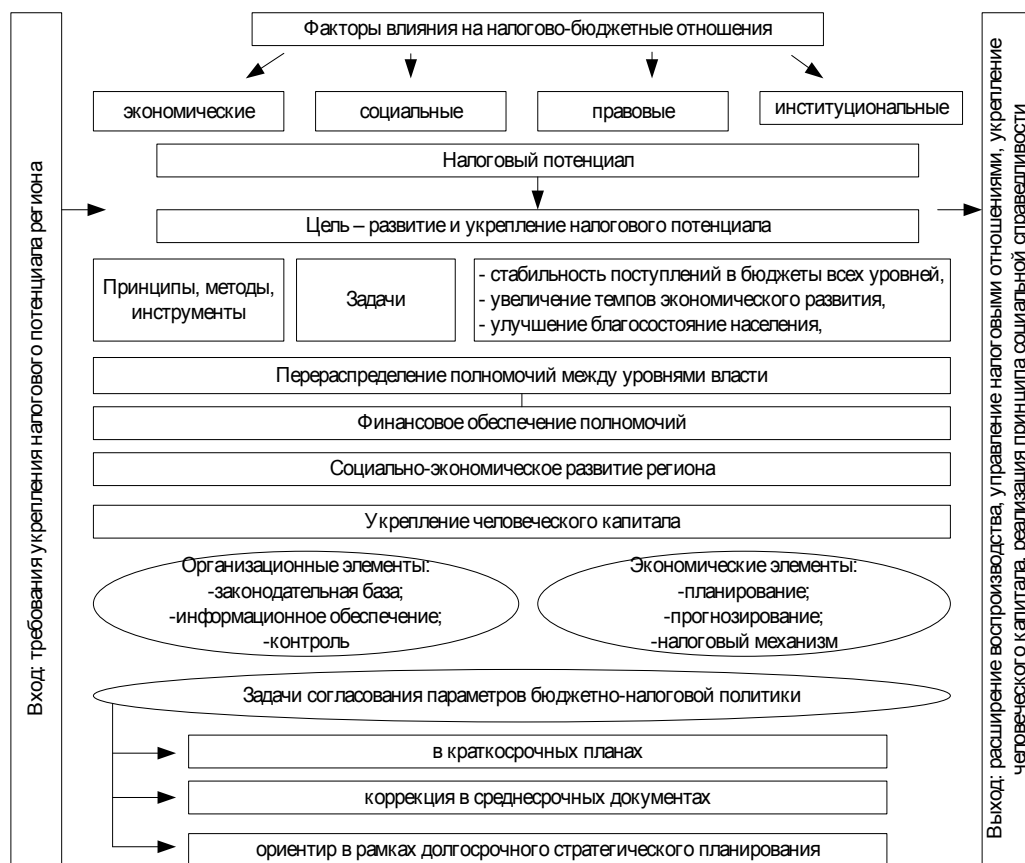

Рисунок 6 – Организационно-экономический механизм управления налоговым потенциалом

Примечание – составлено автором

Индекс человеческого развития предлагается рассчитывать по формуле

$$HDIp = \sum_{i=1}^4 a_i \cdot I_i, \quad (1)$$

где a_i – вес соответствующего компонента ИЧР;
 I_i – составные индексы.

Согласно методике расчета HDIр каждый показатель, входящий в состав агрегированного индекса, рассчитывается с учетом фиксированного диапазона стандартов по следующей формуле:

$$I_i = \frac{x_i - x_{i_{\min}}}{x_{i_{\max}} - x_{i_{\min}}}, \quad (2)$$

где x_i – фактическое значение показателя, описывающего i -й элемент развития человеческого капитала;

$x_{i_{\max}}$ и $x_{i_{\min}}$ – соответственно, минимальное и максимальное значения показателя, описывающего i -й элемент развития человеческого капитала.

Предложенная методика позволит более полно и качественно оценить развитие человеческого капитала, проанализировать региональные особенности человеческого развития и выявить основные проблемы, что впоследствии регионам заложит основу для реализации социально ориентированной налоговой политики.

Для оценки влияния социально ориентированной региональной налоговой политики на развитие человеческого капитала автором предлагается использовать интегральный показатель

конкурентоспособности человеческого капитала (ИПКЧК, *IRCHC* – англ.). В основе его расчета лежит оценка каждого показателя, входящего в базовый и производный уровни (рисунок 8). В расчете данного показателя используются индикаторы, всесторонне отражающие уровень развития человеческого капитала. ИПКЧК затрагивает различные аспекты человеческого развития и позволяет оценить уровень демографического, социально-экономического, научно-технического, инвестиционного, культурно-нравственного, экономического потенциалов.

Необходимость введения ИПКЧП была вызвана отсутствием единых показателей, способных дать качественную оценку конкурентоспособности человеческого капитала с одновременным учетом дифференциации в социально-экономическом развитии регионов, что является крайне актуальным. В свою очередь концептуальная структура показателя является уникальной.

В теории человеческого капитала в настоящий момент не существует аналогичных показателей, более полно отражающих уровень конкурентоспособности территорий по развитию человеческого капитала.

ИПКЧК представляет собой агрегированный показатель, рассчитанный как среднее арифметическое всех составных показателей:

$$IRCHC = \overline{\sum_{i=1}^{16} N_i} \quad (3)$$

где N_i – значение i -го показателя уровня развития человеческого капитала.

Итоговое значение показателя может находиться в интервале от 0 до 5. При этом значения ИПКЧК от 2,8 до 5 характеризуют человеческий капитал территории как высококонкурентоспособный, от 2,1 до 2,7 – как капитал средней конкурентоспособности, от 0 до 2,0 – как капитал низкой конкурентоспособности. Отметим, что для оценки развития человеческого капитала могут быть выбраны и иные показатели, главное, чтобы они удовлетворяли требованиям, предъявляемым к системе экономических показателей. В частности, система показателей должна быть объективной и всесторонне отражать существенные проявления человеческого капитала. Кроме того, если показатели характеризуют результаты деятельности в различное время, то они должны быть дисконтированы и приведены к сопоставимому виду. Если же показатели дают оценку

уровня развития различных регионов, они должны быть приведены к единой шкале измерения, т.е. нормированы.

Анализ динамики индикатора человеческого капитала на территории РФ позволил автору выявить пространственное неравенство в развитии регионов. Так, ИЧР в г. Москва в 1,24 раза больше ИЧР, к примеру, Республики Тыва. Также существенны различия в значении такого составляющего ИЧР как валовой региональный продукт на душу населения, что свидетельствует о значительной дифференциации в величине регионального продукта на душу населения по сравнению с мировой практикой, где это значение различается по регионам в 3-5 раз, то в России – более чем в 13 раз.

Методика оценки влияния социально ориентированной региональной налоговой политики на развитие человеческого капитала позволит нивелировать дифференциацию населения по получаемым доходам, регулировать уровень спроса и предложения, создать мотивацию к наращиванию предпринимательской, инвестиционной активности граждан, учитывать региональные особенности при формировании и реализации социально ориентированной налоговой политики, а использование инструментов налогового регулирования и стимулирования развития человеческого капитала – реализовать социальную функцию налогообложения, связанную с соблюдением принципа справедливости в налоговых отношениях.

Алгоритм авторской методики оценки эффективности формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики представлен на рисунке 7.

К показателям эффективности формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики (СОРНП) автором отнесены:

1. Социальная эффективность

$$Si = \frac{\sum_{i=1}^n SPa - \sum_{i=1}^n SPb}{\sum_{i=1}^n NVDn} \quad (4)$$

где Si – социальная эффективность;

$\sum_{i=1}^n SPa$ – сумма стоимостных оценок социальных показателей в период реализации СОРНП;

$\sum_{i=1}^n SPb$ – сумма стоимостных оценок социальных показателей в период отсутствия СОРНП;

$\sum_{i=1}^n NVDn$ – сумма выпадающих доходов бюджета вследствие реализации СОРНП.

Если $Si < 1$, то политика неэффективна; если $Si = 1$, то нейтрально эффективна; если $Si > 1$, то эффективна.

2. Фискальная эффективность

$$Fi = \frac{\sum_{i=1}^n Na - \sum_{i=1}^n Nb}{\sum_{i=1}^n NVDn} \quad (5)$$

где Fi – фискальная эффективность;

$\sum_{i=1}^n Na$ – сумма налоговых поступлений в период реализации СОРНП;

$\sum_{i=1}^n Nb$ – сумма налоговых поступлений в период отсутствия СОРНП;

$\sum_{i=1}^n NVDn$ – сумма выпадающих доходов бюджета вследствие реализации СОРНП.

Если $Fi < 1$, то политика неэффективна; если $Fi = 1$, то нейтрально эффективна; если $Fi > 1$, то эффективна.

3. Интегральный показатель эффективности

$$\Sigma li = \frac{\sum_{i=1}^n Na - \sum_{i=1}^n Nb + \sum_{i=1}^n SPa - \sum_{i=1}^n SPb}{\sum_{i=1}^n NVDn} \quad (6)$$

Если $\Sigma li < 1$, то инструмент СОРНП неэффективен; если $\Sigma li = 1$, то нейтрально эффективен; если $\Sigma li > 1$, то эффективен.

Ключевыми мерами социально ориентированной региональной налоговой политики в авторской интерпретации являются: переход к прогрессивной шкале налогообложения доходов, социальных налоговых вычетов по налогу на доходы физических лиц; использование инструментов стимулирования развития человеческого капитала (налоговые льготы, налоговые ставки, особенности формирования налоговой базы, налоговые санкции).

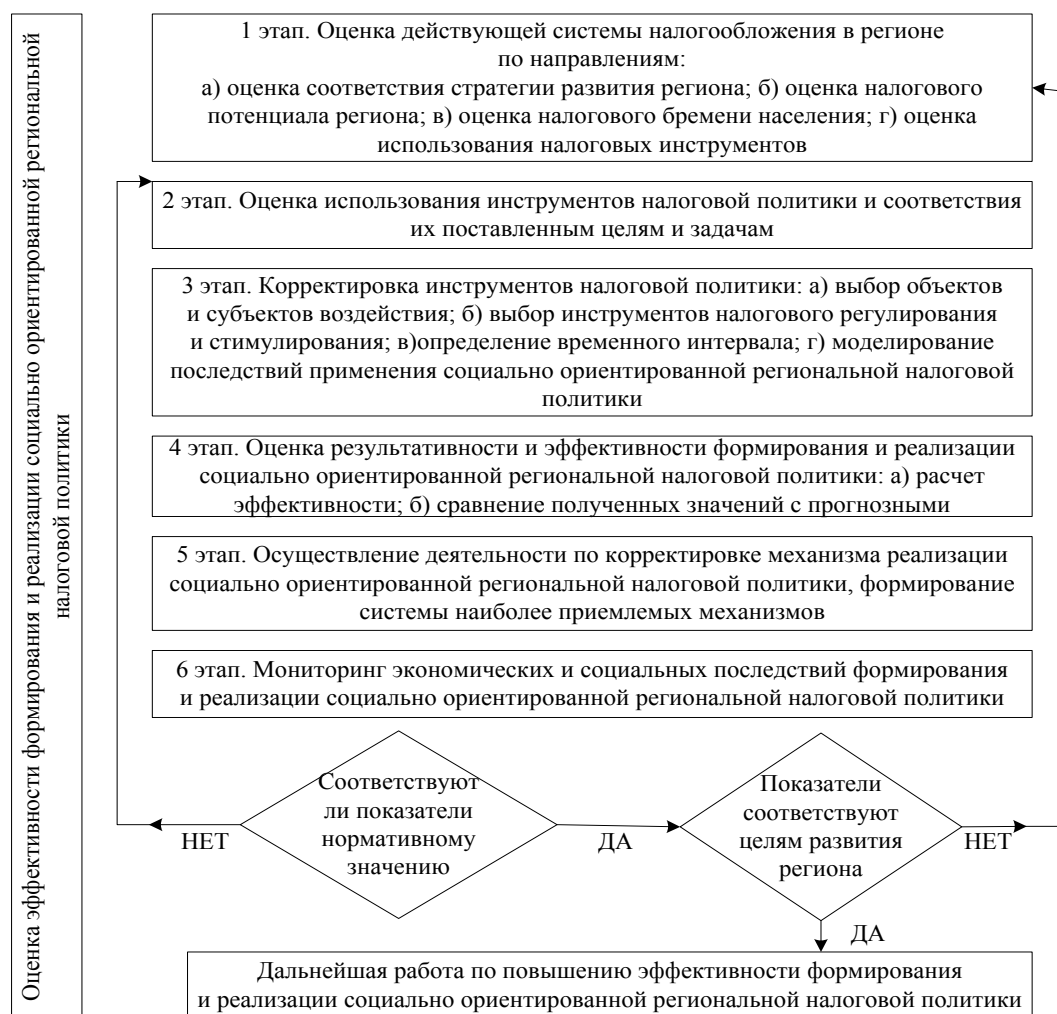

Рисунок 7 – Алгоритм методики оценки эффективности формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики

Примечание – составлено автором

В рамках механизма реализации социальной функции налогообложения доходов физических лиц, включающего в себя снижение налогового бремени, предложена авторская методика расчета налогового бремени населения, учитывающая состав и структуру прямых и косвенных налогов, и метод определения облагаемых доходов населения. Основным ее отличием от методик, представленных в литературе, является определение величины косвенных налогов, перелажаемых на население, что, несомненно, акцентирует внимание и определяет социальную составляющую влияния налогообложения на уровень жизни населения. Важным содержанием методики является разделение расходов населения по различным группам – продукты питания, алкогольные напитки, услуги, непродовольственные подакцизные товары, непродовольственные товары, льготлируемые по налогу на добавленную стоимость, и остальные непродовольственные товары. Расчет налогового бремени населения предложено производить по следующей формуле:

$$NN = \frac{(Npn + Nkn)}{Dn} \cdot 100 \%, \quad (7)$$

где NN – величина налогового бремени;

Npn – величина прямых налогов;

Nkn – величина косвенных налогов;

Dn – денежные доходы населения.

Расчет налогового бремени населения на основе статистической информации показал, что его величина колеблется от 12 до 24 % (таблица 1). На столь высокое варьирование рассчитанного показателя прямое влияние оказывают неравномерный объем уплаченных налогов (особенно косвенных) и дифференциация облагаемых доходов населения.

В исследовании к показателям результативности формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики отнесены:

– экономия на уплате налогов льготных категорий населения;

– покупательная способность в результате экономии на налогах;

– доля населения, получающего доходы после уплаты налогов выше величины прожиточного минимума;

– повышение уровня жизни населения;

– укрепление человеческого капитала региона.

Предложенный автором новый инструмент оценки эффективности формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики позволит дать объективную оценку научно-обоснованных решений в области налоговой политики на текущий и плановый периоды и классифицировать эффекты от их реализации по различным критериям: по отношению к поставленной цели – прямые, косвенные; по степени проявления – положительные, отрицательные; по временному критерию – краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные; по направленности – фискальные, социальные, экономические.

Разработана и предложена авторская программа мер по укреплению человеческого капитала через механизм налогообложения на региональном уровне, призванная решить спектр важнейших проблем: увеличение денежных доходов населения; реализацию принципа социальной справедливости; улучшение демографической ситуации; повышение темпов активизации инновационной деятельности и увеличение количества научных исследований; стимулирование инвестиционной активности граждан через механизм налогообложения.

Таблица 1 – Группировка субъектов Российской Федерации по величине налогового бремени населения

Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
Величина налогового бремени населения				
До 13 %	13,1-16,0 %	16,1-18,0 %	18,1-20,0 %	Более 20 %
Доля субъектов в общем количестве субъектов Российской Федерации с соответствующей величиной налоговой бремени				
1,2 %	26,1 %	46,9 %	17,9 %	7,9 %
Примечание – рассчитано автором по авторской методике				

В рамках исследования произведен расчет предполагаемого эффекта от сформулированных автором приоритетов налоговой политики, направленных на достижение социальной справедливости в налогообложении (Эрхард, 1991), гармонизацию отношений между участниками налоговых отношений (таблица 2). Немаловажными составляющими реализации социально ориентированной региональной налоговой политики определены расходы бюджета, направленные на укрепление человеческого капитала. Оценка взаимосвязи расходов государства и регионов России и индекса человеческого развития с использованием корреляционно-регрессионного анализа показала, что в реализации социально-экономической политики особое место принадлежит налогам, поступления от уплаты которых направляются, в

числе прочего, на развитие системы здравоохранения, образования, культуры, социальной поддержки. Результаты проведенного анализа также продемонстрировали прямую зависимость между показателями налоговых вычетов по налогу на доходы физических лиц и расходами населения на укрепление человеческого капитала. Указанная зависимость проявляется и в динамике необлагаемых доходов населения. Таким образом, предоставляя вычеты, государство осуществляет инвестирование в развитие человеческого капитала. Выявленная зависимость служит обоснованием для разработки мероприятий по развитию человеческого капитала через систему налоговых льгот по налогам (Aronsson, 2014) с использованием механизма социально ориентированной региональной налоговой политики.

Таблица 2 – Экономический эффект от предлагаемых мероприятий

Предлагаемое мероприятие	Предполагаемый эффект
Реформирование налогообложения доходов физических лиц - прогрессивная шкала налога и необлагаемый минимум; - изменения в системе налоговых вычетов	+ 16,8 млрд руб. - 2,9 млрд руб.
Переход к семейному налогообложению доходов	- 10,7 млрд руб.
Примечание – рассчитано автором на основе предлагаемых мероприятий	

Выполнение данных мероприятий позволит реализовать социальную составляющую налоговой политики, усилить стимулирующее воздействие на развитие человеческого капитала и повысить доходную часть бюджетов разных уровней.

Результаты и обсуждение

1. Систематизация различных аспектов налогообложения и их проецирование на уровень социально-экономического развития государства и регионов, уровень жизни населения, анализ используемых инструментов, регулирующих развитие налоговых отношений, позволили разработать теоретико-методологический подход к понятию «социально ориентированная региональная налоговая политика». Содержание управления налоговыми отношениями региона проявляется в формировании целей развития региона, в планировании системы мер, способных обеспечить достижение целей, в создании благоприятных условий для развития экономики, а

важной целью управления налоговыми отношениями региона является формирование и реализация социально ориентированной региональной налоговой политики. Указанные направления актуализируют необходимость внесения изменений в законодательство о налогах и сборах, что выступает главным условием формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики.

2. На сегодняшний день нет единой концепции социально ориентированной региональной налоговой политики, но, несмотря на то, что во многих нормативно-правовых актах отражаются направления налоговой политики, принимаемые меры в части функционирования консолидированных групп налогоплательщиков, налоговых маневров в нефтяном секторе, оптимизации налоговых расходов бюджетов разных уровней, стимулирования малого предпринимательства, именно социальное налогообложение требует принятия действенных мер. Это позволило разработать авторскую концепцию социально ориентированной региональной налоговой поли-

тики, основывающуюся на системном подходе к процессу управления налоговыми отношениями и учитывающую особенности социально-экономического состояния регионов, уровень развития человеческого капитала, реализацию базовых принципов налогообложения, возможности повышения налоговых потенциалов регионов, что направлено на развитие экономики государства.

3. Методология социально ориентированной региональной налоговой политики предполагает определение методов исследования и разработку методического инструментария, оценку региона как субъекта и объекта реализации социально ориентированной налоговой политики, анализ влияния социально ориентированной региональной налоговой политики на развитие человеческого капитала, определение эффективности предлагаемых мероприятий и нацелена на обеспечение достижения социальной справедливости в налогообложении и гармонизацию интересов участников налоговых отношений.

4. В целях развития методологии социально ориентированной региональной налоговой политики необходима идентификация принципов формирования социально ориентированной региональной налоговой политики, которые должны быть реализованы, по мнению автора, по следующим направлениям: выработка и реализация управленческих решений, которые обеспечивают субфедеральный уровень власти достаточными административными, финансовыми, правовыми, информационными ресурсами для выполнения возложенных на них функций; согласование интересов участников налоговых отношений; соблюдение законодательно установленных прав участников налоговых отношений; применение норм ответственности в части неисполнения законодательства о налогах и сборах.

5. Разработанный механизм формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики должен включать, по мнению автора, осуществляемые органами власти субъектов Российской Федерации в определенной последовательности действия, предусматривающие особенности развития регионов, посредством использования методов и инструментов, обеспечивающих укрепление человеческого капитала, гармонизацию интересов участников налоговых отношений. Методы управления налоговыми отношениями должны учитывать характер воздействия различных факторов: действие нормативно-правовых актов, влияние на развитие человеческого капитала,

институциональную составляющую, административные барьеры.

6. На современном этапе во главу угла ставится достижение сбалансированности фискальной и регулирующей функций налогов, что задает определенный вектор развития и совершенствования налоговой системы государства и формирование организационно-экономического механизма управления налоговым потенциалом. Четко прослеживается связь различных социально-экономических аспектов в раскрытии содержания налогового потенциала региона. Автором налоговый потенциал рассматривается не просто как научная категория, а как система информации для регулирования развития экономики отдельно взятой территории и государства в целом, поскольку на оценку налогового потенциала территории влияют различные факторы, определяющие социально-экономическое развитие региона, такие как географическое расположение, природно-ресурсный климат, степень федерализации налоговых отношений между центром и регионами и другие.

7. Научное обоснование влияния социально ориентированной региональной налоговой политики на развитие человеческого капитала, характеризуемого как совокупность человеческих качеств и свойств, обеспечивающих возможность приносить доход и определяющих развитие общества в целом, позволило автору уточнить методические подходы к оценке человеческого капитала, ориентированные: на создание либо использование человеческого капитала – доходный и затратный; единицы измерения результатов оценки – стоимостные, натуральные или индексные. Формирование качественной методики оценки влияния социально ориентированной региональной налоговой политики на развитие человеческого капитала и системы показателей является одной из важных методологических проблем, имеющих высокую практическую направленность, поскольку позволяет в динамике дать количественную и качественную оценки развития человеческого капитала и обеспечить его конкурентоспособность.

8. На сегодняшний день стоит задача оценки эффективности (связи между достигнутым результатом и использованными ресурсами) формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики, которая определена как обобщенная характеристика степени достижения поставленных целей и задач, реализации методов и использования инструментов, связанных с механизмом соци-

ально ориентированной региональной налоговой политики. Авторская позиция заключается в обосновании тезиса о том, что, осуществляя инвестиционную деятельность во всех ее аспектах, государство должно заранее прогнозировать, какое влияние она окажет на уровень жизни населения, на темпы социально-экономического развития в рамках реализации социально ориентированной политики, а также оптимизировать в этих целях структуру инвестируемого капитала и инвестиционные денежные потоки. Предложенная методика оценки эффективности формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики включает показатели социальной эффективности, фискальной эффективности, интегральный показатель эффективности, что позволяет сделать вывод о решении проблем социального налогообложения посредством использования инструментов социально ориентированной региональной налоговой политики.

9. В последнее время в России на государственном уровне все больше обсуждается вопрос о необходимости применения мер поддержки семьи и многодетных граждан. Налоговые рычаги в данной ситуации, безусловно, не являются первостепенными, однако, и их роль немаловажна для финансовой поддержки семейных пар. Мировой опыт свидетельствует о том, что в зарубежных странах широко применяется семейное налогообложение, что требует исследования возможности и условий применения данной практики в России. Развитие налогообложения предусматривает изменение или альтернативное внедрение нового подхода к налогообложению: индивидуальное или семейное. Предлагаемый автором тип налогообложения предполагает введение в действие соответствующих изменений положений Налогового кодекса Российской Федерации и использование модифицированной формы налоговой декларации.

10. Концептуальные направления социально ориентированной региональной налоговой политики связаны с инструментами налогового регулирования человеческого капитала в регионе. Государство, осуществляя федеральную политику регионального развития, имеет широкие возможности для прямого и косвенного влияния на воспроизводство человеческого капитала путем осуществления расходов на социальные цели и через механизм налогообложения. Направления реформирования российской налоговой системы в части формирования и реализации социально ориентированной региональной на-

логовой политики, сформулированные и обоснованные автором, предусматривают: переход к прогрессивной шкале налогообложения доходов, социальных налоговых вычетов по налогу на доходы физических лиц; использование инструментов стимулирования развития человеческого капитала (налоговые льготы, налоговые ставки, особенности формирования налоговой базы, отсрочка/рассрочка платежей, налоговые санкции); выбор типа налогообложения доходов (индивидуальное или семейное). Разработанная программа мер по укреплению человеческого капитала через механизм налогообложения на региональном уровне призвана решить спектр важнейших проблем, таких как увеличение денежных доходов населения; реализация принципа социальной справедливости; улучшение демографической ситуации; повышение темпов активизации инновационной деятельности и увеличение количества научных исследований; стимулирование инвестиционной активности граждан через механизм налогообложения.

Материалы теоретико-методологического и практического характера были применены при разработке государственной программы «Экономическое развитие Оренбургской области» на 2014-2015 гг. и на перспективу до 2020 г.; в рамках реализации подпрограммы «Повышение эффективности государственного управления социально-экономическим развитием» использование модели разграничения полномочий органов власти субъектов Российской Федерации способствовало повышению результативности проводимой социально-экономической политики Оренбургской области. Результаты исследования используются ФГУП «Главный научно-исследовательский вычислительный центр» Федеральной налоговой службы России, министерством финансов Оренбургской области, министерством экономического развития, промышленной политики и торговли Оренбургской области, министерством труда и занятости населения Оренбургской области.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- теоретико-методологический подход к понятию «социально ориентированная региональная налоговая политика», отличающийся от существующих трактовок понятия «региональная налоговая политика» смещением акцента на социальную составляющую и отражающий

обоснование необходимости достижения справедливости в налогообложении путем изменения подхода к налогообложению доходов, имущества физических лиц, предоставления права выбора типа налогообложения (семейного или индивидуального), учета дифференциации регионов по социально-экономическим параметрам, развития человеческого капитала через использование инструментов налогового регулирования и стимулирования, гармонизацию интересов участников налоговых отношений, позволит уточнить понятийный аппарат в области социального налогообложения и гармонизации налоговых отношений;

- авторская концепция социально ориентированной региональной налоговой политики (в отличие от типовых концепций: компенсации выгод, равной доли налогового давления, ресурсной, большей свободы) включает: а) теоретические положения, основывающиеся на теориях налогообложения, региональной экономики, системного анализа, развития человеческого потенциала, учете социальных и экономических факторов развития субъектов Российской Федерации; б) методологические положения по формированию и реализации налоговой политики, учитывающие, что в федеративном государстве для повышения уровня жизни населения и человеческого капитала построение правоотношений между органами власти разных уровней осуществляется при условии достаточного объема наделенных полномочий; в) цели, задачи, механизмы и инструменты формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики; г) практические меры, обеспечивающие достижение самостоятельности публично-правовых образований в наращивании и эффективном использовании их налогового потенциала, применение налогового механизма в реализации региональной политики, закрепление за публично-правовыми образованиями стабильных доходных источников, соответствующих их расходным обязательствам в рамках исполняемых полномочий, единство принципов обеспечения полномочий, закрепленных за разными уровнями публично-правовых образований, улучшение уровня жизни населения в регионе;

- методологические положения социально ориентированной региональной налоговой политики, интегрирующиеся в органичном единстве: а) сущностных свойств предлагаемой системы управления налоговыми отношениями; б) процессов формирования социально ориенти-

рованной региональной налоговой политики (целенаправленного воздействия на управление налоговыми отношениями, определяющего цели, задачи социально ориентированной региональной налоговой политики и комплекс правовых действий органов власти); в) направлений реализации социально ориентированной региональной налоговой политики (достижение целей и решение задач, апробирование законодательства о социально ориентированной региональной налоговой политике и его совершенствование, корректировку налоговых инструментов – налоговых ставок, льгот, налоговой базы, порядка и сроков уплаты налога), позволят на практике сгенерировать научно-обоснованную систему качественных и количественных индикаторов социально ориентированной региональной налоговой политики;

- систематизация принципов социально ориентированной региональной налоговой политики в соответствии с критериями: а) организационно-институционального формирования: принцип верховенства закона; принцип системности организационно-институциональных преобразований; принцип сбалансированности институтов, обеспечивающих социально-экономическое развитие региона и функционирование налоговой системы; принцип наличия обратной связи; б) гармонизации интересов участников налоговых отношений и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики: принцип эффективности; принцип достижения компромисса; принцип приоритетности; принцип согласованности налоговой политики органами власти различных уровней с нормами и положениями стратегии развития экономики и налоговой системы государства (региона); принцип уровневой сбалансированности; принцип нормативного обеспечения; принцип научной обоснованности, позволит обеспечить комплексно-системный подход к регулированию бюджетно-налоговых отношений и использовать модели реализации налоговых полномочий: закрепление налога за определенным уровнем власти (федеральным, региональным, местным); совместное использование базы налогообложения; распределение доходов по нормативам между бюджетами различных уровней;

- механизм формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики включает: 1) объектно-субъектную составляющую; 2) организационно-правовой блок; 3) методологический блок; 4) информационный блок, позволяющий органам

власти субъектов Российской Федерации осуществлять в определенной последовательности действия и учитывать особенности территориального развития. Практическое применение данного механизма может быть реализовано посредством совершенствования налогового законодательства, регламентирующего организационно-правовые нормы, и авторской классификацией методов управления налоговыми отношениями: по целям воздействия на развитие человеческого капитала; по правовому характеру; по содержанию; по направленности; по характеру воздействия;

- авторский подход к формированию и управлению налоговым потенциалом региона как основы социально ориентированной региональной налоговой политики содержит оценку наиболее эффективных и достоверных методик расчета с учетом существующих особенностей регионов; типологизацию факторов и анализ их влияния на величину налогового потенциала региона; систематизацию составляющих налогового потенциала, что позволило сформулировать рекомендации по совершенствованию социально ориентированной региональной налоговой политики, способствующие увеличению поступлений в бюджеты разных уровней, экономическому развитию региона, реализации социальной составляющей в налогообложении;

- методика оценки влияния социально ориентированной региональной налоговой политики на развитие человеческого капитала, включающая предложенную авторскую систему качественных и количественных показателей (по базовому и производному уровням), интегральный показатель конкурентоспособности человеческого капитала и инструменты стимулирования развития человеческого капитала, порядок составления матриц, учитывающих социально-экономические показатели развития регионов, эмпирическую оценку взаимосвязи человеческого капитала и налоговой нагрузки, типологизацию регионов по признакам, характеризующим уровень жизни населения, что позволит нивелировать дифференциацию населения по получаемым доходам, регулировать уровень спроса и предложения, создать мотивацию к наращиванию предпринимательской, инвестиционной активности граждан, учитывать региональные особенности при формировании и ре-

лизации социально ориентированной налоговой политики;

- инструментарий оценки эффективности формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики в разрезе: а) показателей социальной, фискальной эффективности, интегрального показателя эффективности; б) реализации мер, ключевыми из которых являются: переход к прогрессивной шкале налогообложения доходов, социальных налоговых вычетов по налогу на доходы физических лиц; использование инструментов стимулирования развития человеческого капитала (налоговые льготы, налоговые ставки, особенности формирования налоговой базы, налоговые санкции); в) динамики величины налогового бремени, учитывающей состав и структуру прямых и косвенных налогов и особенности определения облагаемых доходов; г) применения методического подхода к консолидированному семейному налогообложению, позволит дать объективную оценку научно-обоснованным решениям в области налоговой политики на текущий и плановый периоды и классифицировать эффекты от их реализации по различным критериям (по отношению к цели, по степени проявления, по временному критерию, по направленности);

- сформулированные на концептуальном уровне приоритеты налоговой политики направлены на достижение социальной справедливости в налогообложении, гармонизацию отношений между участниками налоговых отношений и включают: а) пересмотр механизма реализации социальной функции налогообложения физических лиц; б) разработку и обоснование мер по снижению налогового бремени населения и укреплению человеческого капитала через механизм налогообложения; в) поэтапное реформирование имущественного налогообложения населения; г) внесение изменений в законодательство о налогах и сборах, предусматривающих расширение полномочий органов власти субъектов Российской Федерации в области формирования и реализации социально ориентированной региональной налоговой политики, что позволит реализовать социальную составляющую налоговой политики, усилить стимулирующее воздействие на развитие человеческого капитала и повысить доходную часть бюджетов разных уровней.

Литература

- Alesina A., Passarelli F. Regulation versus taxation // *Journal of Public Economics*. – 2014. – vol. 110, pp. 147-156.
- Aronsson Th., Johansson-Stenman O. Positional preferences in time and space: Optimal income taxation with dynamic social comparisons // *Journal of Economic Behavior & Organization*. – 2014. – vol. 101, pp. 1-23.
- Brennan G., Buchanan J. *The Power to Tax: Analytical Foundations of a Fiscal Constitution*. – Cambridge, Mass: Cambridge University Press. – 1980.
- Damjanovic T., Ulph D. Tax progressivity, income distribution and tax non-compliance // *European Economic Review*. – 2010. – vol. 54. – issue 4, pp. 594-607.
- Geisler G. Federal income tax laws that cause individuals' marginal and statutory tax rates to differ // *Journal of Accounting Education*. – 2013. – vol. 31. – issue 4, pp. 430-460.
- Kurozumi T. Distortionary taxation and interest rate policy // *Journal of Macroeconomics*. – 2010. – vol. 32. – issue 1, pp. 476-491.
- Lai Ch., Liao Ch. Optimal nonlinear income taxation with productive government expenditure // *International Review of Economics & Finance*. – 2012. – vol. 22. – issue 1, pp. 66-77.
- Mariz-Perez R.M., Teijeiro-Alvarez M.M., Garcia-Alvarez M.T. The relevance of human capital as a driver for innovation // *Cuadernos de Economía*. – 2012. – vol. 35. – issue 98, pp. 68-76.
- Oates W. An Essay on Fiscal Federalism // *Journal of Economic Literature*. – 1999. – vol. 37, pp. 1120-1149.
- Rodden J. Reviving Leviathan Fiscal Federalism and the Growth of Government // *International Organization*. – 2003. – vol. 57, pp. 695-729.
- Siebert H. *Regional Economic Growth Theory and Policy*. – Scranton. – 1969.
- Tiebout C.A *A Pure Theory of Local Expenditures* // *Journal of Political Economy*. – 1956. – vol. LXIV.
- Tyurina Y.G. Tax potential as a factor in economic development of the region / *European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches: Papers of the 1st International Scientific Conference*. – Germany, Stuttgart. – 2012, pp. 337-339.
- Аронов А.В. Концептуальные основы налоговой политики социального государства: монография. – М.: Дашков и Ко, 2008. – 91 с.
- Вовченко Н.Г., Сульженко В.С. Институциональные аспекты развития бюджетной системы: стратегия стабильности // *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. – 2013. – №3 (43), С. 183-190.
- Тиссен У. Анализ современных моделей бюджетного федерализма на основе социально-экономической эффективности межбюджетных отношений. Теория, опыт стран ОЭСР, анализ ситуации в России // *Российско-европейский центр экономической политики (РЕЦЭП)*. – М., 2005. – 49 с.
- Хейди К. Оптимальное налогообложение как ориентир налоговой политики // *Экономика налоговой политики*. – М.: Филинь, 2002.
- Христенко В.Б. Межбюджетные отношения и управление региональными финансами: опыт, проблемы, перспективы. – М.: Дело, 2002. – 608 с.
- Эрхард Л. *Благосостояние для всех*. – М.: Начала-Пресс, 1991. – 335 с.
- Юрзинова И.Л. *Налоговая политика и оценка ее влияния на экономическое развитие регионов Российской Федерации / монография*. – М.: Изд-во С.Н. Щербакова, 2006.

References

- Alesina A., Passarelli F. (2014) Regulation versus taxation. *Journal of Public Economics*, vol. 110, pp. 147-156.
- Aronov A.B. (2008) *Konceptual'nye osnovy nalogovoj politiki social'nogo gosudarstva: monografiya* [The conceptual framework of the tax policy of the social state: monograph]. M.: Dashkov i Ko, 91 p.
- Aronsson Th., Johansson-Stenman O. (2014) Positional preferences in time and space: Optimal income taxation with dynamic social comparisons. *Journal of Economic Behavior & Organization*, vol. 101, pp. 1-23.
- Brennan G., Buchanan J. (1980) *The Power to Tax: Analytical Foundations of a Fiscal Constitution*. Cambridge, Mass: Cambridge University Press.
- Damjanovic T., Ulph D. (2010) Tax progressivity, income distribution and tax non-compliance. *European Economic Review*, issue 4, pp. 594-607.
- Erhard L. (1991) *Blagosostoyanie dlya vseh* [Well-being for all]. Moscow: Nachala-Press, 335 p.
- Geisler G. (2013) Federal income tax laws that cause individuals' marginal and statutory tax rates to differ. *Journal of Accounting Education*, vol. 31, issue 4, pp. 430-460.
- Hejdi K. (2002) *Optimal'noe nalogooblozhenie kak orientir nalogovoj politiki* [Optimal taxation as a guideline for tax policy]. *Ekonomika nalogovoj politiki*, Moscow: Filin.
- Hristenko V.B. (2002) *Mezhbyudzhethnye otnosheniya i upravlenie regional'nymi finansami: opyt, problemy, perspektivy* [Inter-budgetary relations and regional finance management: experience, problems, prospects]. Moscow: Delo, 608 p.
- Kurozumi T. (2010) Distortionary taxation and interest rate policy. *Journal of Macroeconomics*, vol. 32, issue 1, pp. 476-491.
- Lai Ch., Liao Ch. (2012) Optimal nonlinear income taxation with productive government expenditure. *International Review of Economics & Finance*, vol. 22, issue 1, pp. 66-77.
- Mariz-Perez R.M., Teijeiro-Alvarez M.M., Garcia-Alvarez M.T. (2012) The relevance of human capital as a driver for innovation. *Cuadernos de Economía*, vol. 35, issue 98, pp. 68-76.

Oates W. (1999) An Essay on Fiscal Federalism. *Journal of Economic Literature*, vol. 37, pp. 1120-1149.

Rodden J. (2003) Reviving Leviathan Fiscal Federalism and the Growth of Government. *International Organization*, vol. 57, pp. 695-729.

Siebert H. (1969) *Regional Economic Growth Theory and Policy*. Scranton.

Tiebout C. (1956) A Pure Theory of Local Expenditures. *Journal of Political Economy*, vol. LXIV.

Tissen U. (2005) Analiz sovremennyh modelej byudzhetnogo federalizma na osnove social'no-ekonomicheskoy effektivnosti mezhyudzhetyh otnoshenij. *Teoriya, opyt stran OESR, analiz situacii v Rossii* [Analysis of modern models of fiscal federalism based on the socio-economic effectiveness of intergovernmental relations. Theory, OECD experience, analysis of the situation in Russia]. Rossijsko-evropejskij centr ekonomicheskoy politiki (RECEP), Moscow, 49 p.

Tyurina Y.G. (2012) Tax potential as a factor in economic development of the region. *European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches: Papers of the 1st International Scientific Conference*. Stuttgart, Germany, pp. 337-339.

Vovchenko N.G., Sul'zhenko V.S. (2013) Institucional'nye aspekty razvitiya byudzhetnoj sistemy: strategiya stabil'nosti [Institutional Aspects of the Development of the Budget System: Stability Strategy]. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINH)*, vol. 3 (43), pp. 183-190.

Yurzinova I.L. (2006) *Nalogovaya politika i ocenka ee vliyaniya na ekonomicheskoe razvitie regionov Rossijskoj Federacii: monografiya* [Tax policy and assessment of its impact on the economic development of the regions of the Russian Federation: monograph]. Moscow: Izd-vo S.N. SHCHerbakova.

Джаксыбекова А.К.¹, Каипова Г.С.²¹докторант, e-mail: aneldk@gmail.com²к.э.н., e-mail: gkaipova@mail.ru^{1,2} Университет Нархоз, Казахстан, г. Алматы**ЗНАЧЕНИЕ НАЛОГОВОГО АУДИТА
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН
И МЕТОДОЛОГИЯ ЕГО ПРОВЕДЕНИЯ**

Цель исследования посвящена детальному изучению налогового аудита на территории Республики Казахстан. В первую очередь были выявлены основные причины востребованности и необходимости существования данного вида аудиторских услуг. Обозначена важность роли, отведенной системе налогового учета, действующего в Республике. Также дана характеристика налоговому аудиту в целом, и обнаружены последствия грамотно проведенной проверки. Помимо этого, отмечается влияние действующего законодательства на качество предоставляемых аудиторских услуг. Оригинальность/ценность – сформулированы критерии, которые должны быть учтены при составлении плана предстоящей аудиторской проверки, в связи с тем, что существует вероятность возникновения риска не обнаружения преднамеренных уклонений или допущения ошибок по невнимательности. В данной статье также говорится о модели отношений между государством, аудитором и налоговым агентом, которая была бы наиболее продуктивной для каждой из сторон. Установлены определенные проблемы, которые возникают в период проведения аудиторской проверки налогообложения в современных коммерческих компаниях. Выводы – в целях упрощения процесса подготовки к аудиторской проверке и достижения наиболее плодотворных результатов, в статье главным образом определена необходимость в совершенствовании методологии аудиторской проверки и даны рекомендации для достижения этой цели.

Ключевые слова: налоговый аудит, аудиторские услуги, консалтинговые услуги, налоги и прочие сборы, система внутреннего контроля, оценка финансовой деятельности, оптимизация налогообложения.

Jaxybekova A.K.¹, Kaipova G.S.²¹PhD student, e-mail: aneldk@gmail.com²candidate of Economic Sciences, e-mail: gkaipova@mail.ru^{1,2} NARXOZ University, Kazakhstan, Almaty**The Value of The Tax Audit In The Republic
of Kazakhstan and The Methodology of Its Conduct**

The purpose of the study is devoted to the study of tax audit in the Republic of Kazakhstan. The main reasons for the relevance and necessity of the existence of this type of audit services are identified. The role of the tax accounting system operating in the Republic is indicated. A description of the tax audit as a whole is given, and the consequences of a properly conducted audit are found. The impact of legislation on the quality of the audit was also noted. Originality / value – criteria are formulated that must be taken into account when drawing up a plan for the upcoming audit, due to the possibility of a risk of not detecting intentional deviations or inadvertent errors. The article also talks about the desirable model of relations between the state, the auditor, and the tax agent. Certain problems have been identified that arise during the audit of taxation in commercial companies. Findings – identified the need to improve the methodology of the audit and made recommendations to achieve this goal.

Key words: tax audit, audit services, consulting services, taxes and other fees, internal control system, assessment of financial activities, tax optimization.

Джаксыбекова А.К.¹, Каипова Г.С.²

¹докторант, e-mail: aneldk@gmail.com

²э.ғ.к., e-mail: gkaipova@mail.ru

^{1,2}Нархоз Университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Қазақстан Республикасындағы салық аудитінің негізгі мәні және оны жүргізу әдістемесі

Зерттеудің мақсаты Қазақстан Республикасында салық тексерулерін зерттеуге арналған. Аудиторлық қызметтердің осы түрінің болуының қажеттілігі мен қажеттілігінің негізгі себептері анықталды. Республикада салықтық есепке алу жүйесінің рөлі көрсетілген. Толық алғанда салықтық тексеру сипаттамасы келтірілген және тиісті түрде өткізілген аудиттің салдары анықталған. Сондай-ақ, заңнаманың аудиттің сапасына әсері байқалды. Түпнұсқалық/құндылық – аудиттің жоспарын жасаған кезде, қасақана ауытқулар немесе байқаусыз қателерді анықтай алмау ықтималдығына байланысты назарға алынуы тиіс негізгі критерийлер тұжырымдалады. Мақалада мемлекет, аудитор және салық агенті арасындағы қарым-қатынастың лайықты үлгісі туралы айтылады. Коммерциялық компанияларда салық салуды тексеру барысында пайда болатын белгілі бір проблемалар анықталды. Қорытындылар – аудиттің әдіснамасын жетілдіру қажеттігін анықтап, осы мақсатқа жету үшін ұсынымдар берілді.

Түйін сөздер: салықтық аудит, аудиторлық қызметтер, консалтингтік қызметтер, салық және басқа да төлемдер, ішкі бақылау жүйесі, қаржылық қызметті бағалау, салықты оңтайландыру.

Введение

Первостепенной целью каждого предпринимателя как экономического субъекта является достижение положительного финансового результата и систематическое увеличение прибыли. Налоговые обязательства занимают основную долю в общей структуре затрат компаний, что придает особую значимость применяемым в ней системам бухгалтерского и налогового учетов.

Грамотно выстроенные системы бухгалтерского и налогового учетов способствуют созданию репутации добросовестного налогоплательщика, что позволит в дальнейшем минимизировать налоговые риски (Сафонова, 2017: 25).

Реализация вышеуказанных задач также зависит от грамотно выстроенной системы управления рисками внутри компании. Управление рисками – это процесс, осуществляемый советом директоров, руководством и другим персоналом, применяемый в масштабах всей компании, предназначенный для выявления потенциальных событий, которые могут повлиять на финансовое положение, и возможность управления рисками для уверенности в достижении текущих и будущих целей (Cohen, 2016: 3). Своевременный аудит является неотъемлемой частью системы управления рисками.

Основным способом достижения стабильного экономического положения является аудит именно налоговых обязательств. Результаты подобного аудита служат не только для проверки методов исчисления, начисления и погашения

обязательств перед бюджетом, но и для получения консультаций касательно дальнейших управленческих решений и необходимости в преобразованиях.

За качество и эффективность налогового аудита, в первую очередь, несет ответственность научная обоснованность процедур аудита и их методическая стандартизация (Гринченко, 2017: 3).

Обзор литературы

Большинство исследований, посвященных бухгалтерскому и налоговому учету, направлены на изучение их влияния на принятие деловых решений. Чаще всего в таких трудах анализируется степень значимости налогов в общей структуре финансового положения компании. Среди литературы можно выделить наиболее популярные темы:

- является ли уклонение от налоговых выплат правильным решением;
- перспективы налогового планирования;
- оценка налоговых и неналоговых расходов (Douglas, 2001: 326).

Также исследования рассматривают взаимосвязь между структурами бухгалтерского и налогового учетов. Между ними существуют как зависимые, так и независимые факторы. К независимым относится тот факт, что определение суммы дохода для целей бухгалтерского учета никак не связано с определением суммы налогооблагаемого дохода. А зависимые в свою очередь отмечают, что, несмотря на самостоя-

тельность каждой из систем, при их организации все же следует учитывать особенности каждой из них. Однако в данном случае сразу возникает вероятность того, что сумма доходов в бухгалтерском учете может быть существенно занижена, так как зачастую компании стремятся сократить суммы налоговых выплат путем сокрытия доходов (Hoogendoorn, 1996: 785). Проблему уклонения от налогов поднимали еще американские политики, о чем свидетельствует отчет Сената от 2014 года (Сен, 2016: 378).

Вопросы развития и совершенствования современной организации и методологии налогового аудита освещены в исследованиях таких авторов как: Т.М. Алдарова, Сафонова М.Ф., Гринченко К.А., Joel Slemrod, Альпенцова Б.А., Edmund Biber, GholamReza Zandi, Abdulrahman Sultan M. Elwahi, Isa, K. и J. Pope, K. Datt, B. Tran-Nam, K. Bain.

Методика и правила проведения налогового аудита во многом зависят от действующей налоговой системы.

Налоговая система определяется как набор правил, положений и процедур, включающих в себя три аспекта. Во-первых, определение событий, вызывающих налоговые обязательства, например, получение дохода или факт владения имуществом. Во-вторых, налоговая система также должна определять, кто и когда должен погасить налоговое обязательство. К примеру, согласно казахстанской системе, так же, как и в большинстве из мировых систем, сумму подоходного налога за каждого из своих сотрудников перечисляет сам работодатель. Ну и в-третьих, налоговая система детализирует все прочие процедуры, включая предоставление информации о последствиях несоблюдения налогового законодательства, в том числе и размеры штрафов. Таким образом, данные аспекты налоговой системы помогают определить налоговую базу, систему погашения налоговых обязательств, а также формирует режим принудительного исполнения (Slemrod, 2018: 3-4).

Налоговые обязательства Республики Казахстан урегулированы законодательной базой, то есть Конституцией РК, Налоговым Кодексом РК и прочими правовыми актами, предусмотренными Налоговым Кодексом РК. Мы имеем полный список налогов, обязательных к уплате, их ставки, льготы и даже порядок формирования налогооблагаемой базы при расчете налога на прибыль.

Знание законодательства и наличие методологии его применения позволяет аудиторам не

только выявить ошибки прошлых периодов и спрогнозировать будущие налоговые выплаты, но и предложить пути значительного уменьшения сумм последующих налоговых обязательств (Альпенцова, 2016: 15).

На сегодняшний день понятие налогового аудита не раскрывается в законодательных и нормативно правовых документах. Но исходя из существующего практического опыта следует отметить, что под целью аудита налогообложения подразумевается разновидность специального аудиторского задания. В своих трудах Е.М. Гутцайт дает следующее определение: «Специальное аудиторское задание, посвящённое изучению бухгалтерских и налоговых счетов для последующего выражения аудиторского мнения по поводу степени достоверности имеющейся информации, ее соответствия существенным аспектам норм, установленным законодательством, порядка формирования, уплаты субъектом налогов и прочих платежей в бюджет, а также их отражения в учете и есть налоговый аудит».

Существует также трактовка, в которой под налоговым аудитом понимается процесс проверки соответствия предоставленной налогоплательщиком декларации и, подтверждающей расходы, документацией.

Каждая аудиторская фирма имеет свою разработанную и внедренную систему внутрифирменных правил, положения которых главным образом должны быть основаны на подготовке программы аудита, в которой важно выделить цели, задачи, методику проведения процедуры аудита, а также отдельно методику применения всех имеющихся правил, то есть стандартов (Алдарова, 2016: 6-7).

Т.М. Алдарова в своих трудах приводит список основных заданий, которые могут быть исполнены аудиторскими компаниями.

В таблице 1 продемонстрированы виды услуг, предоставляемых аудиторскими компаниями и сопутствующие им задачи.

Аудиторские компании не ограничиваются лишь исполнением заданий, перечисленных в таблице 1, но стоит отметить, что даже их реализация может являться существенной помощью при достижении и для поддержания экономической стабильности экономического субъекта (Алдарова, 2016: 9-12).

Одним из источников информации для аудитора являются данные, полученные в результате проверки расходов компании, расчетов с контрагентами и финансовых результатов. В первую очередь, проверяющему требуется выявить на-

рушения при определении налогооблагаемых баз, подсчетов сумм, подлежащих к оплате и составления налоговых деклараций. Для этих целей необходимо установить и подтвердить фактическое наличие всех первичных документов и заключенных договоров, которые связаны с операциями, попавшими в выборку в соответствии с целями проводимого аудита. Помимо этого, следует сверить расчеты бухгалтерского учета и убедиться в законности зафиксированных

операций. Современные исследователи отмечают, что для избежания арифметической ошибки желательно сверять арифметические подсчеты с бухгалтерскими данными, которые являются основанием этих расчетов. Еще одной важной частью проверки является аудит налоговых деклараций, а именно: вовремя ли оплатили налоги, правильно ли их посчитали и не опоздали ли с предоставлением деклараций (Алдарова, 2016: 19).

Таблица 1 – Услуги и задания аудиторских компаний

№	Наименование услуги	Задания для реализации услуг
1	Оценка правильности определения налогооблагаемой базы	При определении налогооблагаемой базы аудитору необходимо в большей степени сконцентрироваться на тех налогах, чей удельный вес является наибольшим в общей структуре всех видов налогов, которые оплачиваются компанией.
2	Оценка правомерности примененных налоговых льгот	На данном этапе аудитор должен обратить внимание на тот факт, что он может столкнуться с увеличением аудиторского риска, так как налоговые льготы и практика их применения всегда были причиной многочисленных споров с налоговыми органами.
3	Оценка правильности расчета налоговых обязательств	Исполнение налоговых обязательств предусматривает ряд процедур в число которых входят: - необходимость встать на налоговый учет - определить все объекты налогообложения - исчисление налогов - составление налоговой отчетности - предоставление налоговой отчетности в строго установленные сроки - уплата суммы налогов в бюджет. Каждый аудитор должен иметь в виду, что на величину налоговых обязательств той или иной компании влияет немалое количество факторов, среди которых: виды и формы осуществления хозяйственной деятельности, организационно-правовая форма организации, налоговый режим и даже учетная политика, в которой прописываются все особенности ведения налогового и бухгалтерского учетов.
4	Расчет налоговых последствий	Зачастую подобная задача ставится перед проверяющим на начальном этапе подготовки клиента к предстоящей проверке. В случаях, когда экономические субъекты неверно применяют нормы действующего налогового законодательства, появляется угроза возникновения налоговых последствий. Одной из причин проведения подобного расчета является стремление аудиторской компании донести до руководства фирмы-клиента все существующие налоговые риски.
5	Налоговое сопровождение	Текущее консультирование вопросов о применении норм налогового законодательства. Этот процесс подразумевает частый контакт с клиентом, возникающий по поводу того как правильно исчислять и оплачивать налоги, анализ потенциальных сделок с целью своевременной оценки налоговых рисков, ну и конечно же, предоставление консультационных услуг в случае возникновения спорных ситуаций с представителями налоговых органов.
6	Экспертиза результатов проверки налоговыми органами	Налоговые органы также своевременно производят проверки экономических субъектов, в результате которых могут быть выявлены разного рода нарушения и предъявлены соответствующие претензии. В подобных случаях аудиторские компании могут выполнить задание, касающееся изучения и анализа выводов, которые были сделаны налоговыми органами. Аудитор выражает свое экспертное мнение об обоснованности предъявленных претензий и рассматривают возможность оспаривания мнения налоговых органов. При выявлении спорных моментов аудитор оформляет письменное возражение, которое может быть отправлено в налоговый орган лишь в установленные сроки.

№	Наименование услуги	Задания для реализации услуг
7	Оптимизация налогообложения и дальнейшее налоговое планирование	Подобного рода задания являются наиболее популярными среди пользователей аудиторских услуг. В первую очередь, это связано с тем, что суть аудиторских проверок заключается не только в выявлении несоответствий, но и снижении налоговой нагрузки клиента всеми законными методами. Стоит отметить, что налоговое планирование составляет значимую часть в общей системе планирования и именно поэтому целесообразно уделить ему особое внимание.
8	Представление интересов экономического субъекта в налоговых органах	Компании регулярно взаимодействуют с налоговыми органами. Причины для этого могут быть разные, к примеру, необходимость в предоставлении финансовой отчетности или прочих документов либо внесение изменений в учредительные документы, в случае необходимости. Работникам компании не всегда может хватить квалификации в решении подобных вопросов, именно поэтому есть вероятность прибегнуть к помощи аудиторских компаний.
9	Защита интересов налогоплательщиков в суде	В первую очередь, для экономии времени и средств аудиторы рассматривают все возможные пути досудебного урегулирования спорных вопросов. В случаях, когда подобные варианты отсутствуют, аудиторы могут представлять интересы налогоплательщика в суде.
10	Организация налогового учета	Экономические субъекты могут обратиться к аудиторским компаниям за комплексной разработкой системы учета в компании либо только за разработкой учетной политики.

Налоговый аудит приводит сразу к нескольким последствиям:

- исправление – корректировка данных для устранения случаев несоблюдения действующего законодательства;
- сдерживающий фактор – влияние на поведение налогоплательщиков;
- профилактика – убеждение налогоплательщиков в обязательности погашения налоговых обязательств.

Помимо этого, владея большим количеством информации, аудиторские компании имеют возможность не только предотвращать наиболее часто встречающиеся способы уклонения от налогов, но и предлагать методы улучшения действующего законодательства, так как зачастую, имеющиеся в нем пробелы могут использоваться в целях уменьшения налогооблагаемой суммы.

На сегодняшний день законодательство предусматривает основные факторы, позволяющие повысить качество аудиторских проверок.

Во-первых, действующее законодательство обязывает вести учет документации, на основании которых у налогоплательщиков возникают налоговые обязательства.

Во-вторых, предоставляет проверяющим достаточно полномочий и прав на отправку дополнительных запросов в ходе проверки.

Также закон предусматривает и интересы самих налогоплательщиков, предоставляя им право на оспаривание результатов проверки (Biber, 2010: 1). Стандарты аудиторских проверок требуют, чтобы аудиторы планировали и органи-

зовывали свою деятельность таким образом, чтобы убедиться в достоверности проверяемой финансовой отчетности и предоставить информацию касательно существенности имеющихся в ней искажений. Уровень доверия пользователей финансовой отчетности к аудиторскому заключению напрямую зависит от качества предоставленных аудиторских услуг.

Согласно исследованиям (Brant E. Christensen, Steven M. Glover, Thomas C. Omer и Marjorie K. Shelley), мнение пользователей о качестве аудитора складывается из результатов проверки, стоимости работ, а также напрямую зависит от своевременного завершения планирования аудита и самих полевых работ (Brant, 2016: 1649-1650).

Методология

В основу данного исследования легли труды зарубежных и отечественных авторов, законодательные и нормативные акты, касающиеся исследуемого вопроса, специальная литература в области бухгалтерского учета, аудита, планирования, экономики, финансов, а также теоретические разработки отечественных и зарубежных ученых.

В ходе исследования применялись следующие общенаучные методы такие как: индуктивный и дедуктивные методы, комплексность, сравнение, логический и системные подходы. При использовании данных методов достигается достаточный уровень надежности полученных

результатов, а также обоснованности полученных выводов.

Результаты и обсуждение

Перед тем как приступить к исполнению своих обязанностей, представители аудиторской компании должны убедиться в том, что они правильно поняли цели, которых хочет достичь руководство компании при проведении аудиторской проверки. Далее аудитору следует разобраться со спецификой деятельности экономического субъекта. Для этого необходимо получить достаточное количество информации о клиенте, ознакомиться с действующей учетной политикой, реестром договоров, имеющимися разрешительными документами (сертификаты, лицензии и т.д.), следующим этапом следует предварительная оценка существующей системы налогообложения и проверка правильности исчисления и выплат налогов и прочих обязательств в бюджет.

Для предварительной оценки действующей в компании системы налогообложения требуется:

- 1) изучить элементы системы налогообложения экономического субъекта и провести общий анализ согласно полученным данным;
- 2) выявить факторы, которые вероятнее всего влияют на налоговые показатели;
- 3) проверить методику исчисления налоговых платежей;
- 4) экспертиза сложившейся системы хозяйственных взаимоотношений на их правовое и налоговое соответствие;
- 5) ознакомление с обязанностями и полномочиями работников и отделов, отвечающих за исчисление и дальнейшую уплату налогов;
- 6) предварительный расчет всех налоговых показателей экономического субъекта.

Следование данному алгоритму действий даст проверяющему возможность ознакомиться со спецификой основных хозяйственных операций клиента, с его объектами налогообложения, выяснить не противоречит ли применяемый аудируемой компанией порядок налогообложения нормам законодательства, а также оценить уровень налоговых обязательств и потенциальных налоговых нарушений, допущенных клиентом.

Также немаловажно своевременно установить применимые для текущей проверки уровни существенности рисков, которые в дальнейшем позволят признать отчетность достоверной. Од-

нако аудитору необходимо подойти к данному вопросу с особой осторожностью и предусмотреть все меры снижения рисков, так как понятие существенности в налоговых органах отсутствует и любые искажения налоговой базы или суммы налога могут быть признаны существенными и грозят штрафами и пеней.

Далее следуют непосредственно сама проверка и подтверждение правильности исчисления и уплаты налоговых платежей. На данном этапе осуществляется изучение и экспертиза налоговой отчетности клиента и правомерности использования налоговых льгот.

Вся информация, содержащаяся в налоговой отчетности, проверяется и анализируется путем их сопоставления с данными синтетических и аналитических регистров бухгалтерского учета и отчетности. Во время проведения аудиторской проверки аудитор имеет право ознакомиться и изучить первичные документы аудируемого лица, задавать вопросы и получать сведения касательно методики проведенных налоговых расчетов, а также присутствовать при инвентаризации и осмотре объектов налогообложения.

В ходе проверки аудитор осуществляет проверку расчетов с поставщиками и покупателями и итоговых финансовых результатов. Проверяющий должен иметь полное представление о том, как правильно формируются налогооблагаемые базы и рассчитываются суммы налоговых обязательств. Также не следует игнорировать и правильность заполнения налоговых деклараций. Этот процесс предусматривает проверку соответствующих первичных документов и договоров (Алдарова, 2016: 17).

Все данные, полученные в ходе аудита налоговых выплат, аудитор фиксирует в своей документации и определяет существенность, допущенных ошибок. Также профессиональный аудитор сможет определить, каким образом данные ошибки влияют на достоверность информации, содержащейся в отчетности, и отредактировать план проверки, в случае возникновения подобной необходимости.

Оценке налоговой нагрузки следует придать особое значение. Проводить ее следует отдельно по всем видам налогов.

Аудиторы завершают свою проверку в несколько этапов:

- 1) составляют выводы по итогам полученной информации;
- 2) формируют отчет с учетом своего профессионального мнения, касательно правильности

ведения налогового учета и своевременности погашения налоговых обязательств;

3) изложение рекомендаций и предложений. На данном этапе важно следовать принципу осторожности при выражении аудиторских суждений и выводов, так как должны быть перечислены все основополагающие риски, грозящие аудируемому лицу, включая и те, которые могут быть спорными в контексте действующего законодательства.

Все выводы и рекомендации аудитора должны включать в себя ссылки на нормативные документы, аудируемого периода.

Результаты можно изложить отдельно по тем видам налогов, которые клиент выплачивает в роли самостоятельного налогоплательщика, а также дифференцировано по всем видам налогов. Где они выступают налоговыми агентами.

Что касается рекомендаций, то их в свою очередь эффективнее представить отдельно по всем налогам, подверженным проверке (Алдарова, 2016: 19-20).

В целом аудиторский план должен состоять из связанных между собой действий, его следовало бы составлять в соответствии со следующими критериями:

1. План аудиторской проверки должен соответствовать целям заказчика и содержать задачи, выявляющие допущенные ошибки с учетом организационной структуры и учетной политики аудируемого лица.

2. Указывать на последовательность действий, обязательных к исполнению.

3. Инструктировать проверку при помощи имеющейся методологии для каждого отдельного сегмента и областей повышенного риска (Biber, 2010: 4).

Помимо всего прочего, методология аудиторских проверок должна содержать не только руководство к действию, но и обеспечивать дальнейшее понимание налогоплательщика о важности прозрачного ведения дел, возможности минимизации налоговых затрат посредством участия в специальных режимах налогообложения, тем самым устанавливая доверительные отношения между плательщиками и государством, которое на законодательном уровне утвердило категорирование налоговых агентов. С 01 января 2019 года в Республике Казахстан внедрено категорирование деятельности налогоплательщиков на три основные подгруппы. К ним относятся категории низкой, средней и высокой степени риска, что подраз-

умеет дифференцированное применение мер налогового администрирования (Пресс служба КГД МЮ, 2019). Подобное разграничение между налоговыми агентами происходит на основании результатов анализа данных, которые предоставляются самими налогоплательщиками, уполномоченными государственными органами, местными исполнительными органами, уполномоченными лицами, и прочих документов о текущей деятельности налоговых агентов (статья 137, НК РК, 2019).

Аудиторская проверка налогового учета должна учитывать возможные риски не обнаружения и объем информации, нуждающийся в проверке. Наиболее эффективны комплексные проверки, включающие в себя документацию по всем налоговым обязательствам, возникшим в течение проверяемого периода. Однако этот вид аудита является наиболее трудозатратным и ресурсоемким. В связи с этим, аудиторский план должен состоять из ряда исследовательских и аналитических подходов, которые будут зависеть от характера деятельности каждого конкретного налогоплательщика, правильности ведения документации и существенности возможных корректировок. В тоже время методология должна быть достаточно гибкой, чтобы иметь возможность перестраивать ее в ходе аудиторской проверки и выявлении новых вопросов (Biber, 2010: 5).

Методология должна помогать аудитору сориентироваться в изучении и анализе регистрационных записей, платежных документов, деклараций, финансовых отчетов, полученных ранее уведомлений от уполномоченных налоговых органов, а также предыдущих аудиторских отчетов. Это позволит выявить характер организации в роли налогового агента, а также частоту допущения имеющихся правонарушений.

Во время составления методологии аудиторских проверок целесообразно уделить внимание различным видам деятельности компаний и их специфике, что позволит с легкостью определить области повышенного риска во время проверки. Также это позволит проверяющему обозначить объем необходимой информации и спланировать дальнейший план работ и сроки их исполнения (Biber, 2010: 11-12).

Основные проблемы, с которыми сталкиваются аудиторские компании при исполнении своих обязанностей, это:

1. Отсутствие документов, подтверждающих правомерность осуществленных вычетов из суммы доходов.

2. Отказ в предоставлении либо преднамеренное сокрытие бухгалтерских документов, которые требуются аудитору для составления реальной «картины», текущего состояния дел.

3. Незнание соответствующих законов и недопонимание выгод при их соблюдении самими налогоплательщиками (Zandi, 2016: 144-145).

Помимо всего прочего, следует учесть и психологическую сторону аудиторских проверок. Согласно исследованиям: Isa and Pope (2010: 132-152), уважительное отношение аудитора к аудируемому лицу побуждает второго своевременно обрабатывать запросы проверяющего и мотивируют к дальнейшему соблюдению требований Налогового Кодекса.

Налоговый аудит – это не просто проверка соответствия выплаченных налоговых сумм с действительно положенной к уплате, но и консультация по поводу применения действующего законодательства, а также предупреждение о возможных штрафах при его несоблюдении. Политика дружелюбного сотрудничества во время проверки может положительно повлиять на поведение налогового агента (Zandi, 2016: 146).

Заключение

Эффективная методология направлена на оптимизацию конечных результатов. Это целый механизм работ, требующий подробного изложения процессов и внедрения всех формальных этапов планирования проверки на стратегическом и оперативном уровнях, в соответствии с действующими принципами и практическими реалиями.

Несмотря на то, что большинство компаний имеют примерно одинаковые цели и причины проведения аудиторской проверки, методология ее осуществления, казалось бы, должна быть разной. Это связано с различными видами существующих рисков и характером их деятельности. Единый план для применения в различных отраслях может показаться менее эффективным. Однако при соблюдении вышеуказанных рекомендаций можно охватить все самые главные элементы, необходимые в процессе планирования и выполнения аудиторской проверки. Очень важно, чтобы в разработанной методологии были заведомо учтены все формальные процессы, а также, чтобы они соответствовали всем действующим нормам и принципам.

Литература

- Сафонова М.Ф. Теория и методология внутреннего контроля и аудита налоговых затрат. – Краснодар, 2017. – 25 с.
- Cohen J., Krishnamoorthy G., Wright A. Enterprise Risk Management and the Financial Reporting Process: The Experiences of Audit Committee Members, CFOs, and External Auditors // *Contemporary Accounting Research*. – 2016, 3 p.
- Гринченко К.А. Развитие методики внутреннего аудита налоговых обязательств на основе риск-ориентированного подхода. – М., 2017. – 3 с.
- Shackelford D.A., Shevlin T. Empirical tax research in accounting // *Journal of Accounting and Economics*. – 2001, 326 p.
- Hoogendoorn M.N. Accounting and taxation in Europe – A comparative overview // *European Accounting Review*. – 1996. – 785 p.
- Cen L., Maydew E.L., Zhang L., Zuo L. Customer – supplier relationships and corporate tax avoidance // *Journal of Financial Economics*. – 2016, 378 p.
- Slemrod J. Tax Compliance and Enforcement // *National Bureau of Economic Reserch*. – 2018, pp. 3-4.
- Альпенова Б.А. Налоговый аудит: развитие, совершенствование и проблемы в РК // *Экономика и бизнес: теория и практика*. – 2016, с. 15.
- Алдарова Т.М. Краткий курс лекций: Учебное пособие. – Издательство ВСГУТУ, 2016. – С. 6, 7, 9-12, 17, 19-20.
- Biber E. Revenue Administration: Taxpayer Audit—Development of Effective Plans. – *Fiscal Affairs Department International Monetary Fund*. – 2010, pp. 1, 4, 5, 11-12.
- Christensen B.E., Glover S.M., Omer T.C., Shelley M.K. Understanding Audit Quality: Insights from Audit Professionals and Investors // *Contemporary Accounting Research*. – 2016, pp. 1649-1650.
- Пресс-служба Комитета государственных доходов Министерства финансов РК. – 2019, kgd.gov.kz
- Кодекс Республики Казахстан о налогах и других обязательных платежах в бюджет (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.03.2019), статья 137
- Zandi G., Elwahi A.S. Tax compliance audit: the perspectives of tax auditors in Malaysia // *Asian Development Policy Review*. – 2016, pp. 144-145, 146
- Isa K., Pope J. Corporate taxpayers // *Global Review of Accounting and finance*. – 2010, pp. 132-152.

References

- Aldarova T.M. (2016) Kratkiy kurs lektsiy [Short course of lectures], Uchebnoye posobiye, pp. 6, 7, 9-12, 17, 19-20.
- Alpenova B.A. (2017) Nalogovyy audit: razvitiye, sovershenstvovaniye i problemy v RK [Tax audit: development, improvement and problems in the Republic of Kazakhstan]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 15 p.
- Biber E. (2010) Revenue Administration: Taxpayer Audit—Development of Effective Plans. Fiscal Affairs Department International Monetary Fund, pp 1, 4, 5, 11-12.
- Cen L., Maydew E.L., Zhang L., Zuo L. (2016) Customer –supplier relationships and corporate tax avoidance. *Journal of Financial Economics*, 378 p.
- Christensen B.E., Glover S.M., Omer T.C., Shelley M.K. (2016) Understanding Audit Quality: Insights from Audit Professionals and Investors. *Contemporary Accounting Research*, pp. 1649-1650.
- Cohen J., Krishnamoorthy G., Wright A. (2016) **Enterprise Risk Management and the Financial Reporting Process: The Experiences of Audit Committee Members, CFOs, and External Auditors.** *Contemporary Accounting Research*, 3 p.
- Grinchenko K.A. (2017) Razvitiye metodiki vnutrennego audita nalogovyih obyazatelstv na osnove risk-orientirovannogo podhoda [Development of the method of internal audit of tax liabilities based on a risk-based approach]. Moskva, 3 p.
- Hoogendoorn M.N. (1996) Accounting and taxation in Europe — A comparative overview. *European Accounting Review*, 785 p.
- Isa K., Pope J. (2010) Corporate taxpayers. *Global Review of Accounting and finance*, pp. 132-152
- Kodeks Respubliki Kazahstan o nalogah i drugih obyazatelnyih platezhah v byudzheth (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 18.03.2019 g.), statya 137
- Press-sluzhba Komiteta gosudarstvennyih dohodov Ministerstva finansov RK (2019) kgd.gov.kz
- Safonova M.F. (2017) Teoriya i metodologiya vnutrennego kontrolya i audita nalogovyih zatrat [Theory and methodology of internal control and audit of tax costs]. Krasnodar, p 25.
- Shackelford D.A., Shevlin T. (2001) Empirical tax research in accounting. *Journal of Accounting and Economics*, 326 p.
- Slemrod J. (2018) Tax Compliance and Enforcement. National Bureau of Economic Reserch, pp. 3-4.
- Zandi G., Elwahi A.S. (2016) Tax compliance audit: the perspectives of tax auditors in Malaysia. *Asian Development Policy Review*, pp. 144-145, 146

Ермилова М.И.

кандидат экономических наук, доцент,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Россия, г. Москва, e-mail: masha080487@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА ИПОТЕКИ КАК ФАКТОР ОРГАНИЗАЦИИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЖИЛИЩНОГО РЫНКА

Обеспечение граждан доступным жильем является одной из приоритетных задач государства. Ипотечное кредитование указывается как один из основных инструментов финансирования рынка жилья. Реализуемый в настоящее время национальный проект «Жилье и городская среда» также выдвигает ипотечный кредит как главный источник. Целью исследования является выделение основных вех развития ипотечного кредитования и определение роли в этом процессе государства, а также формирование мер, которые позволят в большей мере обеспечивать условия для доступности ипотечных кредитов для населения. В национальном проекте указана необходимость рынка электронной ипотеки, но не представлены механизмы, позволяющие этого достичь.

Методологической основой исследования стали работы российских и зарубежных ученых, которые представляют различные подходы к развитию ипотечного кредитования, но общей системы не представлено. Практическая значимость представленной работы заключается в том, что автор предлагает использовать краудфандинг, который позволит сформировать предпосылки для организации полнофункционального рынка электронной ипотеки, необходимость которого указана в национальном проекте. Помимо этого, ценность исследования состоит в обосновании необходимости развития накопительных систем, которые могут стать элементом электронной платформы, а также могут учитывать источники финансирования, предусмотренные в России для различных категорий граждан.

Ключевые слова: рынок жилья, ипотечный рынок, финансирование рынка жилья, государственное регулирование, накопительно-ипотечная система, ипотечные ценные бумаги, ипотечный кредит, краудфандинг, национальный проект.

Ermilova M.I.

candidate of economic sciences, associate professor,
Plekhanov Russian University of Economics,
Russia, Moscow, e-mail: masha080487@mail.ru

State regulation of the mortgage market as a factor in the organization of housing market financing

Providing citizens with affordable housing is one of the priority tasks of the state. Mortgage lending is indicated as one of the main instruments for financing the housing market. The ongoing national project, Housing and Urban Environment, also puts forward a mortgage loan as the main source. The aim of the study is to identify the main milestones in the development of mortgage lending and determine the role of the state in this process, as well as the formation of measures that will more likely provide conditions for the availability of mortgage loans for the population. The national project indicates the need for an electronic mortgage market, but does not present mechanisms to achieve this.

The methodological basis of the study was the work of Russian and foreign scientists who present various approaches to the development of mortgage lending, but no general system is presented. The practical significance of the presented work lies in the fact that the author suggests using crowdfunding, which will create the prerequisites for organizing a fully functioning electronic mortgage market, the need for which is indicated in the national project. In addition, the value of the study is to justify the need for the development of funded systems, which can become an element of the electronic platform, and can take into account the funding sources provided in Russia for various categories of citizens.

Key words: housing market, mortgage market, housing market financing, government regulation, funded mortgage system, mortgage-backed securities, mortgage loan, crowdfunding, national project.

Ермилова М.И.

экономика ғылымдарының кандидаты, доцент,
Г.В. Плеханов атындағы Ресей экономикалық университеті,
Ресей, Мәскеу қ., e-mail: masha080487@mail.ru

Тұрғын үй нарығын қаржыландыруды ұйымдастыру факторы ретінде ипотека нарығын мемлекеттік реттеу

Азаматтарды қолжетімді баспанамен қамтамасыз ету – мемлекеттің басты міндеттерінің бірі. Ипотекалық несиелеу тұрғын үй нарығын қаржыландырудың негізгі құралдарының бірі болып саналады. Жүргізіліп жатқан ұлттық жоба – «Тұрғын үй және қалалық орта» жобасы да негізгі көзі ретінде ипотекалық несиені ұсынады. Мақалада электрондық ипотекалық нарықтың қалыптасуы туралы сөз қозғалған. Мемлекет көптеген шет елдердегідей, ипотека нарығында басты реттеуші рөлдердің бірін атқарады. Зерттеуде ипотекалық несиелендіруді дамытудың негізгі кезеңдері және мемлекеттің осы процестегі рөлі, сондай-ақ халықтың ипотекалық несие алуына жағдай туғызатын шаралар қарастырылған. Ұлттық жобада электрондық ипотекалық несие нарығының қажеттілігі көрсетілген, алайда оған жетудің тетіктері ұсынылмаған.

Зерттеудің әдіснамалық негізі ипотекалық несиелеуді дамытудың әртүрлі тәсілдерін ұсынған ресейлік және шетелдік ғалымдардың жұмыстары болды, бірақ жалпы жүйе ұсынылмаған. Автор толығымен жұмыс істейтін электрондық ипотекалық нарықты ұйымдастыруға алғышарттар жасайтын краудфандинг жүйесін қолдануды ұсынады. Сонымен қатар, зерттеу электрондық платформаның элементі бола алатын, сонымен қатар Ресейде азаматтардың әртүрлі санаттары үшін ұсынылатын қаржыландыру көздерін ескере алатын жинақтау жүйелерін дамыту қажеттілігін көрсетеді. Бұл тұтастай алғанда азаматтардың тұрғын үй алу үшін қаржыландыру көздерін қалыптастыру мерзімін қысқартуы тиіс.

Түйін сөздер: тұрғын үй нарығы, ипотека нарығы, тұрғын үй нарығын қаржыландыру, мемлекеттік реттеу, жинақтау ипотека жүйесі, ипотекалық бағалы қағаздар, ипотекалық несие, краудфандинг, ұлттық жоба.

Введение

Одну из ведущих ролей на ипотечном рынке во многих странах играет государство. Российский ипотечный рынок не является исключением. Государственное регулирование ипотечного рынка предопределяет перечень инструментов финансирования, который будет доступен для субъектов рынка, а также предполагает повышение доступности жилья для населения, обеспечение стабильного спроса на объекты жилищного рынка.

В рамках исследования предполагается представить анализ основных вех развития рынка ипотеки и влияния на это государства, в том числе с точки зрения инструментов финансирования рынка.

В настоящее время в России ипотечное кредитование является основным инструментом, позволяющим гражданам, которые не могут себе позволить приобрести жилье за счет собственных средств, осуществить эту операцию.

В национальном проекте «Жилье и городская среда», который был введен в действие 01.10.2018 года, также отдается предпочтение ипотечному кредиту как инструменту, который необходимо сделать максимально доступным для населения.

В проекте указывается на необходимость создания рынка электронной ипотеки, реализацию ряда мер по обеспечению доступности жилья, увеличения в этой связи объемов строительства.

Роль государства в решении этих задач очень существенна, поэтому важно ретроспективно оценить те меры, которые уже были приняты для формирования наиболее эффективной стратегии достижения указанных показателей.

Методология

В рамках представляемого исследования проводится ретроспективный анализ государственного регулирования российского ипотечного рынка с целью определить, каким образом происходило становление и развитие рынка ипотеки, какие были проблемы, как государство принимало участие в решении этих проблем.

Проанализируем современные этапы развития ипотечного рынка и участия в этом государства.

Необходимо отметить, что ипотека использовалась еще в царское время. В период советского времени ипотечный кредит перестал быть актуальным.

Современный этап целесообразно рассматривать с 1992 года. В этот год был принят Феде-

ральный Закон «О залоге» (утратил силу в 2014 г.). В законе представлено понятие залога, процедуры его регистрации, применение залога, реализация заложенного имущества, сформулировано понятие ипотеки и процесс ее реализации, залог товаров в обороте и переработке, залог с передачей заложенного имущества залогодержателю, залог прав, гарантии прав сторон при залоге. Таким образом, данный закон утвердил понятийный аппарат ипотечного рынка на государственном уровне.

Позднее в 1993 году была впервые разработана и внедрена Федеральная целевая программа «Жилище». Программа была направлена на создание условий по обеспечению граждан доступным жильем, улучшению жилищных усло-

вий граждан, увеличению объема строительства, модернизацию объектов коммунальной инфраструктуры и имела несколько этапов развития. Программа включала ряд подпрограмм, направленных на решение жилищных проблем определенных групп граждан (например, молодые семьи, военнослужащие, работники бюджетной сферы и т.п.). Помимо 1993 года, федеральная программа распространила свое действие еще на несколько этапов – 2002-2010 гг., 2010-2015 гг., 2015-2020 гг. (досрочно прекращена Постановлением Правительства от 12.10.2017 1243). К 2017 году на уровне государства было определено о нецелесообразности дальнейшей реализации программы ввиду недостижения планируемых результатов (табл. 1).

Таблица 1 – Результаты реализации федеральной целевой программы «Жилище» 2015-2018 гг.

№	Наименование индикатора	Ед. изм.	Ожидаемый результат	План/факт	2015	2016	2017	2018
1.	Количество семей всех категорий граждан, улучшивших жилищные условия в рамках мероприятий Программы	тыс. семей	149,66	план	23.48	23.53	14.28	27.3
				факт	23.48	21.08	21.89	23.92
2.	Количество молодых семей, получивших свидетельства о праве на получение социальной выплаты на приобретение (строительство) жилого помещения	тыс. семей	98,49	план	15.81	14.85	6.78	19.26
				факт	15.81	13.28	14.27	15.17
3.	Доля молодых семей, получивших свидетельство о праве на получение социальной выплаты на приобретение (строительство) жилого помещения, в общем количестве молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий по состоянию на 1 января 2015 г.	процентов	26,1	план	4.2	3.9	1.8	5.1
				факт	4	3.5	3.8	4
4.	Объем ввода жилья в рамках подпрограммы «Стимулирование программ развития жилищного строительства субъектов Российской Федерации»	млн. кв. метров	21,5	план		1.1	5.5	5.2
				факт		3.7	8.3	7.7
5.	Количество граждан, относящихся к категориям, установленным федеральным законодательством, улучшивших жилищные условия	тыс. семей	42,69	план	5.75	6.64	6.36	6.95
				факт	5.75	6.59	6.12	7.27
6.	Доля граждан, относящихся к категориям, установленным федеральным законодательством, обеспеченных жильем, в общем числе граждан указанных категорий, нуждающихся в улучшении жилищных условий по состоянию на 1 января 2015 г.	процентов	14,5	план	2	2.3	2.1	2.3
				факт	1.9	2.23	2.1	2.4
7.	Количество семей граждан, улучшивших жилищные условия в рамках подпрограммы «Обеспечение жильем отдельных категорий граждан»	тыс. семей	8,48	план	1.92	2.04	1.14	1.09
				факт	1.92	1.21	1.5	1.48

Источник: официальный сайт Федеральных целевых программ России: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2015/447/>

Данные таблицы показывают, что достигать планируемых показателей не во все периоды удавалось, что не смогло обеспечить планомерное решение жилищных проблем.

В 1994 году был принят Гражданский кодекс РФ (далее ГК РФ), который до принятия закона об ипотеке регулировал вопросы, связанные с залогом. На 03.08.2018 в ч.1 ГК РФ, в ст.334 представлено понятие залога. Собственно говоря, до сих пор кодекс играет не последнюю роль на ипотечном рынке.

К 1996 году было принято решение, что помимо целевой программы должны быть реализованы и другие программы, которые позволяют ускорить процедуру обеспечения граждан доступным жильем. В результате была разработана и принята к реализации федеральная целевая программа «Свой дом». Целью являлось решение жилищной проблемы, обеспечение доступности жилья для граждан. Также программа включала вопросы развития малоэтажного строительства с учетом исполнения указанных в ней социально-экономических и технико-экономических требований. Предполагалось, что малоэтажные дома будут построены в более короткие сроки и позволят быстрее решать жилищный вопрос. Помимо этого, в том же году введено в действие Постановление Правительства РФ от 03.08.1996 №937 «О предоставлении гражданам РФ, нуждающимся в улучшении жилищных условий, безвозмездной субсидии на строительство или приобретении жилья» (утратило силу – Постановление Правительства РФ от 21.03.2006 №153). В рамках данного Постановления были представлены основные источники финансирования субсидирования граждан, процедура расчета размера субсидии для отдельных категорий граждан, субъектов, которые будут обеспечивать процедуру субсидирования и др. Государство усилило регулирование жилищного рынка и стало более тщательно относиться к формированию стратегии достижения максимального объема доступного жилья для населения. Одним из существенных шагов, предпринятых в рамках государственного регулирования, было Постановление Правительства РФ от 26.08.1996 №1010 «Об агентстве ипотечного жилищного кредитования». На его основе было создано ОАО «Агентство ипотечного жилищного кредитования» (переименовано в 2018 году в АО «ДОМ.РФ»). Агентство стало одним из основных участников как жилищного, так и ипотечного рынков. Являясь государственной структурой, было призвано решать жилищные проблемы, формировать про-

граммы, позволяющие сделать жилье доступнее. Одновременно осуществлялся мониторинг рынка, причем не только российского, но и зарубежных рынков ипотеки.

Следующей важной вехой стал 1997 год, когда был введен в действие Федеральный закон от 21.07.1997 №122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (утратит силу с 01.01.2020). Закон включал положения о процедуре регистрации прав на недвижимое имущество, сделки с ним, раскрывал отдельные виды прав, ответственность сторон при регистрации прав на недвижимость. Таким образом, государство пыталось отрегулировать все сделки, и в том числе, ипотечные, поскольку там есть право собственности, но объект находится в залоге.

Только к 1998 году был разработан и введен в действие Федеральный закон от 16.07.1998 №102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», который стал основным документом, регулирующим ипотечные сделки. Федеральный закон раскрывает основные понятия, которые относятся к залого недвижимости и ипотеке. Описывает объекты, которые могут быть предметом ипотечного кредитования, каким образом регулируются вопросы заключения договора об ипотеке, его регистрации. Представлена информация о закладной, переходе прав на имущество, указанное как залог. В закон включено описание ипотеки предприятий, зданий, сооружений, нежилых помещений и т.п.

Для урегулирования вопросов, связанных с новыми инструментами финансирования рынка жилья, введено Постановление Правительства РФ от 20.01.1998 №71 «О федеральной целевой программе «Государственные целевые жилищные сертификаты» (утратило силу – Постановление Правительства РФ от 07.10.2004 №522), которое подразумевало раскрытие процедуры выдачи жилищных сертификатов военнослужащим и другим отдельным категориям граждан в целях обеспечить жильем эти категории.

Федеральный закон от 29.07.1998 №135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» определял основные документы, регулирующие оценочную деятельность, основания для ее осуществления, государственную кадастровую оценку, положения, согласно которым может быть определена стоимость квадратного метра жилья. В следующем году было подготовлено Письмо Государственного комитета РФ по строительству и жилищно-коммунальному комплексу от 09.08.1999 №СК-2725/29 «О развитии

системы ипотечного жилищного кредитования» о необходимости привлечь в сферу ипотечного кредитования внебюджетное финансирование.

Заключительным документом в конце 90-х стало Постановление Правительства РФ от 03.09.1999 №995 (ред. от 09.02.2000) «Об образовании Правительственной комиссии по развитию системы ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации». Утвержденная комиссия была создана для координации действий федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ по развитию системы ипотечного жилищного кредитования, контроля за развитием данной системы, позволяющих улучшить жилищные условия населения и увеличить объемы строительства. В том числе комиссия должна была анализировать мировой опыт в сфере ипотечного кредитования, учитывать при реализации государственной политики в РФ и осуществлять меры по ее улучшению.

Таким образом, в конце 90-х государственное регулирование ипотечного и жилищного рынков позволило сформировать всю нормативно-правовую базу, которая контролирует операции на этих рынках и создает условия для их развития. Помимо этого, были представлены инструменты финансирования, позволяющие обеспечивать доступность жилья.

В начале 2000-х начинает разрабатываться документация, призванная обеспечить развитие ипотечного рынка. Это требовалось для того, чтобы обеспечить рост объемов ипотечного кредитования, увеличить платежеспособный спрос на жилье.

В 2000 году Постановлением Правительства РФ от 11.01.2000 №28 (ред. от 08.05.2002) «О мерах по развитию системы ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации» была утверждена Концепция развития системы ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации. В Концепции раскрывались основные цели и принципы формирования системы долгосрочного ипотечного кредитования, процедура организации такой системы. Включены пункты по необходимости совершенствования нормативно-правовой базы, которая регулирует ипотечную сферу, а также указана роль органов исполнительной власти разных уровней (региональная, местная) в становлении ипотечной системы.

Позднее в 2001 году Постановлением Правительства Москвы от 21.01.2001 №12-РП «О состоянии и перспективах развития системы ипо-

течного жилищного кредитования в г. Москве» предполагалось проанализировать имеющийся опыт ипотечного кредитования и возможные механизмы развития рынка ипотеки, разработать меры по реализации Концепции развития жилищной ипотеки, выработать предложения по улучшению нормативно-правовой базы, регулирующей ипотечный рынок и определить наилучшие механизмы взаимодействия между субъектами рынка. Москва должна была стать передовым регионом, сформировавшим свой успешный опыт развития ипотеки, который может быть использован другими регионами.

Правительство обсуждало вопросы развития ипотечного рынка по примеру зарубежных стран, где одним из достаточно развитых инструментов финансирования рынка были ипотечные ценные бумаги. В связи с этим, в 2003 году был введен в действие Федеральный закон от 11.11.2003 № 152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах», который определял основные понятия, процедуру эмиссии и обращения ипотечных облигаций, выдачу и обращение ипотечных сертификатов, регулировал вопросы, связанные с ипотечным покрытием, раскрытием информации об ипотечных бумагах, а также указывал на роль Центрального банка РФ на рынке ипотечных бумаг. В том же году был подписан Меморандум о сотрудничестве между Госстроем России и Министерством жилищного строительства и городского развития США, который предполагал создание возможностей сотрудничества двух государственных организаций в сфере жилищного строительства, финансирования, и ипотечного кредитования. В рамках сотрудничества планировалось обеспечить условия для передачи американского опыта обеспечения граждан доступным жильем, реинвестирования в городское строительство российской стороне.

На уровне государства обсуждались вопросы не только использования американского опыта, но и опыта других стран, в частности европейских государств. Это привело к тому, что в 2004 году был принят Федеральный закон от 20.08.2004 №117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих», который раскрывал вопросы, касающиеся жилищного обеспечения военнослужащих, организации накопительно-ипотечной системы, процедуры накопления для жилищного обеспечения. Указаны основные функции различных федеральных органов исполнительной власти, связанных с военной службой. Показано участие

военнослужащих в данной системе накоплений, других субъектов, права и обязанности сторон.

Одним из наиболее важных стал 2006 год, когда был разработан и внедрен Национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» (утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов, протокол №2 от 21.12.2005). Проект предполагал обеспечение условий для развития массового строительства жилья, поддержку со стороны государства, обеспечивающую спрос на жилищном рынке. Создание условий для обеспечения отдельных категорий граждан доступным жильем, модернизацию объектов коммунальной инфраструктуры, формирование фонда жилья для переселения в него граждан из аварийного и ветхого жилья. Вовлечение в строительство жилых объектов земель, которые находятся в федеральной собственности. Механизмы реализации – федеральная целевая программа «Жилище», входящие в нее подпрограммы, субвенции регионам РФ из Федерального фонда компенсаций.

Мировой финансовый кризис стал одной из причин разработки в 2008 году стандарта реструктуризации ипотечных жилищных кредитов (займов) для отдельных категорий граждан. Данный стандарт был разработан Агентством по ипотечному жилищному кредитованию в соответствии с утвержденными Наблюдательным советом этой организации «правилами реструктуризации ипотечных жилищных кредитов (займов) для отдельных категорий заемщиков». Стандарт предполагал возможность реструктуризации ипотечного кредита, который был выдан до 01.12.2008 на строительство или приобретение жилья (единственная жилая недвижимость). Не включено – незавершенное строительство и кредиты без залога жилой недвижимости.

В 2012 году вышло Распоряжение Правительства РФ от 19.07.2010 №1201-р «Об утверждении Стратегии развития ипотечного жилищного кредитования в РФ до 2030 года» (согласно Распоряжению Правительства РФ от 08.11.2014 №2242-р – распоряжение 1201-р утратило силу). В рамках данной Стратегии предполагалось обеспечение условий для формирования сегмента доступного жилья для населения за счет жилой недвижимости эконом-класса в основном для приобретения или строительства при помощи использования ипотечного кредитования. Одной из задач стоял рост числа семей, покупающих жилье за счет ипотеки до 60%. Также предполагалось развивать первичный и вторичный рынки,

включая использование рефинансирования кредитов, стандартизации процедуры ипотечного кредитования и формирования новых механизмов ипотечного финансирования граждан. Со стороны государства осуществлялось активное регулирование процессов в рамках реализации данной Стратегии в целях максимального достижения планируемых показателей. В том же году Указом Президента РФ от 07.05.2012 №600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг» была определена необходимость создания комфортных жилищных условий для граждан России, качественного предоставления услуг ЖКХ.

Позднее в 2014 году Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 №323 «Об утверждении новой редакции государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» (утратило силу 01.01.2018) указывалась необходимость создания условий для обеспечения доступности жилья для граждан России, качественного предоставления услуг ЖКХ и реализации федеральных программ «Жилище» и «Чистая вода». Тогда же Постановлением Правительства РФ от 05.05.2014 №404 «О некоторых вопросах реализации программы «Жилье для российской семьи» в рамках государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» были указаны нормативные значения, которые должны быть достигнуты – по объему строительства, установлению цен на квадратный метр жилья, категории граждан, которые могут приобретать жилье в рамках данной программы, процедура отбора земельных участков под строительство и др. Срок действия программы был определен – 2014-2017 гг. Помимо этого, Распоряжением Правительства РФ от 08.11.2014 №2242-р «Об утверждении Стратегии развития ипотечного жилищного кредитования в РФ до 2020 года» сократился срок реализации документа. Многие цели и задачи, которые ставились в ранее представленной Стратегии были сохранены, только изменились нормативные значения, которые должны быть достигнуты к 2020 году. Например, в данной редакции число семей, приобретающих жилье за счет ипотеки, должно возрасти до 30%. В связи с активной политикой РФ в сфере жилищного обеспечения в июне 2017 года было объявлено об утрате силы данной

Стратегии (Постановление от 26.06.2017 №746) и поддержке развития приоритетных проектов.

В 2015 году Федеральный закон от 13.07.2015 №218-ФЗ «О государственной недвижимости» определил правовые основы государственного кадастрового учета, регистрацию прав, органы, занимающиеся данными вопросами. Раскрыто понятие и сущность единого государственного реестра недвижимости, основания государственного кадастрового учета, требования к участникам процесса, внесение в единый государственный реестр недвижимости, в том числе с учетом наличия обременения и др.

В 2016 году вступил в силу Приоритетный проект «Ипотека и арендное жилье», целью которого являлось улучшение жилищных условий российского населения посредством обеспечения роста темпов ввода жилья и стимулирование спроса на него. Создание условий для увеличения объема ипотечного кредитования как источника финансирования приобретения жилья. Срок реализации проекта – 01.11.2016-31.12.2020.

В 2017 году вступило в действие Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 №1710 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». Программа реализуется с помощью проектного управления. Предполагается увеличение объема ввода нового жилья, повышение производительности труда в строительстве, снижение соотношения средней стоимости квартиры (54 кв. м.) к среднему годовому доходу семьи из трех человек.

Для развития рынка ипотечных ценных бумаг в 2018 году были внесены изменения в Федеральный закон, регулирующий этот рынок. Законопроект предполагает создание условий включения прав требования, которые обеспечены залогом прав по договорам участия в долевом строительстве, в ипотечное покрытие облигаций.

И последним наиболее важным этапом стала разработка и реализация Национального проекта «Жилье и городская среда» с октября 2018 года. К настоящему времени многие положения проекта переданы на исполнение в субъекты, которые должны разработать меры по максимальному достижению указанных в проекте показателей. Проект планируется к реализации до 31.12.2024. Предполагается увеличение объема ввода жилья (до 120 млн. кв. м ежегодно), увеличение доступности ипотечного кредитования в два раза, снижение процентной ставки ниже 8%, улучшение качества городской среды и т.п. Строительными

компаниями обсуждаются вопросы обеспечения объемов строительства жилья, указанных в проекте. Основным инструментом финансирования приобретения жилья снова является ипотечный кредит. Для строительства предполагается использовать проектное финансирование. Государство также видит свою существенную роль в регулировании этого рынка. В реализации национального проекта видится ряд проблем, которые должны быть решены государством и другими субъектами ипотечного и жилищного рынков. Поскольку в России государство играет одну из главенствующих ролей на рынке жилья, а ипотечный кредит указывается как основной источник финансирования, то государственное регулирование является существенным и будет влиять на организацию в целом финансирования жилищного рынка с учетом этого инструмента.

Обзор литературы

Анализом ипотечного и жилищного рынков занимается большое число российских и зарубежных исследователей. Эти два рынка являются неразрывно связанными, поскольку ипотечный рынок позволяет финансировать рынок жилья с помощью определенных механизмов и инструментов. Государство играет существенную роль как на одном, так и на другом рынке, зачастую определяет стратегию развития каждого из них.

Вопросы развития ипотечного кредитования, его инструментов и механизмов рассматривались в трудах Бусова (2016), Клевцова (2012), Коростелевой (2015), Логинова (2017), Нидзий (2016). Исследователи представляют различные варианты использования ипотечного кредита в механизмах финансирования рынка жилья. При этом комплексной оценки с учетом влияния государства в полном объеме не представлено.

Проблемы на рынке ипотечного кредитования, в части управления им, выделены Новицкой и др. (2017), Милюковой (2018), Брагиной и др. (2015), но авторы не дают комплексного подхода к их решению. В работах представлены меры по решению отдельных проблем, в том числе связанных с государственным регулированием.

Ипотечное кредитование как инструмент государственной политики анализировалось в исследованиях Адамчука (2016), Злодеевой (2017), Леоновой (2017), Лепехина (2018), Орловой и др. (2016), Пановой (2016), Трухиной и др. (2019), Zhu et al. (2017), Scharfstein et al. (2014). В работах представлено, какую роль играет ипотечный кредит в современных условиях, каким

образом государство участвует в реализации этих механизмов, связанных с ипотечным кредитованием. При этом в исследованиях не формулируется концепция, каким образом взаимодействие государства и ипотечного кредитования комплексно может решить жилищную проблему, то есть как эффективно выстроить систему их взаимодействия.

Обеспечение доступности жилья, в том числе за счет ипотечного кредита, представлено в трудах Абрамова (2017), Ахмадеевой и др. (2017), Галиевой (2016), Мещеряковой и др. (2017), Пилиева (2017), Харебова и др. (2016). Исследования посвящены понятию доступности жилья, некоторые связаны с ипотечным кредитом как инструментом, позволяющим эту доступность обеспечивать. Однако современное состояние ипотечного кредитования пока не может говорить об ипотечном кредите как инструменте, обеспечивающем доступность жилья. Авторы не указывают на те условия, которые позволят связать доступность, ипотечное кредитование и государственное регулирование рынка жилья и ипотеки, что обеспечит указанные в национальном проекте и ранее реализуемых программах, показатели.

В настоящее время и нормативные акты, и решения правительства страны сконцентрированы на том, чтобы обеспечить граждан доступным жильем за счет использования ипотечного кредитования, условия которого должны стать оптимальными для населения. Многие исследования посвящены отдельным сегментам и не анализируют комплексно государственное регулирование ипотечного рынка и влияние на процессы финансирования рынка жилья. Хотя актуальность необходимости такой оценки не вызывает сомнения. Это подтверждается и вступившим в силу национальным проектом «Жилье и городская среда». На основе такого анализа могут быть выявлены пробелы в государственной политике, которые и предопределяли реализацию все новых и новых программ и проектов на рынке жилья, по итогу не приносящих тех результатов, которые планировались.

Результаты и обсуждение

Результаты ретроспективного анализа показали, что уже с начала 90-х годов осуществляется активное государственное регулирование как рынка жилья, так и ипотечного рынка. В представляемых на государственном уровне программах и проектах основным инструментом

финансирования, начиная с этого периода, было ипотечное кредитование. Помимо этого, использовались ипотечные ценные бумаги и в меньшей мере жилищные сертификаты.

В настоящее время в национальном проекте «Жилье и городская среда» также делается упор на развитие ипотечного кредитования, говорится о создании рынка электронной ипотеки. Государство выступает как двигатель этого процесса, а остальные участники жилищного и ипотечного рынков – как исполнители. Существует ряд проблем, которые не позволяют говорить о максимальной эффективности государственного регулирования ипотечного рынка как фактора финансирования рынка жилья. На уровне государства указаны показатели, которые должны быть достигнуты к 2024 году, но не раскрыты механизмы и инструменты достижения этих показателей. В национальном проекте прописано снижение процентной ставки по ипотечному кредиту ниже 8% годовых к 2024 году, при этом четкой программы по достижению этого параметра нет. Одной из существенных проблем можно указать как постоянное софинансирование государством затрат по субсидированию процентных ставок по ипотечному кредиту и иных подобных затрат. Это говорит о недостаточно продуманных действиях, поскольку расходование бюджетных средств может дать временный эффект, а постоянное обеспечение нужд населения в доступном жилье так и не будут достигнуто. Более целесообразным видится работа с застройщиками по обеспечению условий повышения качества выстраиваемого жилья, которое впоследствии может позволить увеличить срок его службы, а значит высвобождаемые средства могут быть направлены на развитие смежных отраслей. Что касается ипотечного кредитования, то следует совместить накопительные механизмы с ипотечным кредитом, что повысит доступность жилья.

Существенным вопросом является формирование рынка электронной ипотеки, в котором государственное регулирование позволит выстроить более качественный механизм и контролировать процедуру его функционирования. Одним из перспективных вариантов в данном направлении может быть использование краудфандинга, который объединит всех участников рынков жилья и ипотеки. Рынок электронной ипотеки – это правильный шаг со стороны государства, позволяющий не только уменьшить затраты участников рынка на осуществление операции, но и сократить сроки на ее реализацию.

На рисунке 1 показано схематичное представление действия рынка электронной ипотеки на краудфандинговой платформе с учетом использования накопительной системы.

Краудфандинговая платформа позволит объединить основных субъектов рынка и, таким образом, ускорить процедуру предоставления кредита. Государство может через платформу осуществлять субсидирование операций (про-

центной ставки или кредита). Вся документация будет в рамках платформы перенаправляться участникам в электронной форме. На базе краудфандинговой платформы целесообразно формировать накопительную систему. Через нее потенциальные заемщики могут накапливать первоначальный взнос и далее взаимодействовать с банком, государством и другими потенциальными участниками рынка.

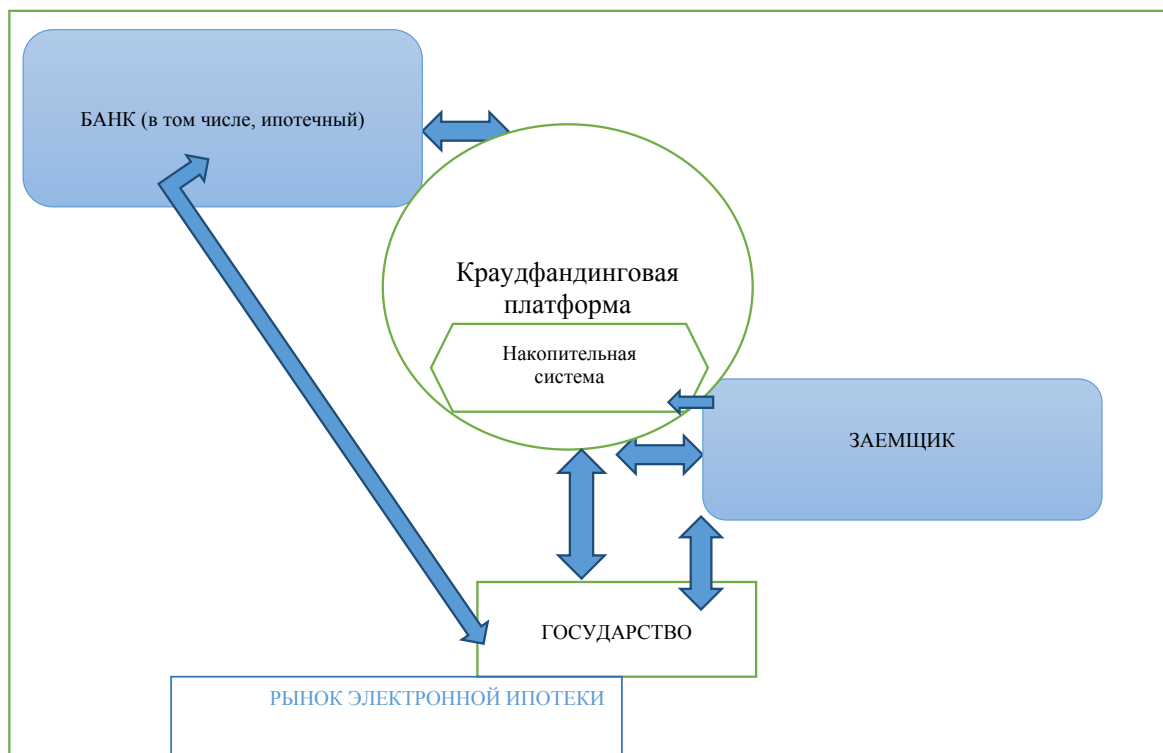

Рисунок 1 – Функционирование рынка электронной ипотеки на краудфандинговой платформе

Зарубежный опыт показывает, что использование краудфандинга эффективно позволяет объединять ряд операций и ускорять их проведение, а также выстраивать более четкие взаимосвязи между субъектами.

Для российского рынка государственное регулирование останется основной тенденцией, которая в ближайшие годы не изменится. Государство – гарант во многих сделках и обеспечивает качество их осуществления. Указанное в национальном проекте направление создания рынка электронной ипотеки должно быть осуществлено под четким контролем государства, что позволит снизить риски для участников процесса. Помимо этого, использование краудфандинга может способствовать сокращению

государственных затрат (накопительная система позволит копить средства, снижая необходимость в больших объемах государственной поддержки), перераспределяя ресурсы в смежные отрасли, что позволит в целом повысить эффективность финансирования рынка.

Заключение

Жилищный рынок является важным сегментом экономики не только России, но и любой страны, поскольку обеспечивает решение проблем как населения, так и иных субъектов хозяйствования. Проведенное исследование показало, что на современном этапе развития рынка государство играло одну из основных ролей.

Достаточно активно на уровне государства формировалась нормативно-правовая база, которая позволяла регулировать операции на рынках жилья и ипотеки, а также деятельность их субъектов. Основным источником финансирования рынка жилья было ипотечное кредитование. Действия государства были направлены на обеспечение граждан страны доступным жильем, в том числе за счет ипотечных кредитов. Внедрение новых программ и проектов свидетельствовало о том, что пока механизм ипотечного кредитования недостаточно отработан и для населения России является достаточно дорогостоящим. Усилия государства по софинансированию ипотечных операций не всегда давали желаемый эффект, что предопределило необходимость изменения стратегии. Исследование показало, что государственное регулирование ипотечного рынка должно быть сконцентрировано на том, чтобы сформировать четкую программу действий. Эту программу должен осуществлять каждый субъект рынка для того, чтобы финансирование стало эффективным. Обычное указание

на необходимость снижения ипотечной ставки не несет под собой конкретных действий за счет чего лучше осуществлять данные действия, чтобы не пострадали участники процесса. Чрезмерные государственные расходы тоже не приносят необходимого результата, поэтому их необходимо пересмотреть в пользу обеспечения условий для повышения качества жилья. Помимо этого, целесообразным является создание электронной платформы, которая позволит объединить участников ипотечной сделки, снизить расходы каждой из сторон и временные затраты. В данном случае решением может быть использование краудфандинга. Снижение процентной ставки может быть достигнуто за счет формирования альтернативных инструментов и механизмов финансирования рынка жилья с учетом ипотечного кредита (накопительные механизмы и т.п.). Таким образом, в совокупности это позволит повысить эффективность государственного регулирования ипотечного рынка и положительно отразится на финансировании жилищного рынка.

Литература

- Абрамова Н.В. Влияние ипотечного кредитования на доступность жилья в регионах // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2017. – № 3(59), С. 156-164.
- Адамчук А.А. Инструменты государственного регулирования регионального рынка ипотечного жилищного кредитования // Экономика и социум. – 2016. – № 11-1(30), С. 64-66.
- Ахмадеева М.М., Андреева Д.Н. Финансовая доступность жилья на первичном рынке: методические проблемы определения и новации в их решении // Инновационное развитие экономики. – 2017. – № 2(38), С. 17–31.
- Брагина Э.Н., Тлеубаева А.А. Направления совершенствования управления ипотечным кредитованием // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 9-2(62), С. 595-598.
- Бусов В.И. Принципы и основные направления развития ипотечного рынка в современной России // Вестник Государственного университета управления. – 2016. – № 6, С. 12-14.
- Галиева Г.М. Основные направления повышения доступности жилья в региональном пространстве // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2016. – № 7-1(19), С. 87-90.
- Злодеева А.Е. Ипотечное жилищное кредитование как часть экономической системы государства // Экономика, социология и право. – 2017. – № 11, С. 10-12.
- Клевцов В.В. Механизм жилищного финансирования в России: состояние и перспективы развития // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3, С. 264.
- Коростелева Т.С. Поиск доступных для населения моделей организации ипотечного кредитования в условиях банковского кризиса 2015 г. // Жилищные стратегии. – 2015. – Т. 2. – № 1, С. 53-68.
- Лепехин И.А. Ипотечное кредитование как важный элемент государственной жилищной политики: понятие и сущность // News of Science and Education. – 2018. – Т. 3. – № 1, С. 74-82.
- Леонова Е.В. Актуальность государственной поддержки ипотечного кредитования в РФ // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – 2017. – № 18, С. 66-71.
- Логинов М.П. Система ипотечного жилищного кредитования как элемент социально-экономической безопасности России / В книге: Финансово-кредитная модель индустриального развития России. Коллективная монография. – Екатеринбург. – 2017, С. 171-205.
- Мещерякова О.К., Мещерякова М.А. Ипотека как инструмент реализации доступности жилья на рынке ипотечного кредитования // ФЭС: Финансы. Экономика. – 2017. – № 9, С. 61-66.
- Милюкова Э.Ф. Роль государства в ипотечном жилищном кредитовании и основные проблемы, связанные с ипотечным жилищным кредитованием / В сборнике: The latest concepts of research: experience, tradition, innovation, effective development strategy materials of the III International research and practice media conference. Scientific publishing center "Open knowledge". – 2018, С. 10-16.

Нидзий Е.Н. Ипотечное кредитование как механизм поддержки финансирования строительной отрасли в условиях кризиса // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 4-2(69), С. 480-483.

Новицкая Л.Ю., Кошелева М.В. Некоторые проблемы, связанные с ипотечным кредитованием в Российской Федерации // Экономика. Право. Общество. – 2017. – № 3(11), С. 57-63.

Орлова И.А., Гладышева Ю.В. Значение и результаты программы государственной поддержки жилищного (ипотечного) кредитования / В сборнике: Рыночная экономика и финансово-кредитные отношения Ученые записки. Министерство образования и науки РФ. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2016. – С. 93-97.

Панова А.Ю. Управление инструментами государственной поддержки системы ипотечного кредитования // Наука Красноярья. – 2016. – Т. 5. – № 6, С. 137-153.

Трухина Н.И., Баринов В.Н. Ипотечное кредитование как важнейший инструмент государственной политики // Дневник науки. – 2019. – № 2(26), С. 38.

Пилиев Г.А. Проблемы доступности жилья и развития ипотечного кредитования в Российской Федерации / В сборнике статей Международной научно-практической конференции: Государство и рынок в условиях глобализации мирового экономического пространства. – 2017, С. 43-46.

Харебов Е.Ю., Гиголаева И.Р., Каражаев М.Ю. Некоторые аспекты оценки доступности жилья в Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 10-2(75), С. 831-834.

Scharfstein D., Sunderam A. Market power in Mortgage Lending and the Transmission of Monetary Policy. – Cambridge: Harvard University and NBER. – 2014.

Zhu B., Betzinger M., Sebastian S. Housing market stability, mortgage markets structure, and monetary policy: Evidence from the euro area // Journal of Housing Economics. – 2017. – vol. 37, pp. 1-21.

References

Abramova N.V. (2017) Vliyaniye ipotechnogo kreditovaniya na dostupnost' zhil'ya v regionakh [The effect of mortgage lending on housing affordability in the regions]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika, № 3(59), pp. 156-164.

Adamchuk A.A. (2016) Instrumenty gosudarstvennogo regulirovaniya regional'nogo rynka ipotechnogo zhilishchnogo kreditovaniya [Instruments of state regulation of the regional market of housing mortgage lending]. Ekonomika i sotsium, № 11-1(30), pp. 64-66.

Akhmadeyeva M.M., Andreyeva D.N. (2015) Finansovaya dostupnost' zhil'ya na pervichnom rynke: metodicheskiye problemy opredeleniya i novatsii v ikh reshenii [Financial affordability of housing in the primary market: methodological problems of definition and innovation in their solution]. Innovatsionnoye razvitiye ekonomiki, № 2(38), pp. 17-31.

Bragina E.N., Tleubayeva A.A. (2015) Napravleniya sovershenstvovaniya upravleniya ipotechnym kreditovaniyem [Directions for improving the management of mortgage lending]. Ekonomika i predprinimatel'stvo, № 9-2(62), pp. 595-598.

Busov V.I. (2016) Printsipy i osnovnyye napravleniya razvitiya ipotechnogo rynka v sovremennoy Rossii [Principles and main directions of development of the mortgage market in modern Russia]. Vestnik Gosudarstvennogo universiteta upravleniya, № 6, pp. 12-14.

Galiyeva G.M. (2016) Osnovnyye napravleniya povysheniya dostupnosti zhil'ya v regional'nom prostranstve [The main directions of increasing housing affordability in the regional space]. Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii, № 7-1(19), pp. 87-90.

Kharebov Ye.YU., Gigolayeva I.R., Karazhayev M.YU. (2016) Nekotoryye aspekty otsenki dostupnosti zhil'ya v Rossiyskoy Federatsii [Some aspects of assessing housing affordability in the Russian Federation]. Ekonomika i predprinimatel'stvo, № 10-2(75), pp. 831-834.

Klevtsov V.V. (2012) Mekhanizm zhilishchnogo finansirovaniya v Rossii: sostoyaniye i perspektivy razvitiya [The housing finance mechanism in Russia: state and development prospects]. Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya, № 3, pp. 264.

Korosteleva T.S. (2015) Poisk dostupnykh dlya naseleniya modeley organizatsii ipotechnogo kreditovaniya v usloviyakh bankovskogo krizisa 2015 g. [Search for affordable models of mortgage lending in the banking crisis of 2015]. Zhilishchnyye strategii, vol. 2, № 1, pp. 53-68.

Leonova Ye.V. (2017) Aktual'nost' gosudarstvennoy podderzhki ipotechnogo kreditovaniya v RF [The relevance of state support for mortgage lending in the Russian Federation]. Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Kontsept", № 18, pp. 66-71.

Lepekhin I.A. (2018) Ipotechnoye kreditovaniye kak vazhnyy element gosudarstvennoy zhilishchnoy politiki: ponyatiye i sushchnost' [Mortgage lending as an important element of state housing policy: concept and essence]. News of Science and Education, vol. 3, № 1, pp. 74-82.

Loginov M.P. (2017) Sistema ipotechnogo zhilishchnogo kreditovaniya kak element sotsial'no-ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii [The system of housing mortgage lending as an element of socio-economic security of Russia]. V knige: Finansovo-kreditnaya model' industrial'nogo razvitiya Rossii. Kollektivnaya monografiya, Yekaterinburg, pp. 171-205.

Meshcheryakova O.K., Meshcheryakova M.A. (2017) Ipoteka kak instrument realizatsii dostupnosti zhil'ya na rynke ipotechnogo kreditovaniya [Mortgage as a tool for the implementation of housing affordability in the mortgage market]. FES: Finansy. Ekonomika, № 9, pp. 61-66.

Milyukova E.F. (2018) Rol' gosudarstva v ipotechnom zhilishchnom kreditovanii i osnovnyye problemy, svyazannyye s ipotechnym zhilishchnym kreditovaniyem [The role of the state in housing mortgage lending and the main problems associated with housing mortgage lending]. V sbornike: The latest concepts of research: experience, tradition, innovation, effective development

strategy materials of the III International research and practice media conference. Scientific publishing center "Open knowledge", pp. 10-16.

Nidziy Ye.N. (2016) Ipotechnoye kreditovaniye kak mekhanizm podderzhki finansirovaniya stroitel'noy otrasli v usloviyakh krizisa [Mortgage lending as a mechanism to support the financing of the construction industry in a crisis]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, № 4-2(69), pp. 480-483.

Novitskaya L.YU., Kosheleva M.V. (2017) Nekotoryye problemy, svyazannyye s ipotechnym kreditovaniyem v Rossiyskoy Federatsii [Some problems associated with mortgage lending in the Russian Federation]. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo*, № 3(11), pp. 57-63.

Orlova I.A., Gladysheva YU.V. (2016) Znacheniiye i rezul'taty programmy gosudarstvennoy podderzhki zhilishchnogo (ipotechnogo) kreditovaniya [The value and results of the state support program for housing (mortgage) lending]. V sbornike: *Rynoch'naya ekonomika i finansovo-kreditnyye otnosheniya Uchenyye zapiski. Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF, Rostov-na-Donu: Rostovskiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet (RINKH)*, pp. 93-97.

Panova A.YU. (2016) Upravleniye instrumentami gosudarstvennoy podderzhki sistemy ipotechnogo kreditovaniya [Management of state support tools for the mortgage lending system]. *Nauka Krasnoyar'ya*, vol. 5, № 6, pp. 137-153.

Piliyev G.A. (2017) Problemy dostupnosti zhil'ya i razvitiya ipotechnogo kreditovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Problems of housing affordability and development of mortgage lending in the Russian Federation]. V sbornike statey *Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: Gosudarstvo i rynek v usloviyakh globalizatsii mirovogo ekonomicheskogo prostranstva*, pp. 43-46.

Scharfstein D., Sunderam A. (2014) *Market power in Mortgage Lending and the Transmission of Monetary Policy*. Cambridge: Harvard University and NBER.

Trukhina N.I., Barinov V.N. (2019) Ipotechnoye kreditovaniye kak vazhneyshiy instrument gosudarstvennoy politiki [Mortgage lending as an important tool of public policy]. *Dnevnik nauki*, № 2(26), pp. 38.

Zhu B., Betzinger M., Sebastian S. (2017) Housing market stability, mortgage markets structure, and monetary policy: Evidence from the euro area. *Journal of Housing Economics*, vol. 37, pp. 1-21.

Zlodeyeva A.Ye. (2017) Ipotechnoye zhilishchnoye kreditovaniye kak chast' ekonomicheskoy sistemy gosudarstva [Mortgage lending as part of the state's economic system]. *Ekonomika, sotsiologiya i pravo*, № 11, pp. 10-12.

Таранова И.В.¹, Шаврина Ю.О.²

¹доктор экономических наук, профессор, Ставропольский государственный аграрный университет,
Россия, г. Ставрополь, e-mail: taranovairina@yandex.ru

²кандидат экономических наук, доцент, Оренбургский государственный университет,
Россия, г. Оренбург, e-mail: 11041982ivanova20091@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ СНИЖЕНИЯ РИСКОВ БАНКРОТСТВА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Авторами систематизированы теоретические концепции выявления рисков банкротства, предложено идентифицировать риски банкротства путем оценки кризисных внутриорганизационных процессов. Обобщены индикаторы кризиса управления сельскохозяйственными организациями. Кризис управления является первичным по отношению к другим процессам, вызывающим риск банкротства. Дана оценка индикаторам кризиса управления в сельскохозяйственных организациях Оренбургской области. С целью диагностики кризисных процессов была выполнена группировка сельскохозяйственных организаций Бузулукского района Оренбургской области. Идентификаторами данного кризиса является рентабельность затрат на производство, рентабельность активов, соотношение темпов роста дебиторской и кредиторской задолженности.

Научная новизна исследования заключается в формировании управленческой информации в разрезе бизнес-процессов и центров ответственности для определения индикаторов рисков банкротства, а также в разработке элементов управленческой отчетности, позволяющей дать оценку деятельности центров ответственности по финансовому оздоровлению сельскохозяйственных организаций. Финансовое оздоровление в данной статье рассмотрено как досудебная процедура, представляющая собой взаимодействие центров ответственности в условиях мобилизации внутриорганизационных ресурсов с целью развития производства, увеличения финансовых результатов и предотвращения финансовой несостоятельности.

Ключевые слова: сельскохозяйственные организации, риски банкротства, кризисные явления, идентификаторы рисков банкротства, финансовое оздоровление, управленческая информация.

Taranova I.V.¹, Shavrina J.O.²

¹doctor of economic sciences, Professor, Stavropol state agrarian University,
Russia, Stavropol, e-mail: taranovairina@yandex.ru

²candidate of economic Sciences, associate Professor, Orenburg state University,
Russia, Orenburg, e-mail: 11041982ivanova20091@rambler.ru

Formation of management information to reduce the risks of bankruptcy of agricultural organizations

The authors systematized the theoretical concepts of identifying bankruptcy risks, proposed to identify the risks of bankruptcy by assessing the crisis of internal processes. The indicators of the crisis of management of agricultural organizations are summarized. The crisis of management is primary in relation to other processes that cause the risk of bankruptcy. The assessment of indicators of crisis of management in the agricultural organizations of the Orenburg region is given. For the purpose of diagnostics of crisis processes grouping of the agricultural organizations of the Buzuluk district of the Orenburg region was executed. The identifiers of this crisis are the profitability of production costs, return on assets, the ratio of growth rates of accounts receivable and accounts payable. The scientific novelty of the research lies in the formation of management information in the context of business processes and responsibility centers to determine indicators of bankruptcy risks, as well as in the development of elements of management reporting, which allows to assess the activities of responsibility centers for financial recovery of agricultural organizations. Financial recovery in this article is considered as a pre-trial procedure, which is the interaction of responsibility centers in the conditions of mobilization of internal resources for the purpose of development of production, increase of financial results and prevention of financial insolvency.

Key words: agriculture organization, the risk of bankruptcy, the crisis, the IDs risks of bankruptcy, financial improvement, management information.

Таранова И.В.¹, Шаврина Ю.О.²

¹экономика ғылымдарының докторы, профессор, Ставрополь мемлекеттік аграрлық университеті, Ресей, Ставрополь қ., e-mail: taranovairina@yandex.ru

²экономика ғылымдарының кандидаты, доцент, Орынбор мемлекеттік университеті, Ресей, Оренбург қ., e-mail: 11041982ivanova20091@rambler.ru

Ауыл шаруашылығы ұйымдарының банкроттық тәуекелдерін төмендету үшін басқарушылық ақпаратты қалыптастыру

Авторлар банкроттықтың тәуекелдерін анықтаудың теориялық концепцияларын жүйелендіріп, ұйымішілік дағдарысты бағалау жолымен банкроттықтың тәуекелдерін сәйкестендіруді ұсынды. Ауыл шаруашылығы ұйымдарын басқару дағдарысының индикаторлары жинақталған. Басқару дағдарысы банкроттық тәуекелін тудыратын басқа процестерге қатысты бастапқы болып табылады. Орынбор облысының Ауыл шаруашылығы ұйымдарында басқару дағдарысының индикаторларына баға берілді. Дағдарыстық үрдістерді диагностикалау мақсатында Орынбор облысы Бузулук ауданының ауыл шаруашылық ұйымдары топтастырылды. Осы дағдарыстың сәйкестендіргіштері өндіріске арналған шығындардың рентабельділігі, активтердің рентабельділігі, дебиторлық және кредиторлық берешектің өсу қарқынының арақатынасы болып табылады.

Зерттеудің ғылыми жаңалығы бизнес үдерістер мен банкроттық тәуекелдерінің индикаторларын анықтау үшін жауапкершілік орталықтары бөлінісінде басқарушылық ақпаратты қалыптастыру, сондай-ақ ауыл шаруашылығы ұйымдарын қаржылық сауықтыру бойынша жауапкершілік орталықтарының қызметіне баға беруге мүмкіндік беретін басқарушылық есептілік элементтерін әзірлеу болып табылады. Қаржылық сауықтыру осы бапта өндірісті дамыту, қаржылық нәтижелерді ұлғайту және қаржылық дәрменсіздікті болдырмау мақсатында ішкі ұйымдастыру ресурстарын жұмылдыру жағдайында жауапкершілік орталықтарының өзара іс-қимылын білдіретін сотқа дейінгі рәсім ретінде қаралды.

Түйін сөздер: ауыл шаруашылығы ұйымдары, банкроттық тәуекелдері, дағдарыс құбылыстары, банкроттық тәуекелдерінің сәйкестендіргіштері, қаржылық сауықтыру, басқарушылық ақпарат.

Введение

Для бесперебойного функционирования и развития сельскохозяйственного производства снижение рисков банкротства организаций приобретает особое значение. Обоснование и формирование исходной информации для управления рисками банкротства представлены в работах Леоновой (2018), Прокофьевой (2018), Кочугуева (2014), Даниловой (2011), Сергиенко (2015). Информационная составляющая является основой принятия решений по финансовому оздоровлению организаций в досудебный период.

Гипотезой данного исследования является предположение о том, что формирование информации об индикаторах рисков банкротства в системе управленческого учета обеспечит возможность принятия своевременных решений по финансовому оздоровлению сельскохозяйственных организаций.

Целью данного исследования является систематизация и обоснование показателей, определяющих риски банкротства, а также обоснование и формирование управленческих данных, необходимых для предотвращения финансовой

несостоятельности сельскохозяйственных организаций.

В соответствии с обозначенной целью были поставлены и решены следующие задачи:

1. Систематизированы концепции выявления рисков банкротства;

2. Дана оценка и обоснование индикаторов банкротства в сельскохозяйственных организациях Оренбургской области;

3. Предложена система учетно-аналитического обеспечения финансового оздоровления сельскохозяйственных организаций.

Научная новизна исследования заключается в разработке и обосновании идентификаторов рисков банкротства сельскохозяйственных организаций в условиях внутриорганизационных кризисных процессов, а также сформировано учетно-аналитическое обеспечение порядка финансового оздоровления организации.

Обзор литературы

В современной экономической литературе разработано множество методик для выявления рисков банкротства. Большинство из них базируется на результатах обработки данных финан-

совой отчетности. Все разработанные подходы к диагностике рисков банкротства можно объединить в следующие группы:

1. Абсолютные и относительные изменения статей бухгалтерского баланса.
2. Расчет показателей финансового состояния.
3. Оценка кризисных внутриорганизационных процессов.

Методом исследования является анализ имеющихся подходов к диагностике рисков банкротства и синтез индикаторов, определяющих риск банкротства.

Ковалев (2014), Львова и др. (2015), Шеремет и др. (2012) полагают, что бухгалтерский баланс имеет информативный характер для определения рисков банкротства. Так, предложено рассматривать в динамике следующие статьи баланса: денежные средства, запасы, дебиторская задолженность, кредиторская задолженность, нераспределенная прибыль (непокрытый убыток). При этом нет конкретных характеристик рисков банкротства при увеличении или уменьшении значений указанных строк в динамике лет и их доли в валюте баланса.

Аналізу финансового состояния посвящены работы Зайцевой (2008), Савицкой (2014), Леоновой (2018), Прокофьевой (2018), Кучугуевой (2014). Ими не сформулирована система оценки рисков банкротства, то есть, не разработаны идентификаторы, которые привлекли бы внимание управления с целью наступления процесса досудебной санации организации.

Основными недостатками современных методик в выявлении рисков банкротства являются:

1. Ретроспективный анализ финансовых показателей, выполненный на основе данных бухгалтерской отчетности;
2. Отсутствие разработанных критериев финансовой несостоятельности с учетом региональных, отраслевых и структурных особенностей организации.

Исследование кризисных явлений и процессов изложено в научных трудах Даниловой (2011), Сергиенко (2015) и Федоровой (2013). Также ими дана классификация и разработаны идентификаторы кризисных явлений.

Кризис управления связывают с необоснованным ростом затрат на производство продукции. Экономический кризис определяется от-

сутствием прибыли от реализации продукции. Финансовый кризис определяет невозможность сельскохозяйственных организаций рассчитаться по своим обязательствам. Кризис управления сельскохозяйственной организации первичен по отношению к экономическому кризису и является отправной точкой начала финансового кризиса или финансовой несостоятельности.

Информационная система определения идентификаторов рисков банкротства представлена на рисунке 1.

Диагностика кризиса управления организацией представлена в трудах Даниловой (2011), Федоровой (2013). Ими обосновано, что для определения кризиса управления необходима информация о следующих элементах системы управления организацией: соотношение результатов с затратами на производство, эффективности управленческих решений в части расчетных отношений организации и взаимосвязь объекта управления и системы управления. Характеризуются указанные элементы системы управления следующими идентификаторами: соотношение результатов с затратами на производство определяются финансовым результатом от реализации продукции, эффективности управленческих решений в части расчетных отношений организации определяется соотношением темпов роста дебиторской и кредиторской задолженности, а взаимосвязь объекта управления и системы управления определяется показателем рентабельности активов. Выявление значений указанных идентификаторов возможно после формирования данных финансовой отчетности. В этой связи, необходима разработка внутренней управленческой отчетности, которая формируется на основе оперативных данных и способствует принятию своевременных управленческих решений в части выявления кризисных процессов в финансово-хозяйственной деятельности экономического субъекта. Вместе с тем, следует отметить особенности функционирования сельскохозяйственных организаций: производство скоропортящейся продукции, работа с живыми организмами, рост и развитие которых подчинено биологическим законам, а также природные и климатические условия региона, где находится организация. Поэтому для диагностики кризисных явлений следует учитывать особенности, присущие данной отрасли.

Рисунок 1 – Информационная система определения индикаторов рисков банкротства
Примечание – составлено авторами

Материалы и методы

Оренбургская область является аграрным регионом, производящим сельскохозяйственную продукцию как для переработки внутри региона, так и для продажи за его пределы. Одним из факторов рисков банкротства является наличие убытков основного производства в сельскохозяйственных организациях Оренбургской области.

Динамика прибыльных и убыточных организаций представлена в таблице 1.

Убыточные организации в 2017 году занимают третью часть в общем количестве сельскохозяйственных организаций. При этом убыток, полученный от их деятельности, превышает прибыль от работы прибыльных организаций.

Риски банкротства определяются наличием кредиторской задолженности организаций. Динамика просроченной кредиторской задолженности в целом, а также задолженности по-

ставщикам и задолженности в бюджеты всех уровней представлена в таблице 2. Также в таблице представлена просроченная дебиторская задолженность сельскохозяйственных организаций Оренбургской области.

За период исследования наибольшее значение просроченной дебиторской задолженности можно отметить в 2014 году, ее величина составила 385 млн.руб. В этом же году величина просроченной кредиторской задолженности составила 514,8 млн.руб. Величина просроченной кредиторской задолженности превышает величину просроченной дебиторской задолженности, что является негативным фактором финансово-экономической деятельности сельскохозяйственных организаций. Темп роста просроченной дебиторской задолженности превышает темп роста просроченной кредиторской задолженности, что свидетельствует о том, что сельскохозяйственные организации Оренбург-

ской области рассчитываются по своим обязательствам медленнее, чем их дебиторы, в основном покупатели.

Показатели рентабельности сельскохозяйственных организаций Оренбургской области представлены в таблице 3.

Таблица 1 – Динамика прибыльных и убыточных сельскохозяйственных организаций Оренбургской области

Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Число убыточных организаций, шт.	51	43	25	27	32
Сумма убытка млн.руб.	1958,6	3563,4	2012,8	2283,9	2354,8
Число прибыльных организаций, шт	102	89	80	72	64
Сумма прибыли, млн.руб.	770,1	1138,9	2391	2417,6	2258,4

Таблица 2 – Динамика просроченной дебиторской и кредиторской задолженности сельскохозяйственных организаций Оренбургской области, млн.руб.

Показатели	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Просроченная дебиторская задолженность	64,8	385	90,4	264,9	73,7
из нее покупателей	64,8	384,3	86,5	261,2	73,7
Темп роста просроченной дебиторской задолженности, %	-	В 6раз	24	В 3 раза	28
Просроченная кредиторская задолженность	181	514,8	212,8	471	158,7
из нее поставщикам	103,3	386,8	94,5	357,1	141
бюджеты всех уровней	43,6	55,3	49,6	47,0	9,8
Темп роста просроченной кредиторской задолженности, %	-	В 3 раза	42	В 2,2 раза	34

Таблица 3 – Показатели рентабельности сельскохозяйственных организаций Оренбургской области

Показатели	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Чистая прибыль (+), непокрытый убыток (-) сельскохозяйственных организаций, млн. руб.	-7,9	-530,5	378,2	133,7	-2143,6
Удельный вес убыточных сельскохозяйственных организаций, %	52,9	33,3	23,8	27,3	34,6
Рентабельность реализованной сельскохозяйственной продукции, %	2,0	3,9	8,7	5,4	4,3
Рентабельность (+), убыточность (-) активов, %	-0,01	-1,7	1,1	0,4	-6,1

Данные таблицы показывают наличие убытка от сельскохозяйственной деятельности в 2005 г., 2010 г. и 2017 г. Наибольшая величина убытка отмечена в 2017 году и составляет 2143,6 млн. руб. В общей совокупности сельскохозяйственных организаций убыточные занимают в 2017

году 34,6 %. По сравнению с 2016 годом удельный вес убыточных организаций увеличился на 6,3 п.п. Вместе с тем в 2005 году убыточные организации занимают в структуре сельскохозяйственных организаций 52,9 %. Также следует отметить низкую рентабельность сельскохозяй-

ственного производства. В 2017 году значение указанного показателя составляет 4,3 %, а в 2015 году – 8,7%. Наименьшее значение рентабельности сельскохозяйственного производства за период исследования можно отметить в 2005 году – 2%. Убыточность активов определена в 2005, 2010 и 2017 годах и составляет 0,01, 1,7 и 6,1% соответственно. Также рентабельность активов в 2015 и 2016 годах имеет низкие значения, что свидетельствует об отсутствии эффективности вложений в активы сельскохозяйственных организаций Оренбургской области. Наличие убытков является одним из факторов финансовой неустойчивости организаций

Таким образом, сельскохозяйственные организации Оренбургской области имеют риски банкротства и нуждаются в проведении мероприятий финансового оздоровления.

Для обоснования идентификаторов рисков банкротства нами выполнена группировка 13 сельскохозяйственных организаций Бузулукского района Оренбургской области. Группировочным показателем выбран общий коэффициент платежеспособности. Это позволило выделить

три группы организаций. В первую группу вошли организации, имеющие низкое значение общего коэффициента платежеспособности. Типичной организацией в данной группе является СПК «Жилинская Нива». Анализ ликвидности бухгалтерского баланса организации выявил его неликвидность, то есть организация не может рассчитаться по своим обязательствам. Вместе с тем наблюдается убыточность активов и убыточность затрат. Таким образом, мы определяем в организации финансовый кризис. Во второй группе сельскохозяйственных организаций выявлен экономический кризис. Типичным в данной группе организаций явилось СХА имени Дзержинского. Его диагностировали убыточность затрат, рентабельность активов уменьшается, темп роста дебиторской задолженности превышает темп роста кредиторской. В третьей группе хозяйств определен кризис управления. В типичном для данной группы хозяйстве ООО «АГРАРИЙ» рентабельность затрат сокращается, рентабельность активов уменьшается и темп роста дебиторской задолженности превышает темп роста кредиторской.

Таблица 4 – Группировка сельскохозяйственных организаций Бузулукского района Оренбургской области в зависимости от значения общего коэффициента ликвидности

Показатель	Первая группа	Вторая группа	Третья группа
Общий коэффициент ликвидности	[0;0,5)	[0,5;1)	[1;1,5]
Количество хозяйств в группе	4	4	5
Типичное хозяйство в группе	СПК «Жилинская Нива»	СХА имени Дзержинского	ООО «АГРАРИЙ»
Диагностика кризисных процессов	Финансовый кризис	Экономический кризис	Кризис управления
Идентификаторы рисков банкротства	Баланс неликвидный, организация не может рассчитаться по своим обязательствам, наблюдается убыточность затрат и убыточность активов	Наблюдается убыточность затрат, рентабельность активов уменьшается, темп роста дебиторской задолженности превышает темп роста кредиторской	Рентабельность затрат сокращается, рентабельность активов уменьшается, темп роста дебиторской задолженности превышает темп роста кредиторской

Таким образом, во всех исследуемых организациях необходимо диагностировать риски банкротства. А разработка мероприятий по снижению выявленных рисков будет представлять собой финансовое оздоровление.

Поиску направлений и мероприятий финансового оздоровления посвящены работы таких ученых, как Островенко (2014), Пласкова (2015), Прокофьева (2018).

Главным образом, финансовое оздоровление в досудебный период понимается как комплекс мер, направленных на восстановление платежеспособности. Кризисные явления в работе сельскохозяйственных организаций вызывают отсутствие свободных средств для инвестирования в производство, поэтому управленческому персоналу приходится осуществлять поиск внутриорганизационных резервов. На стадии кризи-

са управления целью финансового оздоровления является развитие производства, усиление расчетной дисциплины и увеличение финансовых результатов за счет снижения себестоимости производимой продукции. В рамках выделенных мероприятий следует разработать центры ответственности, которые будут отвечать за формирование управленческой отчетности. Финансовое оздоровление осуществляется на основе данных, сформулированных в центрах затрат, центрах прибыли и центрах расчетов с дебиторами и кредиторами организации. Разработка центров ответственности в сельскохозяйственных организациях происходит с учетом отраслевых особенностей производства. Центр затрат – это структурное производственное подразделение, в рамках которого формируются затраты бизнес-процессов. Бизнес-процесс представляет собой процесс производства готовой продукции. В сельскохозяйственной организации центр затрат – это полеводческая бригада в растениеводстве и ферма – в животноводстве.

В центрах затрат формируется оперативная информация о текущем состоянии потраченных материальных, трудовых и финансовых ресурсов на производство продукции. Целью финансового оздоровления является снижение затрат с целью максимизации экономического эффекта. Принятие управленческих решений согласно заявленной цели достигается на основании полученной своевременной и достоверной информации из центров ответственности.

В последнее время в трудах ученых широкое развитие получила система стратегического учета. Волошин (2007) и Попова (2016) считают, что центральным звеном данной учетной системы является стратегический учет затрат.

Стратегический учет затрат представляет собой систему сбора, обобщения, анализа и интерпретации информации о текущем и перспективном состоянии затрат на производство сельскохозяйственной продукции, принимая во внимание внутриорганизационные условия и факторы изменения внешней среды. В концепциях стратегического учета затраты классифицируются как регулируемые и нерегулируемые. Система стратегического учета предполагает разработку направлений деятельности организации, ориентируясь на конкретный финансовый результат от реализации продукции. Мы считаем, что управленческому персоналу следует разрабатывать несколько сценариев в поведении затрат на производство продукции, а эффективным будет являться тот, который приблизит получение запланированной прибыли. К методам учета затрат в системе стратегического управленческого учета в сельскохозяйственных организациях относят нормативный, «стандарт-кост», «директ-костинг», попроцессный и попередельный методы.

В центрах расчетов с дебиторами и кредиторами нами предложено в ООО «АГРАРИЙ» производить расчет экономии или перерасхода средств при расчетах с покупателями и поставщиками. Если покупатель не рассчитывается своевременно, то ООО «АГРАРИЙ» несет инфляционные потери. Также если ООО «АГРАРИЙ» само своевременно не рассчитывается с поставщиками, то получается определенная выгода вследствие инфляции.

Выполнен расчет выгоды ООО «АГРАРИЙ» за месяц в случае выполнения как плановых, так и фактических расчетов с поставщиками и покупателями.

Таблица 5 – Расчет выгоды за месяц ООО «АГРАРИЙ» в случае инфляционной экономии и перерасхода при расчетах с поставщиками и покупателями

Показатель	ПЛАН Сумма, тыс.руб.	ФАКТ Сумма, тыс.руб.
Задолженность перед поставщиками	36100	40980
Инфляционная экономия	202,16	229,49
Задолженность покупателей	48500	53202
Инфляционный перерасход	271,6	297,93
Выгода	69,44	68,44

Согласно данным таблицы, ООО «АГРАРИЙ», несвоевременно выполняя свои обязательства перед поставщиками, имеет определен-

ную инфляционную выгоду, так как покупатели достаточно своевременно осуществляют расчеты. Инфляционные потери по дебиторской за-

долженности оказывается меньше инфляционных выгод как в плане, так и по факту.

В целях обоснования плановых показателей расчета с поставщиками и покупателями нами рассчитаны показатели оборачиваемости дебиторской и кредиторской задолженности за январь

2018 года. Выявлено, что планируемые показатели оборачиваемости больше фактических.

Поэтому принятие управленческих решений в части расчетной дисциплины организации будет способствовать повышению экономической эффективности ее деятельности.

Таблица 6 – Анализ показателей оборачиваемости плановой и фактической задолженности покупателей и перед поставщиками ООО «АГРАРИЙ»

Показатель	ПЛАН Сумма, тыс.руб.	ФАКТ Сумма, тыс.руб.
Выручка за январь 2018 года	17560	17560
Задолженность покупателей на 31.01.18	48500	53202
Оборачиваемость дебиторской задолженности		
– в оборотах	0,36	0,33
– в днях	1000	1090
Задолженность перед поставщиками на 31.01.18г.	36100	40980
Оборачиваемость кредиторской задолженности		
– в оборотах	0,48	0,43
– в днях	750	837

Результаты

Систематизированы мероприятия, выполняемые в центрах ответственности для финансово-го оздоровления сельскохозяйственных организаций (таблица 7).

Обсуждение

Поиск направлений информационного обеспечения для принятия решений по снижению рисков банкротства изложен в трудах Н.А. Львовой и Н.В. Покровской. Они диагностируют риски банкротства на основе данных текущего бухгалтерского учета. Однако данные подходы сводятся к оценке уже установленных фактов хозяйственной жизни организации. В целях предотвращения и снижения рисков банкротства необходима оперативная информация, оценка которой может повлиять на последующие управленческие решения. Разработка и применение эффективной системы стратегического учета затрат может выступать в качестве финансового оздоровления сельскохозяйственных организаций в досудебный период. В предотвращении рисков банкротства, управленческому персоналу сельскохозяйственных организаций необходима достоверная информация о затратах на производство для

осуществления контрольных процедур с целью прогнозирования прибыли. Исследуемые сельскохозяйственные организации занимаются производством зерна пшеницы. Зерновое производство имеет сложный технологический процесс, что соответственно влияет на систему учета затрат. Мы предлагаем применение по-процессного метода учета затрат с элементами нормативного. В рамках технологии производства зерна можно выделить следующие процессы: обработка почвы, удобрение, посев, уход за посевом, сбор урожая. В центрах затрат информация будет представлена о конкретном технологическом процессе отдельно.

Система расчетных отношений организации выступает элементом системы стратегического учета. Своевременный оборот денежных средств оказывает значительное влияние на финансовое состояние сельскохозяйственных организаций. Одним из приоритетных направлений совершенствования управления является организация детального учета и формирование необходимой информации о состоянии расчетов с дебиторами и кредиторами, а также определение реальной стоимости задолженности. Формирование элементов системы стратегического учета и разработка форм и содержания стратегической отчетности является целью дальнейших исследований.

Таблица 7 – Мероприятия финансового оздоровления сельскохозяйственных организаций

Центр ответственности	Мероприятия финансового оздоровления
Центр прибыли	1.Реализация остатков готовой продукции; 2.Разработка маркетинговой политики; 3.Расширение каналов реализации; 4.Поиск новых сегментов рынка; 5.Возможность реализации продукции работникам организации по сниженным ценам.
Центр затрат	1. Разработка системы стратегического управленческого учета: 1.1 Контроль за переменными затратами; 1.2 Система распределения накладных расходов, их сокращение; 1.3 Проработка внешних факторов, влияющих на финансовый результат; 1.4 Обеспечение получения и анализ информации о состоянии материальных, трудовых и финансовых ресурсов, потраченных в конкретный момент времени на производство продукции.
Центр расчетов с кредиторами	1.Работа с поставщиками: 1.1 Проведение инвентаризации расчетов; 1.2 Сокращение контрагентов, работающих по предоплате; 1.3 Выявление поставщиков, нарушающих договорные обязательства; 1.4 Составление графика плановых и фактических расчетов; 1.5 Определение инфляционной экономии при несвоевременном неисполнении обязательств
Центр расчетов с дебиторами	1.Работа с покупателями: 1.1 Проведение инвентаризации расчетов; 1.2 Сокращение контрагентов, работающих по предоплате; 1.3 Выявление покупателей, нарушающих договорные обязательства. 1.4 Составление графика плановых и фактических расчетов; 1.4 Определение инфляционных потерь при несвоевременном неисполнении обязательств

Заключение

Концепции определения рисков банкротства представлены в трех направлениях: анализ статей бухгалтерского баланса, оценка показателей финансовой отчетности и выявление внутри-организационных кризисных явлений. Кризис управления является первичным по отношению к кризису производства и финансовому кризису. Информационным обеспечением диагностики кризиса управления является система стратегического учета. Финансовое оздоровление сельскохозяйственных организаций на основе данных стратегического учета представляет со-

бой минимизацию дебиторской задолженности, увеличение экономических выгод от реализации продукции и сокращение обязательств. Разработка и применение элементов системы стратегического управленческого учета: формирование центров ответственности, внедрение современных методов учета затрат, выполнение контрольных процедур, проведение факторного анализа себестоимости, оценка финансового результата под воздействием внешних и внутри-организационных факторов является исходной информацией для выявления и предотвращения кризиса управления сельскохозяйственной организацией.

Литература

- Волошин Д.А. Стратегический управленческий учет // Экономический анализ: теория и практика. – 2007. – № 16, С. 23-27.
- Данилова Ю.А. Моделирование прогнозирования банкротства предприятий обрабатывающего производства // Аудит и финансовый анализ. – 2011. – №1, С. 107-113.
- Демешев Б.Б. Прогнозирование банкротства российских компаний: межотраслевое сравнение // Экономический журнал ВШЭ. – 2014. – №3, С. 359-386.
- Донцова Л.В., Никифорова Н.А. Анализ бухгалтерской (финансовой) отчетности. – М.: Дело и сервис, 2018. – 160 с.
- Ефимова О.В., Мельник М.В. Анализ финансовой отчетности. – М.: Омега-Л, 2013. – 354 с.

- Зайцева О.П. Антикризисный менеджмент в российской фирме // Сибирская финансовая школа – 2008. – №11-12, С. 66-73.
- Кистерева Е.В. Проводим финансовый анализ грамотно // Справочник экономиста. – 2014. – №4, С. 32-39.
- Ковалев В.В. Финансовый анализ: методы и процедуры. – М.: Финансы и статистика, 2014. – 345 с.
- Кучугуева М.Н. Анализ внешних и внутрифирменных факторов банкротства на примере российских компаний // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – №2, С. 25-36.
- Леонова О.Г. Методические аспекты финансового анализа в антикризисном управлении // Финансовый менеджмент. – 2018. – № 4, С. 25-33.
- Львова Н.А., Покровская Н.В. Финансовый анализ неплатежеспособных предприятий: роль бухгалтерской и налоговой отчетности // Международный бухгалтерский учет. – 2015. – №14, С. 45-54.
- Никифорова Н.А. Анализ несостоятельности организаций: история и реальность // Финансовый менеджмент. – 2018. – №3, С. 16-27.
- Острошенко Т.К. Оптимизация методики анализа экономической безопасности бизнеса и его информационного обеспечения в условиях потенциального банкротства // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – №8, С. 193-198.
- Пласкова Н.С. Совершенствование методики анализа и прогнозирования кредитоспособности организации-заемщика // Аудиторские ведомости. – 2015. – №4, С. 57-65.
- Прокофьева Е.В. Совершенствование методики диагностики потенциального банкротства и формирование политики финансового оздоровления организации // Управленческий учет. – 2018. – №3, С. 80-89.
- Попова Л.В. Роль и анализ управленческого учета в системе управления организацией // Управленческий учет. – 2016. – №9, С. 11-18.
- Сергиенко О.В. Угроза вероятности банкротства: прогнозы финансового будущего коммерческой организации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2015. – №2, С. 84-89.
- Савицкая Г.В. Анализ эффективности и рисков предпринимательской деятельности: методологические аспекты. – М.: ИНФРА-М., 2014. – 272 с.
- Федорова Е.А. Методология прогнозирования банкротства: особенности российских предприятий // Проблемы прогнозирования. – 2013. – №2, С. 8-12.
- Шеремет А.Д., Негашев Е.В. Методика финансового анализа. – М.: ИНФРА-М., 2012.

References

- Danilova Yu. A. (2011) Modelirovaniye prognozirovaniya bankrotstva predpriyatij obrabatyvayushchego proizvodstva [Modeling forecasting bankruptcy of manufacturing enterprises]. Audit i finansovyy analiz, no. 1, pp. 107-113.
- Demeshev B.B. (2014) Prognozirovaniye bankrotstva rossiyskikh kompaniy: mezhotraslevoye sravneniye [Bankruptcy Forecasting of Russian Companies: Cross-Industry Comparison]. Ekonomicheskij zhurnal vsheh, no. 3, pp. 359-386.
- Doncova L.V., Nikiforova N.A. (2018) Analiz bukhgalterskoy (finansovoy) otchetnosti [Analysis of accounting (financial) statements]. Moscow: Delo I servis, 160 p.
- Efimova O.V., Mel'nik M.V. (2013) Analiz finansovoy otchetnosti [Analysis of financial statements]. Moscow: Omega-L, 354 p.
- Fedorova E.A. (2016) Metodologiya prognozirovaniya bankrotstva: osobennosti rossiyskikh predpriyatij [Bankruptcy forecasting methodology: features of Russian enterprises]. Finansovaya analitika: problemy i resheniya, no. 42, pp. 2-12.
- Kistereva E.V. (2014) Provodim finansovyy analiz gramotno [We conduct financial analysis competently]. Spravochnik jekonomista, no. 4, pp. 32-39.
- Kovalev V.V. (2014) Finansovyy analiz: metody i procedury [Financial analysis: methods and procedures]. Moscow: Finansy i statistika, 345 p.
- Kuchugueva M.N. (2014) Analiz vneshnikh i vnutfirmennykh faktorov bankrotstva na primere rossiyskikh kompaniy [Analysis of external and internal factors of bankruptcy on the example of Russian companies]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 2, pp. 25-36.
- Leonova O.G. (2018) Metodicheskiye aspekty finansovogo analiza v antikrizisnom upravlenii [Methodological aspects of financial analysis in crisis management]. Finansovyy menedzhment, no. 4, pp. 25-33.
- L'vova N.A., Pokrovskaja, N.V. (2015) Finansovyy analiz neplazhesposobnykh predpriyatij: rol' bukhgalterskoy i nalogovoy otchetnosti [Financial analysis of insolvent enterprises: the role of accounting and tax reporting]. Mezhdunarodnyy bukhgalterskij uch, no. 14, pp. 45-54.
- Nikiforova N.A. (2018) Analiz nesostoyatel'nosti organizatsiy: istoriya i real'nost' [Analysis of the failure of organizations: history and reality]. Finansovyy menedzhment, no. 3, pp. 16-27.
- Ostroshenko T.K. (2014) Optimizatsiya metodiki analiza ekonomicheskoy bezopasnosti biznesa i yego informatsionnogo obespecheniya v usloviyakh potentsial'nogo bankrotstva [Optimization of the methodology for analyzing the economic security of a business and its information support in the context of potential bankruptcy]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 8, pp. 193-198.
- Plaskova N.S. (2015) Sovershenstvovaniye metodiki analiza i prognozirovaniya kreditosposobnosti organizatsii-zayemshchika [Improving the methodology of analysis and forecasting the creditworthiness of the borrowing organization]. Auditorskie vedomosti, no. 4, pp. 57-65.

Popova L.V. (2016) Rol' i analiz upravlencheskogo ucheta v sisteme upravleniya organizatsiyey [The role and analysis of management accounting in the organization's management system]. Upravlencheskij uchët, no. 9, pp. 11-18.

Prokof'eva E.V. (2018) Sovershenstvovaniye metodiki diagnostiki potentsial'nogo bankrotstva i formirovaniye politiki finansovogo ozdorovleniya organizatsii [Improving the methodology for the diagnosis of potential bankruptcy and the formation of the policy of financial recovery of the organization]. Upravlencheskij uchët, no. 3, pp. 80-89.

Savickaya G.V. (2014) Analiz ehffektivnosti i riskov predprinimatel'skoj deyatel'nosti: metodologicheskie aspekty [Analysis of the effectiveness and risks of entrepreneurial activity: methodological aspects]. Moscow: INFRA-M, 272p.

Sergienko O.V. (2015) Ugroza veroyatnosti bankrotstva: prognozy finansovogo budushchego kommercheskoy organizatsii [The threat of bankruptcy probability: forecasts of the financial future of a commercial organization]. Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-jekonomicheskogo universiteta, no. 2, pp. 84-89.

Sheremet A.D., Negashev E.V. (2012) Metodika finansovogo analiza [Methodology of financial analysis]. Moscow: INFRA-M, 342 p.

Voloshin D.A. (2007) Strategicheskij upravlencheskij uchët [Strategic management accounting] Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika, no. 16, pp. 23-27.

Zajceva O.P. (2008) Antikrizisnyy menedzhment v rossiyskoy firme [Crisis management in a Russian company]. Sibirskaja finansovaja shkola, no. 11-12, pp. 66-73.

4-бөлім
**ЗАМАНАУИ ЭКОНОМИКАНЫҢ
ӨЗЕКТІ АСПЕКТІЛЕРІ**

Section 4
**ACTUAL ASPECTS
OF THE MODERN ECONOMY**

Раздел 4
**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ**

Дедкова Е.Г.¹, Коростелкина И.А.², Жидова О.П.³

¹к.э.н., доцент, e-mail: sirena-85@mail.ru

²д.э.н., профессор, e-mail: cakyra_04@mail.ru

³специалист по экономической безопасности, e-mail: olgapavlovna95@yandex.ru
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Россия, г. Орёл

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье определены место, значимость и инфраструктурные элементы продовольственной безопасности в обеспечении национальной безопасности государства; обозначены условия, формирующие продовольственную безопасность страны. Указывается на важность реализации механизмов обеспечения продовольственной безопасности в соответствии с Доктриной продовольственной безопасности России: повышение доступности пищевых продуктов для всех групп населения; формирование здорового типа питания; производство и оборот сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия; организация и управление обеспечением продовольственной безопасности. Целью статьи является определение условий, формирующих продовольственную безопасность страны и проведение структуризации элементов системы продовольственной безопасности. Для достижения цели используются сравнительный, диалектический, исторический методы, системно-структурный и сравнительно-правовой анализ. Отмечается, что ключевыми элементами системы продовольственной безопасности выступают рациональные нормы потребления, безопасность пищевых продуктов, физическая доступность пищевых продуктов, экономическая доступность пищевых продуктов, развитие экономического потенциала и снижение уровня преступности в АПК, продовольственная независимость. Подробно рассмотрены уровни продовольственной безопасности: глобальный, межнациональный, государственный, региональный с позиции субъекта, решающего проблемы механизмов обеспечения продовольственной безопасности. Авторами указывается особая роль отдельных отраслей и производств, участвующих в обеспечении продовольственной безопасности государства, в частности, делается вывод о необходимости развития сельскохозяйственной отрасли и пищевой промышленности с целью повышения качества продукции отечественного производства для обеспечения продовольственной безопасности государства.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, экономическое развитие, сельское хозяйство, пищевая промышленность.

Dedkova E.G.¹, Korostelkina I.A.², Zhidova O.P.³

¹candidate of economic sciences, associate professor, e-mail: sirena-85@mail.ru

²doctor of economic sciences, professor, e-mail: cakyra_04@mail.ru

³economic security specialist, e-mail: olgapavlovna95@yandex.ru
Orel State University named after I.S.Turgenev, Russia, Orel

Actual aspects of food security

The article defines the place, importance and infrastructural elements of food security in ensuring national security of the state; the conditions forming food security of the country are designated. The importance of the implementation of mechanisms to ensure food security in accordance with the Doctrine of food security of Russia: increasing the availability of food for all groups of the population; the formation of a healthy type of food; production and turnover of agricultural, fish products and food; organization and management of food security. The purpose of the article is to determine the conditions that shape the food security of the country and the structuring of the elements of the food security system. For achieving the goal, comparative, dialectic, historical methods, system-structural and comparative-legal analysis are used. It is noted that the key elements of the food security system are rational consumption norms, food safety, physical accessibility of food products, economic accessibility of food products, development of economic potential and reduction of crime in agriculture, food independence. The levels of food security are considered in detail: global, interethnic, state, regional from the position of the subject solving the problems and mechanisms of food security. The authors point to the special

role of individual industries and industries involved in ensuring food security of the state, in particular, the conclusion is made about the need to develop the agricultural industry and food industry in order to improve the quality of domestic production to ensure food security of the state.

Key words: food security, economic development, agriculture, food industry.

Дедкова Е.Г.¹, Коростелкина И.А.², Жидова О.П.³

¹Э.Ф.К., доцент, e-mail: sirena-85@mail.ru

²Э.Ф.Д., профессор, e-mail: cakyra_04@mail.ru

³экономикалық қауіпсіздік бойынша маман, e-mail: olgapavlovna95@yandex.ru
И.С. Тургенев атындағы Орел мемлекеттік университеті, Ресей, Орёл қ.

Азық-түлік қауіпсіздігін қамтамасыз ету мәселесінің өзекті аспектілері

Мақалада мемлекеттің ұлттық қауіпсіздігін қамтамасыз етудегі азық-түлік қауіпсіздігінің орны, маңызы жән инфрақұрылымдық элементтері; елдің азық-түлік қауіпсіздігін қамтамасыз ету шарттары анықталған. Ресейдің азық-түлік қауіпсіздігі доктринасына сәйкес азық-түлік қауіпсіздігі тетіктерін енгізудің маңыздылығы көрсетілген: халықтың барлық топтары үшін азық-түлік қолжетімділігін арттыру; дұрыс тамақтануды қалыптастыру; ауыл шаруашылығы, балық, тамақ өнеркәсібі және айналымы; азық-түлік қауіпсіздігін ұйымдастыру және басқару. Мақаланың мақсаты – елдің азық-түлік қауіпсіздігін және азық-түлік қауіпсіздігі жүйесінің элементтерін құрылымдайтын жағдайларды анықтау. Ол үшін салыстырмалы, диалектикалық, тарихи әдістер, жүйелік-құрылымдық және салыстырмалы-құқықтық талдау қолданылды. Тұтынудың ұтымды нормалары, азық-түлік қауіпсіздігі, тамақ өнімдерінің физикалық қол жетімділігі, азық-түлік тауарларының экономикалық қол жетімділігі, экономикалық әлеуеттің дамуы, аграрлық сектордағы қылмыстың төмендеуі және азық-түлік тәуелсіздігі азық-түлік қауіпсіздігі жүйесінің негізгі элементтері болып табылады. Азық-түлік қауіпсіздігінің түрлі деңгейлері қарастырылады: жаһандық, ұлтаралық, мемлекеттік, өңірлік. Авторлар мемлекеттің азық-түлік қауіпсіздігін қамтамасыз етумен айналысатын жекелеген салалар мен өнеркәсіптердің ерекше рөлін көрсетеді, атап айтқанда, мемлекеттің азық-түлік қауіпсіздігін қамтамасыз ету үшін аграрлық сектор мен тамақ өнеркәсібін дамыту арқылы отандық өнімнің сапасын жақсарту қажет деген тұжырымға келді.

Түйін сөздер: азық-түлік қауіпсіздігі, экономикалық даму, ауыл шаруашылығы, тамақ өнеркәсібі.

Введение

Важнейшей стратегической задачей для России в новых геополитических условиях является обеспечение национальной безопасности. Национальная безопасность является состоянием защищенности человека, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое определяет конституционные права, свободы, качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, обороны и безопасности государства (Бородастов, 2016).

Продовольственная безопасность является фундаментальным фактором устойчивости государства в мировом сообществе. Она служит необходимым материальным условием жизни человека, группы людей и общества в целом, реализуя функции и возможности для политического, социально-экономического, демографического, культурного и интеллектуального развития. Спектр специфических проявлений продовольственной проблемы достаточно широк: от временного недостатка определенных

продуктов до голода, от локализации части государства до международных масштабов (Габуня, 2016).

В условиях глобализации цель всемирной продовольственной системы состоит в обеспечении населения мира питательными веществами, их ассортиментом и качеством посредством создания благоприятных экономических условий и привлечения соответствующих ресурсов. Процессы глобализации, которые развивались в последние десятилетия, оказали значительное влияние на ситуацию в агропромышленном комплексе развитых и развивающихся стран.

Глобализация отражается на экономике стран-производителей зерновых и масличных культур, когда неурожай провоцирует изменение ценовой ситуации на сельскохозяйственных и продовольственных рынках. В частности, этот процесс затронул экономику России, как мирового экспортера зерна и одного из крупнейших производителей подсолнечника в мире. Рост мировых цен на зерно привел к росту цен на основные продукты питания: хлеб, яйца, мясо и молочные продукты (Абдиев, 2016). Для государства важ-

ным является постоянный анализ проблем обеспечения продовольственной безопасности как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Методы

В рамках настоящего исследования применялся диалектический метод и основанные на нем общенаучные и частнонаучные методы и методики познания: сравнительный, диалектический, исторический методы, системно-структурный, сравнительно-правовой анализ, систематизация, обобщение.

Применение общенаучных методов позволило определить место продовольственной безопасности в национальной безопасности государства; провести сравнительную характеристику условий, формирующих продовольственную безопасность страны; провести структуризацию элементов системы продовольственной безопасности.

С помощью частнонаучных методов и методик познания были исследованы инфраструктурные элементы продовольственной безопасности в системе обеспечения национальной безопасности и сформулированы выводы о необходимости усиления роли государства в обеспечении продовольственной безопасности посредством специальных программ по улучшению структуры сельскохозяйственного и пищевого производства и повышению качества продукции.

Обзор литературы

Государственная политика направлена на рациональное распределение и использование ресурсов во всех секторах экономики для обеспечения экономической безопасности. Одним из критериев уровня экономической безопасности является продовольственная безопасность, которая рассчитывается как с точки зрения сельскохозяйственного производства, так и с точки зрения поставок продовольствия населению. Выступая стратегическим элементом национальной безопасности, продовольственная безопасность обеспечивает государство и его население доступными продуктами питания, а также формирует благоприятный социально-экономический климат в обществе.

Важной проблемой является обеспечение массовой доступности продовольствия, и ее решение имеет первостепенное значение для государства. Продовольственная безопасность выступает приоритетом государственной политики, так как охватывает широкий спектр националь-

ных, экономических, социально-демографических и экологических факторов (Савостьянова, 2016). Продовольственная безопасность является неотъемлемой частью национальной безопасности, обеспечивая устойчивость производства основных продуктов питания и их доступность для населения (Рисунок 1).

Значение продовольственной самообеспеченности возрастает в условиях интенсивной глобализации мирового сообщества. Защита жизненно важных интересов государства в области продовольственной безопасности расширяется через призму решения проблем национальной безопасности и является одной из наиболее актуальных проблем XXI века, требующей тщательного изучения для обеспечения национальной безопасности и фактического суверенитета Российской Федерации (Лавренчук, 2012).

Концепция продовольственной безопасности впервые была включена в оборот на Всемирной продовольственной конференции 1974 года в Риме. Конференция была начата Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций (англ. Food and Agriculture Organization, FAO) из-за парадоксальной ситуации в мире: перепроизводство продуктов питания в экономически развитых странах и одновременный катастрофический дефицит продуктов питания в «третьих странах», массового голода десятков тысяч людей.

Термин «продовольственная безопасность» в процессе экономического развития дополнялся и расширялся. Анализ мнений различных авторов и содержания нормативно-правовых документов позволяет сформулировать определение продовольственной безопасности как состояние экономики страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость государства и удовлетворяются потребности населения в физической и экономической доступности качественных продуктов питания в достаточных количествах.

Улучшение качества питания имеет основополагающее значение для реализации концепции FAO (**Стратегия и концепция работы продовольственной и сельскохозяйственной организации объединённых наций в области питания**) по созданию мира, свободного от голода и недоедания. Роль FAO в реализации этой концепции заключается в оказании государствам-членам помощи в их работе по повышению эффективности агропродовольственных систем в целях улучшения качества питания на всех этапах жизни человека, работая на глобальном, региональном и национальном уровнях.

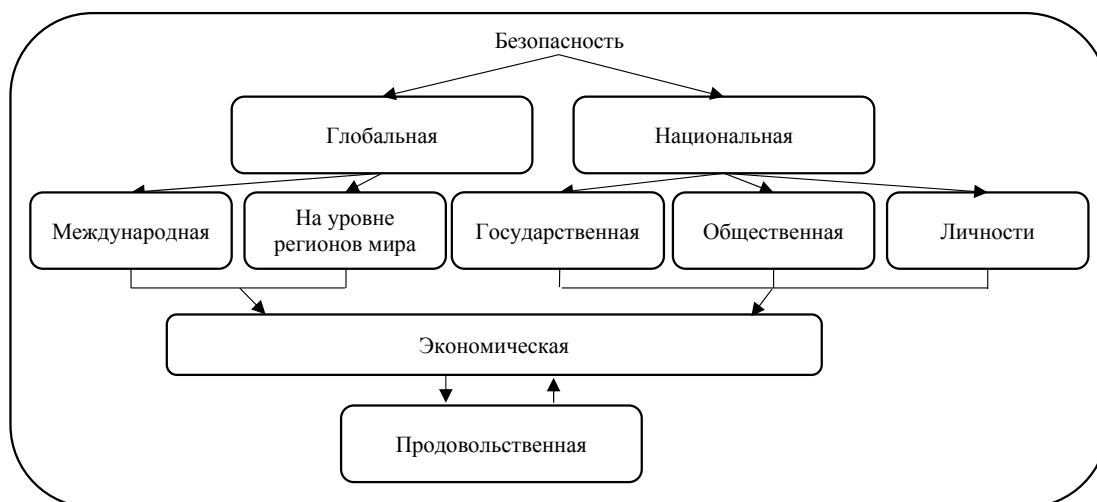

Рисунок 1 – Место продовольственной безопасности в национальной безопасности государства
Примечание – составлено авторами на основе (Бородастов, 2016)

Норма потребления пищевых продуктов представляет собой определенный набор продуктов, включающий пищевые продукты в таком объеме и соотношении, которые отвечают современным научным принципам оптимального питания и учитывают сложившуюся структуру и традиции питания большинства населения (Влазнева, 2015). Продовольственная безопасность – емкое понятие, которое включает, в том числе, и вопросы продовольственной независимости (Нечитайло, 2015). Необходимо различать термины «продовольственная безопасность» и

«продовольственная независимость». Продовольственная независимость влияет на внешнеэкономические аспекты продовольственной проблемы и показывает, насколько страна самообеспечена продуктами питания и насколько зависит от импортированных поставок продовольствия (Дедкова, 2019).

Проанализировав и обобщив имеющиеся определения, представленные в нормативно-правовых документах, необходимо выделить следующие условия, формирующие продовольственную безопасность (Рисунок 2) (Курбанов, 2015).

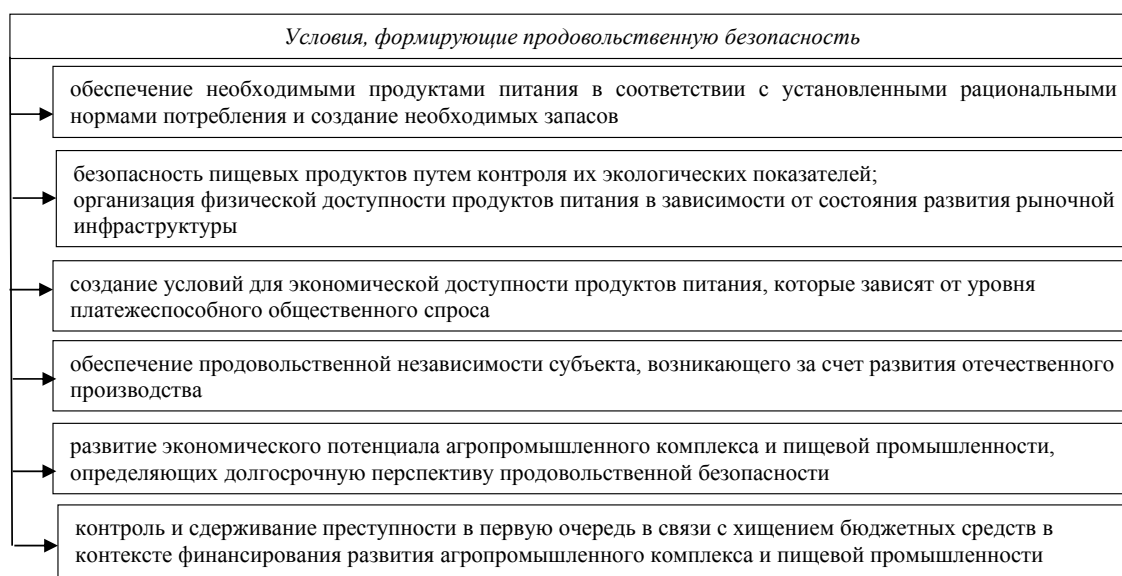

Рисунок 2 – Условия, формирующие продовольственную безопасность страны
Примечание – составлено авторами на основе (Баринов, 2018; Боткин, 2016)

Для осуществления контроля за качеством производимой продукции был принят Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов», который стремится согласовать отношения между безопасностью пищевых продуктов и здоровьем человека. Продовольственная безопасность для потребителей означает предотвращение производства и продажи низкокачественных пищевых продуктов, которые могут быть вредными для

здоровья населения. Продовольственная безопасность состоит из ряда элементов, обобщенных на рисунке 3.

Экономическая доступность продовольствия заключается в возможности приобретения продуктов питания в соответствующих объемах и необходимом ассортименте в диапазоне доступных цен, которые устанавливаются на уровне не ниже рациональных стандартов потребления при условии обеспечения нормального дохода населения.

Рациональные нормы потребления (НН)	Безопасность пищевых продуктов (БП)	Физическая доступность пищевых продуктов (ФД)	Экономическая доступность пищевых продуктов (ЭД)	Развитие экономического потенциала АПК (ЭП)	Снижение уровня преступности в АПК (УрП)	Продовольственная независимость (ПН)
1. Продовольственная безопасность продуктов питания						
2. Продовольственная безопасность региона						
3. Продовольственная безопасность государства						

Рисунок 3 – Элементы системы продовольственной безопасности
Примечание – авторская разработка

Физическая доступность продуктов питания обеспечивается состоянием развития распределительной инфраструктуры, где люди во всех регионах страны могут покупать продукты питания в количествах и ассортиментах, которые устанавливаются на уровне не ниже рациональных стандартов потребления продуктов питания (Указ Президента РФ от 30.01.2010 г. №120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»).

Основой обеспечения продовольственной безопасности выступают эффективно функционирующие отрасли агропромышленного комплекса и пищевой промышленности (Габуниа, 2016). В свою очередь, пищевая промышленность охватывает отрасли, которые производят продукты конечного потребления для населения, выступая при этом ключевым элементом при решении проблемы обеспечения продовольственной безопасности. В экономически развитых странах пищевая промышленность представлена предприятиями, ориентированными на практически любые потребности населения различных социальных групп. Создаются и совершенствуются отрасли, снабжающие общественность продуктами питания.

В условиях широкого спроса на продукты питания, продовольственные компании получают большие доходы и включают как маленькие производственные, так и транснациональные компании. Размер предприятий пищевой промышленности находится в прямой зависимости от видов товаров и географического положения. Предприятия пищевой промышленности характеризуются высокой рентабельностью и прибыльностью, что связано с наличием устойчивого спроса населения на выпускаемую продукцию (Боткин, 2016).

Пищевая промышленность находится во взаимосвязи с другими отраслями экономики. Так, на продовольственные продукты приходится значительная доля грузов, перевозимых разными видами автотранспорта по территории Российской Федерации. Пищевая промышленность тесно связана с сельским хозяйством. В рамках агропродовольственного комплекса отрасли пищевой промышленности включают в себя пищевые подкомплексы и всевозможные агропромышленные системы (Водясов, 2018).

Пищевая промышленность охватывает пять ведущих секторов экономики: пищевая, мясная и молочная, рыбная, мучная и крупяная, хлебо-

булочные изделия. Они включают больше 40 секторов экономики, подсекторов и отдельных производств, которые занимаются производством в зависимости от определенных требований к сырью, технологиям, оборудованию и персоналу.

Поступательное развитие пищевой промышленности способствует повышению производительности и финансовой устойчивости отраслевых компаний, увеличивает их конкурентоспособность и удовлетворяет потребность населения в высококачественной и доступной продукции.

В РФ пищевая промышленность характеризуется многоотраслевой структурой и высоким уровнем специализации производства. Она является одной из важных отраслей хозяйства, которая перерабатывает сельскохозяйственное сырье (зерно, картофель, свеклу, масличные культуры, говядину, молоко, рыбу и др.).

Обеспечение продовольственной безопасности является одним из основных направлений экономической политики государства и находится в зависимости от производительности сельского хозяйства и отраслей пищевой промышленности, так как посредством них формируются 80-85% продовольственных фондов и создаются стратегические припасы продовольствия в стране (Махов, 2017).

Развивающиеся страны, неспособные обеспечить население продуктами питания в необходимом объеме, вынуждены импортировать их из других стран. Способность к самообеспеченности продуктами питания является индикатором экономической ситуации в стране. Продовольственную безопасность можно охарактеризовать как с точки зрения пищевой независимости (отношение количества продовольствия определенного вида, произведенного в государстве к количеству его потребления населением данного государства), так и как кормовую независимость (отношение количества кормов определенного вида, произведенного в государстве, к количеству его потребления поголовьем скота и птицы данного государства).

Эти элементы должны учитываться во взаимодействии, поскольку они неразрывно связаны и значительно влияют друг на друга. Так, недостаточное количество продуктов питания приводит к увеличению цен на них и тем самым влияет на их доступность. Высокие цены на основные продукты питания обеспечивают доступ

к рынкам товаров более низкого качества по более низким ценам, что отрицательно влияет на физическую доступность продуктов высокого качества. Эти условия применяются как к государству, так и к конкретному региону.

Очевидным становится, что управление агропромышленным комплексом и пищевой промышленностью остается важным элементом поддержания экономической безопасности государства в условиях глобализации, так как состояние продовольственной безопасности во многом определяется механизмами регулирования сельского хозяйства и пищевой промышленности.

Продовольственная безопасность государства обеспечивается за счет снабжения страны собственными ресурсами, оптимального объема импорта, высокой конкуренции к экспорту, уровня и темпов развития агропромышленного комплекса и пищевой промышленности, размера стратегических и оперативных продовольственных резервов, и стабильности продовольственного комплекса страны.

Система продовольственной безопасности на государственном уровне определяется федеральными законами, указами и распоряжениями Президента РФ, постановлениями и распоряжениями Правительства РФ и решениями Совета безопасности РФ.

В соответствии с Доктриной продовольственной безопасности РФ, обеспечение доступности продовольствия для населения является важным фактором поддержания высокого уровня продовольственной безопасности в стране (Князева, 2015).

Механизмы обеспечения продовольственной безопасности в соответствии с Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации представлены на рисунке 4.

Механизмы обеспечения продовольственной безопасности реализуются посредством повышения доступности пищевых продуктов для всех групп населения; формирования здорового типа питания; производства и оборота сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия; организации и управления обеспечением продовольственной безопасности.

Учитывая компонентную структуру продовольственной безопасности в контексте национальной политики, можно сказать, что именно многоуровневая иерархия, основанная на том или ином подразделении, решает проблему продовольствия (Таблица 1).

Рисунок 4 – Механизмы обеспечения продовольственной безопасности в соответствии с Доктриной продовольственной безопасности России

Примечание – составлено авторами на основе Доктрины продовольственной безопасности РФ

Таблица 1 – Уровни продовольственной безопасности

Уровень	Субъект, решающий проблему обеспечения продовольственной безопасности	Механизмы обеспечения продовольственной безопасности
Глобальный	ООН, специализированные органы (FAO, WTO, Комитет по продовольственной безопасности, Всемирный банк и др.)	Содействие устойчивому развитию; долгосрочные программы по созданию запасов продовольствия и борьбе с голодом
Международный	Межрегиональные образования, форумы (например, ЕС)	Способствование стабильности в вопросах безопасности пищевых продуктов; улучшение качества компонентов безопасности пищевых продуктов; заключение соглашения по стандартизации, ценообразованию и торговле
Государственный	Правительства стран, законодательные органы	Создание нормативной и ресурсной баз для разработки национальной политики, в том числе по вопросам продовольственной безопасности. Формирование продовольственных фондов и резервов, государственная поддержка сельхозтоваропроизводителей
Региональный	Территориальные органы управления (районные)	Контроль качества продуктов питания, содействие поставке продуктов питания

Примечание – авторская разработка

Вопросы и проблемы, связанные с поддержанием продовольственной безопасности на глобальном уровне, решаются международными структурами. Их важной функцией является регулирование государственной политики по обеспечению продовольственной безопасности.

На транснациональном (международном) уровне представлены различные комитеты и форумы, которые способствуют развитию союзов и блоков государств и участвуют в улучшении компонентов продовольственной безопасности, например, Европейский Союз. Уровень государства представлен правительствами. Их деятельность направлена на формирование национальной политики и законодательства, способствующих обеспечению продовольственной безопасности (Махов, 2017).

Основным направлением государственной сельскохозяйственной политики по достижению и обеспечению продовольственной безопасно-

сти является разработка и применение различных механизмов государственной поддержки ключевых отраслей: сельского хозяйства и пищевой промышленности.

Таким образом, в качестве основополагающего механизма обеспечения продовольственной безопасности рассматривается устойчивое отечественное производство сельскохозяйственной продукции, обеспечивающее физическую доступность продовольствия и возможность его потребления населением в достаточных количествах. В качестве приоритетного направления государственной аграрной политики определяется разработка и внедрение механизмов государственной поддержки отечественных сельхозпроизводителей. В системе сложившихся на данный момент в Российской Федерации форм государственной поддержки сельского хозяйства выделяются три основных вида (Рисунок 5) (Бекова, 2016).

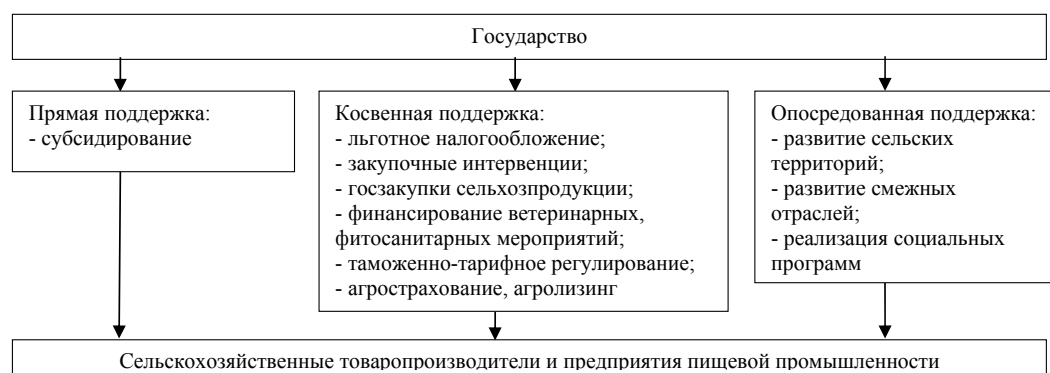

Рисунок 5 – Виды государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей
Примечание – составлено авторами на основе (Бекова, 2016)

Мезоуровень продовольственной безопасности обеспечивается региональными органами власти. Несмотря на то, что продовольственная безопасность является общегосударственной задачей, ее реализация во многом зависит от регионов.

Результаты и обсуждение

В общем виде продовольственная безопасность создает вектор движения национальной продовольственной системы к оптимальному состоянию государства. В этом смысле стремление к продовольственной безопасности является непрерывным процессом (Климова, 2016). Продовольственная безопасность государства обе-

спечивается надлежащим функционированием всех элементов ее инфраструктуры (Рисунок 6).

Слаженное и эффективное взаимодействие инфраструктурных элементов продовольственной безопасности будет способствовать обеспечению национальной безопасности государства и всех ее структурных составляющих, в их взаимосвязи и взаимозависимости.

Перспективы решения продовольственной проблемы в России зависят от эффективности работы предприятий АПК. В структуре агропромышленного комплекса выделяются три основных сектора отраслей (отраслевых групп), занимающихся обеспечением продовольственной безопасности государства, представленных в таблице 2.

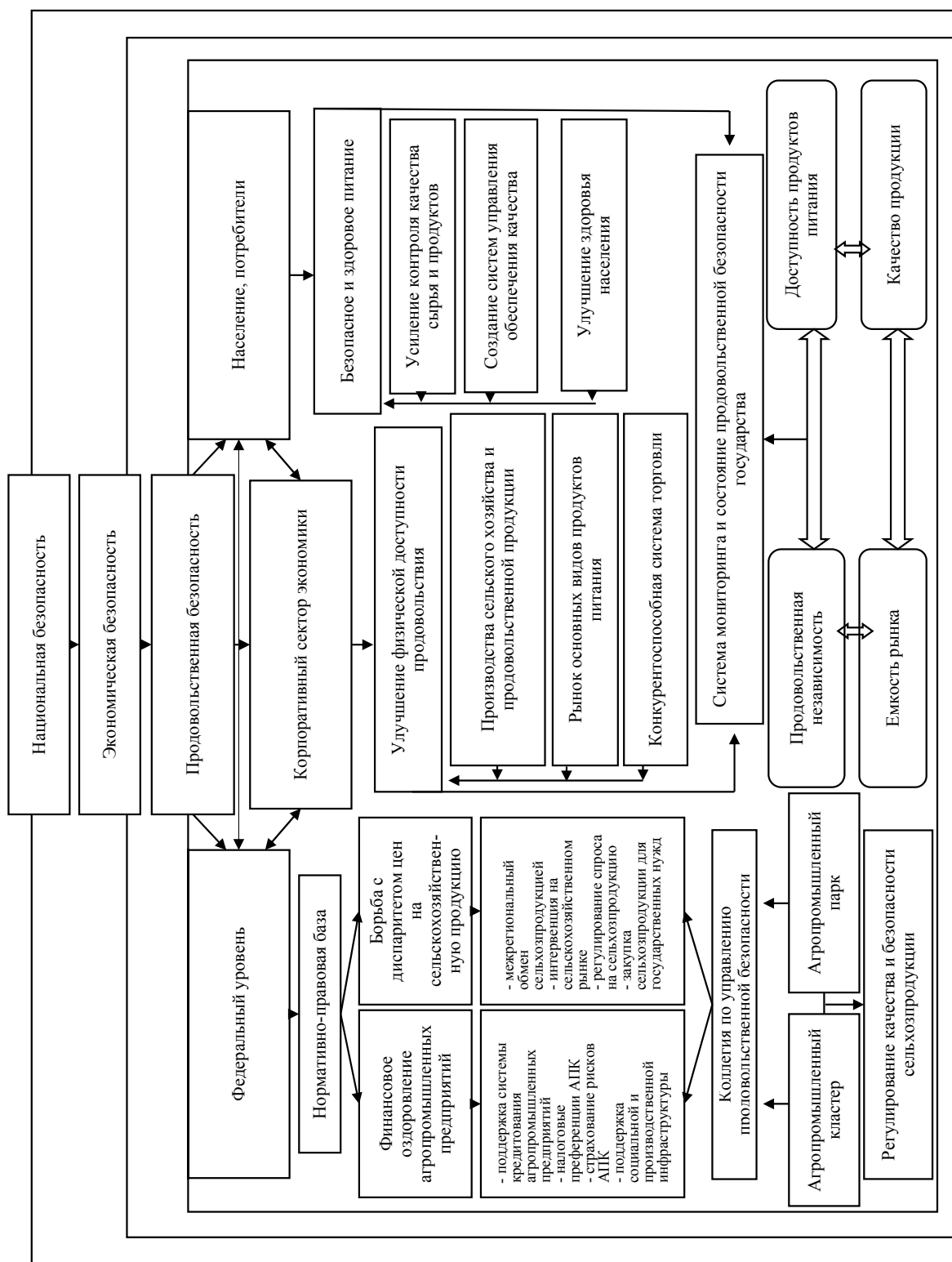

Рисунок 6 – Инфраструктурные элементы продовольственной безопасности в системе обеспечения национальной безопасности государства
Примечание – разработана авторами

Таблица 2 – Группы отраслей и производств, участвующих в обеспечении продовольственной безопасности государства

Группы отраслей	Роль в обеспечении продовольственной безопасности
1. Сельское хозяйство (земледелие и животноводство), лесное и рыбное хозяйство	Предприятия этих отраслей снабжают население непосредственно продуктами питания. Количество произведенных продуктов питания, т.е. их физическая доступность, но и качество продуктов питания, то есть их безопасность, зависит от результатов деятельности предприятий в этих секторах. Без эффективного функционирования этих отраслей в целом обеспечение продовольственной безопасности невозможно, что определяет роль предприятий в этих секторах в обеспечении продовольственной безопасности (Бекова, 2016)
2. Отрасли, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье	Предприятия, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье, совместно с сельскохозяйственными предприятиями вносят непосредственный вклад в обеспечение продовольственной безопасности, поскольку некоторые виды продуктов питания (например, хлеб) без их участия не достигают конечного потребителя. Безопасность пищевых продуктов напрямую зависит от эффективной деятельности предприятий этих отраслей (Боткин, 2016)
3. Отрасли промышленности, выпускающие средства производства для сельского хозяйства и перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию отраслей	Охватывает обслуживание производства, закупку, хранение, транспортировку и продажу сельскохозяйственной продукции. Без эффективного снабжения хозяйств и отраслей, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию необходимыми активами, производство продуктов питания в необходимом количестве невозможно. Кроме того, эффективное использование необходимого оборудования и удобрений помогает снизить затраты на продукты питания и тем самым обеспечить их экономическую доступность. Роль компаний в этих секторах в обеспечении продовольственной безопасности высока (Бекова, 2016)
Примечание – составлено авторами на основе (Бекова, 2016; Боткин, 2016)	

Предприятия АПК гарантируют социально-экономическую прочность общества, политическую и финансовую независимость страны посредством снабжения населения продуктами питания и товарами народного потребления. Несмотря на существование негативных факторов, в условиях воздействия которых предприятия АПК ведут хозяйство, они продолжают функционировать выявлять новые пути развития и совершенствования.

Действенное функционирование пищевой и перерабатывающей индустрии находится в зависимости от продовольственной безопасности в регионе, стойких поставок качественных товаров питания для всех групп населения и совершенствования демографического статуса и состояния самочувствия человека.

Заключение

Продовольственная безопасность каждой страны определяется физической и экономической доступностью продуктов питания, их качеством и безопасностью, уровнем и структурой потребления продуктов питания населением, устойчивостью продовольственного рынка, состоянием развития промышленности и фермерских хозяйств, а также эффективностью его природно-ресурсного потенциала. Исходя из этого, целью обеспечения продовольственной безопасности как приоритета государственной сельскохозяйственной политики должно быть достижение уровня сельскохозяйственного производства, при котором потребление основных продуктов питания населением осуществляется на уровне научно обоснованных норм с дальнейшим улучшением его структуры и повышением качества продукции отечественного производства.

Литература

- Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ (в ред. от 23.04.2018 г. № 101-ФЗ) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // Справочно-правовая система «Консультант плюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25584/
- Указ Президента РФ от 30.01.2010 г. №120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Информационно-правовой портал Гарант <http://base.garant.ru/12172719/>
- Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант плюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/

- Абдиев М.Ж. Принципы и механизмы обеспечения продовольственной безопасности в условиях интеграции // Наука. Образование. Техника. – 2016. – № 2 (56), С. 178-186.
- Баринов А.С. Экономическая безопасность и ее характеристики // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т.14, № 4, С.709-724.
- Бекова Е.И. Современные подходы к обеспечению продовольственной безопасности государства // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 12-11, С. 17-20.
- Боткин О.И. Понятие сущности и оценка продовольственной безопасности региона // Известия Санкт-Петербургского аграрного университета. – 2016. - № 44, С. 154-161.
- Бородастов М.А., Степанова Е.В. Проблемы обеспечения продовольственной безопасности России в условиях экономических санкций // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11, С. 746–750.
- Влазнева С.А., Мишина Н.А. Продовольственная безопасность России в период санкций // Продовольственная политика и безопасность. – 2015. – Том 2. – № 3, С. 153-166.
- Водясов В.П. Механизмы обеспечения продовольственной безопасности // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2018. - № 3, С. 21-24.
- Дедкова Е.Г., Жидова О.П. Анализ государственной политики по обеспечению продовольственной безопасности // Управленческий учет. – 2019. – №7, С. 19-27
- Габуня Н.Г., Корелин К.В. Экономическая безопасность предприятия и управление рисками // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2016. – № 4 (94), С. 79-81.
- Климова Н.В. Обеспечение продовольственной безопасности России как стратегическая задача государства // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 2, С. 74–89.
- Курбанов А.Х. Обеспечение продовольственной безопасности мегаполисов: теория и практика // Национальные приоритеты России. – 2015. – №2, с. 16.
- Князева Е.А., Сечняк А.А. Современные подходы к определению сути экономической безопасности предприятия // Экономика: реалии времени. – 2015. – №6 (16), С. 34-40.
- Лавренчук Е.Н., Руденко М.Н. Стратегия экономической безопасности: учебное пособие. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2012. – 184 с.
- Махов М.В. Анализ основных подходов к определению понятия экономической безопасности предприятия // Проблемы экономики и менеджмента. – 2017. – № 5 (57), С. 84-87.
- Нечитайло А.И., Нечитайло И.А. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: учебное пособие. – Ростов на Дону: Феникс, 2015. – 365 с.
- Савостьянова Я.В., Селезнева А.А. Обеспечение продовольственной безопасности России в условиях продления санкций // Молодой ученый. – 2016. – №1, С. 471-474.

References

- Abdiyev M.Zh. (2016) Printsipy i mekhanizmy obespecheniya prodovol'stvennoy bezopasnosti v usloviyakh integratsii [Principles and mechanisms for ensuring food security in the context of integration]. Nauka. Obrazovaniye. Tekhnika, № 2 (56), pp. 178-186.
- Barinov A.S. (2018) Ekonomicheskaya bezopasnost' i yeye kharakteristiki [Economic security and its characteristics]. Nats. interesy: prioritety bezopasnost', vol. 14, № 4, pp. 709-724.
- Bekova Ye.I. (2016) Sovremennyye podkhody k obespecheniyu prodovol'stvennoy bezopasnosti gosudarstva [Modern approaches to ensuring food security of the state]. Sovremennyye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologiy, № 12-11, pp. 17-20.
- Borodastov M.A., Stepanova Ye.V. (2016) Problemy obespecheniya prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossii v usloviyakh ekonomicheskikh sanktsiy [Problems of ensuring food security in Russia in the context of economic sanctions]. Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept», vol. 11, pp. 746–750.
- Botkin O.I. (2016) Ponyatiye sushchnosti i otsenka prodovol'stvennoy bezopasnosti regiona [The concept of essence and assessment of the food security of the region]. Izvestiya Sankt-Peterburgskogo agrarnogo universiteta, № 44, pp. 154-161.
- Dedkova Ye.G., Zhidova O.P. (2019) Analiz gosudarstvennoy politiki po obespecheniyu prodovol'stvennoy bezopasnosti [Analysis of state policy to ensure food security]. Upravlencheskiy uchet, №7, pp. 19-27.
- Federal'nyy zakon ot 2 yanvarya 2000 g. № 29-FZ (v red. ot 23.04.2018 g. № 101- FZ) «O kachestve i bezopasnosti pishchevykh produktov» [Federal Law “On the Quality and Safety of Food Products”]. Spravochno-pravovayasistema «Konsul'tant plyus» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25584/
- Gabunia N.G., Korelin K.V. (2016) Ekonomicheskaya bezopasnost' predpriyatiya i upravleniye riskami [Economic security of the enterprise and risk management]. Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, № 4 (94), pp. 79-81.
- Klimova N.V. (2016) Obespecheniye prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossii kak strategicheskaya zadacha gosudarstva [Ensuring the food security of Russia as a strategic task of the state]. Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra, № 2, pp. 74–89.
- Knyazeva Ye.A., Sechnyak A.A. (2015) Sovremennyye podkhody k opredeleniyu suti ekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatiya [Modern approaches to determining the essence of economic security of an enterprise]. Ekonomika: realivremeni, №6 (16), pp. 34-40.
- Kurbanov A.Kh. (2015) Obespecheniye prodovol'stvennoy bezopasnosti megapolisov: teoriya i praktika [Ensuring the food safety of megacities: theory and practice]. Natsional'nyye prioritety Rossii, №2, p. 16.

Lavrenchuk Ye.N., Rudenko M.N. (2012) *Strategiya ekonomicheskoy bezopasnosti: uchebnoye posobiye* [Economic Security Strategy: A Training Manual]. Perm': Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet, 184 p.

Makhov M.V. (2017) *Analiz osnovnykh podkhodov k opredeleniyu ponyatiya ekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatiya* [Analysis of the main approaches to the definition of the concept of economic security of an enterprise]. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta*, № 5 (57), pp. 84-87.

Nechitaylo A.I., Nechitaylo I.A. (2015) *Kompleksnyy ekonomicheskiy analiz khozyaystvennoy deyatel'nosti: uchebnoye posobiye* [Comprehensive economic analysis of economic activity: a training manual]. Rostov na Donu: Feniks, 365 p.

Savost'yanova Ya.V., Selezneva A.A. (2016) *Obespecheniye prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossii v usloviyakh prodleniya sanktsiy* [Ensuring food security of Russia in the context of the extension of sanctions]. *Molodoy uchenyy*, №1, pp. 471-474.

Ukaz Prezidenta RF ot 30.01.2010 g. №120 «Ob utverzhdenii Doktriny prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation "On Approving the Doctrine of Food Security of the Russian Federation"]. *Informatsionno-pravovoy portal Garant* <http://base.garant.ru/12172719/>

Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 g. № 683 «O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation "On the National Security Strategy of the Russian Federation"]. *Spravochno-pravovayasistema «Konsul'tant plyus»* http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/

Vlazneva S.A., Mishina N.A. (2015) *Prodovol'stvennaya bezopasnost' Rossii v period sanktsiy* [Russia's food security during the sanctions]. *Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost'*, vol. 2, № 3, pp. 153-166.

Vodyasov V.P. (2018) *Mekhanizmy obespecheniya prodovol'stvennoy bezopasnosti* [Food Security Mechanisms]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, № 3, pp. 21-24.

Колотаева Л.П.¹, Айдарова А.Б.²

¹к.э.н., доцент, e-mail: lyudakolot555@mail.ru

²к.э.н., доцент, e-mail: ab_moon@mail.ru

^{1,2}Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова,
Казахстан, г. Шымкент

СВЯЗЬ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ С ИЗМЕНЕНИЯМИ В СТРУКТУРЕ ВАЛОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА

Статья посвящена проблеме ускорения процессов индустриализации ряда регионов Казахстана для развития экспортоориентированной экономики. Представлен обзор зарубежной литературы по особенностям индустриализации экономики. Приведены результаты анализа показателей удельного веса валового регионального продукта регионов РК в общем показателе по стране. Выявлен опережающий по сравнению со среднереспубликанским показателем темп роста валового регионального продукта на душу населения в Акмолинской, Восточно-Казахстанской, Жамбылской, Карагандинской, Алматинской, Северо-Казахстанской областях, г. Алматы, г. Астана. Рассчитаны показатели структуры валового регионального продукта в разрезе товаров и услуг по регионам РК за анализируемый период, выявлено увеличение доли услуг в регионах РК: Кызылординской – с 47,0 до 55,19%; Актыбинской – с 48,1 до 54,02%, Жамбылской – с 63,1 до 65,58%, ЮКО – с 58,3 до 60,85%, г. Астана – с 84,1 до 85,29%, г. Алматы – с 91,1 до 92,85%. Выявленные тенденции характеризуют рост сферы услуг и снижение доли материального производства. Выполнен анализ содержания валового регионального продукта ЮКО в 2018 году с распределением величин на Туркестанскую область и г. Шымкент. Установлено, что преимущественная доля инвестиций, объема промышленного производства и строительства размещены в г. Шымкенте. Сделан вывод о необходимости развития индустриализации районов ЮКО, даны предложения по созданию новых перерабатывающих предприятий в АПК, развитию экспортоориентированных производств.

Ключевые слова: валовый региональный продукт, товары, услуги, структура, индустриализация.

Kolotaeva L.P.¹, Aidarova A.B.²

¹candidate of Economic Sciences, Associate Professor, e-mail: lyudakolot555@mail.ru

²candidate of Economic Sciences, Associate Professor, e-mail: ab_moon@mail.ru

^{1,2}M. Auezov South-Kazakhstan State University, Kazakhstan, Shymkent

Connection of economic industrialization with changes in the structure of gross regional product

The article is devoted to the problem of accelerating the industrialization processes of a number of regions of Kazakhstan in order to develop an export-oriented economy. A review of foreign literature on the features of industrialization of the economy is presented. The results of the analysis of indicators of the share of gross regional product of the regions of Kazakhstan in the overall indicator for the country are given. Advancing in comparison with a national average indicator of growth rate of a gross regional product per capita in the Akmola, East Kazakhstan, Jambyl, Karaganda, Almaty, North Kazakhstan regions, Almaty, Astana. Indicators of structure of a gross regional product are calculated in a section of goods and services in regions of RK for the analyzed period, increase in a share of services in regions of RK is revealed: Kyzylorda from 47.0 to 55.19%; Aktobe from 48.1 to 54.02%, Jambyl from 63.1 to 65.58%, SKR from 58.3 to 60.85%, Astana from 84.1 to 85.29%, Almaty from 91.1 to 92.85%. The revealed trends characterize growth of services sector and decrease in a share of production of goods. The analysis made the maintenance of a gross regional product of SKR in 2018 with distribution of sizes to the Turkestan region and Shymkent. It is established that a primary share of investments, the industrial output and construction are placed in Shymkent. The conclusion is drawn on need of development of industrialization of regions of SKR; offers are given on creation new processing production into agrarian and industrial complex, to development of export-oriented productions.

Key words: gross regional product, goods, services, structure, industrialization.

Колотаева Л.П.¹, Айдарова А.Б.²

¹э.ғ.к., доцент, e-mail: lyudakolat555@mail.ru

²э.ғ.к., доцент, e-mail: ab_moon@mail.ru

^{1,2} М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан мемлекеттік университеті,
Қазақстан, Шымкент қ.

Экономика индустриализациясының жалпы аймақтық өнімнің құрылымындағы өзгерістермен байланысы

Мақала экспортқа бағытталған экономиканы дамыту мақсатында Қазақстанның бірқатар аймақтарының индустрияландыру үдерісін жеделдету мәселесіне арналған. Экономиканы индустрияландыру ерекшеліктері бойынша шетелдік әдебиеттерге шолу көрсетілген. Ел бойынша жалпы көрсеткіште Қазақстан Республикасы аймақтарының жалпы өңірлік өнім үлесінің көрсеткіштерін талдау нәтижелері келтірілген. Ақмола, Шығыс Қазақстан, Жамбыл, Қарағанды, Алматы, Солтүстік Қазақстан облыстары, Алматы, Астана қалаларында жан басына шаққандағы жалпы өңірлік өнімнің орташа республикалық деңгейінің өсу қарқыны көрсеткіштерімен салыстырғанда көшбасшы екендігі анықталған. Қазақстан өңірлерінде тауарлар мен қызметтердің шеңбері бойынша өңірлердің жалпы аймақтық өнімінің құрылымын есептеп шығарған кезеңде, Қазақстанның өңірлеріндегі қызметтер үлесінің ұлғаюы анықталған: Қызылорда – 47,0%-ден 55,19%-ға дейін; Ақтөбе облысы 48,1%-дан 54,02%, Жамбыл облысы 63,1%-дан 65,58%, ОҚО 58,3%-дан 60,85%, Астана қаласы 84,1%-дан 85,29%-ға дейін, Алматы қаласы 91,1 – 92,85%. Көрсетілген үрдістер қызмет көрсету секторының өсуін және материалдық өндіріс үлесінің төмендеуімен сипатталады. 2018 жылы Түркістан және Шымкент қалаларында шамаларды бөлу арқылы ОҚО жалпы аймақтық өнімінің мазмұнына талдаулар жүргізілген. Инвестициялардың, өнеркәсіптік өндіріс пен құрылыс көлемінің басым бөлігі Шымкент қаласында орналасқаны анықталды. ОҚО аудандарын индустрияландыруды дамыту қажеттілігі туралы қорытынды жасалды және агроөнеркәсіптік кешендегі жаңа өңдеуші өнеркәсіптерді құру, экспортқа бағытталған салаларды дамыту бойынша ұсыныстар жасалды.

Түйін сөздер: жалпы аймақтық өнім, тауарлар, қызметтер, құрылым, индустриализация.

Введение

Осуществление задач вхождения Казахстана в число 30-ти конкурентоспособных стран мира связано с качественными сдвигами в структуре экономики, формированием и развитием высокотехнологичных наукоемких отраслей и производств, повышением экспортного потенциала отраслей национального хозяйства. На это указал Елбасы РК Н.А. Назарбаев, отметив, что одним из направлений экономического роста Казахстана должна стать экспортоориентированная стратегия развития, предполагающая эффективное использование производственного потенциала регионов для выпуска конкурентоспособной продукции (Назарбаев, 2018). Современные промышленные предприятия имеют сравнительно низкие издержки при высокой загрузке мощностей, поэтому ориентация только на внутренний рынок при небольшой численности населения (18,1 млн. чел.) не может быть логически обоснована. Необходимо увеличение рынков продукции металлургии, строительных материалов, АПК, продуктов питания, где экспортные позиции давно закреплены.

Для экономики Казахстана достижение цели стимулирования диверсификации и повышения

конкурентоспособности обрабатывающей промышленности связано с решением задач расширения рынков для реализации несырьевых товаров, продолжением программ индустриализации путем создания нового уровня технологичности в приоритетных секторах обрабатывающей промышленности (ГПИИР, 2014).

Решение этой весьма актуальной проблемы зависит от государственной промышленной политики для формирования валового регионального продукта, связано с региональными особенностями и процессами урбанизации. Данные вопросы требуют тщательного изучения.

Объектом исследования является валовый региональный продукт, претерпевающий изменения в результате индустриализации экономики Казахстана.

Методология

В основу написания статьи положены научные методы экономических исследований, соответствующие таким требованиям: рациональность и доказательность утверждений, внутренняя непротиворечивость, согласованность структурных элементов, доступность для использования другими учеными.

При проведении исследования были использованы: системный подход, сочетание исторического и логического, общелогические приемы познания (анализ и синтез, обобщение), методы экономического анализа (наблюдение, измерение, сопоставление, сравнение), количественного и качественного изучения рассматриваемых экономических процессов. Сочетание исторического и логического использовано при обзоре литературы по проблемам индустриализации и формированием высокотехнологичных отраслей.

На основе абстрактно-логического метода был проведен анализ экономической литературы по проблемам структурной модернизации экономики и выявлены основные эффекты индустриализации регионов. На основе экономико-статистического метода был проведен анализ таких показателей, как удельный вес валового регионального продукта регионов в валовом региональном продукте Казахстана, валовый региональный продукт на душу населения по регионам РК, выполнен расчет структуры валового регионального продукта по производству товаров и услуг в регионах РК, проведен анализ показателей структуры валового регионального продукта Туркестанской области (бывшая ЮКО).

В качестве информационных источников в статье были использованы нормативно-правовые документы, монографии, материалы научно-практических конференций, публикации периодической печати. Используются статистические данные Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК, Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015-2019 гг., Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 г.

Обзор литературы

В экономических словарях и энциклопедиях индустриализация всегда означает перевод экономики страны на промышленные рельсы, значительное увеличение доли промышленного производства в экономике. Процесс перехода от преимущественно аграрной к преимущественно промышленной экономике связан с увеличением доли промышленности в структуре экономики.

Экономика есть главное условие и основной источник обеспечения жизни людей. Фундаментом экономики является материальное производство, напрямую связанное с созданием про-

мышленной продукции, сельскохозяйственной деятельностью, строительством объектов, выступающих товаром на рынке недвижимости.

Человек может жить и заниматься каким-либо делом, если у него есть пища, одежда, жилище и другие материальные блага. Эти блага производятся людьми не в одиночку, а сообща, поэтому производство всегда выступает как общественное производство.

Основной сферой общественного производства является материальное производство, которое обеспечивает поступательное развитие общества, его прогресс.

В развитых странах до половины и более трудоспособного населения занято в сфере нематериального производства (сфера услуг).

В современной экономической теории описаны модели индустриализации как увеличение доли промышленного и, отсюда, материального производства, в общем объеме ВВП. Первая модель означает индустриализацию как создание промышленных комплексов, призванных насытить внутренний рынок с помощью изделий местного производства и только потом развернуть производство промышленной продукции на экспорт.

Вторая модель экспортоориентированной индустриализации ставит во главу угла международную промышленную специализацию и кооперацию.

Деиндустриализация означает рост доли услуг в ВВП, такое положение сложилось в ряде развитых стран (США, Великобритания), где благодаря быстрой индустриализации был достигнут высокий уровень национального дохода. Деиндустриализация всегда означает что темп роста услуг превышает темп роста промышленного сектора (Румянцева, 2011).

Заслуживает внимания мнение ведущего российского ученого в области экономики Гринберга Р.С., который, характеризуя начало рыночных реформ, пишет, что «ставка на механизмы рыночного саморегулирования привела к деиндустриализации России, одной из ведущих промышленных держав XX века» (Гринберг, 2008). Потребовалось длительное время для осуществления мер по модернизации промышленности, созданию конкурентоспособного ВПК и обретения Россией лидерских позиций в индустриализации регионов.

Исследования ученых-экономистов выявили, что государства, обладающие значительными природными ресурсами, используемыми в качестве экспорта, со временем имеют симптомы

«голландской болезни» вызванной деиндустриализацией (Bezrukova, 2014). Проблема «голландской болезни», т.е. почти полного отсутствия конкурентоспособной продукции на мировых рынках промышленных товаров, в значительной мере относится к таким развивающимся странам, как Индонезия, Эквадор, Нигерия. Устранение угроз «голландской болезни» для Казахстана зарубежные ученые связывают с созданием наукоемких производств и изучением потребностей в конкурируемой продукции на рынке экспорта (Golova, 2015).

Данная проблема была изучена учеными Китая, в их исследованиях сделан вывод, что зависимость промышленности от природных ресурсов приводит к негативным последствиям как для средне-, так и для долгосрочного экономического роста (Wu, 2018).

Отдельные аспекты исследования проблем индустриализации содержатся в работе «Политическая экономия индустриализации», здесь правомерно отмечается, что решающая роль в индустриализации принадлежит государству: им определяются основные параметры и цели индустриально-инновационного развития, осуществляется развитие экономической и социальной инфраструктуры, содействие частному национальному предпринимательству (Storm, 2017).

Зарубежные ученые отмечают важность организационных возможностей правительства государств при выборе промышленной политики.

Необходимо выделение ресурсов для повышения человеческого капитала, борьбы с коррупцией, совершенствования системы налогообложения, расширения предпринимательских функций государства (Andreoni, 2019).

Известный казахстанский ученый Баймуратов У. отмечает, что «развернувшийся в Казахстане процесс индустриализации, безусловно, содействовал формированию крупного экономического потенциала». Им высказывается предложение использовать термин «реиндустриализация», который более точно и емко характеризует современные процессы воспроизводства высокоиндустриальной системы производительных сил (Баймуратов, 2005).

Исследования зарубежных ученых также приводят к выводам, что «реиндустриализация является ключевым фактором ускорения экономического роста и повышения уровня жизни в посткризисной Европе» (Svilokos, 2019).

Исследования проблем индустриализации и деиндустриализации привели к пониманию бы-

строй деиндустриализации стран «большой семерки» и быстрой индустриализации развивающихся стран. Оффшоринг и участие в глобальных цепочках создания стоимости имеют решающее значение для структурных изменений в экономике развитых стран (Baldwin, 2019).

В зарубежных исследованиях заслуживает внимания связь индустриализации и внешнего финансирования. Признавая необходимость индустриализации развивающихся стран, авторы исследований высказывают мнение, что внешний долг также позволяет проводить промышленные стратегии, не полагаясь на прямые иностранные инвестиции (Fischer, 2018).

Результаты и обсуждение

В Казахстане осуществляется программа второй пятилетки индустриализации, по своему содержанию в ней прослеживается первая модель индустриализации, описываемая в экономической теории.

Однако сохраняется проблема неравномерного экономического развития регионов, что затрудняет индустриализацию и осуществление экспортной политики государства.

Государственная промышленная политика осуществляется в РК через реализацию 27 отраслевых программ, действующих в настоящее время программ поддержки бизнеса «Производительность-2020», «Агробизнес-2020», «Дорожная карта бизнеса-2020».

С использованием экономико-статистических методов исследуем связь индустриализации экономики с изменениями в структуре валового регионального продукта.

Валовый региональный продукт (далее – ВРП) всегда представляет собой показатель, исчисляемый как валовая рыночная стоимость товаров и услуг конечного потребления, произведенных за определенный период времени всеми факторами производства, расположенного в границах данного региона.

Рассмотрим структуру валового регионального продукта по регионам РК с 2012 по 2017 гг.

Выбор временного лага связан с необходимостью определить направления тенденций структурных преобразований в экономике регионов, проявлением результатов осуществления ГПФИИР (2010-2014 гг.) и намеченных программой второй пятилетки индустриализации экономики РК (ГПИИР 2015-2019 гг.).

Как видно из показателей таблицы 1, наибольший рост удельного веса валового реги-

онального продукта наблюдается в г. Алматы (18,3 % в 2012 г. до 21,8% в 2017 г.). Увеличился удельный вес г.Астана в валовом региональном продукте: с 8,5% в 2012 г. до 10,6 в 2017 г. На указанные города республиканского значения в

сумме приходилось: 26,8% в 2012 г. и 32,4% в 2017 г. Закономерен вывод, что почти 1/3 валового регионального продукта Казахстана приходится на два крупных города, повышение роли других регионов не проявляется.

Таблица 1 – Удельный вес валового регионального продукта регионов в валовом региональном продукте Казахстана за 2012-2017 гг.

в процентах

№	Наименование региона	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Изменения 2017 г. к 2012 г. на ск. пунктов
1	Акмолинская	2,6	2,7	2,7	2,7	2,9	2,9	+0,3
2	Актюбинская	5,7	5,1	4,9	4,3	4,4	4,2	-1,5
3	Алматинская	4,7	4,8	4,8	4,8	4,7	4,5	-0,2
4	Атырауская	11,7	11,0	10,9	10,3	11,1	10,9	-0,8
5	Западно-Казахстанская	5,7	4,9	5,0	4,2	4,3	4,3	-1,4
6	Жамбылская	2,5	2,4	2,5	2,5	2,5	2,5	-
7	Карагандинская	7,9	7,3	7,3	7,6	7,9	7,9	-
8	Костанайская	3,7	3,7	3,5	3,4	3,2	3,4	-0,3
9	Кзылординская	4,1	4,0	3,5	2,9	2,8	2,7	-1,4
10	Мангыстауская	5,7	5,8	6,1	5,2	5,2	6,2	-0,5
11	Южно-Казахстанская	6,0	5,9	6,0	6,1	5,9	5,9	-0,1
12	Павлодарская	4,9	4,9	4,4	4,2	4,2	4,4	-0,5
13	Северо-Казахстанская	2,2	2,1	2,0	2,0	2,0	2,0	-0,2
14	Восточно-Казахстанская	5,8	5,7	5,8	5,7	5,9	5,8	-
15	г.Астана	8,5	9,7	10,1	11,8	10,4	10,6	+2,1
16	г.Алматы	18,3	20,0	20,5	22,3	22,6	21,8	+3,5
	Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	

Примечание – составлено авторами на основе данных Комитета по статистике: Регионы Казахстана в 2016г.; Регионы Казахстана в 2017 г., www.stat.gov.kz

Отмечая резкую дифференциализацию регионов по их вкладу в ВРП республики, считаем целесообразным создание благоприятных условий для индустриализации таких регионов, где промышленность всегда доминировала (Карагандинская, Восточно-Казахстанская, Павлодарская, ЮКО, Жамбылская).

Если рассмотреть удельные показатели – ВРП на душу населения за 2012-2017 гг. (таблица 2), то можно проследить наиболее активные процессы роста экономики в регионах.

Показатели ВРП на душу населения по регионам РК, представленные в таблице 2, отражают динамичные процессы увеличения этого показателя по всем регионам. Темп роста удельного показателя ВРП в среднем по Казахстану составил за период 2012-2017 гг. 158,9%. Опережаю-

щий по сравнению со среднереспубликанским показателем темп роста ВРП на душу населения имеет место в таких регионах, как Акмолинская (188,9%), Восточно-Казахстанская (172,9%), г. Алматы (166,2%), Жамбылская (163,9%), Карагандинская (170,4%), Алматинская (160,0%), Северо-Казахстанская (165,8%), г. Астана (161,2%).

Кроме того, следует указать значительные различия в абсолютных величинах ВРП на душу населения: если средняя величина в целом по РК составила 2,94 млн./чел., то в г. Алматы этот показатель 6,5 млн. тенге/чел. (выше среднего в 2,2 раза), в г.Астана – 5,61 млн. тенге/чел. (выше среднего в 1,9 раза). Лидером по данному показателю является Атырауская область, здесь региональный продукт на душу населения составил в

2017 г. 9,44 млн.тенге/чел., что выше среднереспубликанского показателя в 3,2 раза. Следует признать, что неравномерность экономического

развития регионов сохраняется в крупных городах и нефтедобывающих регионах, удельные показатели ВРП здесь наиболее высоки.

Таблица 2 – Валовый региональный продукт на душу населения в Казахстане за 2012-2017 гг.

в млн.тенге

№	Наименование региона	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017 г. к 2012 г. в %
1	Акмолинская	1,09	1,30	1,42	1,51	1,82	2,06	188,9
2	Актюбинская	2,22	2,30	2,36	2,14	2,46	2,66	119,8
3	Алматинская	0,75	0,89	1,00	1,02	1,11	1,2	160,0
4	Атырауская	6,58	7,08	7,55	7,17	8,63	9,44	143,5
5	Западно-Казахстанская	2,86	2,87	3,17	2,69	3,18	3,55	124,1
6	Жамбылская	0,72	0,81	0,89	0,92	1,06	1,18	163,9
7	Карагандинская	1,79	1,92	2,11	2,25	2,68	3,05	170,4
8	Костанайская	1,31	1,53	1,58	1,56	1,73	2,04	155,7
9	Кзылординская	1,76	1,98	1,85	1,53	1,7	1,83	103,9
10	Мангыстауская	3,17	3,59	4,05	3,44	3,88	5,03	158,6
11	Южно-Казахстанская	0,71	0,79	0,87	0,89	0,98	1,07	150,7
12	Павлодарская	2,03	2,34	2,32	2,29	2,61	3,09	152,2
13	Северо-Казахстанская	1,17	1,29	1,39	1,47	1,62	1,94	165,8
14	Восточно-Казахстанская	1,29	1,47	1,64	1,66	2,00	2,23	172,9
15	г.Астана	3,48	4,37	4,82	5,57	5,27	5,61	161,2
16	г.Алматы	3,91	4,78	5,02	5,44	6,14	6,51	166,2
	Итого:	1,85	2,11	2,95	2,33	2,64	2,94	158,9

Примечание – составлено авторами на основе данных Комитета по статистике: Регионы Казахстана в 2016 г.; Регионы Казахстана в 2017 г., www.stat.gov.kz

Объективная основа для неравномерного развития регионов, по нашему мнению, заключается в следующем: природно-климатические условия, местоположение, обеспеченность сырьем, инфраструктурой, деловая активность региональных органов управления по привлечению инвестиций, размещению производительных сил.

Самые густонаселенные – ЮКО (17% от общей численности населения РК), Алматинская (12%) имеют самые низкие показатели ВРП на душу населения (1,07 и 1,2 млн.тенге в 2017 г.). Следует отметить в качестве достижений региональной политики модернизации экономики снижение размаха вариации по величине ВРП на душу населения: 9,26 раз в 2012 г. и 7,86 раз в 2017 г.).

Для выявления процессов индустриализации и изменения роли материального производства в составе ВРП выполним расчет структуры ВРП с

выделением товаров (промышленность, сельское хозяйство, строительство) и услуг (таблица 3).

Представленная в таблице 3 структура ВРП наглядно показывает увеличение доли услуг в таких областях Казахстана, как Кзылординская (с 47,0% в 2012 г. до 55,19% в 2017 г.) Актюбинская (с 48,1% в 2012 г. до 54,02% в 2017 г.), Жамбылская (с 63,1% в 2012 г. до 65,58% в 2017 г.), ЮКО (с 58,3% в 2012 г. до 60,85% в 2017 г.), г. Астана (с 84,1% в 2012 г. до 85,29% в 2017 г.), г. Алматы (с 91,1% в 2012 г. до 92,85% в 2017 г.)

Считаем, что структурная модернизация экономики может быть обеспечена, с одной стороны, ускорением индустриализации и переходом на передовые технологии в базовых отраслях и, с другой стороны, с повышением качества услуг и снижением цен. Только качественные услуги по адекватной цене позволят сохранить покупательскую способность населения и позиции сферы услуг в экономике регионов.

Таблица 3 – Структура валового регионального продукта по производству товаров и услуг в регионах РК за 2012-2017 гг. *в процентах*

№	Наименование региона	Товары						Услуги					
		2012	2013	2014	2015	2016	2017	2012	2013	2014	2015	2016	2017
1	Акмолинская	42,4	41,0	40,65	42,18	45,47	44,4	57,6	59,0	59,35	57,82	54,53	55,6
2	Актюбинская	51,9	49,9	48,17	45,94	46,37	45,98	48,1	50,1	51,83	54,06	56,63	54,02
3	Алматинская	47,6	46,9	45,99	46,95	45,81	46,89	52,4	53,1	54,01	53,05	54,16	53,11
4	Атырауская	59,9	59,8	59,88	60,87	59,6	55,06	40,1	40,2	40,12	39,13	40,4	44,94
5	Западно-Казахстанская	63,3	59,1	61,29	59,36	57,71	56,36	36,7	40,9	38,71	40,64	42,29	43,64
6	Жамбылская	36,9	40,0	39,34	37,89	36,69	34,42	63,1	60,0	60,66	62,11	63,31	65,58
7	Карагандинская	57,6	55,8	50,45	51,13	52,33	52,18	42,4	44,2	49,55	48,87	47,67	47,82
8	Костанайская	38,9	37,3	41,97	38,77	39,31	40,31	61,1	62,7	58,03	61,23	60,69	59,69
9	Кзылординская	53,0	51,0	52,35	47,77	45,36	44,81	47,0	48,4	47,65	52,23	54,64	55,19
10	Мангыстауская	59,2	55,9	55,37	54,8	55,01	64,58	40,8	44,1	44,63	45,2	44,99	35,42
11	Южно-Казахстанская	41,7	41,9	41,86	41,77	40,79	39,15	58,3	58,1	58,14	58,23	59,21	60,85
12	Павлодарская	49,0	49,1	44,63	44,56	49,62	51,76	51,0	50,9	55,37	55,44	50,38	48,24
13	Северо-Казахстанская	39,8	38,6	39,0	41,54	49,71	42,6	60,2	61,4	61,0	58,46	50,29	57,4
14	Восточно-Казахстанская	42,7	42,5	43,89	44,28	48,7	46,16	57,3	57,5	56,11	55,72	51,3	53,84
15	г.Астана	15,9	13,0	13,36	13,6	15,71	14,71	84,1	87,0	86,34	86,4	84,29	85,29
16	г.Алматы	8,9	8,4	8,82	7,38	7,21	7,15	91,1	91,6	91,18	92,62	92,79	92,85
	Итого:	40,5	38,2	37,54	35,58	36,54	36,61	59,5	61,8	62,46	64,42	63,46	63,39

Примечание – рассчитано и составлено авторами на основе данных Комитета по статистике: Регионы Казахстана в 2016 г.; Регионы Казахстана в 2017 г., www.stat.gov.kz

Для реализации долгосрочных задач развития Казахстана до 2050 г. разработан и действует Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 г. как документ среднесрочного планирования. Главная цель указанного плана – добиться качественного и устойчивого подъема экономики, ведущего к повышению благосостояния людей и выхода на уровень стран ОЭСР. Заложена новая модель экономического роста, базирующаяся на стимулировании экспортноориентированного производства за счет повышения производительности и сложности экономики, развития человеческого капитала, привлечения частных средств и реализации потенциала развития регионов страны (Стратегический план развития РК, 2018).

В структурной модернизации экономики особое значение имеет приоритетное развитие таких базовых отраслей, как цветная металлургия, нефтегазовый сектор, агропромышленный комплекс, наука и технологии. Переход на высо-

кие переделы в цветной металлургии, повышение конкурентоспособности нефтегазового сектора, модернизация энергетического комплекса, применение цифровых технологий – все это связано с формированием нового уровня индустриализации экономики Казахстана.

Среди всех регионов Казахстана ЮКО является самой густонаселенной (2,92 млн.чел.), здесь имеется развитая инфраструктура, обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, создан благоприятный инвестиционный климат для развития экономики. За первую пятилетку индустриализации по программе ГПФИ-ИР крупные предприятия ЮКО, созданные в период существования СССР, прошли полную модернизацию и в настоящее время выпускают конкурентоспособную продукцию на уровне лучших мировых стандартов (Шымкентмай, Шымкентцемент, Химфарм, Кентауский трансформаторный завод и др.). По программе второй пятилетки индустриализации (ГПИИР) за

2015-2016 гг. из 120 предприятий, введенных в РК, 27 открыты в ЮКО (9 – стройиндустрия, 7 – пищевая, 6 – легкая промышленность, 2 – машиностроение и металлообработка, 1 – химическая промышленность. Процесс индустриализации в ЮКО прямо связан с образованием индустри-

альных зон: во всех районах области созданы 11 индустриальных зон, в них заявлен 151 проект на сумму 163 млрд. тенге, будет создано 13 тыс. рабочих мест.

Ниже приведены показатели структуры ВРП ЮКО за ряд лет.

Таблица 4 – Динамика показателей структуры валового регионального продукта ЮКО за 2012-2017 гг.

в процентах

№	Виды экономической деятельности	2012	2013	2014	2015	2016	2017
1	Промышленность	24,9	25,5	26,7	26,24	24,99	24,39
2	Сельское хозяйство	9,5	9,4	8,66	9,28	9,85	9,15
3	Строительство	7,3	7,0	6,5	6,25	5,95	5,66
4	Оптовая и розничная торговля, ремонт автомобилей и мотоциклов	11,6	10,3	11,77	10,88	11,11	10,23
5	Транспорт и складирование	7,9	8,0	8,28	8,75	10,22	10,61
6	Информация и связь	0,7	0,7	0,72	0,72	0,57	0,53
7	Операции с недвижимым имуществом	12,6	13,0	11,9	11,51	12,56	11,77
8	Прочие услуги	19,6	19,7	19,36	21,68	19,38	22,14
9	Чистые налоги на продукцию	5,9	6,4	6,12	4,69	5,39	5,58
	Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание – составлено авторами на основе данных Комитета по статистике: Регионы Казахстана в 2016 г.; Регионы Казахстана в 2017 г., www.stat.gov.kz

Как видно из таблицы 4, в структуре валового регионального продукта ЮКО за анализируемый период 2012-2017 гг. произошли следующие изменения:

1. Удельный вес материального производства с 41,7% в 2012 г. снизился до 39,2% в 2017 г.;

2. Увеличился удельный вес услуг с 58,3% в 2012 г. до 60,8% в 2017 г.;

3. Из указанных видов услуг увеличился удельный вес вида деятельности «транспорт и складирование» с 7,9% до 10,61%, «прочие услуги» с 19,6% до 22,14%.

Таким образом, пока сохраняется положение преимущественного развития сферы услуг, что связано с предпочтениями предпринимательской среды осуществлять виды деятельности, не связанные с большими объемами первоначальных вложений капитала, длительными сроками строительства промышленных объектов, высокой конкуренцией на рынке товаров, отсутствием доступных финансовых ресурсов. Процессы индустриализации приведут к желаемым изменениям только при завершении индустриальных

зон в районах области и увеличением объема промышленной продукции.

С изменением статуса областного центра и приданием г. Шымкенту статуса города республиканского значения появляются как дополнительные возможности, так и объективные затруднения в осуществлении программ модернизации экономики. Приведенные ниже социально-экономические показатели ЮКО, сформированной в 2018 г. Туркестанской области характеризуют ведущую роль г. Шымкента, создающего преимущественную долю валового регионального продукта (газета «Южный Казахстан», 2019).

Приведенные в таблице 5 показатели ЮКО с распределением сумм на Туркестанскую область и г. Шымкент приводят к таким выводам: промышленность, строительство, торговля и налоговые поступления связаны с экономической деятельностью предприятий, расположенных в г. Шымкенте. 43% инвестиций размещаются в г. Шымкенте, что не способствует развитию индустриализации районов Туркестанской области. Потенциал районов позволяет повсеместно

выпускать строительные материалы, размещать предприятия по переработке козьего, верблюжьего молока, заводы по переработке сельхозпродукции, по переработке рыбы. Необходимо развитие секторов, обеспечивающих население необходимыми в быту товарами и не требующих значительных капиталовложений. Для Туркестанской области и г. Шымкента в контексте указанного следует рекомендовать такие виды

экономической деятельности, как производство продуктов питания, агропромышленный комплекс, легкая промышленность и производство строительных материалов. Необходимые ресурсы, трудовой и производственный потенциал для этого имеются. Потребуется выгодные для предпринимателей условия кредитования на достаточно реальный для промышленного производства период – 5-7 лет.

Таблица 5 – Основные социально-экономические показатели административных подразделений в 2018 г.

№	Наименование	ЮКО, млрд. тенге	Туркестанская область		г.Шымкент	
			млрд.тенге	доля, в %	млрд.тенге	доля, в %
1	Промышленность	858,5	446,9	52,0	411,6	48
	в том числе: обрабатывающая	585,7	235,1	40,0	350,4	60,0
2	сельское хозяйство	522,4	497,5	95,0	24,9	5,0
3	строительство	234,1	132,1	56,0	102,0	44,0
4	инвестиции	482,0	275,7	57	206,7	43
5	торговля	433,8	104,7	24,0	329,1	76,0
6	налоговые поступления	124,4	53,7	42,0	70,7	58,0

Примечание – составлено авторами на основе данных газеты «Южный Казахстан», 2019

Заключение

Осуществление программ индустриально-инновационного развития экономики РК приводит к изменению структуры ВРП Казахстана. За анализируемый период времени 2012-2017 гг. сохраняется преимущественный вклад в ВРП страны таких регионов, как Мангыстауская, Карагандинская, Атырауская области, увеличился удельный вес крупных городов Алматы и Астана.

Анализ среднедушевого размера ВРП выявил значительные различия этого показателя, лидером является Атырауская область, где удельный показатель в 2017 г. составил 9,44 млн. тенге/чел. при среднереспубликанском показателе 2,94 млн. тенге/чел. Несомненным достижением региональной политики модернизации экономики, основанной на индустриально-инновационных направлениях, является снижение размаха вариации по величине ВРП на душу населения с 9,26 раз в 2012 г. до 7,86 раз в 2017 г.

Выполненные расчеты соотношения товаров и услуг в структуре ВРП показали увеличение доли товаров (материальное производство) в таких регионах, как Мангыстауская, Павлодарская области, более половины в структуре ВРП занимают товары в таких областях, как Атырауская, Карагандинская, Западно-Казахстанская области. По преимущественному количеству регионов имеет место рост удельного веса услуг, что приводит к выводам о низкой активности индустриализации в данных областях Казахстана.

Анализ показателей структуры ВРП ЮКО выявил снижение удельного веса материального производства и увеличение доли услуг, что приводит к выводу о необходимости ускорения процессов индустриализации в данном регионе. Предложены рекомендации по индустриализации районов Туркестанской области (бывшая ЮКО) для рационального использования потенциала сельского хозяйства, минерально-сырьевой базы, трудовых ресурсов региона.

Литература

Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана «Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни». 5 октября 2018.

Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015-2019 годы. Утвержденный Указом Президента Республики Казахстан от 1 августа 2014 г. № 874.

- Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. – М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М., 2011.
- Гринберг Р.С. Российская структурная политика: между неизбежностью и неизвестностью. В книге «Конкурентоспособность: теория, методология, практика. Экономические исследования (под ред. Л.С. Беляхмана и А.А. Абишева). – Алматы: Экономика, 2008.
- Bezrukova N., Svichkar. Dutch disease in Ukraine. – 2014. – vol. 7-8, pp. 4-7.
- Golova I.M. Innovation competitiveness of the Russian regions // *Economy of Region*. – 2015. – vol. 3, pp. 294-311.
- Wu S., Li L., Li S. Natural resource abundance, natural resource-oriented industry dependence, and economic growth: Evidence from the provincial level in China // *Resources, Conservation and Recycling*. – 2018. – vol. 139, pp. 163-171.
- Storm S. The Political Economy of Industrialization // *Development and Change*. – 2017. – 1–19, DOI: 10.1111/dech.12281.
- Andreoni A., Chang H.-J. The political economy of industrial policy: Structural interdependencies, policy alignment and conflict management // *Structural Change and Economic Dynamics*. – 2019. – vol. 48, pp. 136-150.
- Баймуратов У. Социальная экономика, том 4. Избранные научные труды. – Алматы: БИС, 2005.
- Svilokos T., Vojinić P., ŠumanTolić M. The role of the financial sector in the process of industrialisation in Central and Eastern European countries // *Economic Research-Ekonomska Istrazivanja*. – 2019. – vol. 32. – issue 1, pp. 384-402.
- Baldwin R., Okubo T. GVC journeys: Industrialisation and deindustrialisation in the age of the second unbundling // *Journal of the Japanese and International Economies*. – 2019. – vol. 52, pp. 53-67.
- Fischer A.M. Debt and development in historical perspective: The external constraints of late industrialisation revisited through South Korea and Brazil // *World Economy*. – 2018. – vol. 41. – issue 12, pp. 3359-3378.
- Регионы Казахстана в 2016 году. Статистический ежегодник на казахском и русском языках. – Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике. – Астана, 2017, www.stat.gov.kz
- Регионы Казахстана в 2017 году. Статистический ежегодник на казахском и русском языках. – Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике. – Астана, 2018, www.stat.gov.kz
- Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 года. Утвержденный Указом Президента Республики Казахстан от 15.02.2018г. № 631.
- Первый год, первые достижения // Газета «Южный Казахстан». – 2019.

References

- Andreoni A., Chang H.-J. (2019) The political economy of industrial policy: Structural interdependencies, policy alignment and conflict management. *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 48, pp. 136-150.
- Bajmuratov U. (2005) *Social'naja jekonomika, tom 4. Izbrannye nauchnye trudy* [Social economy, volume 4. Selected Scientific Works]. Almaty: BIS.
- Bezrukova N., Svichkar. (2014) Dutch disease in Ukraine, vol. 7-8, pp. 4-7.
- Baldwin R., Okubo T. (2019) GVC journeys: Industrialisation and deindustrialisation in the age of the second unbundling. *Journal of the Japanese and International Economies*, vol. 52, pp. 53-67.
- Fischer A.M. (2018) Debt and development in historical perspective: The external constraints of late industrialisation revisited through South Korea and Brazil. *World Economy*, vol. 41, issue 12, pp. 3359-3378.
- Golova I.M. (2015) Innovation competitiveness of the Russian regions. *Economy of Region*, vol. 3, pp. 294-311.
- Gosudarstvennaja programma industrial'no-innovacionnogo razvitija Respubliki Kazahstan na 2015-2019 gody [State program of industrial-innovative development of the Republic of Kazakhstan for 2015-2019] (2014) *Utverzhdenyj Ukazom Prezidenta Respubliki Kazahstan, № 874*.
- Grinberg R.S. (2008) Rossijskaja strukturnaja politika: mezhdju neizbezhnost'ju i neizvestnost'ju [Russian structural policy: between inevitability and uncertainty]. V knige «Konkurentosposobnost': teorija, metodologija, praktika. Jekonomicheskie issledovanija (pod red. L.S.Beljahmana i A.A.Abisheva). Almaty: Jekonomika.
- Poslanie Prezidenta Respubliki Kazahstan narodu Kazahstana «Rost blagosostojanija kazahstancsev: povyshenie dohodov i kachestva zhizni» [Message of the President of the Republic of Kazakhstan to the people of Kazakhstan “Growth of the welfare of Kazakhstan: an increase in income and quality of life”] (2018)
- Pervyj god, pervye dostizhenija [First year, first achievements] (2019) *Gazeta «Juzhnyj Kazahstan»*.
- Rumjanceva E.E. (2011) *Novaja jekonomicheskaja jenciklopedija* [New economic encyclopedia]. Moscow: ООО «Nauchno-izdatel'skij centr INFRA-M.
- Regiony Kazahstana v 2016 godu [Regions of Kazakhstan in 2016] (2017) *Statisticheskij ezhegodnik na kazahskom i russkom jazykah*. Ministerstvo nacional'noj jekonomiki Respubliki Kazahstan. Komitet po statistike, Astana.
- Regiony Kazahstana v 2017 godu [Regions of Kazakhstan in 2017] (2018) *Statisticheskij ezhegodnik na kazahskom i russkom jazykah*. Ministerstvo nacional'noj jekonomiki Respubliki Kazahstan. Komitet po statistike, Astana.
- Storm S. (2017) The Political Economy of Industrialization. *Development and Change*, 1–19. DOI: 10.1111/dech.12281.
- Svilokos T., Vojinić P., ŠumanTolić M. (2019) The role of the financial sector in the process of industrialisation in Central and Eastern European countries. *Economic Research-Ekonomska Istrazivanja*, vol. 32, issue 1, pp. 384-402.
- Strategičeskij plan razvitija Respubliki Kazahstan do 2025 goda [Strategic Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2025] (2018) *Utverzhdenyj Ukazom Prezidenta Respubliki Kazahstan. № 631*
- Wu S., Li L., Li S. (2018) Natural resource abundance, natural resource-oriented industry dependence, and economic growth: Evidence from the provincial level in China. *Resources, Conservation and Recycling*, vol. 139, pp. 163-171.

Кокеева С.Э.¹, Адамбекова А.А.²

¹докторант, e-mail: samal.kokeyeva@narxoz.kz

²э.ғ.д., профессор, e-mail: ainagul.adambekova@narxoz.kz

Нархоз Университеті, Қазақстан, Алматы қ.

ШАҒЫН АГРАРЛЫҚ БИЗНЕСТІҢ КАПИТАЛ ҚҰРЫЛЫМЫ МЕН ОНЫҢ ДЕТЕРМИНАТТАРЫ

Капитал құрылымы тақырыбы зерттеушілер арасында көптеген пікірталастар тудырады. Оңтайлы капитал құрылымы бизнес үшін басты шарттардың бірі. Басшылар қаржылық шешім қабылдау кезінде зерттеулерде ұсынылған әртүрлі және бір-біріне қайшы келетін факторларды ескеру керек. Шағын бизнес сегментіндегі компаниялар ерекшелігін ескерсек, оңтайлы капитал құрылымына жету қиын міндет. Өйткені барлығына бірдей қолдануға болатын оңтайлы капитал құрылымы моделі жоқ. Сол себепті капитал құрылымына әсер етуші факторларды білу маңызды шарт. Мақаланың мақсаты – Қазақстанның ауыл шаруашылығымен айналысатын шағын бизнес субъектілерінің капитал құрылымын таңдауын түсіндіру үшін оның детерминанттарын тексеру. Фирма факторлары бойынша капитал құрылымының детерминанттары қарыз капиталының үш түрінде қарастырылды. Талдау панельдік әдіс бойынша ҚР Статистика агенттігінен 2015–2017 жылдар аралығындағы 50 шағын және орта компаниялардың қаржылық есептілігіндегі мәліметтер бойынша жасалды. Алынған нәтижелер қаржылық шешімдер иерархия теориясына және жекелеген жағдайларда агенттік теориясына сәйкес келетіндігін көрсетеді. Эмпирикалық зерттеулерде қарастырылған факторлардың басым бөлігі Қазақстандық ауыл шаруашылығымен айналысатын шағын компанияларға статистикалық маңызды әсері мардымсыз. Шағын бизнес субъектілерінің үш түрлі қарыз мерзімінде де капитал құрылымына табыстылықтың және қысқа мерзімді қарыз коэффициентіне активтер құрылымы мен фирма көлемінің әсері маңызды екендігі анықталды.

Түйін сөздер: капитал құрылымы, агро-бизнес, шағын бизнес субъектілері, қаржылық шешімдер.

Kokeyeva S.E.¹, Adambekova A.A.²

¹doctoral student, e-mail: samal.kokeyeva@narxoz.kz

²doctor of economic sciences, Professor, e-mail: ainagul.adambekova@narxoz.kz

Narxoz University, Kazakhstan, Almaty

The capital structure of small agricultural businesses and its determinants

The theme of capital structure has always causes a lot of discussions between researchers. Managers should take into account various and contradictory factors presented in the studies when they make financial decisions. It is difficult to achieve an optimal capital structure taking into the specifics of companies in the small business segment. There is no model of optimal capital structure that can be accessed by all equally. Therefore, it is important to know the factors affecting the capital structure. The aim of this paper is to test how firm characteristics affect agricultural small business' capital structure in Kazakhstan. It discusses the effect of selected determinants on the capital structure of businesses, expressed by way of three categories of indebtedness. The analysis of the determinants of capital structure is conducted by way of panel regression. The panel data for the article were acquired from the Agency of statistics database. Specifically, the data used were those from accounting statements for the years 2015 – 2017 for the agricultural businesses of legal entities. In total, the object of examination was 50 small businesses. The results show that financial decisions correspond to the Pecking-order theory and in some cases to the Agency theory. Most of the factors considered in empirical studies are not significant. It is established that for all periods of debt, the impact of profitability on the small businesses capital structure is statistically significant, as well as the impact of the asset tangibility and the firm size in short-term debt.

Key words: capital structure; firm behaviour; agro-business; small business, financial choices.

Кокеева С.Э.¹, Адамбекова А.А.²

¹Докторант, e-mail: samal.kokeyeva@narxoz.kz

²Д.э.н., профессор, e-mail: ainagul.adambekova@narxoz.kz
Университет Нархоз, Казахстан, г. Алматы

Структура капитала малого аграрного бизнеса и его детерминанты

Тема структуры капитала вызывает множество дискуссий между исследователями. При принятии финансовых решений руководителям следует учитывать различные и противоречивые факторы, представленные в исследованиях. Учитывая специфику компаний в сегменте малого бизнеса, трудно достичь оптимальной структуры капитала. Так как не существует модели оптимальной структуры капитала, которая может быть доступна всем одинаково. Поэтому важно знать факторы, влияющие на структуру капитала. Целью настоящей работы является проверка детерминантов структуры капитала субъектов малого бизнеса, занимающихся сельским хозяйством в Казахстане, для объяснения выбора структуры капитала. Обсуждается влияние выбранных детерминант на структуру капитала предприятий, выраженную в виде трех категорий задолженности. Анализ определяющих факторов структуры капитала проводится путем панельной регрессии. Данные панели для статьи были получены из базы данных Агентства по статистике РК, использовались данные из финансовой отчетности за 2015 – 2017 годы по сельскохозяйственному бизнесу 50 малых агропромышленных предприятий. Полученные результаты показывают, что финансовые решения соответствуют теории иерархии и в отдельных случаях теории агентства. Большинство факторов, рассмотренных в эмпирических исследованиях, статистически не значимы. Установлено, что при всех периодах долга на структуру капитала субъектов малого бизнеса статистически значимо влияние рентабельности, а также значимо влияние структуры активов и объема фирмы при краткосрочной задолженности.

Ключевые слова: структура капитала, агро-бизнес, малые предприятия, финансовые решения.

Кіріспе

Ауыл шаруашылығы секторы Қазақстан үшін экономиканың маңызды секторы. Алайда ауыл шаруашылығымен айналысу мезгілге, табиғат және өндіріс ерекшеліктеріне байланысты болғандықтан, бұл секторге ерекше көңіл бөлінеді. Ауыл шаруашылығымен айналысатын компаниялардың бұл ерекшеліктері оның капитал құрылымына да әсер етеді. Олардың капитал құрылымын оңтайландыру маңыздылығы басқа бизнес секторларынан кем емес. Қаржыландырудың сыртқы және ішкі көздерінің қатынасы туралы шешім қабылдау компания дамуының басты кілт көзі. Қарыз қаражатын қолдану салық ауыртпалығын жеңілдету кезінде де қолданылады. Өйткені қарыз бойынша төленетін сыйақы салық төлеу кезінде шегерімге алынады. Алайда Қазақстанның шағын және орта кәсіпорындары үшін бұл концепция жұмыс істемеуі ықтимал. Өйткені өкімет бұл бизнес өкілдерін, оның ішінде әсіресе ауыл шаруашылығымен айналысатын шағын және орта бизнес субъектілеріне барынша жеңілдіктер жасауда. Қазақстан Республикасының «Қазақстан-2050» стратегиясында фермерлік пен ауыл шаруашылығы өндірісіне қызмет атқаратын шағын және орта

бизнесінің дамуы басты міндеттердің бірі екені айтылады («Стратегии и программы РК», 2012). Осыған орай, мемлекет тарапынан әртүрлі жеңілдіктер жасалып, жаңа технологиялар мен басқаруды жақсарту арқылы 2050 жылға қарай ел ЖІӨ-ндегі ауыл шаруашылығының үлесін бес есе өсіру көзделген. Агроөнеркәсіп кешенін 2020 жылға дейін дамыту бағдарламасы жасалған. Бұл бағдарламаға сәйкес, ауыл шаруашылығын мемлекеттік қолдауды 4,5 есеге өсіру мақсатталған. Осылайша, ауыл шаруашылығымен айналысатын субъектілердің бәсекегеқабілеттігін арттыру мақсаты қойылған.

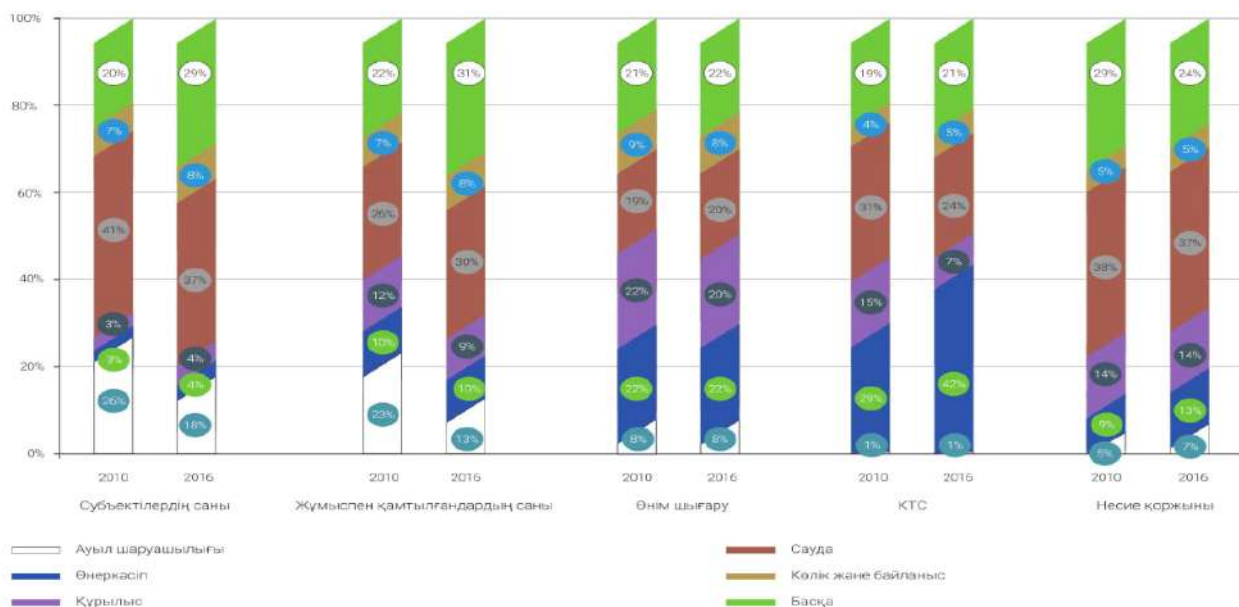
Әр компания бизнес жүргізу кезінде меншік иесі үшін максималды табысқа жету қағидасын ұстанады. Сондықтан бизнес құрылымы минималды шығын шығару арқылы максималды капиталмен қамтамасыз ету мақсатында құрылу керек. Сол себепті, капитал шығындарға тікелей байланысты екені анық. Қаржы теориясында капитал құрылымын оңтайландыру тақырыбы кеңінен зерттеліп келеді. Алайда 60 жылдан астам уақыт өтсе де бұл тақырып әлі күнге дейін өзекті мәселелердің бірі болуда. Капитал құрылымы мен оған әсер етуші факторларды бағалау бойынша көптеген фундаменталды және эмпирикалық зерттеулер бар. Бастапқы зерттеу АҚШ-та жасалып, кейін Еуропаға көшкен,

ал қазіргі кезде бұл тақырып Азия елдерінде, әсіресе шағын және орта кәсіпорындар үшін кеңінен зерттелуде. Қазақстанда бұл тақырып әлі толық зерттелмеген. Капитал құрылымын құруға көптеген факторлар әсер етеді. Оңтайлы капитал құрылымын құру үшін осы факторлардың әсерін анықтау бизнестің ары қарайғы дамуы үшін өте маңызды. Капитал құрылымының детерминаттары әртүрлі теорияларға сәйкес ішкі және сыртқы факторларға бөлінеді. Егер экономикалық саясат, экономикалық даму, капитал нарығындағы жағдай, мемлекеттік саясат, экология, ақша-несиелік саясат сияқты сыртқы факторларға компания әсер ете алмаса, компанияның экономикалық қызметі сияқты ішкі факторларға әсер ету арқылы компания өз капитал құрылымына да белгілі бір көлемде әсер ете алады. Сол себепті көптеген эмпирикалық зерттеулер дәл осы ішкі факторлар әсерін анықтауға арналған. Ішкі факторлар ретінде негізінен фирма көлемін, жасын, салық ауыртпалығын, өтімділігі, активтер құрылымы, табыстылығы, бизнес өсімі, салалық ерекшелігі сияқты көрсеткіштер қолданылады. Осы көрсеткіштерді дұрыс қолдану арқылы оңтайлы капитал құрылымын құруға болады. Сол себепті, мақаланың мақсаты Қазақстан Республикасындағы ауыл шаруашылығымен ай-

налысатын шағын бизнес субъектілерінің капитал құрылымы детерминаттарын анықтау және алынған нәтижелерді капитал құрылымы бойынша теориялар мен басқа елдерде жүргізілген эмпирикалық зерттеулер нәтижесімен салыстыру. Осы мақсатқа жету үшін қарыз көрсеткіші ретінде қысқа мерзімді, ұзақ мерзімді және жалпы қарыз коэффициенттеріне фирма көлемі, активтер құрылымы, табыстылығы өсу қарқыны мен салық қорғанысының әсері анықталады. Сонымен қатар жекелеген капитал құрылымы детерминаттарының теориялық қағидалар мен эмпирикалық зерттеулерге сәйкес келуі тексеріледі.

Қазақстанның аграрлық секторы

Қазақстанда, басқа мемлекеттер сияқты экономикалық өсу үшін шағын және орта кәсіпорындардың мәні зор. Капитал инвестициялар мен фирманың өмір сүруі үшін өте маңызды. Ал қаржылық шектеулер тұрақты өсімді тежейді. Сол себепті, сыртқы капиталға қол жеткізе алатын фирмалар тезірек өседі (Rajan & Zingales, 1995), ендеше сыртқы қаржыландыру алу мүмкіндігі фирма дамуының маңызды факторы. Қазіргі кезде мемлекетіміздің шағын және орта кәсіпорындары, оның ішінде әсіресе аграрлық сектор әлі де жақсы дамымаған.

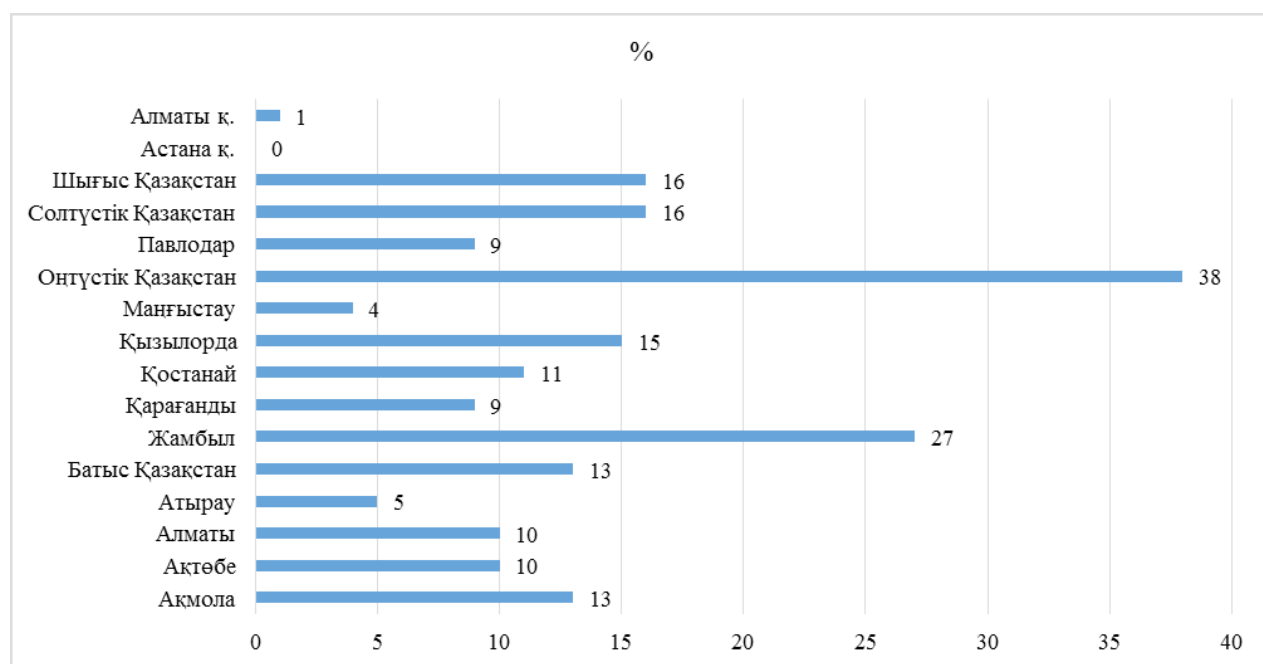

1-сурет – Шағын және орта кәсіпкерліктің макрокөрсеткіштерінің салалық құрылымы
 Дереккөз: ҚР ҰЭМ Статистика комитетінің (stat.gov.kz), ҚР Ұлттық Банкінің (nationalbank.kz) мәліметтер бойынша, Даму қорының (damu.kz) есептілігінен алынған

Қазақстандағы аграрлық сектордың проблемаларының бірі аграрлық кешеннің техникалық және технологиялық толық қамтамасыз етілмеуі. 2016-2017 жылдарғы техникалық қамтамасыз ету талдауы тозу дәрежесі 85% құрайтынын анықтады, ол 100 га егістіктегі ауыл шаруашылығы өндірісінің энергиямен қамтамасыз етуінің төмендеуіне әкелуде. Ауыл шаруашылығындағы инновациялық процестер баяу дамуда. Фермерлердің жаңа агротехнологияларды қолданбаудың себебі қаражаттың жетіспеушілігінен. Мемлекетімізде ауыл шаруашылығының дамуы үшін үлкен жер қорының болуына қарамастан, жерді құнарландыру, сумен қамтамасыз ету сияқты проблемалар себебінен көптеген жерлер ауыл шаруашылығы айналымынан шығарылып тасталған (Хапова, 2018). Қазіргі кезде мемлекет субсидия беру арқылы фермерлерге жеңілдігі бар

төмен пайызды несиелер беруді қарастырады. Алайда ауыл шаруашылығымен көбінесе бір немесе екі адамнан тұратын жеке кәсіпкерлер айналысқандықтан, несиеге кепілдікке қоятын құнды мүлкі болмағандықтан, мұндай несиені алуға мүмкіндігі болмайды.

1-суреттен көріп отырғанымыздай, елімізде ауыл шаруашылығымен айналысатын кәсіпорындардың жалпы шағын және орта кәсіпорындар ішіндегі үлесі алты жыл ішінде 26%-дан 18%-ға дейін төмендеген, алайда өнім шығару үлесі бойынша көрсеткіш өзгермеген. Мемлекетке түсетін салық бойынша ауыл шаруашылығымен айналысатын компаниялардың үлесі ең төмен, ол Қазақстандағы осы салаға салық салу бойынша қолданылатын максималды жеңілдіктерге байланысты. Алынған несиелер бойынша көлік және байланыс саласында қызмет атқаратын кәсіпорындармен теңеседі.

2-сурет – Тіркелген шағын және орта кәсіпкерлік субъектілерінің экономикалық қызмет түрлері бойынша ауыл шаруашылығының әр аймақтағы үлесі
Ескерту – авторлармен құрастырылған

Ауыл шаруашылығымен айналысатын шағын компаниялардың үлес салмағы бойынша Оңтүстік Қазақстан басым бөлігін алады. Жамбыл және Қызылорда облыстарында орналасқан

компаниялардың сәйкесінше 27 және 15 пайызы ауыл шаруашылығымен айналысады. Маңғыстау мен Атырау қалаларында бұл сала өте төмен дамыған (2-сурет).

Әдебиеттерге шолу

Капитал құрылымын жалпы түсіну үшін оған әсер ететін детерминанттарды қарастырамыз. Фирманың капитал құрылымын фундаменталды зерттеу арқылы Модильяни мен Миллер (1958) (Modigliani & Miller, 1958) капитал құрылымының теориялық негізінің ары қарайғы дамуына түрткі болды. Капитал құрылымы теорияларын негізінен үш түрге бөлуге болады: компромистердің статикалық теориясы, агенттік теориялар және ақпарат асимметриясына негізделген теориялар. 1963 жылы Модильяни мен Миллер капитал құрылымына фискалды әсерді қарастыра келе, пайыздық төлемдер салық салудан босатылатындықтан, компаниялар басқа қаржы ресурстарына қарағанда қарыз қаражатын таңдайтынын айтты (Modigliani & Miller, 1963). Осыған орай, (DeAngelo & Masulis, 1980) компромистердің статикалық теориясын ұсынды. Теорияға сәйкес, салық ауыртпалығын жеңілдететін қарыз қаражаты кәсіпкерлік тәуекелдің өсуіне әкеледі. Авторлар қарыз алу арқылы үнемделген салық жинақтарының келтірілген құны, залал шегудің келтірілген құнының өсуі арқылы өтелетін фирма қарызының оңтайлы деңгейін ұсынды. Алайда, шағын және орта кәсіпкерлік бойынша эмпирикалық зерттеулер компромистер теориясын қолдайтын дәлелдемелер таппады (Nicos Michaelas et al, 1999). Pettit & Singer (1985) айтуынша, шағын және орта кәсіпорындар рентабельдігі корпоративтік секторға қарағанда төменірек болғандықтан қарыз қаражатын салық қорғанысы (ETR) ретінде қолданбайды. Шағын фирмалар қаржылық қиыншылықтарға көбірек ұшырайды, сол себепті салық қорғанысы олар үшін маңызды емес (мас an Bhaired & Lucey, 2010). Сонымен қатар, қазақстандық ауыл шаруашылығымен айналысатын шағын бизнес субъектілеріне салынатын 3% және 10% мөлшерлемедегі салық, әлем бойынша ең төмен салықтардың бірі. Осы факторларды ескере келе, қазақстандық шағын бизнес субъектілері үшін компромистер теориясы маңызды еместігін айтуға болады.

Myers & Majluf (1984) иерархия теориясына сәйкес, инвесторлар қарыз қаражатына қарағанда меншік капиталын қолданудың тәуекелі жоғары деп есептейді. Сондықтан фирмаларға инвестициялық жобаларды меншік капиталынан төлеуді ұсынады. Бірнеше зерттеулерде фирмалар шектеулі иерархиялық ретте жұмыс

істейтіндігі және сыртқы капитал тарту мүмкіндігін қарастырмайтындығы айтылады.

Келесі маңызды теориялардың бірі, агенттік теориясы, акционерлер мен фирманың басқа қаржылық қатысушылары арасындағы қайшылықтарды зерттейді. Ол негізінен акционерлер мен кредиторлар арасындағы және акционерлер мен менеджерлер арасындағы мүдделер қайшылығын қарастырады. Ауыл шаруашылығымен айналысатын шағын және орта компанияларда меншік пен басқару іс жүзінде бірдей. Сондықтан бұл топтың қаржылық мақсаты бір. Алайда шағын фирмалар үшін меншік иелері мен кредиторлар арасында болатын қақтығыс маңызды болуы мүмкін. Бұл субъектілердің капитал құрылымы банк беретін несие уақытының шектеулігімен түсіндірілуі мүмкін. Осыған орай, шағын фирмалар күрделі фирмаларға қарағанда, қысқа мерзімді қарызды көбірек қолдануы мүмкін (Bevan & Danbolt, 2002).

Менеджер мен инвесторлар арасында ақпараттық теңсіздік болғандықтан иерархия теориясы маңызды болады. Myers & Majluf (1984) компания өз қаржысын қаржыландыру ретімен (иерархиясымен) бөлетінін айтады. Фирмалар ақпараттық теңсіздік салдарынан, сыртқы капитал көздеріне қарағанда ішкі капитал көздерін қалайды. Яғни табысы жоғары компаниялар инвестицияларды қарыз қаражаты есебінен емес, бөлінбеген табыстан қаржыландырады. Бұл теория ауыл шаруашылығымен айналысатын шағын және орта кәсіпорындар үшін қолданылуын келесідей негіздеуге болады: Меншік иелері/менеджерлері өз фирмаларының пайдасын сақтағысы келеді, сондықтан олар компанияның қызметін қаржыландыру үшін сыртқы ресурстарға қарағанда ішкі қаржыландыруды көбірек қалайды. Агро-өнеркәсіптік шағын компаниялар сыртқы қарыздарды қажет еткенде, олар қысқа мерзімді қарызды қалайды, өйткені бұл менеджерлердің іс-қимылын шектемейді. Бұл теорияны табыстылық (profitability) көрсеткіші арқылы зерттейді.

Аталған теорияларды эмпирикалық зерттеулерде сонымен қатар активтер құрылымы, көлем, өсу қарқыны сияқты негізгі факторлар қолданылылады.

Активтер құрылымын (Asset tangibility) анықтағанда компанияға тиесілі материалдық және материалдық емес ресурстарды бөліп қарастырады. Активтер сезімтал болған сайын оның кепілдендірілген қарыз міндеттемелерін

шығару мүмкіндігі жоғары болады (Booth et al., 2001). Негізгі құралдары көп фирмалар сол активтерін кепілдік ретінде қойып салыстырмалы түрде пайыздық мөлшерлемесі төмен қарыз ала алады. Сонымен қатар, Titman et al. (1988) активтері көп фирмалардың ликвидациялық құны жоғары болғандықтан қарызы да сәйкесінше көп болатындығын айтады. Несиені төлеу мерзімін шектеу шағын компанияның қарызының құрылымын жартылай түсіндіре алады. Осылайша, шағын фирма қысқа мерзімді қарыз қаражатын қолдана алады, алайда бұл қарыз үлкен фирмалар алатын қарыз қаражаты мерзімінен ұзағырақ болуы мүмкін (Sogorb-Mira, 2005).

Фирма көлемі (Size) мен қаржы тұтқасы арасындағы байланысты түсіну өте маңызды. Өйткені шағын фирмаларға қарағанда үлкен фирмалар өздерінің қаржыландыру көздерін диверсификациялауды қалайды. Сонымен қатар, шағын және үлкен компаниялар арасында қарызды өтеу құрылымында айырмашылықтар болады (Uyar & Guzelyurt, 2015). Көптеген эмпирикалық зерттеулер фирма көлемі мен қарыздың оң байланысты екенін дәлелдейді (Nicos Michaelas et al, 1999), (Fama & French, 1998), (Cassar & Holmes, 2018). Алайда екі көрсеткіш арасында теріс байланысты анықтаған да бірнеше зерттеулер бар, мысалы Heuman, De-loof, & Ooghe (2008), ал Rajan & Zingales (1995) мен de Jong, Kabir, & Nguyen (2008) фирма көлемінің статистикалық маңызы жоқ деп тапқан. Бұл қорытынды иерархия теориясына сәйкес, фирма көлемі менеджмент пен сыртқы инвесторлар арасындағы асимметриялық ақпаратты шешуге көмектеседі деп пайымдайды. Раджан мен Зингалестің айтуынша, фирма көлемінің қарыз коэффициентіне әсері бір мәнді емес, көлем сыртқы инвесторлар білетін ақпарат үшін өлшем болуы мүмкін, ол өз кезегінде меншік капиталын қарыз капиталына қарағанда көбірек қолданылуын көрсетеді, ал фирма көлемі қарызбен теріс байланыста болады.

Өсу қарқыны (Growth). Huang & Song (2006) айтуынша, жоғары мүмкіндігі бар фирмалар қаржылық тартымды болады және ары қарай өсу үшін қаржыландыруды қажет етеді. Майерстің айтуынша, өсу мүмкіндігі моральдік тәуекел тудыруы мүмкін және фирмаларды одан да жоғары тәуекелге итермелеуі мүмкін. Сондықтан, өсу мүмкіндігі бар фирмаларда

төмен қаржы тұтқалары болады. Алайда Nicos Michaelas et al. (1999) айтуынша, өсім, фирмаларды сыртқы қаржыландыруды іздеуге итермелейді, өйткені өсу мүмкіндігі жоғары фирмалар, ішкі қаражатын тауысып бітіру ықтималдығы жоғары болғандықтан қосымша капиталды қажет етеді.

Әдістеме

Зерттеуімізде бағалау объектісі ретінде кездейсоқ түрде алынған ауыл шаруашылығымен айналысатын Қазақстандағы 50 шағын бизнес субъектілері алынып, 2015-2017 жылдар аралығындағы қаржылық есептілігі негізінде капитал құрылымы талданды. Мәліметтер ҚР Қаржы министрлігінің Статистика агенттігінен алынды. Фирмалардың барлығы шағын кәсіпорын сипатына сәйкес келуі және балансында қарыз қаражатының болуы қадағаланды.

Капитал құрылымы туралы анығырақ білу үшін тәуелді айнымалы ретінде жалпы қарыз коэффициентін (TDR), қысқа мерзімді қарыз коэффициентін (SDR) және ұзақ мерзімді қарыз коэффициентін (LDR) қарастырамыз. Оларды келесідей анықтаймыз:

$$TDR = \text{Жалпы қарыз қаражаты} / \text{Жалпы активтер}$$

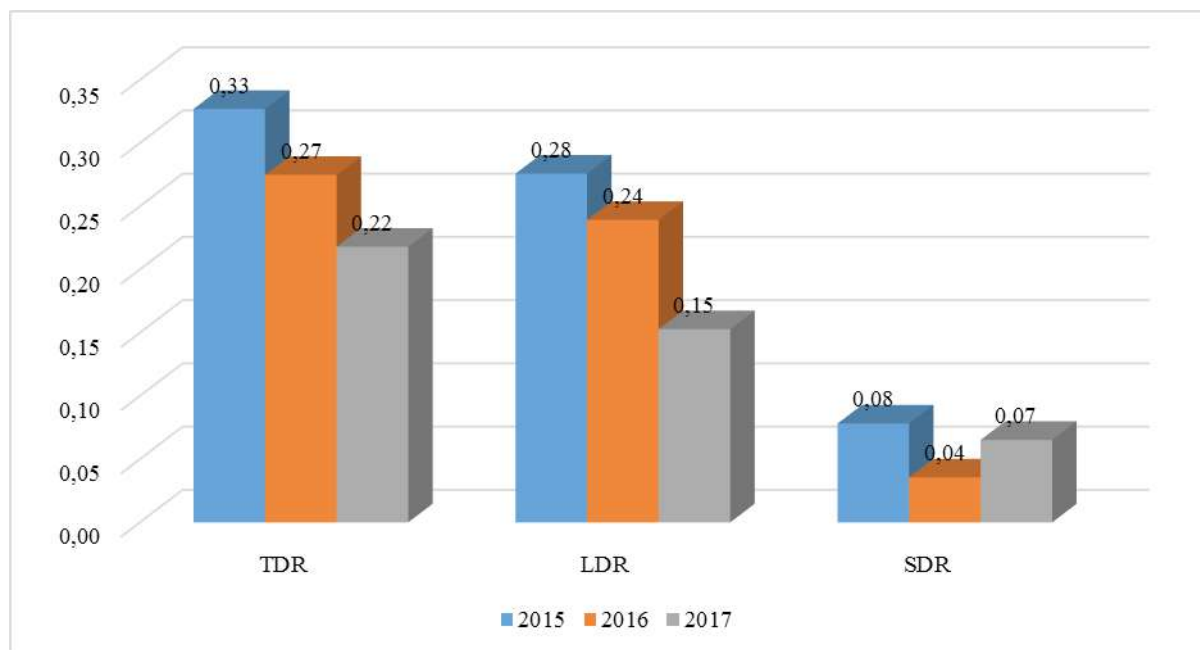
$$SDR = \text{Қысқа мерзімді қарыз қаражаты} / \text{Жалпы активтер}$$

$$LDR = \text{Ұзақ мерзімді қарыз қаражаты} / \text{Жалпы активтер}$$

Қысқа мерзімді қарыз коэффициенті бір жылдан аспайтын қаржылық міндеттемелер мен несиелер есебінен қаржыланатын компания активтерінің пайыздық үлесін көрсететін көрсеткіш. Ұзақ мерзімді қарыз коэффициенті бір жылдан асатын қаржылық міндеттемелер мен несиелер есебінен қаржыланатын компания активтерінің пайыздық үлесін көрсететін көрсеткіш.

Зерттеліп отырған компаниялар арасында 2015-2017 жылдар арасындағы үш көрсеткіш бойынша орташа қарыз коэффициентін қарастырсақ, 3-суреттен көріп отырғанымыздай, жалпы коэффициент мөлшерлемесі 2017 жылы тек 22%-ды құрайтынын, оның ішінде ұзақ мерзімді қарыз коэффициенті 15%, ал қысқа мерзімді арыз коэффициенті жалпы активтердің тек 7% құрайтынын көреміз.

Тәуелсіз айнымалылар ретінде көптеген

3-сурет – Ауыл шаруашылығы саласындағы шағын және орта бизнес субъектілерінің капитал құрылымындағы қарыз капиталының орташа мөлшері
Ескерту – авторлармен құрастырылған

эмпирикалық зерттеулерде қолданылатын фирма көлемі, табыстылығы, өсу қарқыны мен нәтижелі салық ставкасы көрсеткіштері алынды:

* бизнес көлемі (size) – жылдық тапқан табыстың натуралдық логарифмі ретінде;

* активтер сезімталдығы (asset tangibility) – айналымнан тыс активтердің жалпы активтерге қатынасымен;

* табыстылық (profitability) – пайыздар, салық пен амортизацияны қоспағанға дейінгі пайданың жалпы активтерге қатынасы;

* салықтың нақты мөлшерлемесі (ETR) – пайдаға салынатын салықтың пайыздары, салық пен амортизацияны қоспағанға дейінгі пайданың қатынасына тең;

* өсу қарқыны (growth) – ағымдық жылғы

активтердің алдыңғы жылдың активтерінің айырмасын алдыңғы жылдық активтерге қатынасы.

Талданатын детерминанттардың жалпы сипаттамасы 1-кестеде көрсетілген.

Кестеден компаниялардың орташа қарыз мөлшері 0.27 пайызды құрайтынын көреміз. Бұл ауыл шаруашылығымен айналыстан компаниялар қарыз қаражатын минималды түрде қолданатынын көрсетеді. Сонымен қатар компаниялардың табыстылық бойынша орташа көрсеткіші -0.94 -ке тең. Алайда медиана 0.06 тең. Бұл компаниялардың арасында залалды қызмет атқаратын компаниялардың болуын көрсетеді.

1-кесте – Айнымалылардың сипаттама статистикасы

Көрсеткіш	Анықтамасы	Mean	Median	Minimum	Maximum	Std. Deviation
Capital Structure	Жалпы қарыз коэффициенті (TDR)	0.27	0.17	0.00	1.68	0.32
	Қысқа мерзімді қарыз коэффициенті (SDR)	0.06	0.00	0.00	0.74	0.14
	Ұзақ мерзімді қарыз коэффициенті (LDR)	0.22	0.05	0.00	1.68	0.32
Asset Tangibility (AT)	Материалды активтер/Жалпы активтер	0.46	0.47	0.00	0.96	0.25
Size	Табыстың натуралды логарифмы	5.26	5.34	3.54	6.30	0.58

Көрсеткіш	Анықтамасы	Mean	Median	Minimum	Maximum	Std. Deviation
Profitability	EBITDA/Сатудан түскен табыс	-0.94	0.06	-34.98	6.05	4.73
Growth	(Активтер _t – Активтер _{t-1} /Активтер _{t-1})	0.41	0.36	0.00	1.00	0.26
ETR	Табыс салығы/EBITDA	0.19	0.02	-0.78	22.21	1.81

Ескерту – ҚР ҰЭМ Статистика агенттігінің мәліметтері бойынша авторлармен құрастырылған

Нәтижелер мен талқылау

Регрессиялық модель жасамас бұрын, алынған көрсеткіштерді кездейсоқтық пен капитал құрылымының детерминанттары арасындағы мультиколлинеарлыққа тексереміз (2-кесте).

Қарастырылып отырған көрсеткіштер арасында мультиколлинеарлық байқалмағандықтан, көрсеткіштердің барлығын регрессиялық талдауға аламыз. Айнымалылар арасындағы байланысты сандық бағалау мен факторлар арасындағы тәуелдік моделін құру үшін келесі формула бойынша жалпы панельдік регрессиялық талдау жасалады:

$$Debt_{it} = \beta_0 + \beta_1 Tangible\ assets + \beta_2 Size + \beta_3 Profitability + \beta_4 ETR + \varepsilon_{it}$$

мұндағы,

$Debt_{it}$ – анықталатын айнымалы, яғни сәйкесінше қысқа мерзімді, ұзақ мерзімді, немесе жалпы қарыз коэффициенті;

t = 2015-2017 жылдар;

i = 1-50, фирма саны;

ε_{it} – басқа да қарастырылмаған көрсеткіштер, яғни модель қателіктерін қамтитын элемент.

2-кесте – Корреляциялық матрица

	TDR	LDR	SDR	AT	Size	Growth	Profitability	ETR
TDR	1							
LDR	0.8661	1						
SDR	0.2667	-0.1598	1					
AT	0.0807	0.0095	0.0348	1				
Size	-0.1401	-0.1253	-0.1189	0.1298	1			
Growth	-0.0895	-0.0383	-0.0668	0.0997	-0.0610	1		
Profitability	-0.3029	-0.3176	0.0490	-0.1402	0.4036	0.0594	1	
ETR	-0.0657	-0.0490	-0.0377	0.0400	0.0227	-0.0208	0.0229	1

Ескерту – ҚР ҰЭМ Статистика агенттігінің мәліметтері бойынша автормен құрастырылған

Панелді модельдерді қолданудың басты артықшылығының бірі эффектілерді идентификациялаумен байланысты проблемалар жойылады (Booser, 1997). Көпдененінен қиылысатын модельдерде қарастырылып отырған айнымалылар үшін әсерлер ортоаналды не экзогенді болмауы тиіс. Регрессиялық талдауды тиянақталған әсерлер (Fixed-effects) моделі мен кездейсоқ әсерлер (Random-effects) моделі арқылы жасаймыз (3-кесте). Екі модельде де тек табыстылық

көрсеткіші және қысқа мерзімді коэффициенттер бойынша талдауда активтер сезімталдығы мен фирма көлемі статистикалық маңызды болды.

Жекелеген әсерлер сипатын тексеру үшін Хаусман тесті (Hausman, 1978) қолданылады. Бұл тест жекелеген әсерлер тәуелсіз айнымалылармен корреляциялық байланысы жоқтығын айтатын нольдік гипотезаға негізделген:

$$H_0 : corr()=0 \text{ немесе } iu, itX$$

u_i – кездейсоқ әсерлер ретінде қарастырылуы мүмкін;
альтернативті түрде:

$$H_A : corr(i\alpha_i) \neq 0 \text{ немесе } i\alpha X$$

u – детерминацияланған әсерлер ретінде қарастырылады [15].

Екі модельдің арасында адекватты модель таңдау үшін Хаусман тестінің нәтижесін 4-кестенен көре аламыз.

3-кесте – Регрессиялық талдау нәтижелері

Айнымалылар	TDR		LDR		SDR	
	Fixed-effects	Random-effects	Fixed-effects	Random-effects	Fixed-effects	Random-effects
Asset tangibility	0.300	0.128	-0.239	-0.105	0.249*	0.071
Size	-0.123	-0.039	-0.108	-0.018	-0.015	-0.045*
Growth	-0.019	-0.019	-0.011	-0.009	-0.016	-0.012
Profitability	-0.014	-0.017**	-0.015*	-0.019***	0.002	0.004
ETR	-0.016	-0.013	-0.019	-0.015	-0.001	-0.002
Constant	0.780	0.412	0.896	0.355	0.029	0.271
R ² – within	0.118	0.108	0.149	0.135	0.073	0.034
- between	0.065	0.099	0.025	0.075	0.0003	0.052
- overall	0.079	0.102	0.057	0.097	0.007	0.040
F-statistic/Wald Chi ²	2.55	16.72	3.34	18.77	1.49	5.74
p-value	0.033	0.005	0.0080	0.0021	0.199	0.333

* p<.05; ** p<.01; *** p<.001
Ескерту – ҚР Статистика агенттігінің мәліметтері бойынша авторлармен құрастырылған

4-кесте – Модель адекваттығын Хаусман тесті арқылы тексеру

	TDR	LDR	SDR
Prob>chi2	0.8215	0.5592	0.3428

Ескерту – авторлармен құрастырылған

Хаусман тестіне сәйкес p -деңгей $>0,01$ болғандықтан, басты гипотеза жоққа шығарылмайды. Сол себепті алынған нәтижелер біздің жағдайда кездейсоқ әсері бар модельге сәйкес келетінін көрсетеді.

Жалпы қарыз бойынша регрессия үшін R^2 мәні төмен болуы, кейбір айнымалылардың ұзақ мерзімді және қысқа мерзімді қарыз үшін бір-біріне қарама-қарсы мәнде болуынан (van der Wijst & Thurik, 1993). Бұл активтер құрылымы мен табыстылықтың әсерін анықтағанда ұзақ мерзімді және қысқа мерзімді қарыздың ауысуына байланысты мәнің өзгеруіне қатысты. Эмпирикалық зерттеулерге сәйкес (Hall et al., 2004), (Mateev, Poutziouris, & Ivanov, 2013), қарыз коэффициенті мен активтер құрылымы арасындағы корреляция қолданылатын қарыз коэффициентіне байланысты өзгеріп отырады.

Қысқа мерзімді қарыз қаражаты мен активтер құрылымы арасында оң байланыс болса, ұзақ мерзімді қарыз коэффициентімен теріс байланыста болады. Активтер құрылымы көрсеткіші материалдық активтердің жалпы активтерге қатынасын өлшейді және негізгі құралдардан тұрады. Ауыл шаруашылығымен айналысатын компаниялар қарыз қаражатының басым бөлігін негізгі құралдар сатып алуға қолданады. Негізгі құралдар ұзақ мерзімді несиеге сатып алынады. Ал қысқа мерзімді несиелер негізінен несиені кепілдікпен қамтамасыз ете алатын компанияларға беріледі. Зерттеліп отырған шағын компаниялардың басым бөлігінде қысқа мерзімді қарыз қаражаты болғандықтан, жалпы қарыз қаражаты мен активтер құрылымы оң байланысты көрсетеді.

Алынған нәтижеге сәйкес, капитал құрылымының фискалды теориясына жататын салық

мөлшерлемесі (ETR) статистикалық маңызды емес және компания қарыз қаражатымен кері байланысты көрсетеді. Бұл жоғарыда айтып кеткен тұжырымдамамызды растайды.

Бұл нәтижені шағын бизнес субъектілерінің басшылары өз қаржылық міндеттемелерін қарыз есебінен төмендетуге тырыспайтындығын көрсетеді. Өйткені жоғарыда айтып кеткендей, шағын кәсіпорындарға минималды салық ставкасы салынады және ол банк несиелері бойынша сыйақылардан әлдеқашан төмен. Мұндай нәтижелер басқа зерттеушілермен де алынған. Мысалы, (Jordan et al, 1998) екі көрсеткіш арасында теріс байланысты анықтап, салықтар қарыздарға қарыздардың бөлінбеген пайдаға әсер ететініндей шамада әсері барын айтады.

Фирма көлемі мен қарыз коэффициенті арасында теріс байланыс бар. Бұл нәтиже (VeVan & Danbolt, 2002) қорытындысына сәйкес келеді, фирма кеңейген сайын қарыз қаражатын азырақ қолданады. Теория жүзінде фирма көлемі мен қарыз арасындағы байланыс анық емес. Компромистер теориясына сәйкес, үлкен кәсіпорындардың банкротқа ұшырау ықтималы төмен, бұл сыртқы капиталға қолжетімділігіне әсер етеді. Сол себепті компания көлемі мен қарыз коэффициенті оң байланыста болады. Ал иерархия теориясына сәйкес, үлкен компаниялар қаржы нарығында инвесторларға өзі туралы ақпаратты көбірек бергендіктен, шағын компанияларға қарағанда меншік капиталын көбірек қолдана алады (Fama & French, 1998). Эмпирикалық зерттеулерде де фирма көлемінің қарыз коэффициентімен қатынасы теріс те, он да нәтиже көрсетеді. Алайда көптеген зерттеулерде оң байланыс көрсетілген (Rajan, Zingales, 1995; Weill, 2004; Song, 2005; Friend, Lang, 1988; Delcoure, 2007; Kayo, Kimura, 2011; Michaelas, Chittenden, Poutziouris, 1999; Hutchinson, Hall, Michaelas 1998; Chen, 2004).

Табыстылық пен қарыз коэффициентінің арасындағы корреляция да қарыздың түріне байланысты өзгеріп отырады. Жалпы қарыз бен ұзақ мерзімді қарыз коэффициенттері мен табыстылық арасындағы теріс байланыс иерархия теориясына сәйкес келеді. Яғни табысы жоғары фирмалар өз қызметін қаржыландыру кезінде қарыз қаражатына қарағанда меншік қаражатын көбірек қолданады. Алайда қысқа мерзімді қарыз капиталы табыстылықпен оң байланысының болуы, фирмалардың табысы жоғарылаған сайын айналым активтеріне

қысқа мерзімді қарыз қаражатын қолданғанды қалайтынын көрсетеді.

Қорытынды

Мақалада ауыл шаруашылығымен айналысатын шағын фирмалардың қаржылық капитал құрылымын таңдауға әсер ететін басты факторлар қарастырылды. Қазақстанның 50 шағын фирмасының 2015-2017 жылдар аралығындағы мәліметтерін панельдік регрессия арқылы зерттелді. Бұл фирмаларға капитал құрылымы бойынша бірнеше эмпирикалық зерттеулерге негіздеп алынған детерминанттар қолданды. Капитал құрылымының фискалдық теориясы, иерархия теориясы және агенттік үш теориясы қарастырылды. Қазақстанның ауыл шаруашылығымен айналысатын шағын компанияларына барлық жағдайда табыстылық және қысқа мерзімді қарыз қаражатын алу кезінде активтер құрылымы мен фирма көлемі әсер ететіндігі анықталды.

Алынған нәтижелер шағын және орта кәсіпкерлікті зерттеген басқа көптеген эмпирикалық зерттеулермен кейбір көрсеткіштер бойынша сәйкес келмейді. Салықтар қарызбен теріс байланысты. Активтер құрылымы, теорияда көрсетілгендей, жалпы қарыз міндеттемесі мен қысқа мерзімді қарыз міндеттемесін талдау уақытында оң байланысты көрсетеді. Бұл компаниялардың бастапқы кезде негізгі құралдар алу үшін ұзақ мерзімді қарыз қаражатын қолданып, кейіннен ағымдық қызметтерге қысқа мерзімді қарыз қаражатын қолданатынын көрсетеді. Активтер құрылымының ұзақ мерзімді қарыз қаражатымен теріс байланысты болуы, иерархия теориясына сәйкес, материалдық активтерді үлкен көлемде қолданатын компания табысы тұрақты болуы мүмкін (Hall et al., 2004).

Фирма көлемі қарыз коэффициенттерін түсіндіру үшін маңызды, өйткені үлкенірек фирмалардың қарыз коэффициенті де жоғарырақ болады. Фирма өскен сайын өзінің ішкі қаражатын көбірек қолдана бастайды және бұл иерархия теориясына сәйкес келеді.

Ауыл шаруашылығымен айналысатын шағын бизнес субъектілерінің капитал құрылымын болашақ зерттеулер компаниялар көлемі мен уақыт мерзімін өсіруге бағытталады. Бұл осы компаниялардың капитал құрылымының әртүрлі экономикалық циклдерде қалай өзгеретінін анықтауға мүмкіндік береді.

Әдебиеттер

- Стратегии и программы РК. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2012, http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs
- Фонд Даму. Отчет Даму. – 2017, <https://www.damu.kz/book.php>
- Хапова А. Основные экономические проблемы аграрного сектора Казахстана. – 2018, <https://elibrary.ru/item.asp?id=32881984>
- Bevan A.A., Danbolt J. Capital structure and its determinants in the UK – a decompositional analysis // *Applied Financial Economics*. – 2002. – vol. 12(3), pp. 159-170, <https://doi.org/10.1080/09603100110090073>
- Booth L. Capital Structures in Developing Countries // *The Journal of Finance*. – 2001. – vol. 56(1), pp. 87-130, <https://doi.org/10.1111/0022-1082.00320>
- Boozer M.A. *Econometric Analysis of Panel Data* Badi H. Baltagi Wiley // *Econometric Theory*. – 1997. – vol. 13(05), pp. 747-754.
- Cassar G., Holmes S. Capital structure and financing of SMEs: Australian evidence // *Accounting & Finance*. – 2018. – vol. 43(2), pp. 123-147, <https://doi.org/10.1111/1467-629X.t01-1-00085>
- de Jong A., Kabir R., Nguyen T.T. Capital structure around the world: The roles of firm- and country-specific determinants // *Journal of Banking & Finance*. – 2008. – vol. 32(9), pp. 1954–1969, <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2007.12.034>
- DeAngelo H., Masulis R.W. Optimal capital structure under corporate and personal taxation // *Journal of Financial Economics*. – 1980. – vol. 8(1), pp. 3-29, [https://doi.org/10.1016/0304-405X\(80\)90019-7](https://doi.org/10.1016/0304-405X(80)90019-7)
- Fama E.F., French K.R. Taxes, Financing Decisions, and Firm Value // *The Journal of Finance*. – 1998. – vol. 53(3), pp. 819–843, <https://doi.org/10.1111/0022-1082.00036>
- Hall et al. Determinants of the Capital Structures of European SMEs // *Journal of Business Finance & Accounting*. – Wiley Online Library. – 2004, <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.0306-686X.2004.00554.x>
- Hausman J.A. Specification Tests in Econometrics // *Econometrica*. – 1978. – vol. 46(6), pp. 1251–1271, <https://doi.org/10.2307/1913827>
- Heyman D., Deloof M., Ooghe H. The Financial Structure of Private Held Belgian Firms // *Small Business Economics*. – 2008. – vol. 30(3), pp. 301-313, <https://doi.org/10.1007/s11187-006-9031-0>
- Huang G., Song F.M. The determinants of capital structure: Evidence from China // *China Economic Review*. – 2006. – vol. 17(1), pp. 14–36.
- Jordan et al. Strategy and Financial Policy in UK Small Firms // *Journal of Business Finance & Accounting*. – Wiley Online Library. – 1998, <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1468-5957.00176>
- Mac an Bhaird C., Lucey B. Determinants of capital structure in Irish SMEs // *Small Business Economics*. – 2010. – vol. 35(3), pp. 357–375, <https://doi.org/10.1007/s11187-008-9162-6>
- Mateev M., Poutziouris P., Ivanov K. On the determinants of SME capital structure in Central and Eastern Europe: A dynamic panel analysis // *Research in International Business and Finance*. – 2013. – vol. 27(1), pp. 28-51, <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2012.05.002>
- Modigliani F., Miller M.H. The Cost of Capital, Corporation Finance and the Theory of Investment // *The American Economic Review*. – 1958. – vol. 48(3), pp. 261-297.
- Modigliani F., Miller M.H. Corporate Income Taxes and the Cost of Capital: A Correction // *The American Economic Review*. – 1963. – vol. 53(3), pp. 433-443.
- Myers S.C., Majluf N.S. Corporate Financing and Investment Decisions When Firms Have Information That Investors Do Not Have. – Working Paper. – 1984, <https://doi.org/10.3386/w1396>
- Nicos Michaelas et al. Financial Policy and Capital Structure Choice in U.K. SMEs: Empirical Evidence from Company Panel Data // *Small Business Economics*. – 1999. – vol. 12(2), p. 113.
- Pettit R.R., Singer R.F. Small Business Finance: A Research Agenda // *Financial Management*. – 1985. – vol. 14(3), pp. 47-60, <https://doi.org/10.2307/3665059>
- Rajan R.G., Zingales L. What Do We Know about Capital Structure? Some Evidence from International Data // *The Journal of Finance*. – 1995. – vol. 50(5), pp. 1421-1460, <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.1995.tb05184.x>
- Sogorb-Mira F. How SME Uniqueness Affects Capital Structure: Evidence From A 1994–1998 Spanish Data Panel // *Small Business Economics*. – 2005. – vol. 25(5), pp. 447-457, <https://doi.org/10.1007/s11187-004-6486-8>
- Titman et al. The Determinants of Capital Structure Choice // *The Journal of Finance*. – Wiley Online Library. – 1988, <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1540-6261.1988.tb02585.x>
- Uyar A., Guzelyurt M.K. Impact of firm characteristics on capital structure choice of Turkish SMEs // *Managerial Finance*. – 2015. vol. 41(3), pp. 286-300, <https://doi.org/10.1108/MF-01-2014-0016>
- Van der Wijst N., Thurik R. Determinants of small firm debt ratios: An analysis of retail panel data // *Small Business Economics*. – 1993. – vol. 5(1), pp. 55-65, <https://doi.org/10.1007/BF01539318>

References

- Strategii i programmy RK [Strategies and programs of the Republic of Kazakhstan] (2012) Ofitsial'nyy sayt Prezidenta Respubliki Kazakhstan, website: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs
- Fond Damu [Damu Foundation] (2017) Otchet Damu, <https://www.damu.kz/book.php>

- Khapova A. (2018) Osnovnyye ekonomicheskiye problemy agrarnogo sektora Kazakhstana [the main economic problems of the agricultural sector of Kazakhstan], <https://elibrary.ru/item.asp?id=32881984>
- Bevan A.A., Danbolt J. (2002) Capital structure and its determinants in the UK – a decompositional analysis. *Applied Financial Economics*, vol. 12(3), pp. 159-170, <https://doi.org/10.1080/09603100110090073>
- Booth et al. (2001) Capital Structures in Developing Countries. *The Journal of Finance*, vol. 56(1), pp. 87-130, <https://doi.org/10.1111/0022-1082.00320>
- Boozer M.A. (1997) Econometric Analysis of Panel Data Badi H. Baltagi Wiley. *Econometric Theory*, vol. 13(05), pp. 747-754.
- Cassar G., Holmes S. (2018) Capital structure and financing of SMEs: Australian evidence. *Accounting & Finance*, vol. 43(2), pp. 123-147, <https://doi.org/10.1111/1467-629X.t01-1-00085>
- de Jong A., Kabir R., Nguyen T.T. (2008) Capital structure around the world: The roles of firm- and country-specific determinants. *Journal of Banking & Finance*, vol. 32(9), pp. 1954-1969, <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2007.12.034>
- DeAngelo H., Masulis R.W. (1980) Optimal capital structure under corporate and personal taxation. *Journal of Financial Economics*, vol. 8(1), pp. 3-29, [https://doi.org/10.1016/0304-405X\(80\)90019-7](https://doi.org/10.1016/0304-405X(80)90019-7)
- Fama E.F., French K.R. (1998) Taxes, Financing Decisions, and Firm Value. *The Journal of Finance*, vol. 53(3), pp. 819-843, <https://doi.org/10.1111/0022-1082.00036>
- Hall et al. (2004) Determinants of the Capital Structures of European SMEs. *Journal of Business Finance & Accounting*, Wiley Online Library, <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.0306-686X.2004.00554.x>
- Hausman J.A. (1978) Specification Tests in Econometrics. *Econometrica*, vol. 46(6), pp. 1251-1271, <https://doi.org/10.2307/1913827>
- Heyman D., Deloof M., Ooghe H. (2008) The Financial Structure of Private Held Belgian Firms. *Small Business Economics*, vol. 30(3), pp. 301-313, <https://doi.org/10.1007/s11187-006-9031-0>
- Huang G., Song F.M. (2006) The determinants of capital structure: Evidence from China. *China Economic Review*, vol. 17(1), pp. 14-36.
- Jordan et al. (1998) Strategy and Financial Policy in UK Small Firms. *Journal of Business Finance & Accounting*, Wiley Online Library, <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1468-5957.00176>
- Mac an Bhaird C., Lucey B. (2010) Determinants of capital structure in Irish SMEs. *Small Business Economics*, vol. 35(3), pp. 357-375, <https://doi.org/10.1007/s11187-008-9162-6>
- Mateev M., Poutziouris P., Ivanov K. (2013) On the determinants of SME capital structure in Central and Eastern Europe: A dynamic panel analysis. *Research in International Business and Finance*, vol. 27(1), pp. 28-51, <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2012.05.002>
- Modigliani F., Miller M.H. (1958) The Cost of Capital, Corporation Finance and the Theory of Investment. *The American Economic Review*, vol. 48(3), pp. 261-297.
- Modigliani F., Miller M.H. (1963) Corporate Income Taxes and the Cost of Capital: A Correction. *The American Economic Review*, vol. 53(3), pp. 433-443.
- Myers S.C., Majluf N.S. (1984) Corporate Financing and Investment Decisions When Firms Have Information That Investors Do Not Have, Working Paper, <https://doi.org/10.3386/w1396>
- Nicos Michaelas et al. (1999) Financial Policy and Capital Structure Choice in U.K. SMEs: Empirical Evidence from Company Panel Data. *Small Business Economics*, vol. 12(2), p. 113.
- Pettit R.R., Singer R.F. (1985) Small Business Finance: A Research Agenda. *Financial Management*, vol. 14(3), pp. 47-60, <https://doi.org/10.2307/3665059>
- Rajan R.G., Zingales L. (1995) What Do We Know about Capital Structure? Some Evidence from International Data. *The Journal of Finance*, vol. 50(5), pp. 1421-1460, <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.1995.tb05184.x>
- Sogorb-Mira F. (2005) How SME Uniqueness Affects Capital Structure: Evidence from A 1994–1998 Spanish Data Panel. *Small Business Economics*, vol. 25(5), pp. 447-457, <https://doi.org/10.1007/s11187-004-6486-8>
- Titman et al. (1988) The Determinants of Capital Structure Choice. *The Journal of Finance*, Wiley Online Library, <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1540-6261.1988.tb02585.x>
- Uyar A., Guzelyurt M.K. (2015) Impact of firm characteristics on capital structure choice of Turkish SMEs. *Managerial Finance*, vol. 41(3), pp. 286-300, <https://doi.org/10.1108/MF-01-2014-0016>
- Van der Wijst N., Thurik R. (1993) Determinants of small firm debt ratios: An analysis of retail panel data. *Small Business Economics*, vol. 5(1), pp. 55-65, <https://doi.org/10.1007/BF01539318>

IRSTI 06.52.42

<https://doi.org/10.26577/be-2019-3-e18>**Kudebayeva A.**PhD, Assistant Professor, KIMEP University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: almak@kimep.kz**DO THE CHRONICALLY POOR HAVE MORE INTERRUPTED SPELLS
OF POVERTY IN TRANSITION ECONOMIES?
EVIDENCE FROM KAZAKHSTAN**

Given the lack of longitudinal data for transition countries, and specifically for Central Asia, research on poverty has largely ignored the time dimension. This study uses panel data constructed from the rotating cross-sectional Kazakhstan Household Budget Survey for the 2001-2009 period. The panel data provides an opportunity to measure chronic poverty levels and poverty transitions for the first time in Kazakhstan. We find that, despite the rapid and substantial reduction in poverty in the country since the turn of the century, and depending on the measure of chronic poverty employed, as much as a quarter of the population has experienced persistent poverty. However, the majority of chronically poor experience interrupted poverty spells. We apply the multiple-spell hazard model analysis to shed light on factors that impact on poverty exit and re-entry. The results of these estimates confirm that families with children under age six are experiencing higher probability of entry into poverty and lower probability of exit from poverty. Policy interventions are needed to improve the situation by providing an affordable state child care system in Kazakhstan.

Key words: chronic poverty, longitudinal data, multiple-spell hazard model, Kazakhstan.**JEL Classification:** I32, C23, C41.

Кудебаева А.

PhD, и.о. профессора, Университет КИМЭП,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: almak@kimep.kz**Есть ли у хронически бедных более прерывающиеся периоды бедности
в странах с переходной экономикой? Данные из Казахстана**

Ввиду отсутствия панельных данных по странам с переходной экономикой и, в частности, по Центральной Азии, исследования бедности в значительной степени игнорировали временные измерения. В этом исследовании используются панельные данные, полученные на основе ротационного обследования бюджетов домашних хозяйств в Казахстане за период 2001-2009 гг. Панельные данные дают возможность впервые в Казахстане измерить уровни хронической бедности и изменения уровня бедности. Мы находим, что, несмотря на быстрое и существенное сокращение бедности в стране с начала века и в зависимости от показателя хронической бедности, почти четверть населения испытывала постоянную бедность. Тем не менее, большинство хронически бедных имело перерывы в периодах бедности. Мы применяем анализ модели оценки рисков нескольких периодов, чтобы пролить свет на факторы, которые влияют на выход из бедности и возврат. Результаты этих оценок подтверждают, что семьи с детьми в возрасте до шести лет испытывают более высокую вероятность попадания в бедность и более низкую вероятность выхода из бедности. Для улучшения ситуации необходимы политические меры, обеспечивающие доступную государственную систему ухода за детьми в Казахстане.

Ключевые слова: хроническая бедность, панельные данные, модель многократного риска, Казахстан

Кудебаева А.

PhD, профессор м.а., КИМЭП Университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: almak@kimep.kz**Өтпелі экономика елдерінде созылмалы кедейліктің үзілетін
кезеңдері бар ма? Қазақстаннан алынған деректер**

Өтпелі экономикасы бар елдер үшін, атап айтқанда, Орталық Азия үшін панельдік деректердің жетіспеуіне байланысты, кедейлік өлшеулерінде көбіне уақыт ескерілмеген. Бұл зерттеу Қазақстандағы айналмалы үй шаруашылықтарының бюджетін 2001-2009 жылдарға

арналған зерттеуден алынған панельдік деректерді пайдаланады. Бұл панельдік деректер Қазақстанда алғаш рет созылмалы кедейліктің деңгейі мен кедейліктен шығу және кіру периодтарын өлшеуге мүмкіндік береді. Біз ғасырдың басынан бастап елде кедейліктің тез және айтарлықтай төмендеуіне қарамастан және созылмалы кедейліктің көрсеткішіне байланысты халықтың төрттен бір бөлігі үнемі кедейлікке тап болғанын таптық. Дегенмен, созылмалы кедейлердің басым бөлігі кедейлік кезеңдерінде үзіліс жасады. Біз қайыршылықтан шығу және қайтаруға әсер ететін факторларды жарыққа шығару үшін тәуекелдерді бағалаудың көп кезеңді моделін қолданамыз. Осы бағалаулардың нәтижелері алты жасқа толмаған балалары бар отбасылардың кедейліктің шығу ықтималдығы төмендеу мен кедейлікке түсу ықтималдығы жоғары екендігін растайды. Жағдайды жақсарту үшін Қазақстанда мемлекеттік балаларды күтудің қолжетімді жүйесін қамтамасыз ету үшін саяси шаралар қажет.

Түйін сөздер: созылмалы кедейлік, панельдік деректер, бірнеше кезеңдік тәуекел үлгісі, Қазақстан.

Introduction

Poverty reduction is one of the major economic challenges in developing countries. Recent evidence illustrates a constant reduction in the incidence of absolute poverty in the developing world (Chen & Ravallion, 2012). The overall percentage of the population living below \$1.25 a day in 2008 was 22 percent in developing countries, compared to 52 percent in 1981. Moreover, 1.3 billion people in 2008 lived below \$1.25 a day, compared to 1.9 billion in 1981. The level of relative poverty also decreased from 63 percent in 1981 to 47 percent in 2008. However, the number of relatively poor increased by about 360 million over the 1981-2008 period (Chen & Ravallion, 2012). This evidence highlights the importance of poverty measurement in determining actual poverty levels. In particular, understanding the factors that lead to changes in poverty over time is essential for the effectiveness of poverty reduction policies. This understanding requires estimating alternative measures of poverty and their persistence over time. From the policy perspective, therefore, it is important not only to identify the poor at one period of time, but also the chronically poor, i.e. those who have experienced poverty for extended periods or possibly all of their lives, and also the transient poor.

The study of conventional poverty measures alone, taken at a point in time, will not provide accurate information regarding the poverty level and number of poor (Biewen, 2006). Firstly, long periods of low-income lead to greater welfare losses and damaging effects on self-perception and self-confidence for the affected people than a one-off poverty spell. Secondly, the presence of long poverty spells means that the burden of poverty is unequally distributed among the population, because it is only a small number of individuals who endure total poverty compared to a larger number of

individuals who endure only short poverty spells. Thirdly, those in long-term poverty will consume a large part of the resources devoted to anti-poverty policies.

Until the late 1980s, the key techniques using the role of time in the study of poverty were developed in the form of poverty trends, seasonality, the timing of experiences, and historical accounts of poverty. Poverty trends usually compared headcounts of poverty across a population at two (or more) different times. However, contrasting poverty trends in this way does not describe whether individuals or households are persistently poor or if they typically move into and/or out of poverty over time (see Hulme & Shepherd, 2003; Carter & Barrett, 2006; Addison, Hulme & Kanbur, 2009).

Given the lack of panel data for transition countries, and specifically for Central Asia, very little analysis has been conducted on poverty dynamics and chronic poverty in this region. The few studies that have addressed the dynamics of poverty (Bierbaum & Gassmann, 2012; Commander, Tolstopiatenko, & Yemtsov, 1999) do so without considering the estimation of multiple-spell hazard models that focus on poverty transitions. A recent study on chronic and transient poverty in Russia reveals that the severity of poverty is found to occur largely from transient rather than chronic spells of economic hardship (Mills & Mykerezzi, 2009). Further, Mills and Mykerezzi (2009) find that a low level of post-secondary education is one of the major correlates of chronic poverty. A study by Okrasa (1999) finds that selling electronic durables is one of the coping strategies for households experiencing long-term poverty, and that savings accounts have a negative effect on being chronically poor in Poland. Bierbaum and Gassmann (2012) identify the main determinants of chronic poverty in Kyrgyzstan, such as location, low

levels of human capital, and poor employment opportunities.

With respect to Kazakhstan, the majority of poverty studies have long been static, based on cross-sectional data (Anderson & Pomfret, 2002; Pomfret, 2006; Rhoe, Babu & Reidhead, 2008). Conventional static analysis in the literature mainly focuses on the poverty headcount ratio, indicating the proportion of the population that has fallen below a given income or expenditure threshold at a particular point in time. It compares the poverty trends at different times and defines the determinants of static poverty (Anderson & Pomfret, 2002; Pomfret, 2006; Rhoe, Babu & Reidhead, 2008). According to the World Bank, the poverty by headcount ratio in Kazakhstan by national standards has fallen since 2001, with 46.7 percent in 2001, dropping to 8.2 percent in 2009, and further reducing to 2.7 percent in 2015 (World Bank, 2016). Reviewing the literature on static poverty in Kazakhstan suggests that the following are significant correlates of poverty: geographic location (Anderson & Pomfret, 2002; Pomfret, 2006), composition of household (Jha & Dang, 2009), and education of the head of household (Anderson & Pomfret, 2002; Pomfret, 2006). One attempt was made to assess the vulnerability of households to future poverty based on cross-sectional data (Jha & Dang, 2009). Due to a lack of panel data, however, to our knowledge there are no studies on chronic poverty and poverty dynamics in Kazakhstan. Thus, the aim of this study is to test the following hypotheses:

1. What is the chronic poverty level in Kazakhstan?
2. Do the chronically poor have more interrupted poverty spells¹?
3. What are the triggers for poverty exit and re-entry?

In this study, we use panel data² for the period of 2001-2009 and, based on various measurements of chronic poverty, we find that almost a quarter of the Kazakh population is chronically poor. However, the majority of individuals are transient poor, due to transitions from poverty spells to non-poverty spells during the nine-year period. The

following determinants positively influence poverty exit: head of household has a university degree, location in Almaty and Astana, and having some assets, such as a car or dacha³

The remainder of this paper is organised as follows. Section 2 reviews literature and defines chronic poverty measures applied in this study. Section 3 presents a methodology, describes the multiple-spell hazard model and the data. Section 4 examines results and discussion. Section 5 concludes.

Literature Review

Chronic Poverty Measures

Over the last two decades, research devoted to the measurement of poverty dynamics has been growing (Addison, Hulme, & Kanbur, 2009; Bossert, Chakravarty, & D'Ambrosio, 2012; Calvo & Dercon, 2007; Dercon & Porter, 2011; Foster, 2009; Hoy, Thompson, & Zheng, 2011; Hoy & Zheng, 2008; and Jalan & Ravallion, 2000, among others).

The definition of chronic poverty mainly depends on which of the different approaches is used to measure chronic poverty (Chakravarty, 2009; Hulme & Shepherd, 2003; McCulloch & Calandrino, 2003), such as the spells approach (based on duration of poverty spells), the components approach (which considers income or consumption shortfall), and vulnerability (probability of deficient future consumption) (Barrientos, 2007). Following Bane and Ellwood (1986), a poverty spell is identified as the set of consecutive periods during which income falls below the poverty line. In the analysis of chronic poverty, the important difference between the components and spells approaches is that the components approach assumes a compensation between low and high income periods and then the identification of who is poor during each period of time becomes unessential, while in the spells approach no compensation is allowed and one needs to identify who is poor in each period. According to McKay and Lawson (2003), the spells approach is more related to the concept of chronic poverty as

¹ Spell of poverty means one or more consecutive periods below the poverty line.

² The analysis makes use of annual cross-section data extracted from the KHBS 2001–2009 and on a panel dataset constructed from these data. The KHBS is a cross-section survey, but the sampling frame remained largely unchanged

during the period and a share of households was interviewed throughout the period. The panel dataset was constructed by matching observations across the annual data files (Kudebayeva, 2015).

³ A small house other than the main dwelling, located near a city. Mainly used for rest and growing vegetables.

persistent poverty, whereas the classification of the chronically poor in the components approach is prejudiced by the depth of poverty, although both offer important tools.

Gradin et al. (2012) introduced a new family of aggregate intertemporal poverty indexes which take into consideration the incidence and the intensity of poverty

$$P(Y, z) = \begin{cases} \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \left(\frac{1}{T} \sum_{t=1}^T \left(\frac{z - y_i^t}{z} \right)^\gamma \left(\frac{s_i^t}{T} \right)^\beta \right)^\alpha & \text{if } \alpha > 0 \\ \frac{q}{N} & \text{if } \alpha = 0 \end{cases}, \quad (1)$$

where N-total number of individuals, T-time period, y_i – well-being indicator (e.g. consumption expenditures), z-poverty line, α is sensitivity of the aggregate intertemporal poverty measure to inequality among the intertemporal poor individuals; β is sensitivity of the individual intertemporal poverty indices to spells duration; γ is sensitivity of the individual intertemporal poverty measure to inequality among the intertemporal poor individuals; s_i^t is the duration in poverty of the individual i . One of the advantages of the framework given above is that it involves Foster's (2009) index when $\beta=0$ and $\alpha=1$, which means normalised poverty gaps are not weighted by the poverty spell duration and the aggregate intertemporal poverty measure is simply the average of individual intertemporal indicators over the population, and hence insensitive to the indicators' distribution. When $\beta=1$ and $\alpha=1$, we obtain Bossert et al.'s (2010) measure, which means that normalised poverty gaps are weighted proportionally to spell duration and the aggregation over the population average.

The components approach was proposed by Jalan and Ravallion (hereinafter "J-R") (2000). For identification of the chronically poor, an average or stable component of income is defined, and those individuals who lie below an appropriate poverty line are counted as chronically poor:

$$P_{JRI} = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \left[1 - \left(\frac{\bar{y}_i}{z} \right)^\alpha \right] \text{ where } \bar{y}_i = \frac{1}{T} \sum_{t=1}^T y_i^t. \quad (2)$$

The components approach for the measurement of chronic and transient poverty has been enlarged

dimensions in a dynamic framework. This measurement also includes sensitivity to the chain of poverty durations. This measure of chronic poverty is a generalised case of the chronic poverty measures of Foster (2009) and Bossert et al. (2010). The following expression is the aggregate intertemporal chronic poverty index proposed by Gradin et al. (2012):

by using the equally distributed equivalent (EDE) poverty gaps and has developed a statistical correction for the biases that take place when the number of panel waves available is small (Duclos et al., 2010)⁴.

Methodology

Multiple-Spell Hazard Model

The differences in the time spent poor, or in the time spent non-poor, reflect differences in individuals' poverty exit and entry rates. Therefore, a duration analysis based on hazard regressions is an important tool for the in-depth investigation of movements in and out of poverty. This section constructs a model for evaluating the correlates of poverty exit and re-entry and observes the length of poverty spells for individuals who become poor. Thus, the length of time at risk is a fundamental part of the analysis. In this section, the duration dependence in poverty exit and re-entry hazard rates is considered using multivariate regression modelling approaches.

The duration models of Bane and Ellwood (1986) were criticised by Stevens (1999), who pointed out that focusing on single spells systematically underestimates poverty persistence, as the possibility of re-entry is ignored. A number of papers have pointed to the limitations of the implementation of single-spell methodologies in fitting the observed pattern of poverty persistence (Stevens, 1999; Devicienti, 2002; Hansen and Wahlberg, 2009; Biewen, 2006). In addition, Arranz and Canto (2012) studied the effect of spell recurrence on poverty dynamics.

⁴ The level of individual ill-fare which, if assigned equally to all individuals and in all periods, would generate the same

poverty measure as that produced by the distribution of normalised poverty gaps.

Research on poverty persistence for developed countries has mainly implemented long panels and applied different types of hazard models (Cappellari & Jenkins, 2002; Canto, 2002; Biewen, 2006; Hansen & Wahlberg, 2009; Devicienti, 2011; Jenkins, 2011; Arranz & Canto, 2012). Among developing countries, few researchers have applied such methodologies (for China the discrete-time multi-spell duration model has been applied by You (2011) and Imai & You (2014); and for Ethiopia by Bigsten and Shimeles (2008)).

We conduct a stochastic dominance analysis that illustrates a decline in poverty levels during 2001-2009 in Kazakhstan regardless of the poverty lines used. The results of the estimations for adjusted poverty lines indicate that evaluations of poverty exits and re-entries do not change substantially for small variations of poverty lines. Therefore, we avoid the measurement error in transitions of individuals from non-poverty to poverty status. Moreover, the difficulties of left-censoring data can be solved by excluding the first spell of poverty in the first wave of panel data.⁵ Our panel data set contains nine waves, the first (non-) poverty spell starts from the second wave and the maximum duration is seven. However, right-censored data should also be taken into consideration because the individual could be at risk of exiting poverty; even in the last year of the panel he/she could be in poverty because there is no information about the state of the individual after this spell.⁶ However, the empirical results illustrate that including the right-censored spells does not create problems in estimations (Devicienti, 2011).

Our approach is based on a joint discrete-time hazard model to estimate the determinants of transition into and out of poverty (Devicienti, 2002; Devicienti, 2011; Jenkins, 2011). This method allows us to implement the evaluations to forecast how long in total a poverty entrant will spend being poor, taking into consideration not only the initial poverty spell, but also possible later spells.

We consider two states between which individuals have moved: poverty and non-poverty. Survivor function $S(t_j)$ gives the probability that a person survives longer than some specified time t . The *survivor function* for poverty exit is defined for discrete time as follows:

$$S(t_j) = \prod_{(j|t_j \leq t)} \left(1 - \frac{d_j}{n_j}\right), \quad (3)$$

where $t_1, t_2, \dots, t_j, \dots, t_k$ is survival time with equal intervals for simplicity, d_j is individuals or households end their poverty spells at t_j , n_j is individuals or households stay poor in at least j waves and are at 'risk' of moving out of poverty at t_{j+1} . This is the probability of 'surviving' past time t_j .

Hazard rates (hazard functions) of ending poverty at t_j :⁷

$$h(t_j) = \begin{cases} 1 - S(t_j) & \text{if } j = 1 \\ \frac{s(t_j) - s(t_{j-1})}{s(t_j)} & \text{if } j > 1 \end{cases}. \quad (4)$$

The hazard rates of poverty re-entry are estimated similarly.

A multi-spell hazard model can be defined as below. Each individual could experience either a single type of spell (in-poverty or out-of-poverty) or both. For the latter case, an individual could have repeated spells of poverty and/or repeated spells of non-poverty. The probability that an individual i leaves the state at duration d , given that she/he has survived in the state to $d-1$, is assumed to be a standard *logit* hazard function (Devicienti, 2011; Jenkins, 2011):

$$E(d) = \frac{\exp[\alpha_d^P + X_{it}^{P'} \beta^P]}{1 + \exp[\alpha_d^P + X_{it}^{P'} \beta^P]}, \quad (5)$$

where X_{it} is a set of covariates that differ across individuals and, potentially, also over calendar time, represented by t . These covariates can be fixed or time variant. The dependence of the hazard upon duration in the spell d is explicitly highlighted by (5), while dependence upon X_{it} and through X_{it} upon calendar time t is left implicit so as to simplify notation. Next, β is a vector of parameters to be estimated, and α_i^P represent interval-specific dummies aimed at capturing the shape of the baseline hazard function with fully flexible non-parametric specification.

Correspondingly, for non-poverty spells a hazard of re-entry is specified:

⁵ Left-censoring means that the failure event (poverty exit or entry) occurs prior to the subject's entering the study.

⁶ Right-censoring means that one runs a study for a pre-specified length of time, and by the end of that time, the failure event has not yet occurred for some subjects.

⁷ The hazard function $h(t_i)$ gives the instantaneous potential per unit time for the event to occur, given that the individual has survived up to time t .

$$R(d) = \frac{\exp[\alpha_d^N + X_{it}^{N'} \beta^N]}{1 + \exp[\alpha_d^N + X_{it}^{N'} \beta^N]} \quad (6)$$

where d now shows duration in the present non-poverty spell. Duration dependence for out-of-poverty spells is summarised by the interval-specific dummies α_d^N .

Data

The analysis in this paper relies on data from the Kazakhstan Household Budget Survey (KHBS) from 2001 to 2009 provided by the Agency of Statistics of the Republic of Kazakhstan (ASRK). The KHBS is a nationally-representative annual household survey that collects information on 12,000 households. The survey sample is representative down to the *oblast* (province) level, and it is stratified by rural and urban sectors and also by small, medium, and large cities.

The analysis below uses annual cross-sectional data extracted from the KHBS 2001-2009 and on a panel dataset constructed from these data. The panel dataset was constructed by matching observations across the annual data files (Kudebayeva, 2015, Kudebayeva & Barrientos, 2017). The KHBS is a cross-sectional survey (the survey also adopted a rotating sample, with 25 percent of households surveyed replaced every four quarters), but the sampling frame remained largely unchanged during the period, and a share of households was interviewed throughout the period. In total, 2,580 households were found to be present in all waves. Household and individual matching across the annual datasets was based on birth year, gender, and the first name of individuals in the household. Tests of robustness, representativeness, and attrition bias performed on the constructed panel dataset provide confidence regarding its properties.

Focusing on consumption offers two advantages when analysing poverty dynamics. First, income-based measures may over-estimate variations in family economic well-being and the magnitude of poverty (Jorgenson, 1998). Second, expenditures appear to be less susceptible to systematic under-reporting than income, particularly among low-income families (Meyer & Sullivan, 2003). The focus on consumption expenditure better captures living standards among low-income groups. We focus on equivalised per capita consumption expenditures computed by dividing total consumption expenditures by the square root of the household size. Some researchers make a strong case for using adult equivalent expenditures to take

account of household economies of scale and the different 'costs' of children (Deaton & Muellbauer, 1986; Deaton & Paxson, 1998; Lanjouw & Ravallion, 1995). Having explored this issue with the data, Kudebayeva (2015) found only marginal differences in poverty estimates using per capita household expenditure and alternative OECD and WHO equivalence scales.

The official poverty lines are set by tracking the value of a minimum subsistence consumption basket reflecting nutrition standards, as developed by the National Nutrition Institute. Different baskets are constructed for the five regions, for nine age groups, and separately for females and males. This information is used to identify a mean national consumption basket. The cost of this consumption basket is calculated monthly, based on regional prices, separately for urban and rural areas. Beginning in 2006, the Agency of Statistics applied a new methodology for the calculation of the subsistence minimum (SM) by expanding the range of goods included from 20 to 43 products, and setting a 2,175 kcal per day as the nutrition benchmark. The adjustment for non-food costs was raised from 30 percent to 40 percent. To enable comparison across regions and across years, gross per capita real consumption expenditures were adjusted with official regional poverty lines.

Moreover, the stochastic dominance analysis shows a reduction in consumption poverty incidence regardless of which poverty lines and measures are used for the period 2001-2009. Therefore, further estimates are based on 40 percent of equivalised per capita consumption expenditures taken as the relative poverty line.

Results and Discussion

Chronic Poverty Estimations

Table 1 illustrates the chronic and transient poverty measures of J-R (2000) and Duclos et al. (2010) for various values of α . In Table 1, the components approach, which defines the chronically poor as those individuals with average intertemporal equivalised consumption expenditures below the intertemporal poverty line (when $\alpha=0$), shows the smaller share of transient poverty. This can be explained by the use of the relative poverty line as a poverty threshold. The reduction in chronic poverty measures due to the increase in α , illustrates less inequality among intertemporal poor individuals. The normalised poverty gaps are small for both poverty measures

when $\alpha=1$. The sensitivity of J-R's (2000) chronic poverty measure to the distribution of poverty gaps is low, whereas the sensitivity of Duclos et al.'s (2010) chronic poverty index to the equalised distribution of poverty gaps is larger. Moreover, the estimations from the Chinese Rural Household Survey yield larger transient poverty by J-R's (2000) approach than by Duclos et al.'s (2010) approach when $\alpha=2$ (Duclos et al., 2010). However, Duclos et al. (2010) applied an absolute poverty line as a poverty threshold. Our estimations depict the same issue when transient poverty comprises about 63 percent of total poverty by J-R's (2000) approach

and only 23 percent by Duclos et al.'s (2010) approach (when $\alpha=2$). This result is explained by the fact that Duclos et al.'s (2010) measure assigns more weight to the poverty gap in each period and then aggregates it over the whole period of nine years for each individual, before then aggregating it over all individuals in the sample. However, J-R's (2000) measure weights the gap between average intertemporal consumption and the poverty line of each individual, and then aggregates it over all individuals in the sample. Thus, Duclos et al.'s measure (2010) indicates more inequality among the chronically poorest individuals.

Table 1 – Chronic and Transient Poverty by Components Approaches

Chronic Poverty Measures	Chronic Poverty	Transient Poverty	Total Poverty
J-R (2000), $\alpha=0$	0.278	0.079	0.356
J-R (2000), $\alpha=1$	0.045	0.036	0.080
J-R (2000), $\alpha=2$	0.009	0.017	0.027
Duclos et al. (2010) $\alpha=1$	0.080	0.000	0.080
Duclos et al. (2010) $\alpha=2$	0.125	0.039	0.164

Source: Author's calculations based on KHBS 2001-2009

The Table 2 illustrates Gradin et al.'s (2012) measure of chronic poverty, which is a more generalised version of the chronic poverty measures by the spells approach, i.e. Foster's (2009) and Bossert et al.'s (2010) poverty indexes.

Table 2 reveals the sensitivity of intertemporal indices to variations in poverty gaps, and their intertemporal distribution for each individual, spell duration, and inequality in individual complete poverty practices over time. The analysis starts with the case in which $\beta=\gamma=0$ permits us to segregate the impact of changes in parameter α . The implication of progressively higher sensitivity to inequality of time spent in poverty across individuals (when $\alpha>0$) illustrates the decrease in chronic poverty. This means that the intertemporally poor are more equally distributed. Next, the analysis of the sensitivity of the aggregate intertemporal measure implies that larger weights on poverty spells of a

long duration require the segregation of the effect on the choice for various values of β , when $\gamma=0$ and $\alpha=1$. The change in β from 0 to 1 shows a decline in chronic poverty measures of 38 percent. This fact confirms the larger experience of short-term periods of poverty among the intertemporally poor, because the penalisation of longer spells of poverty by higher weights caused the decline in indexes. There is further analysis on the effect of including sensitivity to inequality in the chronic poverty measure in a more comprehensive manner (when $\gamma=2$ and $\beta=1$), which takes into consideration poverty gaps and their intertemporal distribution for each individual along with poverty duration. The increase in α from 1 to 2 illustrates the larger decline in chronic poverty in percentage terms than when $\beta=\gamma=0$. The decrease is almost 88 percent. The results show all poverty-reducing features that are accumulated in the chronic poverty measure for Kazakhstan.

Table 2 – Chronic Poverty Measures by the Spells Approach

α	$\beta=0$ $\gamma=0 \quad \gamma=1 \quad \gamma=2$			$\beta=1$ $\gamma=0 \quad \gamma=1 \quad \gamma=2$		
	$\alpha=0$	0.276	0.276	0.276	0.276	0.276
$\alpha=1$	0.253	0.063	0.022	0.157	0.043	0.016
$\alpha=2$	0.200	0.015	0.002	0.103	0.010	0.002

Source: Author's calculations based on KHBS 2001-2009

Note: Gradin et al.'s (2012) chronic poverty measure, where α is sensitivity of aggregate intertemporal poverty measure to inequality among intertemporal poor individuals; β is sensitivity of individual intertemporal poverty indices to spells duration; γ is sensitivity of individual intertemporal poverty measure to inequality among intertemporal poor individuals. Gradin et al.'s (2012) measure yields Foster's (2007, 2009) chronic poverty measure when $\alpha=1$ and $\beta=0$; when $\alpha=1$ and $\beta=1$, it produces Bossert et al.'s (2010) chronic poverty index.

Thus, both estimates of chronic poverty by the components and spells approaches illustrate the robustness of the results. The percentage of chronically poor when a relative poverty line is applied is 27 percent. However, these measures of chronic poverty do not reflect transitions into and out of poverty.

Poverty Durations

This section analyses spells of poverty, durations of poverty, and poverty transitions. Table 3 below shows the duration of poverty for various categories of households.

Table 3 observes various household structures, such as couples without children, a couple plus one adult and children, couples with children, pensioner couples, singles, and singles with children. Non-

poor individuals are mainly from households consisting of couples without children (i.e. 36.9 percent). The percentage of non-poor individuals from households with a couple with one adult and children is 31.51 percent, while for a single adult household with children, the percentage is only 18.73 percent.

With respect to persistently poor people, the proportion of poor individuals in the whole of the nine year period is one of the largest and is equal to 6.93 percent in households headed by a single parent with children, followed by individuals from households which include couples with children (6.11 percent); while for individuals from households consisting of couples without children, the percentage of always-poor is only 1.74 percent.

Table 3 – Proportions of times in poverty for individuals from different types of households

Time poor	Proportion for couples	Proportion for couple+adult+children	Proportion for couples with children	Proportion of pensioner couples	Proportion of singles	Proportion of single with children
0	36.9	31.51	26.79	24.11	26.1	18.73
1	14.62	11.99	12.13	15.6	15.7	9.61
2	10.71	7.19	8.05	14.18	10.62	8.64
3	10.56	9.25	9.1	17.73	11.09	9.37
4	5.07	10.96	8.95	2.84	8.31	8.88
5	5.21	8.9	5.77	4.26	6.93	10.22
6	5.79	4.79	7.31	8.51	6.7	10.83
7	5.21	4.11	7.21	5.67	6	9
8	4.2	6.16	8.6	4.26	4.62	7.79
9	1.74	5.14	6.11	2.84	3.93	6.93

Source: Author's calculations based on KHBS 2001-2009

Transient poverty prevails among pensioner couples, for whom the percentage of poverty in periods of less than four years is one of the highest in comparison with other categories. For other categories of families, except for singles with children, the proportions of poor are higher for shorter periods of less than five years. As indicated in the last column of Table 3, only for singles with children is the percentage of poverty larger for longer periods (i.e. more than five years). Moreover, couples with children experience larger proportions of poverty for periods above five years in comparison with other categories of households. These results reveal the important issue of persistent child poverty in Kazakhstan and suggest that

government policy should pay more attention to targeted social assistance programmes for poor families with children.

The estimated survivor and hazard functions in Table 4 indicate strong negative duration-dependence associated with the rates of poverty exit and re-entry. This implies a high probability for individuals to escape from poverty in the shorter term. This fact shows that, for a cohort of individuals just starting a poverty spell, the hazard of leaving after the first year is equal to 16.08 percent; after two years it is 8.1 percent, and drops further to 3.64 percent after four years. The probabilities of poverty exit then fall again after seven years, reaching 1.02 percent.

Table 4 – Survivor and hazard function of spells in and out of poverty

Time since the start of spell	Poverty exit				Poverty re-entry			
	Survivor function	(SE)	Hazard function	(SE)	Survivor function	(SE)	Hazard function	(SE)
1	0.8392	0.0040	0.1608	0.0044	0.8710	0.0035	0.1290	0.0038
2	0.7712	0.0047	0.0810	0.0036	0.8234	0.0041	0.0546	0.0027
3	0.7219	0.0052	0.0639	0.0036	0.7896	0.0045	0.0410	0.0026
4	0.6956	0.0055	0.0364	0.0033	0.7655	0.0048	0.0305	0.0026
5	0.6726	0.0058	0.0331	0.0036	0.7488	0.0051	0.0218	0.0026
6	0.6589	0.0061	0.0203	0.0033	0.7399	0.0052	0.0119	0.0022
7	0.6522	0.0064	0.0102	0.0030	0.7314	0.0055	0.0115	0.0025

Source: Author's calculations based on KHBS 2001-2009

The analysis of the survivor function for poverty exits illustrates that 83.92 percent of poverty entrants are still in the poverty pool after the first year; 77.12 percent are still in poverty after two years; 69.56 percent are poor after four years, after which the numbers drop further. After seven years, approximately 65.22 percent of the original pool of poverty entrants is still in poverty.

The hazard rates of re-entry are smaller than exit rates and indicate a significant risk for individuals out of poverty to fall back below the poverty threshold, particularly in the years just after an exit from poverty. Approximately 12.9 percent of the individuals ending a poverty spell will again have income below the poverty threshold after the first year; after two years the hazard of re-entry falls to 5.46 percent; and after four years the hazard of re-

entry is only 3.05 percent (see Table 4). The survivor function for those who are out of a poverty spell indicates that almost 87.1 percent survive as non-poor after one year; 82.34 percent are non-poor after four years, and 76.55 percent are non-poor after seven years. The estimations illustrate that survival rates are higher for non-poor spells than for poverty spells.

The data on spell lengths and censoring status summarise for each spell an 'event history'; a sequence of years during which the individual was at risk of leaving poverty (in our case poverty exit is the event). Hence, for someone with a completed spell length of four years (i.e. the individual is not poor in the fifth year), there is a data sequence of four years with no exit event recorded for each of the first three years and one recorded for the final

year. If, instead, the individual's spell is censored, the individual has been at risk of poverty exit for three years, but there is no exit event recorded for any of the years. Thus, the original data set is re-organised such that a person-year indicator of whether a transition occurred between that year and the next is embedded for the relevant individual.

The differences among individuals that are combined in hazard regression models mainly specify the differences in the structure of an individual's household and differences in measures of household labour market additions. For poverty transitions between some year $t-1$ and t , the value of each explanatory variable used is the value in the base $t-1$.⁸ The labour market characteristics are permitted to change by year within a spell. However, age variables are set to be equal to their values at the start of the spell.⁹

Household labour market variables are characterised by the employment status of the head of household. The inclusion of some individual specific variables, such as age and gender, does not show significant results. Therefore, we include dummy variables for the head of household, such as the individual is employed/unemployed, employed in the public sector, employed in the private sector, and self-employed. The age, gender, marital status, education level, and ethnicity of the head of household are also incorporated in the modelling. The demographic structure of the household is characterised by the quantity of adults, the elderly, and children under the age of six years. The variables that describe the demographic structure and the head of household's age and gender help to contrast the experience of single parents with married couples, large families with small families, and elderly people with younger people. The study of poverty duration suggests that individuals from single-parent households and couples with children have relatively long poverty spells.

The following significant assets of the household are also included as dummy variables: the household owns a dacha (a small house other than the main dwelling), owns a car, lives in a separate house or flat, and has access to water in the dwellings.

Thus, the estimation of the model is based on the pattern of poverty transitions for all individuals, although individuals vary in their characteristics. Some studies apply a sample of adults only, thus excluding children from the transition model

(Biewen, 2006; Devicienti, 2011). However, as Jenkins (2011) points out, poverty transition models are descriptive rather than behavioural models, therefore, the estimates of the model using only adult samples do not illustrate the substantive change as compared with the model that sample of all individuals, including children.

The data set is created as follows. An exit occurs in the next to the last wave in which the individual is poor (for entry, the same procedure is applied). However, the dummy variable for poverty exit allocates an exit to the same wave in which the individual was last in that state. Therefore, we do not need to create the lagged explanatory variables as we want to link the characteristics at $t-1$ to exit in t . Due to the exclusion of left-censored observations, the individuals who are poor and non-poor in all nine waves are not observed in our estimations. Table 5 illustrates the results from the estimation of multivariate hazard rates of poverty exit and re-entry from joint multiple-spell regressions by using a *logit* model.

The results of the estimation of the multivariate multi-period joint model of the hazards of poverty exit and re-entry indicate that the negative poverty duration starts after four periods in poverty. The hazard rates of poverty re-entry become negative after five years in non-poverty. A one-year increase in the age of the head of household, other thing being equal, will reduce the hazard rate of poverty exit by 1.4 percent. Female headship compared to male headship will reduce the hazard rate of poverty exit by 0.8 times (exponent $(-0.211) = 0.8$). The head of household being Russian reduces the hazard rate of poverty exit by 0.84 times compared to other ethnicities; the other characteristics are identical. Only having a university degree positively effects the hazard of poverty exit. Widowed heads of the household decrease the hazard rate of poverty exit by 0.73 compared to single heads of the household, other thing being equal. Employment of the head of the household is not a significant factor for reducing the hazards of poverty exit, other things being equal. The larger the size of the household, the less the decrease in hazard rates of poverty exit, when other characteristics are equal. Living in a separate house or apartment also has a negative influence on the hazard rate of poverty exit because the majority of the households live in separate dwellings. Only households located in Almaty will increase the hazard rate of poverty exit for the individual.

⁸ According to Jenkins (2011: 299), '[t]his is more satisfactory than using year t values because, in that case, there is a greater chance that the values are a consequence of the transition itself'.

⁹ Jenkins (2011: 299) argues that '[t]his is done in order to avoid collinearities between age and duration dependence: spell length and age each increases by one year as time progresses'.

Table 5 – Discrete time multiple-spell hazard models

Variables	Poverty exit regressions		Poverty re-entry regressions	
	Coeff.	SE	Coeff.	SE
Duration dummies				
1	2.395*	0.092	2.624*	0.097
2	1.220*	0.096	1.374*	0.102
3	0.642*	0.101	0.891*	0.113
4	0.303**	0.124	0.321*	0.123
5	-0.052	0.138	0.138	0.148
6	-0.802*	0.183	-0.655*	0.203
7	-1.358*	0.300	-0.957*	0.237
Head of household:				
Age of head	-0.014*	0.001	-0.012*	0.002
Female head	-0.211*	0.050	-0.017*	0.053
Ethnicity is Kazakh	-0.083	0.061	-0.270*	0.065
Ethnicity is Russian	-0.170*	0.061	-0.038	0.066
(Omitted category – a head of the household is from another ethnicity)				
Education of head:				
University	0.054	0.055	-0.392*	0.063
Vocational	-0.053	0.044	-0.179*	0.049
Not compl. second.	0.104	0.074	0.085	0.078
(Omitted category: head of the household has secondary education)				
Head is married	0.001	0.059	-0.238*	0.063
Head is widowed	-0.307*	0.071	-0.040	0.074
(Omitted category: head of the household is unmarried or divorced)				
Unemployed	0.067	0.079	0.136	0.086
Pensioner	0.108	0.083	0.247*	0.085
Public sector employee	0.012	0.048	-0.189*	0.052
Private sector employee	-0.153*	0.050	-0.068	0.055
Self-employed	-0.189*	0.051	-0.194*	0.055
(Omitted category: other category for the head of household, e.g. student, housewife, disabled or other)				
Household demographics:				
Quantity of adults	-0.185*	0.018	-0.168*	0.021
Quantity of children 0-5 years aged	-0.172*	0.049	0.137**	0.053
Quantity of elderly	-0.215*	0.051	-0.370*	0.055
(Omitted category: school-age children)				
Assets of the household:				
Household has a separate house or flat	-0.457*	0.060	-0.348*	0.065
Household has a <i>dacha</i>	0.130	0.085	-0.169***	0.101
Household has water in the home	-0.211*	0.079	-0.007	0.084
Household has a car	0.038	0.061	-0.053	0.072
Location:				
Central	0.068	0.065	-0.612*	0.072
West	-0.104	0.069	-0.328*	0.070
North	-0.167**	0.074	-0.379*	0.075
East	-0.168**	0.078	-0.289*	0.084
Astana	0.062	0.224	-0.836*	0.268
Almaty	0.399*	0.135	-1.140*	0.181
(Omitted category is South)				
Urban	0.042	0.080	-0.144***	0.083
(Omitted category is rural)				
Log-likelihood	-7307.112			
Number of obs. (person-years)	17203			

Notes: Statistically significant at $P < 0.01$, statistically significant at $**P < 0.05$, statistically significant at $***P < 0.1$; SE are robust standard errors clustered by household.

Source: Author's calculations based on KHBS 2001-2009

The age of the head of the household, the head of the household being female, the head of the household being ethnic Kazakh, and the head of the household with vocational, university, or higher education negatively affect the hazard rate of poverty re-entry. The head of the household being married compared to being single, the quantity of adults and elderly, living in a separate dwelling, having a dacha, and living in locations except for rural areas and the south will also reduce the hazard rate of poverty re-entry. Only the head of the household being a pensioner, and having children under the age of six will increase the hazard rate of poverty re-entry.

The factor with significant positive influence on poverty exit is a location in Almaty. Many correlates of the model estimation have the same signs for the hazard rate of poverty exit and re-entries. This means that these factors are common for the transitory poor, who are moving in and out poverty in given periods of time. As defined previously, the existence of children under the age of six will increase the hazard rate of poverty re-entry.

Conclusion

We find that, despite the rapid and substantial reduction in poverty in Kazakhstan since the turn of the century, and depending on the measure of chronic poverty employed, as much as a quarter of the Kazakh population has experienced persistent poverty. Moreover, the intertemporally poor are more equally distributed, which means that the shorter durations of poverty spells prevail and period poverty is less variable.

Our investigation of poverty duration among various household types indicates that the longest duration of poverty is experienced by single individuals with children and couples with children. The lowest duration of poverty is among adult couples without children and pensioner couples. The risk of poverty re-entry is considerable for

individuals from households with children under the age of six. Thus, with respect to policy implications, the improvement in coverage of public child care system should be a priority for Kazakhstan.

In addition, we use multivariate hazard regression models to examine differences in individuals' experience of poverty over time. The results confirm the negative duration dependence of the hazard rates of exits from and re-entries into poverty. Factors that have a positive impact on the probability of poverty exit include location in Almaty, head of household with a university degree, and owning assets such as a car or dacha. Many correlates of the model estimation have the same signs for the hazard rate of poverty exit and re-entry. These factors are common for the transitory poor, who move in and out of poverty in a given period of time. This fact illustrates that the majority of the persistently poor, who were poor for more than a total of 5 years, experienced breaks between poverty spells. Thus, the majority experienced interrupted poverty spells during the whole period of the observation. Moreover, the existence of children under the age of six increases the hazard rate of poverty re-entry and decreases the probability of poverty exit.

This study of poverty transitions concludes that the majority of the population in Kazakhstan is transient poor or vulnerable to poverty. Hence, policies aimed at reducing vulnerability to poverty are required. Greater policy focus is needed on sectors of the economy with the lowest average wage, such as agriculture, education, and health care. Specifically, this problem may be solved by providing targeted social assistance for families with children under school age with per capita income below the official poverty line, but not 40 percent of the official poverty threshold, which was applied to be eligible for targeted social assistance (TSA) in Kazakhstan. Since April 2019, the threshold for those eligible for TSA is increased till 70 percent of the subsistence minimum.

References

- Addison T., Hulme D., Kanbur R. (2009) *Poverty Dynamics Interdisciplinary Perspectives*. Oxford University Press, Oxford.
- Anderson K., Pomfret R. (2002) Relative Living Standards in New Market Economies: Evidence from Central Asian Household Surveys. *Journal of Comparative Economics*, vol. 30, pp. 683-708.
- Arranz J. M., Cantó O. (2012) Measuring the effect of spell recurrence on poverty dynamics – evidence from Spain. *The Journal of Economic Inequality*, vol. 10(2), pp. 191-217.
- Bane M., Ellwood D. (1986) Slipping into and out of poverty: The dynamics of spells. *The Journal of Human Resources*, vol. 11(1), pp. 1-23.
- Barrientos A. (2007) Does vulnerability create poverty traps? CPRC Working Paper No 76, BWPI/Chronic Poverty Research Centre, Manchester.

- Bierbaum M., Gassmann F. (2012) Chronic and Transitory Poverty in the Kyrgyz Republic: What Can Synthetic Panel Tell Us? UNI-MERIT Working Paper Series. Maastricht University and United Nations University.
- Biewen M. (2006) Who are the Chronic Poor? An Econometric Analysis of Chronic Poverty in Germany. *Dynamics of Inequality and Poverty Research on Economic Inequality*, vol. 13, pp. 31-62.
- Bigsten A., Shimeles A. (2008) Poverty transition and persistence in Ethiopia: 1994-2004. *World Development*, vol. 36, pp. 1559-1584.
- Bossert W., Chakravarty S., D'Ambrosio C. (2012) Poverty and time. *The Journal of Economic Inequality*, vol. 10(2), pp. 145-162.
- Calvo C., Dercon S. (2007) Chronic poverty all that: the measurement of poverty over time. Chronic Poverty Research Center WP No 89, Manchester.
- Canto O. (2002) Climbing out of poverty, falling back in: Low income stability in Spain. *Applied Economics*, vol. 34, pp. 1903-1916.
- Cappellari L., Jenkins S.P. (2002) Who Stays Poor? Who Becomes Poor? Evidence From The British Household Panel Survey. *The Economic Journal*, vol. 112(478), pp. 60-67.
- Chakravarty S. R. (2009) *Inequality, Polarization and Poverty: Advances in Distributional Analysis*. (J. Silver, Ed.), Economic Studies in Inequality, Social Exclusion and Well-Being. Springer Science+Business Media.
- Chen S., Ravallion M. (2012) More Relatively-Poor People in a Less Absolutely-Poor World. Policy Research Working Paper No6114, Washington DC: World Bank.
- Chronic Poverty Research Center (2008) The Chronic Poverty report, 2008-09: Escaping poverty Traps. Chronic Poverty Research Center (CPRC), Manchester, UK.
- Commander S., Tolstopyatenko A., Yemtsov R. (1999) Channels of Redistribution Inequality and Poverty in the Russian Transition. *Economics of Transition*, vol. 7(2), pp. 411-447.
- Deaton A. (1992) Understanding consumption. Oxford, Clarendon.
- Deaton A., Muellbauer J. (1986) On Measuring Child Costs: With Applications to Poor Countries. *Journal of Political Economy*, vol. 94(4), pp. 720-744.
- Deaton A., Paxson C. (1998) Economies of Scale, Household Size, and the Demand for Food. *Journal of Political Economy*, vol. 106(5), pp. 897-930.
- Dercon S., Porter C. (2011) A poor life? Chronic poverty and downward mobility in rural Ethiopia, 1994 to 2004. In: B. Baulch (Eds.), *Why Poverty Persists. Poverty Dynamics in Asia and Africa*. Edward Elgar Publishing, Inc., pp. 65-95.
- Devicienti F. (2002) Poverty persistence in Britain: A multivariate analysis using the BHPS, 1991-1997. *Journal of Economics*, vol. 9(0), pp. 307-340.
- Devicienti F. (2011) Estimating poverty persistence in Britain. *Empirical Economics*, vol. 40(3), pp. 657-686.
- Foster J.E. (2007) A Class of Chronic Poverty Measures. Working Paper No. 07-W01. Department of Economics Vanderbilt University.
- Foster J.E. (2009) A Class of Chronic Poverty Measures. In: T. Addison, D. Hulme, R. Kanbur (Eds.), *Poverty Dynamics: Interdisciplinary Perspectives*. Oxford University Press, Oxford, pp. 59-76.
- Gradin C., Del Rio C., Canto O. (2012) Measuring Poverty Accounting for Time. *Review of Income and Wealth*, vol. 58(2), pp. 330-354, <https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.2011.00458.x>
- Hansen J., Wahlberg A.E.R. (2009) Poverty and its Persistence: a Comparison of Natives and Immigrants in Sweden. *Review of Economics of the Household*, vol. 7, pp. 105-132.
- Heckman J., Singer B. (1984) A Method for Minimising the Impact of Distributional Assumptions in Econometric Models of Duration Data. *Econometrica*, vol. 52, pp. 271-320.
- Hoy M., Thompson B., Zheng B. (2011) Empirical Issues in Lifetime Poverty Measurement. *The Journal of Economic Inequality*, vol. 10(2), pp. 163-189.
- Hoy M., Zheng B. (2008) Measuring Lifetime Poverty. Discussion Paper No. 2008-14 Department of Economics, University of Guelph.
- Hulme D., Shepherd A. (2003) Conceptualizing Chronic Poverty. *World Development*, vol. 31(3), pp. 403-423.
- Imai J., You K. (2014) Poverty Dynamics of Households in Rural China. *Oxford Journal of Economics and Statistics*, vol. 76(6), pp. 898-923.
- Jalan J., Ravallion M. (2000) Is Transient Poverty Different? Evidence for Rural China. *Journal of Development Studies*, vol. 36(6), pp. 82-99.
- Jenkins S.P. (2011) *Changing Fortunes: Income Mobility and Poverty Dynamics in Britain*. Oxford University Press.
- Jha R., Dang T. (2009) Vulnerability to Poverty in select Central Asian Countries. *The European Journal of Comparative Economics*, vol. 6(1), pp. 17-50.
- Jorgenson D.W. (1998) Did We Lose the War on Poverty? *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 12(1), pp. 79-96, <http://www.jstor.org/stable/2646940>
- Kudebayeva A. (2015) Chronic Poverty Concepts and Measures: An application to Kazakhstan. PhD Thesis, University of Manchester: Manchester.
- Kudebayeva A., Barrientos A. (2017) A Decade of Poverty Reduction in Kazakhstan 2001-2009: Growth and/or Redistribution? *Journal of International Development*, vol. 29(8), pp. 1166-1186.
- Lanjouw P., Ravallion M. (1995) Poverty and Household Size. *The Economic Journal*, vol. 105(433), pp. 1415-1434.
- McCulloch N., Calandrino M. (2003) Vulnerability and Chronic Poverty in Rural Sichuan. *World Development*, vol. 31(3), pp. 611-628.
- McKay A., Lawson D. (2003) Assessing the Extent and Nature of Chronic Poverty in Low Income Countries: Issues and Evidence. *World Development*, vol. 31(3), pp. 425-439.

- Meyer B.D., Sullivan J.X. (2003) Measuring the Well-being of the Poor Using income and Consumption. NBER working paper No.9760.
- Mills B.F., Mykerezi E. (2009) Chronic and Transient Poverty in the Russian Federation. *Post-Communist Economies*, vol. 21(3), pp. 283-306.
- Okrasa W. (1999) Who Avoids and Who Escapes from Poverty during the Transition? Evidence from Polish Panel Data, 1993-96. World Bank Policy Research Working Paper No. 2218, <http://ssrn.com/abstract=623976>.
- Pomfret R. (2006) *The Central Asian Economies since Independence*. New Jersey: Princeton University Press.
- Rhoe V., Babu S., Reidhead W. (2008) An Analysis of Food Security and Poverty in Central Asia – Case Study from Kazakhstan. *Journal of International Development*, vol. 20, pp. 452-465.
- Stevens A.H. (1999) Climbing Out of Poverty, Falling Back In: Measuring the Persistence of Poverty over Multiple Spells. *Journal of Human Resources*, vol. 34, pp. 557-588.
- You J. (2011) Evaluating Poverty Duration and Transition: A Spell-Approach to Rural China. *Applied Economics Letters*, vol. 18, pp. 1377-1382.

Маженов А.С.¹, Медени Т.²

¹докторант, Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: rinatmazhenov@gmail.com

²PhD, доцент, Университет Анкара Йылдырым Бязыт,
Турция, г. Анкара, e-mail: tuncmedeni@gmail.com

РОЛЬ ТЕОРИИ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ СТОРОН ПРОЕКТНОГО МЕНЕДЖМЕНТА ПРИ ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОЕКТОВ

Актуальность проектного управления обусловлена новыми вызовами к системе государственного управления Республики Казахстан. В современных условиях критически важной становится способность реализовать запланированные проекты и задачи для достижения поставленных целей в срок и в рамках установленных бюджетов. С помощью использования методов проектного управления возможно мобилизовать и структурировать ресурсы для повышения эффективности при реализации государственных проектов.

В статье рассмотрены аспекты использования проектного менеджмента в деятельности государственных органов. Проведено выявление недостатков и путей их решения на основе применения одного из инструментов проектного менеджмента, как управление заинтересованными сторонами. Тематика управления заинтересованными сторонами активно развивается коммерческими институтами, что обусловлено ростом понимания роли заинтересованных сторон в хозяйственной деятельности компании в целом. Однако, применительно к использованию теории заинтересованных сторон при реализации государственных проектов тематика недостаточно проработана. Рассмотрение теории заинтересованных сторон для решения задач, стоящих перед государственными органами, обусловлено новыми вызовами в системе государственного управления страны. Эффективное взаимодействие государства со всеми заинтересованными сторонами при реализации государственных проектов помогает снизить различные риски и обеспечить социально-экономическую стабильность в обществе.

Ключевые слова: проектное управление, государственное управление, проектный менеджмент в государственных органах, заинтересованные стороны в государственных проектах.

Mazhenov A.S.¹, Medeni T.²

¹doctoral student, Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: rinatmazhenov@gmail.com

²PhD, Associate Professor, Ankara Yildirim Beyazit University,
Turkey, Ankara, e-mail: tuncmedeni@gmail.com

The role of stakeholder theory in project management while increasing the efficiency of government projects

The relevance of project management is due to new challenges to the public administration system of the Republic of Kazakhstan. In modern conditions, the ability to realize the planned projects and tasks to achieve the set goals on time and within the established budgets becomes critical. Using the methods of project management, it is possible to mobilize and structure resources to increase efficiency in the implementation of government projects.

The article discusses aspects of the use of project management in the activities of state bodies. Identification of shortcomings and solutions by using one of the project management tools as stakeholder management. The topic of stakeholder management is being actively developed by commercial institutions, which is due to a growing understanding of the role of stakeholders in the business of the company as a whole. However, with regard to the use of the theory of stakeholders in the implementation of state projects, the topic is not well developed.

Consideration of the theory of stakeholders to solve the problems facing public authorities, due to new challenges in the public administration of the country. Effective interaction of the state with all

interested parties in the implementation of state projects helps to reduce various risks and ensure social and economic stability in society.

Keywords: project management, public administration, project management in government, stakeholders in government projects.

Маженов А.С.¹, Медени Т.²

¹докторант, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: rinatmazhenov@gmail.com

²PhD, доцент, Анкара Йылдырым Беязит университеті,
Түркия, Анкара қ., e-mail: tuncmedeni@gmail.com

Мемлекеттік жобалардың тиімділігін арттыру кезіндегі жобаны басқарудағы мүдделі тараптар теориясының рөлі

Жобаны басқарудың өзектілігі Қазақстан Республикасының мемлекеттік басқару жүйесіндегі жаңа міндеттерге байланысты. Қазіргі кезеңде жоспарланған жобалар мен міндеттерді белгіленген мерзімде және белгіленген бюджеттер шегінде іске асыру мүмкіндігі өте маңызды. Жобаларды басқару әдістерін қолдана отырып, мемлекеттік жобаларды іске асырудың тиімділігін арттыру үшін ресурстарды жұмылдырып, құрылымдауға болады.

Мақалада жобаларды басқаруды мемлекеттік органдардың қызметінде қолдану аспектілері қарастырылған. Қатысушыларды басқару ретінде жобаларды басқару құралдарының бірін қолдану арқылы кемшіліктер мен шешімдерді анықтау. Мүдделі тараптарды басқару тақырыбын коммерциялық институттар белсенді түрде дамытуда, бұл компанияның бизнесіндегі мүдделі тараптардың рөлін түсінудің артуына байланысты. Алайда, мемлекеттік жобаларды іске асыруда мүдделі тараптар теориясын қолдануға қатысты тақырып жан-жақты қарастырылмаған.

Мемлекеттің мемлекеттік басқарудағы жаңа міндеттерге байланысты мемлекеттік органдар алдында тұрған проблемаларды шешуге мүдделі тараптар теориясын қарастыру. Мемлекеттің жобаларды іске асыруда барлық мүдделі тараптармен тиімді өзара әрекеттесуі түрлі қауіптерді азайтуға және қоғамдағы әлеуметтік-экономикалық тұрақтылықты қамтамасыз етуге көмектеседі.

Түйін сөздер: жобаны басқару, мемлекеттік басқару, үкіметтегі жобаларды басқару, үкіметтік жобаларға мүдделі тараптар.

Введение

Повышение эффективности деятельности органов государственной власти как на республиканском, так и на местном уровне является актуальным для Казахстана и других развивающихся стран. Правильное определение заинтересованных сторон, интересы которых будут затронуты при запуске государственных проектов, это один из факторов эффективной реализации государственной политики, при которой возрастает кредит доверия граждан к государству и обеспечивается социально-экономическая стабильность в обществе.

При проведении проектно-ориентированной деятельности государство в качестве основного участника может получить преимущества от профессионального управления в виде: сокращения расходов бюджета всех уровней, контроля над расходованием средств и повышения эффективности работы государственных ведомств.

В части привлечения внешних инвестиций и финансирования исследования международных организаций, как Всемирный банк и Европейский союз, показывают, что организации, создав-

шие системы управления проектами, получают высокую степень финансирования по сравнению с теми, кто не развил управленческие способности к реализации проекта и не располагает структурами, инструментами и методами работы с проектами (Mihaescu, 2013: 97).

Объектом данного исследования является теория заинтересованных сторон в проектном менеджменте и государственном управлении. Предметом исследования является взаимосвязь инструментов проектного управления, как определение заинтересованных сторон при реализации государственных проектов.

Цель работы – выявить специфику применения теории заинтересованных сторон в органах государственной власти при реализации значимых государственных проектов.

Достижение поставленной цели обуславливается решением следующих задач:

- Исследовать основные положения теории заинтересованных сторон.

- Определить модель из числа инструментов теории заинтересованных сторон к практическому применению при реализации государственных проектов.

Обзор литературы

Появление теории заинтересованных сторон связано с выходом в 1984 году работы Э.Фримена «Стратегический менеджмент: концепция заинтересованных сторон», в которой введено новое понятие – «заинтересованная сторона». Классификация заинтересованных сторон (стейкхолдеров), по мнению Э.Фримена, включает следующий перечень: владельцы; финансовое сообщество; активистские группы; потребители; группы поддержки клиентов; профсоюзы; сотрудники; государство; поставщики; политические группы; конкуренты и торговые партнеры (Щербаченко, 2018: 155).

Э.Фримен предлагает два определения заинтересованных сторон: в широком понимании – включает в себя дружественные или враждебные группы, и в узком понимании – включает в себя более конкретные определения социально-ответственного инвестирования.

Заинтересованные стороны в широком понимании – это любая идентифицируемая группа или отдельное лицо, которое может повлиять на достижение целей организации, или на кого влияет достижение целей организации. В этом смысле заинтересованными сторонами являются группы общественных интересов, протестные группы, правительственные учреждения, торговые ассоциации, конкуренты, союзы, а также сотрудники, сегменты клиентов, акционеры и другие.

Заинтересованные стороны в узком понимании – это любая идентифицируемая группа или отдельное лицо, от которого организация зависит в своем дальнейшем функционировании. Сотрудники, клиенты, поставщики, ключевые правительственные учреждения, акционеры и финансовые учреждения (Freeman, 1983: 91).

В изучаемых источниках предлагается исключить термин «группа влияния», поскольку он определяет только подмножество групп и индивидов, входящих в понятие «стейкхолдер». Стейкхолдер – это «индивид или группа, которые могут оказывать влияние на достижение стратегических результатов фирмы или подвергаются влиянию при достижении фирмой стратегических результатов». Если дополнить это определение словами: «при том, что эти индивиды или группы имеют подкрепленные силой требования к деятельности компании», получим определение «группы влияния», являющееся частным случаем понятия «стейкхолдер».

К группам влияния относятся те стейкхолдеры, которые в состоянии подкрепить свой интерес силой, т.е. имеют реальные рычаги влияния на фирму (Петров, 2014: 54).

Вопросы развития теории заинтересованных сторон в окружении коммерческих проектов организаций и фирм многосторонне освещены в исследованиях таких авторов как: Петрова М.А., Грабань В.В., Салмакова М.М., Белоконь А.И., Маланчий С.А., Коцюба Т.В., Щербаченко П.С., Цепес Г.Л.

Степень научной разработанности проблемы использования теории заинтересованных сторон при реализации государственных проектов является невысоким. В основном это исследования зарубежных исследователей как: Sandra Beach, Kerry Brown, Robin Keast, Rogene Buchholz, Sandra Rosenthal. Вопросы использования проектного менеджмента органами государственной власти в общем освещены в исследованиях: Vitor Santos, Cristine Mihaescu, Якимовой М.Н., Красильникова Д.Г., Полковникова А.В., Васильева А.И., Моргуновой Н.В.

Методология

В ходе исследования применялись следующие общенаучные методы как: индуктивный и дедуктивные, сравнение, комплексность, логический и системные подходы. На основании исследований зарубежных и отечественных авторов проведено обобщение использования теории заинтересованных сторон при реализации государственных проектов.

В качестве приема познания, при котором на основе сходства объектов в одних признаках заключают их сходства в других признаках, использован метод аналогии. Наблюдения в период прохождения зарубежной научной стажировки в Университете Анкара Йылдырым Беязыт за транспортной инфраструктурой г. Анкары позволили провести параллельное изучение и сравнение явлений по аналогии.

Результаты и обсуждение

В целях развития рыночной экономики государственными органами принимаются различные специфичные технологии управления, среди которых в последнее время проектное управление занимает особое место. Достижение целей в рамках ограниченных ресурсов и времени делает проектный менеджмент одним из актуальных направлений управления.

С середины 1980-х – начала 1990-х годов, когда традиционная система государственного управления, описанная в концепции рациональной бюрократии М.Вебера, уже не могла обеспечивать устойчивый рост и преимущество в глобальной конкурентной борьбе, сообщество развитых стран стало проводить административные реформы. В географическом плане волна административных изменений захлестнула весь мир: от США, Новой Зеландии, Швеции до Индии и Китая.

Стремление реализовать на практике главный принцип преобразований – внедрить в систему государственного управления инструменты, методы управления, выработанные в бизнес-сфере. Такой подход реформирования государственного аппарата в начале 1990-х гг. оформился в виде самостоятельной концепции и получил название «новый государственный менеджмент» (New Public Management – NPM). В число основных направлений идей NPM входит применение в государственном секторе менеджмент-технологий коммерческих компаний, а также осуществление деятельности по исполнению государственных функций в соответствии с принципом клиентоориентированности (Якимова, 2015: 17).

Один из главных вопросов в концепции государственного менеджмента – это вопрос об эффективности управления. В соответствии с этим подходом оценка деятельности государственных структур осуществляется не по уровню их активности, а по результату деятельности «на выходе», по достижению установленных целевых показателей, а важнейшим инструментом управления становится проектный менеджмент в рамках программно-целевого подхода к планированию и управлению.

В Казахстане на базе многих центральных и местных государственных органов созданы проектные офисы и ведутся работы по внедрению проектного управления. В настоящее время при Канцелярии Премьер-Министра Республики Казахстан функционирует Центр проектного управления. Однако в дальнейшем страна нуждается в более централизованной государственной структуре, которая может в действительности воздействовать на государственные проекты. В связи с тем, что процесс использования проектного управления в деятельности государственных органов имеет короткий отрезок времени, можно отметить, что деятельность в данном направлении больше носит формальный характер. Эксперты, имеющие опыт работы по проектному управлению в международных компаниях, отме-

чают разбалансированность проектного управления в государственных органах Казахстана. В числе причин: отсутствие единого центра проектного управления, не выбран единый подход и методология, утвержденная на уровне национальных стандартов (Исмаилова, 2019: 1).

Создаваемые проектные офисы должны тщательно введены в организационную структуру. Реорганизация приводит к тому, что сотрудники могут недооценивать роль проектного офиса. Вместе с тем, служащие могут чувствовать угрозу из-за реорганизации и увеличения контрольных процедур. При создании проектных офисов необходимо подготовить в первую очередь членов команды и руководителей проектов с объяснением поставленных задач и дальнейших шагов. Стоит помнить, что проектный офис – это не экстренное решение, а эффективная работа на долгосрочной перспективе (Santos 2015: 1193).

В Великобритании в связи с многочисленными проблемами с государственными проектами, заключающимися в планировании, бюджетировании, а также неэффективной работой с рисками, в 2011 году был создан Департамент приоритетных проектов (Major projects authority). По существу, созданный департамент представлял собой проектный офис государственного уровня, который, активно не участвуя в управлении государственными проектами, обеспечивал их поддержку. Департамент ведет портфель государственных проектов и обеспечивает их экспертную и управленческую поддержку. Специалисты собирают лучшие практики управления проектами, и в случае необходимости помогают в работе руководителям проектов. Вместе с тем на департамент возложена важная функция независимой оценки проектов, поскольку он создает свою собственную отчетность по ключевым параметрам реализации проектов.

Только за первоначальные три года работы портфель приоритетных проектов правительства Великобритании включал в себя около 200 проектов с 40-летним горизонтом планирования и бюджетом около 500 млрд. фунтов стерлингов. Это проекты по развитию сервисов, с предоставлением государственных услуг, работой правительства, проекты развития инфраструктуры, проекты в сфере обороны и информационных технологий.

Проектные офисы подобного типа используются в Канаде, Австралии и Сингапуре.

Для управления государственными проектами в Великобритании был разработан широко применяемый во всем мире стандарт – PRINCE2

(**Projects In Controlled Environments**) – проекты в контролируемых средах. Структурированный метод управления проектами, одобренный правительством Великобритании в качестве стандарта управления проектами в социальной сфере. Помимо данного стандарта, в настоящее время государственные структуры также активно применяют гибкое управление проектами, используя методики Agile.

В Японии для реализации государственных программ, проектов по развитию инфраструктуры была разработана методология P2M (Project and Program management). Сегодня данная модель используется во всем мире как инструмент внедрения инноваций (Полковников, 2016: 2).

Наличие в развитых странах эффективно работающих проектных офисов, применяющих в своей работе централизованно единые стандарты по управлению проектами, приносит свои положительные результаты.

Государственным органам при реализации масштабных проектов необходимо качественно определять и влиять на окружение проекта еще на стадии инициации проектов. В ином случае на запуск проекта могут быть не только потрачены большие финансовые средства, но и после, запущенный проект может лечь бременем на бюджет страны или отдельного города.

Несмотря на то, что концепция заинтересованных сторон зародилась в частном секторе, она стала все более заметной стратегией государственного управления в последнее время. С точки зрения государственного управления можно утверждать, что взаимодействие с заинтересованными сторонами является эволюционной формой модели участия общественности (Beach, 2008:3).

По аналогии с данной концепцией, можно прийти к выводу, что смыслом и причиной существования государства является удовлетворение всех законных интересов ее заинтересованных сторон.

Рассмотрим в этой логике пример с реализацией государством проекта города с точки зрения проектного подхода. Одним из вызвавших в Казахстане большой общественный резонанс государственных проектов является строительство ЛРТ (легкого рельсового транспорта) в городе Нур-Султане. Предварительная стоимость проекта ЛРТ оценивалась в 1 миллиард 887 миллионов долларов США. Протяженность линии ЛРТ составляет 22,4 километра, соединяя железнодорожный вокзал «Нурлы-Жол» через город до аэропорта. Однако в связи с финансовыми про-

блемами строительство ЛРТ в настоящее время приостановлено.

Президент Казахстана Токаев К.К. в своем выступлении касательно данной линии ЛРТ сказал следующее: «Наглядно о проблемах качественного планирования свидетельствует проект ЛРТ в Нур-Султане. Вместо создания удобного, понятного, практичного для населения вида транспорта предложен дорогостоящий вид транспорта. Мнения специалистов, архитектурного общества, как я понимаю, не были учтены. По данным акимата, прогнозируемый поток составит 146 тысяч человек в сутки. В настоящее время по схожему маршруту от аэропорта до нового вокзала пассажиропоток составляет 2 тысячи человек. И как вы собираетесь увеличить пассажиропоток в 70 раз, мне не понятно. Есть риск, что не окупаемый проект повлечет постоянное получение субсидий и ляжет бременем на правительство» (Токаев, 2019: 1).

Однозначно, что при строительстве ЛРТ, как и во многих больших проектах, просчеты допущены не только в самих этапах строительства и финансирования. Основная недоработка, по нашему мнению, кроется еще в периоде инициации данного проекта, то есть в работе со стейкхолдерами – заинтересованными сторонами данного проекта.

Как и во многих случаях, акцент был сделан не на основной категории граждан города, или целесообразности проекта для страны в целом, а на внешний фактор, то есть, визуальную картину, которую увидит по прилету иностранный гражданин. Согласно теории заинтересованных сторон, целевой стороной проекта, которая ставится в центр внимания, может стать любая сторона. Однако наиболее часто целевым стейкхолдером становится менеджмент, поскольку именно он чаще всего принимает решения, а также имеет связи со всеми остальными группами и индивидами (Петров, 2014: 55). В качестве менеджмента, представители власти, принимающие решение о строительстве ЛРТ без должного рассмотрения экономического обоснования, поставили во главе такие факторы как привлекательность нового вида транспорта для туристов и наличие у города такого модного решения как ЛРТ в зарубежных мегаполисах. Интересы жителей города, как заинтересованных сторон и будущее дотационное обеспечение предприятия за счет бюджета города были оставлены без реального фактического экономического обоснования. Озвученные Президентом цифры говорят о том, что реальной надобности такой транспорт-

ной линии для города с населением около миллиона человек не было.

В городе Анкара с шестимиллионным населением, являющейся столицей Турецкой Республики, в настоящее время нет ветки подземного метро или наземного ЛРТ, ведущего в аэропорт. При наличии в Анкаре пяти отдельных веток метро и одной проходящей сквозь город наземной электрички власти все тянут с вопросом такового пути в аэропорт. Скорее всего вопрос даже не в том, что они не в силах этого сделать, а в целесообразности данного решения конкретно в настоящее время. Данная политика города Анкары связана с отсутствием экономического обоснования строительства отдельного наземного транспортного пути, как это делают в городе Нур-Султан.

В Анкаре с помощью метро и электрички решают основную проблему концентрации населения в одном месте. То есть, не привязываясь к одному центру города, с помощью метро и электрички увеличивают территорию города. Соответственно уменьшается нагрузка строительства развязок и постоянных реформ с транспортной логистикой города.

На примере транспортной логистики города Анкары, было бы целесообразней финансирование ЛРТ города Нур-Султан использовать в целях развития мегаполиса Алматы. Соединив центр Алматы с другим дальним районом. К примеру, построить ЛРТ до района Каскелен – это чуть более 20-ти км. В дальнейшем была бы возможность добавить еще 30 км и соединить уже с населенным пунктом Узынагаш. Преимущество, частота движения и дешевизна, которая позволит людям, живущим в данных районах без проблем добираться в центр города Алматы и уезжать обратно. Как результат разгрузка города и импульс развитию других районов.

Вопрос же с логистикой людей в аэропорт можно было бы решить, как и в Анкаре, с помощью автобусов «шатлов», регулярно осуществляющих поездку из центра города в аэропорт и обратно. Такой же опыт используется в настоящее время в городе Баку, столице Азербайджана, и многих других городах.

Городской проект изменяет или отдельные элементы, или всю систему города. На стадии реализации проекта могут и должны использоваться стандартные инструменты проектного менеджмента.

В государственном органе (как и в другой организации) можно условно выделить два вида деятельности, существенно различающихся друг

от друга: процессную (операционную) и проектную. Процессная деятельность имеет классический, повторяющийся характер. Чаще всего организация и создается для осуществления конкретных процессов. Процесс – это регулярно повторяющаяся последовательность операций, потребляющая ресурсы и создающая некий результат, ценный для потребителя (Васильев, 2016: 45). Создание новых проектов республиканского либо городского масштаба относится к проектному управлению. Проект – это временное предприятие, направленное на создание уникального продукта, услуги или результата. Проекты реализуются для достижения целей путем создания поставляемых результатов. Цель – это конечный результат, на который должны быть направлены работы; стратегическая позиция, которую следует занять; задача, которую следует решить; результат, который следует получить; продукт, который следует произвести, или услуга, которую следует создать. Поставленный результат – это любой уникальный и поддающийся проверке продукт, результат или способность оказать услугу, которые необходимо получить для завершения процесса, фазы или проекта. Поставленные результаты могут быть материальными и нематериальными (РМВОК, 2016: 4).

Распространение практик управления проектами включает проблему управления заинтересованными сторонами в проектном менеджменте. Механизмы управления заинтересованными сторонами, взятые из стратегического менеджмента, не могут быть транслированы на менеджмент проекта, так как проектное управление носит тактический характер, требует быстрых активных действий и столь же оперативного управления заинтересованными сторонами. Фирмы быстрее добиваются успеха, когда они соотносят свои внутренние ресурсы и возможности с потребностями внешнего окружения (заинтересованных сторон). При этом влияние заинтересованных сторон на исход и успех проекта существенно выше, чем в корпоративном управлении (Грабань, 2014: 36).

Одним из важных компонентов проектного управления, столь нужного в настоящее время для местных исполнительных органов, является управление взаимодействием с заинтересованными сторонами запускаемых новых проектов.

При создании больших имиджевых проектов республиканского масштаба как международные выставки и различного рода спортивные мероприятия, так и проектные офисы, созданные непосредственно при правительстве страны, могут

использовать проектное управление и в процессе управления заинтересованными сторонами проекта реализовать следующие этапы:

- 1) определение заинтересованных сторон;
- 2) анализ интересов заинтересованных сторон;
- 3) сопоставление: визуализация отношений с заинтересованными сторонами;
- 4) приоритизация: учет релевантности заинтересованных сторон и выявление проблем.

Окружение проекта состоит из внутренних и внешних заинтересованных сторон. К внутренним заинтересованным сторонам относятся стороны, которые непосредственно участвуют при реализации проекта (менеджер проекта, команда управления проектом, члены команды проекта, офис управления проектом, инвесторы и поставщики проекта). При запуске проектов с участием государства создается хозяйственный субъект, администрирующий в первую очередь

всю работу с внутренними заинтересованными сторонами. Вместе с тем, до начала реализации проекта, по нашему мнению, не на должном уровне проводится работа с внешними заинтересованными сторонами проекта. При подготовке экономического обоснования проектов (как выше приведенный пример с ЛРТ г. Нур-Султан) не просчитан мультипликативный эффект от проекта для города и какие выгоды получит население в целом от данного проекта. Заранее не были выявлены риски будущих затрат дотационного предприятия для бюджета города и государства в целом. В результате чего в настоящее время вокруг данного проекта в СМИ и обществе в целом создан общественный резонанс.

Раскрытие вопросов основных интересов внешних заинтересованных сторон позволит уменьшить риски для проектов, реализуемых государством в будущем.

Таблица 1 – Внешние заинтересованные стороны проекта

Наименование стейкхолдера	Основные интересы стейкхолдера
Внешние потребители	Удовлетворение потребностей
Местное сообщество	Сохранение окружающей среды Модернизация окружающего пространства
СМИ	Создание информационных потоков
Общество в целом	Улучшение текущего положения
Научное сообщество	Получение материалов для проведения исследований
Конкуренты	Рост доли и капитализации на рынке
Гражданское общество	Защита интересов граждан Развитие института гражданского общества
Органы государственной власти	Выполнение требований органов государственной власти Увеличение размера отчислений в бюджет Поддержка реализуемой стратегии развития
Примечание – составлено авторами на основе источника (Грабань, 2014: 36)	

В части научного сообщества основной интерес мог быть не только в получении материалов для проведения исследований, а также и в привлечении научных институтов к обсуждению еще до запуска проектов, реализуемых государством. На региональном уровне научные институты могли бы быть привлечены до начала реализации проекта ЛРТ г. Нур-Султан, в г. Алматы перед началом реализации проектов как БРТ по ул. Тимирязева, снижение скоростного режима по пр. Аль-Фараби, организация велополос вдоль городских улиц и многим другим проектам.

Для практического применения теории заинтересованных сторон существуют определенные инструменты, как модель Р. Митчелла, предназначенная для идентификации значимости заинтересованных сторон.

Определение заинтересованных сторон реализуется на основе модели Митчелла, способствующей идентификации значимости заинтересованных сторон. Эта модель предлагает использовать три атрибута для выявления заинтересованных сторон: законность (легитимность), власть, срочность требований.

Выделяют семь групп заинтересованных сторон на основе комбинации упомянутых трех факторов (рисунок 1).

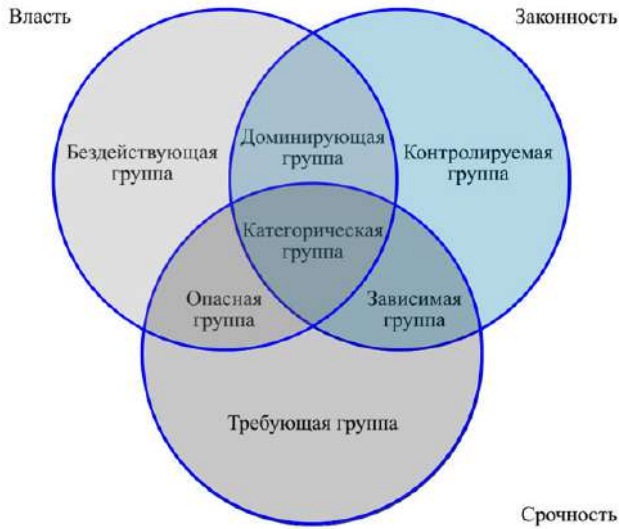

Рисунок 1 – Модель идентификации значимости заинтересованных сторон
Источник: Щербаченко, 2018: 156

Обладание атрибутами не носит постоянного характера: стороны могут приобретать или терять их с течением времени. Аналогично сознательное и намеренное их использование заинтересованной стороной может иметь или не иметь места.

В результате получается семь классов. Три из которых обладают одним атрибутом (латент-

ные), три – двумя (ожидающие) и только один – тремя (категорические). Этот анализ позволяет менеджерам справедливо относить субъекта внешнего окружения к группам влияния, а также определять позиции, с которых менеджеры причисляют те или иные заинтересованные стороны к значимым. Согласно этой модели субъекты, не обладающие властью, законностью или срочностью в отношениях с фирмой, не являются заинтересованными сторонами (Петров, 2004: 57).

Латентная группа заинтересованных сторон характеризуется одним фактором, ожидающая – двумя, категорическая – тремя. Латентная группа требует минимального внимания со стороны менеджмента компании и признания, что объясняется ограниченностью ресурсов и времени для управления взаимоотношениями с этими стейкхолдерами. В ожидающей группе выделяют опасную (срочность и власть), зависимую (легитимность и срочность) и доминирующую (власть и легитимность). Объединение двух атрибутов формирует активную позицию данной группы, что приводит к более серьезному отношению менеджеров к этим стейкхолдерам. Категорическая группа заинтересованных сторон, обладающая тремя предложенными свойствами – самая влиятельная, и требования данных стейкхолдеров менеджеры обязаны удовлетворять в первую очередь (Щербаченко, 2018: 156).

К числу моделей классификации заинтересованных сторон для государственных органов можно отнести исследование Сандры Бич, Керри Брауна и Робина Киста, проведенное на базе девяти государственных учреждений штата Квисленд Австралии.

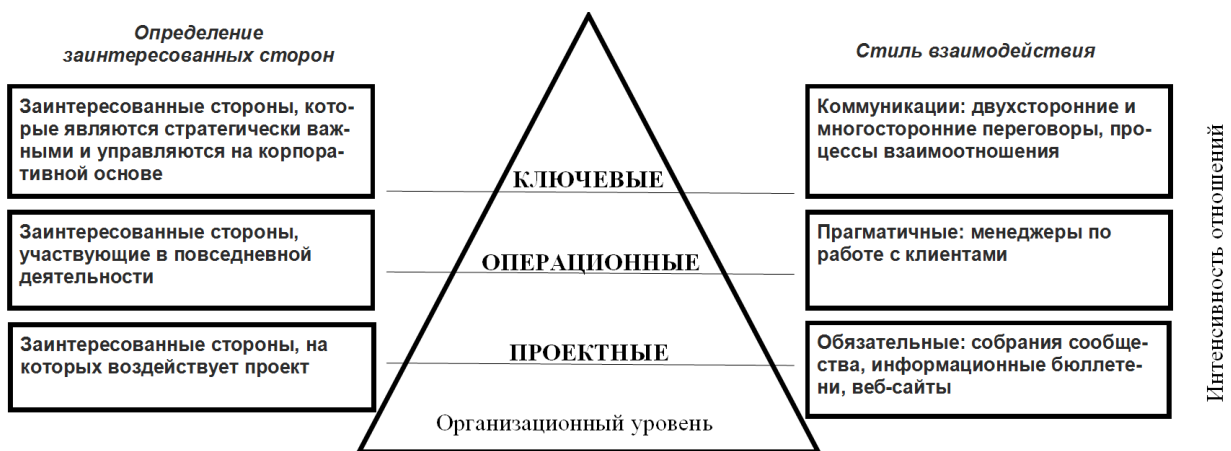

Рисунок 2 – Модель классификации заинтересованных сторон для государственных органов
Источник: Beach, 2009: 24

В рамках модели классификации заинтересованных сторон для государственных учреждений теоретически предполагается, что ключевые заинтересованные стороны будут обладать высоким уровнем легитимности и что взаимодействие с заинтересованными сторонами будет происходить посредством личных взаимодействий с вышестоящими руководителями с целью создания ценности как для организации, так и для заинтересованных сторон. Кроме того, предполагается, что взаимодействие с заинтересованными сторонами будет более прагматично сфокусировано и предпринято для достижения законности или продвижения организационных интересов. Наконец, предлагается, чтобы взаимодействие с заинтересованными сторонами проекта было разработано для достижения конкретных целей проекта, предусмотренных организацией (Beach, 2009: 23).

Заключение

Для модернизации экономического развития Казахстана требуются качественно новые преобразования, которые осуществляются посредством реализации проектов. При реализации государственными органами новых проектов как на государственном, так и на региональных уровнях проектное управление является опти-

мальным инструментом управления. Исследование и использование государственными органами моделей теории заинтересованных сторон и определенных инструментов представит дополнительные возможности для эффективного стратегического управления.

В целях разработки эффективной стратегии необходим механизм, защищающий общую массу заинтересованных сторон от чересчур активных действий остальных, которые могут привести к нежелательному перераспределению ресурсов, при отсутствии внешних рамок – законодательства или жесткой рыночной конкуренции – накладывающих ограничения на неправомерные или неэтичные действия наиболее активных стейкхолдеров. Необходимо составление перечня всех действующих факторов, оказывающих воздействие на проект, или тех, что могут оказать влияние на успех реализации проекта.

В государственных органах Казахстана начат процесс организации проектных офисов, что показывает формальный сдвиг в направлении внедрения проектного управления в данной сфере в будущем. Качественная составляющая в будущем будет только при понимании работы проектного управления непосредственно руководителями и вовлеченности государственных служащих в данный процесс.

Литература

- Beach S. Together Now: Stakeholders in Government Agencies / 13th International Research Society for Public Management Conference (IRSPM XIII). – Copenhagen Business School, Fredericksberg, Denmark. – 2009.
- Beach S. Governance networks and stakeholders: engaging through salience / 14th Annual Conference of the International Research Society for Public Management (IRSPMXIV). – University of Bern, Bern, Switzerland. – 2010.
- Freeman E.R. Stockholders and Stakeholders: A new Perspective on Corporate Governance // California Management Review. – 1983. – vol. 3.
- Mihaescu C. A Public Administration Based on Project Management // Administration and Public management. – 2013. – vol. 20, pp. 97-107.
- PMBOK GUIDE, Sixth Edition A Guide to the Project Management Body of Knowledge. – Project Management Institute. – 2017, p.756.
- Rogene B.A. Stakeholder Theory and Public Policy: How Government Matter // Journal of Business Ethics. – 2004. – vol. 51. – issue 2, pp. 143-153.
- Santos V. PMO as a key ingredient of public sector projects' success – position paper / International Conference on Project Management // Procedia Computer Science. – 2015. – vol. 64, pp. 1190-1199.
- Васильев А.И. Организация проектного управления в органах государственной власти // Государственное и муниципальное управление. – 2016. – №4, С. 44-51.
- Грабань В.В. Анализ заинтересованных сторон проекта: Методология, методика, инструменты. – 2014, <http://ars-administrandi.com/abstracts.php?id=299>
- Исмаилова Р.К. Как внедрить проектное управление в Казахстане. – 2019, <https://inbusiness.kz/ru/news/kak-vnedrit-proektное-upravlenie-v-kazahstane>
- Петров М.А. Теория заинтересованных сторон: пути практического применения // Вестник СПбГУ. Серия 8. – 2014. – №2, С. 51-68.

Полковников А.В. Управление государственными проектами в разных странах / Из доклада на конференции «Практика применения проектного управления в государственном секторе». – 2016, <https://pmpractice.ru/knowledgebase/publications/?id=3307&detail=Y>

Токаев К.К. Президент К. Токаев раскритиковал проект LRT в столице. – 2019, https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-raskritikoval-proekt-LRT-v-stolitse-373862/

Щербаченко П.С. Управление взаимодействием со стейкхолдерами в российских компаниях // Финансы и банковское дело. – 2018. – №5, С. 155-161.

Якимова М.Н. Возможности и ограничения проектного подхода в контексте реализации нового государственного менеджмента // *ArsAdministrandi*. – 2015. – №1, С. 16-27.

References

Beach S. (2009) Together Now: Stakeholders in Government Agencies. *13th International Research Society for Public Management Conference (IRSPM XIII)*, Copenhagen Business School, Fredericksberg, Denmark.

Beach S. (2010) Governance networks and stakeholders: engaging through salience. *14th Annual Conference of the International Research Society for Public Management (IRSPMXIV)*, University of Bern, Bern, Switzerland.

Freeman E.R. (1983) Stockholders and Stakeholders: A new Perspective on Corporate Governance. *California Management Review*, vol. 3.

Graban' V.V. (2014) Analiz zainteresovannykh storon proyekta: Metodologiya, metodika, instrument [Analysis of project stakeholders: Methodology, methodology, tools], <http://ars-administrandi.com/abstracts.php?id=299>

Ismailova R.K. (2019) Kak vnedit' proyektnoye upravleniye v Kazakhstane [How to implement project management in Kazakhstan], <https://inbusiness.kz/ru/news/kak-vnedrit-proektnoe-upravlenie-v-kazakhstane>

Mihaescu C. (2013) A Public Administration Based on Project Management. *Adiministration and Public management*, vol. 20, pp. 97-107.

Petrov M.A. (2014) Teoriya zainteresovannykh storon: puti prakticheskogo primeneniya [Stakeholder Theory: Practical Paths]. *Vestnik SPbGU. Seriya 8*, vol. 2, pp. 51-68.

PMBOK GUIDE (2017) Sixth Edition A Guide to the Project Management Body of Knowledge. Project Management Institute, p.756.

Polkovnikov A.V. (2016) Upravleniye gosudarstvennymi proyektami v raznykh stranakh [Management of public projects in different countries]. Iz doklada na konferentsii «Praktika primeneniya proyektного управления v gosudarstvennom sektore», <https://pmpractice.ru/knowledgebase/publications/?id=3307&detail=Y>

Rogene B.A. (2004) Stakeholder Theory and Public Policy: How Government Matter. *Journal of Business Ethics*, vol. 51, issue 2, pp. 143-153.

Santos V. (2015) PMO as a key ingredient of public sector projects' success – position paper. *International Conference on Project Management, Procedia Computer Science*, vol. 64, pp. 1190-1199.

Shcherbachenko P.S. (2018) Upravleniye vzaimodeystviyem so steykholderami v rossiyskikh kompaniyakh [Management of interaction with stakeholders in Russian companies]. *Finansy i bankovskoye delo*, vol. 5, pp. 155-161.

Tokayev K.K. (2019) Prezident K. Tokayev raskritikoval proyekt LRT v stolitse [President K. Tokaev criticized the LRT project in the capital], https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-raskritikoval-proekt-LRT-v-stolitse-373862/

Vasil'yev A.I. (2016) Organizatsiya proyektного управления v organakh gosudarstvennoy vlasti [Organization of project management in public authorities]. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye*, vol. 4, pp. 44-51.

Yakimova M.N. (2015) Vozmozhnosti i ogranicheniya proyektного podkhoda v kontekste realizatsii novogo gosudarstvennogo menedzhmenta [Possibilities and limitations of the project approach in the context of the implementation of the new state management]. *ArsAdministrandi*, vol. 1, pp. 16-27.

МАЗМҰНЫ – CONTENTS – СОДЕРЖАНИЕ

1-бөлім Экономика салаларында инновациялық орта мен цифрландыруды қалыптастыру	Section 1 Formation of an innovative environment and digitalization in economic sectors	Раздел 1 Формирование инновационной среды и цифровизации в секторах экономики
<i>Сансызбаева Г.Н., Калыбекова Д.Б.</i> Анализ и оценка экономических моделей использования и развития цифрового пространства на примере Евразийского экономического союза 4		
<i>Sitenko D.A., Yessengeldin B.S.</i> The estimation of efficiency of the university innovation activity: systems of indicators and bibliometric approach 14		
<i>Abylkassimova Zh.A., Alibayeva M.M., Orynbekova G.A., Akisheva D.M.</i> Conditions for forming an innovative environment of the agroindustrial complex of the East Kazakhstan region 25		
<i>Shash N.N., Pshembayeva D.</i> New paradigm of tourism industry modernization in the digital economy conditions 38		
<i>Талимова Л.А., Калкабаева Г.М.</i> Источники финансово-кредитного обеспечения инновационного сектора Казахстана 47		
2-бөлім Интеллектуалды әлеует және адам ресурстарын дамыту	Section 2 Intellectual potential and human resource development	Раздел 2 Интеллектуальный потенциал и развитие человеческих ресурсов
<i>Костякова Ю.В.</i> Согласованность действий группы компаний в сфере интеллектуальной собственности как фактор риска для экономики государства 62		
<i>Sagiyeva R.K., Zhuparova A.S.</i> Investing in the intellectual potential of society: the example of Kazakhstan 71		
<i>Кенжисин Ж.Б., Жумагазиева А.Г., Султанова З.Х.</i> Аймақтың бәсекеге қабілеттілігін арттыру үшін адами ресурстар саласындағы ұсынылған іс-әрекеттерді сараптамалық бағалау 83		
<i>Житамбайев С.К., Козхакметова А.К.</i> Problems of formation of the wages level in Kazakhstani labor market 92		
3-бөлім Қаржы, аудит және салықтар: дереккөздер, құралдар және әдістеме	Section 3 Finance, audit and taxes: sources, tools and methodology	Раздел 3 Финансы, аудит и налоги: источники, инструменты и методология
<i>Nawaz Ahmad, Salwa Sharif, Maria José Palma Lampreia Dos-Santos</i> The performance comparison of the open-ended fund and close-ended mutual fund in Pakistan 106		
<i>Тюрина Ю.Г.</i> Социально ориентированная региональная налоговая политика: теория и методология 116		
<i>Джаксыбекова А.К., Каптова Г.С.</i> Значение налогового аудита в Неспублике Разахстан и методология его проведения 139		
<i>Ермилова М.И.</i> Государственное регулирование рынка ипотеки как фактор организации финансирования жилищного рынка 148		
<i>Таранова И.В., Шаврина Ю.О.</i> Формирование управленческой информации для снижения рисков банкротства сельскохозяйственных организаций 160		

4-бөлім
Заманауи экономиканың
өзекті аспектілері

Section 4
Actual aspects
of the modern economy

Раздел 4
Актуальные аспекты
современной экономики

Дедкова Е.Г., Коростелкина И.А., Жидова О.П.

Актуальные аспекты обеспечения продовольственной безопасности..... 172

Колотаева Л.П., Айдарова А.Б.

Связь индустриализации экономики с изменениями в структуре валового регионального продукта 184

Кокеева С.Э., Адамбекова А.А.

Шағын аграрлық бизнестің капитал құрылымы мен оның детерминаттары..... 194

Kudebayeva A.

Do the chronically poor have more interrupted spells of poverty in transition economies? Evidence from Kazakhstan 206

Маженов А.С., Медени Т.

Роль теории заинтересованных сторон проектного менеджмента при повышении эффективности реализации государственных проектов 220